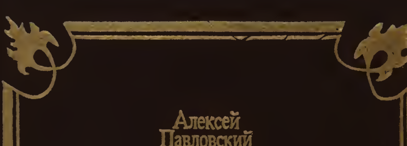
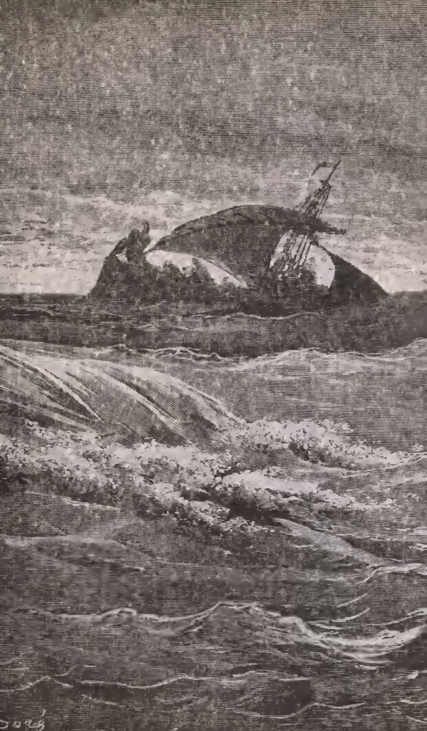


Алексей Павловский

НОЧЬ В ГЕФСИМАНСКОМ САДУ



Алексей
Павловский

НОЧЬ В ГЕФСИМАНСКОМ САДУ

Избранные
библейские истории

Лениздат · 1991

ББК 86.3
П12

В книге излагаются наиболее известные библейские истории, вошедшие в культурный фонд человечества и многократно использованные в мировой литературе и искусстве.

Автор — писатель, ученый — учел при изложении сюжетов новейшие исследования историков и библеистов.

Рассчитана на широкий круг читателей.

Редактор А. В. Коротян

Художник И. В. Зарубина

В художественном оформлении книги использованы гравюры Г. Доре

П $\frac{0403000000-015}{М171(03)-91}$ 14—91

ISBN 5-289-00862-4

Сыну Алексею

К ЧИТАТЕЛЯМ БИБЛЕЙСКИХ ИСТОРИЙ

С грустью иногда смотришь, как посетители музеев равнодушно или недоуменно проходят мимо замечательных полотен великих художников Возрождения, не зная и не понимая, какие именно библейские сюжеты изображены на картинах Леонардо да Винчи или Тициана. Во многом невнятны или полупонятны для многих читателей и замечательные творения художников слова — Данте, Тассо, Мильтона, Гете, Байрона... А сколько библейских сюжетов и ассоциаций, мотивов и отзвучий можно встретить (и не понять!) в творчестве русских писателей, начиная от литературы Древней Руси, а затем от Ломоносова, Державина, Лермонтова и Пушкина до Маяковского, Волошина, Гумилева, Есенина, Цветаевой, Ахматовой и Булгакова...

В культурном сознании наших современников образовался пробел. «Самая читающая страна в мире» оказалась лишенной важнейшего памятника человеческой культуры и словесного творчества.

Библию у нас знают очень плохо. Она долго не издавалась и почти вышла из обихода. А ведь когда-то она была домашним, семейным чтением.

С великой и древнейшей книгой человечества (само слово «библия» означает «книга») поступили точно так же, как и со многими замечательными храмами, то закрытыми, то разрушенными, то занятыми под служебные помещения и разные подсобные склады.

Библия была не только закрыта (поскольку не издавалась), но и, подобно храмам, разрушена — с помощью грубых и неумных истолкований. Но, что хуже всего, она была превращена в своего рода подсобный

склад, откуда при надобности можно было вытаскивать различные цитаты для текущих нужд «антирелигиозной» пропаганды. Именно это и позволило не только изъять из духовного обихода Библию, но и сжечь, подобно варварам, целые монастырские библиотеки.

Между тем в Библии помимо разнообразных сведений из истории народов Ближнего Востока, неожиданно и все чаще подтверждающихся историческими и археологическими разысканиями, заключен богатейший коллективный опыт социальной, культурной и эмоциональной жизни людей с незапамятных времен. Достаточно сказать, что наиболее древние части этого уникального творения, рассказывающие о покрытых непроницаемым туманом событиях, происходивших три-четыре тысячелетия тому назад, создавались примерно в XII веке до н. э. Вся же Библия — как некое целое — складывалась постепенно, вплоть до первых веков уже нашего летосчисления. По ней можно проследить, словно по вековым кольцам могучего дерева, важнейшие хронологические пласты с вкрапленными в них вполне достоверными или искаженными временем и переписчиками фактами и событиями.

Поскольку Библия складывалась на протяжении веков из самого разнообразного словесного и «идеологического» материала, она нелегка для чтения. В ней широко использован фольклор разных народов, в особенности многочисленные сказания, мифы и легенды, бытовавшие в незапамятной — шумерской и ассиро-вавилонской — древности. Эти фольклорные пласты давно уже исчезли из живой человеческой памяти, но, сохранившись в Библии, нередко затрудняют современному читателю ее восприятие. Да и само разнообразие сюжетов, идей, размышлений и проповедей, песен, плачей и пророчеств делает ее достаточно неоднородной, а местами даже противоречивой. Известная суровость и жестокость Ветхого завета, с его беспощадным богом Яхве и тираническим Моисеем, заметно контрастирует со второй, евангелической частью Библии, Новым заветом, где в центре — милосердный Христос. Есть противоречия между отдельными положениями Библии, ее требованиями и, как ни странно, некоторыми установлениями христианской церкви, поскольку она, как известно, на протяжении веков была в подчинении у государства, а значит, оказывалась вынужденной защищать «кесарево», а не «богово». Этим обсто-

ятельством, кстати, и объясняются странные, лишь на первый взгляд, запреты, которые порою налагались самой церковью на свободное чтение Библии. Ведь буквальное проведение в жизнь евангельских заветов почти всегда подрывало устои государственной и церковной власти. В «коммунистических» идеалах Христа видели нечто... революционное. Кроме того, в Библии есть сюжеты (в Ветхом завете), исполненные жестокости и кровавого натурализма, а также... эротики,— их также старались убрать от глаз читателей из простого народа, не говоря уже о детях. Все это надо помнить, когда мы имеем в виду Библию; к чтению библейских текстов следует относиться осознанно и серьезно. Библия представляет собою сложное — многосоставное и разнообразное по содержанию — произведение, требующее вдумчивой работы мысли.

Самое важное для нас сегодня в Библии — это содержащийся в ней богатейший нравственный опыт человечества, складывавшийся веками и тысячелетиями. Здесь много поучительного, необходимого и вполне приемлемого для нас. Разве знаменитые заповеди, данные Моисеем, а затем Христом, с их сердцевинным требованием «не убий!», не актуальны сегодня в еще большей степени, чем прежде, поскольку речь сейчас идет об опасности гибели всего человечества, о необходимости предотвращения тотальной атомной и экологической катастрофы? То, что библейские пророки называли «концом света», в наши дни, увы, может действительно им стать, если не объединить усилия народов в борьбе за мир и человечность.

Нас не должно смущать, что многое в библейских рассказах является или кажется неправдоподобным. Ведь не отворачиваемся же мы от греческих мифов оттого, что они походят на сказку. И разве не была найдена Троя, которую считали вымыслом автора «Илиады» и «Одиссеи»? Так и с Библией. Читатель книги «Ночь в Гефсиманском саду» увидит, что многие города, которые посещали в странствиях великие патриархи Авраам, Иаков или Исаак, так же, как и места, через которые проходил вместе со своим народом Моисей, когда он вышел из Египта, чтобы найти страну обетованную, тоже исторически достоверны.

Еще несколько слов о том, как соотносится предлагаемая читателю книга с Библией. Подзаголовок «Избран-

ные библейские истории» уже говорит о том, что, конечно же, не обо всех событиях, изложенных в Библии, идет речь; это, по-видимому, и невозможно. Но я старался, во всяком случае, выдержать библейскую хронологию и, идя за Библией, останавливаться на наиболее важных историях и событиях, рассказанных на ее страницах. Возможно, читатели, знающие прекрасную книгу польского писателя Зенона Косидовского «Библейские сказания», заметят, что я излагаю библейские истории более пространно. Там, где у З. Косидовского страничка, у меня их несколько. Это объясняется желанием дать наиболее вероятную и развернутую психологическую мотивировку описываемых событий, привлечь больше бытовых и исторических деталей и т. д. Кроме того, главной моей задачей было выявить и показать нравственный опыт, содержащийся в библейских историях, его непреходящее, пережившее различные классовые структуры общечеловеческое содержание.

И наконец, еще одна, тоже очень важная цель есть у этой книги — заинтересовать читателя самой Библией. Поэтому в ней не только подробно рассказываются библейские истории, но и обильно цитируется библейский текст. Наверно, читатели, впервые прочитавшие эти отрывки, поразятся могучей выразительности библейского слова, его своеобразной поэзии и захотят самостоятельно познакомиться с Ветхим и Новым заветами, составляющими Библию. Теперь в этом нет ничего зазорного.

Вспомним, кстати, как высоко ценил Библию Пушкин. Рекомендуя сыну своего друга П. Вяземского пристально и постоянно читать книги Священного писания, он называл их «ключом живой воды».

«Я думаю,— рассуждал он,— что мы никогда не дадим народу ничего лучше Писания... Библия всемирна; книга Иова содержит всю жизнь человеческую... Мои дети будут вместе со мною читать Библию в подлиннике». М. Глинка вспоминал, что не раз заставал Пушкина с Евангелием в руках. «Вот единственная книга в мире,— сказал он композитору,— в ней все есть».

Л. Толстой о Библии сказал так: «Мне кажется, что книга детства рода человеческого всегда будет лучшею книгой детства всякого человека. Заменить эту книгу мне кажется невозможным... Для того, чтобы открыть ученику новый мир и без знания заставить его полюбить знание, нет книги, кроме Библии. Я говорю —

даже для тех, которые не смотрят на Библию как на откровение. Нет, по крайней мере я не знаю, произведения, которое бы соединяло в себе в столь сжатой поэтической форме все те стороны человеческой мысли, какие соединяет в себе Библия. Все вопросы из явлений природы объяснены этою книгою, все первоначальные отношения людей между собой, семьи, государства, религии в первый раз осознаются в этой книге. Обобщение мыслей, мудрость в детски простой форме в первый раз захватывают своим обаянием ум ученика. Лиризм псалмов Давида действует не только на умы взрослых учеников, но, сверх того, каждый из этой книги в первый раз узнает всю прелесть эпосов в неподражаемой простоте и силе. Кто не плакал над историей Иосифа и встречей его с братьями, кто с замиранием сердца не рассказывал историю связанного и остриженного Самсона, который сам гибнет, казня врагов, под развалинами разрушенного дворца, и еще сотни других впечатлений, которыми мы воспитаны, как молоком матери?.. Пускай те, которые отрицают воспитательное значение Библии, которые говорят, что Библия отжила,— пускай они выдумают такую книгу, такие рассказы, объясняющие явления природы, или из общей истории, или из воображения, которые бы воспринимались так же, как библейские, и тогда мы согласимся, что Библия отжила...»

Чрезвычайно высоко ценили этот замечательный литературный памятник все великие умы человечества.

Глубоко воспринимал народную мудрость и поэзию, разлитые на библейских страницах, М. Горький. Он называл Библию «одной из величайших книг, созданных человечеством» [1]. *В библиотеке писателя хранится несколько экземпляров этой книги, в разных изданиях, с многочисленными пометами, замечаниями, ремарками и подчеркиваниями, свидетельствующими о внимательном чтении им ветхозаветных и евангельских текстов. К ней он обращался постоянно. В его произведениях можно найти множество библейских образов, мотивов и ассоциаций. «Библию надо знать»*[2]*,— настаивал М. Горький. Это было его убеждение.*

---

[1] *Горький М.* Несобранные литературно-критические статьи. М., 1940. С. 297.

[2] *Горький М.* Собр. соч. В 30-ти т. М., 1951. Т. 25. С. 35.

Действительно, Библию надо знать. К сожалению, много времени упущено и выросли поколения, совершенно лишенные столь необходимого знания.

Как сказал Л. Толстой, заменить Библию какой-либо другой книгой невозможно. Так и книга, лежащая сейчас перед вами, ни в коей мере не может подменить знания подлинной Библии, но, может быть, она у кого-то из читателей вызовет неожиданное желание раскрыть немеркнущие библейские страницы, чтобы погрузиться в мир неизвестный, мудрый и прекрасный.

Пусть «Ночь в Гефсиманском саду» станет первой ступенькой на легендарной «лестнице Иакова», по которой, как будет рассказано в одной из историй, патриарх-поэт тоже не раз поднимался в мир таинственный и притягательный — мир вдохновений, пророчеств, надежд и великой веры в высокое призвание человека.

ИСТОРИИ
ИЗ
ВЕТХОГО
ЗАВЕТА

СОТВОРЕНИЕ МИРА

Человечество всегда стремилось вспомнить свое начало. Оно в этом смысле поступало точно так же, как и каждый отдельный человек: ведь всем интересно знать, что́ именно было до его рождения и когда появился первый проблеск сознания. Особенно поражают воспоминания великих людей о своем младенчестве. Лев Толстой, например, говорил, что «первым и самым сильным впечатлением... о жизни» было у него стремление «выпростать руки» из пеленок.

Подобно тому, как различны воспоминания о начале жизни у разных людей, так же несхожи они и у различных народов, в особенности у тех, что были когда-то страшно удалены друг от друга по изначальным регионам своего обитания. Отсюда — разница в мифах, которые, как известно, есть не что иное, как именно воспоминания о прошлом, погруженном в непроглядный и таинственный мрак. Из этого пугающего мрака, из таинственной зыбкой темноты выирисовываются подталкиваемые смутной прапамятью и воображением странные фантастические фигуры; их сочетания, сцепления и хороводы постепенно образуют некие события, складывающиеся в сюжеты. И конечно, совершенно по-своему, оглядываясь, главным образом, на предания предков, на обычаи и многовековые привычки и в соответствии с обликом родной земли и климата, вспоминают народы свое младенчество — как они «выпрастывали руки», учились ходить и разговаривать. Они постепенно научились «записывать»

свои воспоминания сначала в мифах, сказках и преданиях, а затем в грандиозных священных книгах вроде Библии или Махабхараты.

Воспоминания, записанные в Библии, вышли из того ареала, который приблизительно можно очертить районом Месопотамии в северной ее части.

Но есть «воспоминания», записанные в мифах, легендах и сказаниях у народов и племен, населяющих острова и архипелаги Тихого океана, у племен, живших на территории Южной Америки, у китайцев, японцев, у народностей Индии, Средней Азии, у эскимосов, североамериканских индейцев, киргизов, бурят, нивхов...

Нивхский миф о сотворении мира использовал, как мы все помним, Чингиз Айтматов в повести «Пегий пес, бегущий краем моря».

Вообще память человечества о начальных днях мира оплодотворила многие и многие произведения мирового искусства и литературы — от грандиозных мифов и гениальных фресок Микеланджело, украшающих плафон Сикстинской капеллы, до супрематистских полотен, являющих глазу клубящийся спиралевидный хаос; от псалмов царя Давида, поющих хвалу Творцу и Небодержцу, до «Сотворения мира» Гайдна и трагической музыкальной фрески «XX век» нашего современника Б. Тищенко, соединившего в клокотании органа хрупкую мелодию начала жизни со скрежетом апокалипсического конца.

Надо сказать, что в «мемуарных» свидетельствах разных народов о своем начале поражает не столько вполне понятная разница мифов, преданий и легенд, сколько удивительное, прямо-таки ошарашивающее сходство всех этих рассказов в своих каких-то самых главных — первоначальных, определяющих и фундаментальных — чертах [1]. И Земля и Человек во множестве мифов и религий возникали, если выражаться сегодняшним языком, по некоей достаточно общей и, так сказать, «типовой» модели. Тихоокеанский островитянин или древние ацтеки сохранили в своей памяти почти ту же в принципе версию создания Вселенной, что и переписчики библейских книг.

Такое сходство действительно не может не поражать. Более того, оно прямо-таки потрясает и душу и сознание.

---

[1] Об этом можно подробно прочитать в книге Джеймса Джорджа Фрэзера «Фольклор в Ветхом завете» (М., 1985).

Вначале сотворил Бог небо и землю...

Возникает догадка, кажущаяся лишь на первый взгляд парадоксальной: ведь если столько свидетелей-народов записали в своей памяти в общем-то (отвлечемся от деталей) почти одно и то же, то нет ли в этих свидетельствах, пришедших из разных времен и разных частей света, крупицы реальности?

И надо сказать, что современный человек — исследователь, художник, историк, ученый-библеист — не сбрасывает со счетов столь драгоценной крупицы. Свидетельства, если они совпадают, должны учитываться; во всяком случае, приниматься во внимание. Конечно, миф есть миф, но и в мифологической структуре может содержаться информация, которой нельзя пренебрегать. Надо, кроме того, понимать, что миф — это поэзия, а поэзии свойственны свой язык, свой код, свои символы, своя, наконец, шифровка.

Не случайно Эразм Роттердамский, автор не только знаменитой «Похвалы глупости», но и многих трудов по богословию и библеистике, предлагал относиться к Библии как к произведению поэтическому — священному, но поэтическому. Он считал, что воспринимать и толковать библейские сюжеты буквально было бы наивно и плоско. В библейских рассказах, доказывал он своему всегдашнему оппоненту Лютеру, есть «плоть» и «дух». К «плоти» он относил конкретную сюжетность и всяческую приземленность, которыми можно, по его мнению, почти пренебречь, потому что главное в историях Ветхого (а отчасти и Нового) завета не конкретность, а «дух», то есть, по его разъяснению, аллегория. В Библии, доказывал он, «иные вещи просто нелепы на вид и, на поверхностный взгляд, вредят нравам, например: коварство Давида, который убийством отплатил за прелюбодеяние, непомерная любовь Самсона, тайное сожительство Лота с дочерьми и тысяча подобного рода вещей...». Следует, настаивал он, видеть во всем этом аллегорию. «Если же ты, не обращая внимания на аллегорию, прочтешь, что дети спорили друг с другом в утробе матери, что право первородства продано за похлебку, что благословение отца вырвано хитростью, что Давид убил Голиафа пращой, что были срезаны волосы Самсона,— разве в этом больше толку, чем если бы ты читал поэтический вымысел?..» [1]

[1] *Эразм Роттердамский.* Философские произведения. М., 1987. С. 144, 145.

Возможно, пылкий Эразм впал здесь в крайность, но самая мысль его о том, что нельзя пренебрегать аллегорией, заслуживает внимания. Ведь, в конце концов, то обстоятельство, что многие библейские истории и персонажи приобрели общечеловеческий смысл, говорит о том, что они — по художественной природе своей — символичны. Правда, Эразм в соответствии с тогдашней эстетикой выводит аллегорию из сферы поэтического, но в этом отношении мы можем пренебречь столь тонкой и исторически изменчивой дефиницией, чтобы согласиться с ним в главном: да, не все надо понимать буквально.

...Однако вернемся к крупице истины, содержащейся в библейском рассказе о сотворении мира.

Здесь мне хочется вспомнить еще одного своеобразного исследователя Библии, видящего в легенде о сотворении мира даже не одну крупицу, а целую россыпь зерен, из которых, если их тщательно просеять и перемолоть, можно успешно испечь хлеб истины. Это знаменитый американский писатель Айзек Азимов, хорошо известный всем читателям фантастической литературы и научно-популярных книг. Он в результате многолетних исследований написал книгу «В начале», посвященную библейскому рассказу о сотворении мира. Она вышла в 1981 году и переведена с тех пор на множество языков. Строку за строкой читает он Библию, в особенности ее первые одиннадцать глав, и приходит к выводу, что изображенное там начало Земли и Вселенной не так уж фантастично. «Самая первая фраза Библии («В начале Бог сотворил небо и землю»),— пишет Айзек Азимов,— утверждает, что у всего сущего когда-то было начало.

Почему бы и нет? — спрашивает он риторически.— Все известные нам объекты имели свое начало. И вы, и я когда-то родились, а до этого мы не существовали, по крайней мере в том виде, как сейчас. Повседневные наблюдения подтверждают справедливость этого в отношении всех прочих человеческих особей, и всех растений, и животных... Да и с научной точки зрения начало имело место — не только у Земли, но и у всей Вселенной...» [1]

Конечно, писатель не ограничивается первой фразой Библии, рассказывающей о сотворении мира; самое интересное, что и во всех последующих фразах, где идет речь, например, о том, что вначале земля была «безвидна» и

[1] *Азимов Айзек.* В начале //Наука и религия. 1987. № 7. С. 24.

как бы смешана вместе с небом, и тогда, когда рассказывается, что вода и суша отделились друг от друга, и даже тогда, когда в Библин говорится о поочередном сотвореннн растений, животных и человека,— во всех этих случаях исследователь не находит ничего, с чем можно было бы спорить, так сказать, по существу процессов. Другое дело, что, с точки зрения сегодняшней науки, иногда последовательность в чередовании фазисов творения могла быть другой. Все упирается в объяснение самого начала. Бнблия утверждает, что начало всему положнл Бог, он н сам по себе есть начало. Наука, отвергая божественный первотолчок, говорит о проявлении естественных законов, возможно совершенно одинаковых для всей Вселенной. Астроном Е. Шкловский говорнт о гигантском взрыве — первовзрыве, положившем начало туманным раскаленным образованиям, из которых и склубилась в конце концов наша Солнечная система, а в ее недрах — Земля. Но что касается Вселенной, то, вопреки только что приведенным суждениям А. Азимова, ученые считают, что Вселенная не имеет ни начала, ни конца.

Что касается Библии, то она, как известно, не только утверждает самый факт начала — сотворения мира, но и рассказывает по порядку, в какой именно последовательностн это грандиозное событие, растянувшееся на шесть дней, происходнло. По Библни, не имеет ни начала, ни конца Бог, что же до Земли и окружающих ее светил, а также всего, что на Земле растет и живет, летает или плавает, то все это имело свое начало.

Библия в своем рассказе основывается на приоритете веры, поэтому ее суждения совершенно категоричны и безапелляцнонны. Наука, отвергая божественный первотолчок, оперирует теми данными, которыми она сегодня располагает, и потому, что касается начала жизни и возннкновення Вселенной, а также Земли, предпочитает высказываться предположительно, что, кстати, совершенно обязательно для ученого до тех пор, пока он не соберет всех необходнмых сведений и данных.

Сотворение мира, по Библии, поражает не только грандиозностью «сведеннй», но поистине первобытной, какой-то космической мощью, вызывающей у читателя, тем более верующего, озноб страха и восхищения, то есть ту особую смесь чувств, какие обычно вызывает знакомство с подлинно гениальным поэтическим произведением.

Возникает при чтении этих начальных библейских страниц и еще одно странное, но совершенно неотвязное и определенное ощущение: его можно было бы выразить — как ни неуместно здесь это выражение — словом... «достоверность».

Дело, наверное в том, что Библия, будучи глубоко поэтическим созданием, рассказывает о сотворении мира чуть ли не языком... документа и тем самым добивается огромной силы почти гипнотического внушения и убеждения.

Обратите внимание, что, сообщая о днях творения, она прямо-таки информативна и исключительно лапидарна: какой-то телеграфный стиль, чуть ли не морзянка из глубины пратысячелетий, когда немногими самыми необходимыми словами сообщается лишь наиболее существенное и, конечно, без подробностей и даже без эмоций.

«В начале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною...»

И в самом деле, какие могли быть «подробности», если земля, как сказано, была безвидна и пуста?

Сообщается также, что небо и земля были совершенно бесформенны, они были небом и землей, так сказать, условно, ибо царил в буквальном смысле слова хаос.

Странное дело, то ли завораживает библейский стиль, где вскоре чувствуешь не «телеграфность», а высокую лаконичность своеобразной «космической поэзии», то ли причина в гипнотической непререкаемости интонации, но вскоре ловишь себя на мысли, что тебе сообщают совершенно достоверные сведения. А как могло быть иначе, даже по современным космогоническим теориям? Конечно же, безвидность, хаос, земля и небо перемешаны — будущее и Земли и Вселенной возникает в пустом черном космосе, еще не освещенном светилами и не согретом живительным солнцем.

Вся эта трудно представимая человеческому воображению космическая диффузия, о которой так лаконично говорится в Библии, оказывается, пока лишь предшествовала дням творения.

Первый день творения состоял в том, что Бог одним лишь всемогущим словом «Да будет свет!» отделил свет от тьмы и назвал свет — днем, а тьму — ночью. «И был вечер, и было утро: день один», то есть день первый.

В подлинной поэзии, тем более такой лаконичной, как библейская, важно каждое выражение. Первый день тво-

рения важен не только тем, что свет отделился от тьмы, но и особой, всемогущей, творящей и творческой ролью Слова. Ведь свет и тьма сделались отдельными, самостоятельными лишь тогда, когда они были названы.

Вот почему сказано: «В начале было Слово».

Можно сказать, что это основополагающее, аксиоматическое положение Библии.

И по правде говоря, если отвлечься от догматического богословия и не менее догматического атеизма, сколько здесь простора для живого поэтического воображения!

Недаром поэты всех времен так высоко ценили эту библейскую строку, поставившую Слово превыше всего.

В стихотворении «Слово» Николай Гумилев писал:

В оный день, когда над миром новым
Бог склонял лицо свое, тогда
Солнце останавливали словом,
Словом разрушали города.

И орел не взмахивал крылами,
Звезды жались в ужасе к луне,
Если, точно розовое пламя,
Слово проплывало в вышине.

. . . .

Но забыли мы, что осиянно
Только слово средь земных тревог
И в Евангелии от Иоанна
Сказано, что слово это Бог...

Даже трудно себе представить, какую огромную, ни с чем не сравнимую роль сыграла эта библейская мысль о могуществе слова для развития словесного искусства. Отныне и надолго — в руках ли писца или в устах оратора — слово признавалось священным. К нему следовало относиться с трепетом — ведь, по убеждению древних и более поздних писателей, слово — божественный дар небес.

Не об этом ли и у Пушкина:

Когда божественный глагол
До слуха чуткого коснется...

Однако вернемся к «дням творения».

Отделив в первый же день свет от тьмы, Бог на следующее утро создал твердь.

Твердью в этот второй день творения называлась не земля, как можно было бы подумать, а небо — небесная твердь со всеми теми бесчисленными мирами, какие и се-

годня мы видим на нашем небе, какие и сегодня радуют наш взор. Правда, во второй день творения звезды еще не светились, они были созданы, но не зажжены.

Слово «твердь» по отношению к небу, кажущееся нам странным, для древних людей не было, однако, ни странным, ни непонятным: ведь именно там возник небесный град (небесный Иерусалим), там находился престол самого Бога, туда, к вратам небесного блаженства, встречаемые Петром, отпирающим ворота, направлялись души умерших.

На третий день Бог сказал: *«Да соберется вода, которая под небом, в одно место, и да явится суша!»*

Вода, которой было покрыто, как оказывается, все пространство, образовала моря, а на обнажившейся суше начала произрастать всякая зелень — трава и злаки.

Надо не без интереса отметить, что это не расходится с данными современной науки об образовании земли. Некоторая разница есть, но она, как говорится, в деталях.

Любопытно отметить, что мир, первоначально весь покрытый водою, в дальнейшем, когда стали говорить о «конце света», представал в таких прогнозах опять-таки покрытым водою.

Вспомним Ф. Тютчева:

Когда пробьет последний час природы,
Состав частей разрушится земных:
Все зримое опять покроют воды
И божий лик изобразится в них!

(«Последний катаклизм»)

В четвертый день Бог сказал: *«Да будут светила на тверди небесной, для отделения дня от ночи, и для знамений и времен, и дней и годов; и да будут они светильниками на тверди небесной, чтобы светить на землю. И стало так». (Быт. 1: 14, 15).*

Он создал также солнце и луну, чтобы они также светили на землю. *«И увидел Бог, что это хорошо».*

Здесь у читателей может возникнуть вопрос, если они вспомнят, что уже в первый день творения были произнесены слова: «Да будет свет!»

По этому поводу бывали споры и среди богословов. В конце концов все сошлись на том, что в первый день творения существовал как бы некий рассеянный свет, что, по мнению уже упоминавшегося Айзека Азимова, подробно разобравшего эту гипотезу, в общем не проти-

воречит данным науки, полагающей, что так называемый Большой взрыв предшествовал, разумеется, появлению «упорядоченного» звездного неба.

Но дело, конечно, не в том, соответствуют ли иногда библейские утверждения рабочим гипотезам науки, иногда тоже не бесспорным и меняющимся с каждыми новыми исследованиями,— не забудем, что мы читаем сейчас Библию по преимуществу как произведение поэтическое.

Рассеянный свет, появившийся по божьему слову в первый день творения, на четвертый день собрался, сгустился, или, выражаясь современным языком, сфокусировался в светила, образовавшие на небе знакомый нам всем узор. В Библии сказано, что узор этот не только прекрасен, но и имеет смысл: он дает возможность измерять время и угадывать направление в пространстве и в судьбе.

В пятый день Бог создал пресмыкающихся, животных и «всякую птицу пернатую». Он их благословил и сказал: *«...плодитесь и размножайтесь, и наполняйте воды в морях, и птицы да размножаются на земле» (Быт. 1: 22).*

И наконец, в шестой день был создан человек. Об этом, с присущей Библии торжественностью, сказано так: *«И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему, по подобию Нашему; и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над скотом, и над всею землею...» (Быт. 1: 26).*

Человек был создан из праха, из земли. Он был комочком красной глины, пока Бог не оживил его своим дыханием, вдунув в мертвый прах бессмертную живую душу.

А седьмой день стал днем отдохновения.

Надо, наверно, еще добавить, что шесть дней творения, как и многое другое в Библии, не следует (по мудрому совету Эразма) понимать буквально. Библейские время и пространство далеко не всегда совпадают с нашими обыденными представлениями, сложившимися тогда, когда уже были изобретены календарь, часы, то есть когда в сознании человека появилось само понятие времени. Поэтому было бы, конечно, верхом наивности предполагать, что дни творения вершились по нашим суткам с их двадцатью четырьмя часами и по нашему солнечному или лунному календарю. Шесть дней — поэтическая условность, гигантская, великолепная и поистине божественная метафора, взывающая не к повседневным, бытовым

знаниям, а к вере и поэтическому чувству, она рассчитана на потрясение — религиозное, поэтическое или просто безотчетно-эмоциональное.

Великое творение мира свершилось тогда, когда не было не только мира, но и самого времени. В Апокалипсисе сказано, что когда-то времени не было и — грозно пророчествует эта книга! — когда-нибудь, в конце света, его опять не станет...

Мысль о том, как не бывает времени (а это, может быть, самое страшное и мучительное, что может себе представить человеческое воображение), прошла через всю мировую литературу. В русской классике она с особой силой возродилась у Ф. Достоевского.

Первоначально Бог создал человека бессмертным, но, как мы увидим, драматические события, развернувшиеся в дальнейшем, лишили человека, по его же собственной вине, блаженного дара. Правда, душа человеческая так и осталась бессмертной, но, как пояснил много позднее апостол Павел, не у всех и не всегда, но это, впрочем, почти целиком стало зависеть от самого человека.

Однако здесь начинается уже следующая страница Ветхого завета.

АДАМ И ЕВА

Как уже было сказано, Бог сотворил человека из праха, из красной глины, вдунул в него душу и придал ему собственные черты. Он дал ему и имя — Адам, что дословно означает «человек».

Страницы, где описывается жизнь Адама в раю, пожалуй, одни из самых пленительных во всей мировой литературе.

В главе, где описывается райский сад, фразы словно источают легкую и нежную мелодию; все тихо, солнечно, земля уютна; деревья, цветы и злаки ласкают взор своего единственного властелина и тянутся к нему в руки. Посреди сада, разделяя его, плавно текла большая река — она питала растения влагой, от нее же исходил легкий пар, украшавший вечно голубое безмятежное небо тонкими облаками, еще не знавшими ни гроз, ни молний. В середине, отделенное от других деревьев цветущей лужайкой, стояло, возвышаясь над ними, дерево жизни, а неподалеку раскинуло широкую крону, усеянную золотистыми и румяными плодами, древо познания. Плавно огибая это священное место, река катила свои прозрачные воды куда-то далеко за пределы сада. Адам никогда не задумывался о том, куда течет столь хорошо знакомая ему река, исчезая из глаз за деревьями и кустарниками. У него не было желания узнать что-либо помимо того, что его окружало. Он даже не знал, что был счастлив.

Однако, как ни странно, первый человек, олицетворяющий в наших глазах счастливое неведение, хотя и был безмятежен, но не был бездеятелен.

Как знать, может быть, человечество, припоминая в Библии свое далекое детство, просто было не в состоянии вообразить себя бездеятельным. Тысячелетия тяжкого и непрестанного труда могли и в самом деле уничтожить в его прапамяти столь несвойственное ему состояние. Так или иначе, но Библия, которую один из поэтов назвал записной книжкой Бога, тщательно отметила, что Адам трудолюбиво и радостно возделывал свой чудесный сад, ухаживал за ним, но труды его были легки и не приносили усталости. Была у него и другая важная цель, данная Богом: Адам должен был дать имена всему, что он видит — травам, деревьям, плодам, самой реке, а также всем прочим тварям: птицам, рыбам и пресмыкающимся. Гуляя по саду и давая имена, Адам увидел, что река, при своем выходе из рая, разделялась на четыре других, которые, как впоследствии оказалось, были четырьмя главными реками мира. Одну из них он назвал Фисон,- она выходила в землю, наименованную в дальнейшем Хавила,— эта благодатная земля, похожая на рай, была тогда еще не населена, и за купами райских дерев Адам не различал ее очертаний; впоследствии люди, потомки Адама, нашли там золото, благовонную смолу, драгоценные камни, страна стала богатой и многолюдной. Вторую реку он

Сотворение Евы.

назвал Гихон; вытекая из райского сада, она несла свои прозрачные священные воды, а вместе с нею рыб и многих тварей в страну Куш, сделавшись там главной рекой, поскольку омывала все ее границы. Третья названа Хиддекель — потом она стала известной под именем Тигр. Эта река, которой предстояло сыграть особую роль в истории человечества, текла к Ассирии, но круто изгибалась несколько восточнее этой легендарной и не менее знаменитой в истории страны. Четвертой же рекой был Евфрат.

Выйдя из рая, все эти реки на многие тысячелетия как бы сохранили на себе благословение тех мест, где получили имена от первого человека. Ореол божественности и до сих пор в глазах верующих незримо стоит над их водами. Даже современный пейзаж, давно утративший последние приметы райского происхождения, не способен уничтожить очарование, исходящее уже не столько от самих вод, сколько от имен, продолжающих звучать по-особому, с поистине библейской торжественностью.

Вернемся, однако, к Адаму. Итак, он давал имена всему, что он видел. Мы уже знаем, что, по библейским представлениям, дать имя означало то же самое, что вызвать названный предмет к существованию. Бог поселил Адама в раю, где уже были и травы, и деревья, и птицы. И все же Адам (не забудем, что он был создан по образу Бога), дав имена всему видимому и слышимому, как бы окончательно утвердил мир в его существовании.

Итак, райский сад был возделан и ухожен трудами рук Адама. Он сделал даже большее — поименно назвал все сущее.

Бог разрешил ему все — растить деревья и травы, вкушать плоды, любоваться неизъяснимой красотой райского мира. Ему дано было великое счастье видеть однажды наяву то, о чем народы всей земли будут лишь грезить в своих смутно-прекрасных мифах, легендах и сказках.

Но был для Адама, как мы знаем, и запрет: он не должен был вкушать плодов с древа познания добра и зла.

Запрет этот, судя по Библии, нимало не тяготил Адама: у него не было ни малейшего желания отведать запретных плодов, хотя и этому плоду, как и всему прочему, он тоже дал имя — яблоко.

Не зная добра и зла, пребывая в блаженном неведении, Адам, естественно, и не стремился узнать природу ни того, ни другого. Ни злу, ни добру он не мог дать даже имени, и потому они для него не существовали. То был мир без соблазна.

Далее Библия поясняет, что Бог, видя труды Адама, решил создать ему помощннка. Сад был прекрасен, но велик, даже дать имена всему, что там произрастало н цвело, летало и плавало, было делом нелегким. Как ни странно, но в библейском рассказе о райской жизни есть легкая, едва слышная практнческая нота. Эта нота связана с необходимостью в помощннке.

Об этом сказано так: *«И нарек человек имена всем скотам и птицам небесным и всем зверям полевым; но для человека не нашлось помощника, подобного ему...» (Быт. 2: 20).*

Можно, следовательно, догадываться, что к моменту появления женщины вся основная работа — мужская — была уже сделана.

Как в хорошем хозяйстве: дом готов, поле возделано — нужна жена.

«И навел Господь Бог на человека крепкий сон; и, когда он уснул, взял одно из ребер его, и закрыл то место плотию.

И создал Господь Бог из ребра, взятого у человека, жену, и привел ее к человеку...

И были оба наги, Адам и жена его, и не стыдились» (Быт. 2: 21, 22, 25).

Дальнейшее известно испокон веков всему человечеству. Некий змей (а в райском саду, как известно, были и пресмыкающиеся), воплотивший в себе злое начало, соблазнил Еву отведать запретного плода с райского древа познания добра и зла. Адам в это время спал. Когда он проснулся, Ева дала и ему откушать райского яблока.

Далее в Библии развертывается почти жанровая сценка, кстати сказать, излюбленная многимн художниками, обращавшимися к этому сюжету. Пока Ева и Адам, соблазненные искусителем, вкушали яблоко, Бог, ничего не подозревая о случившемся, ходнл по раю, как сказано, «во время прохлады дня».

Съев яблоко, Адам н Ева неожиданно устыдились своей наготы и, прикрывшись листьямн, спряталнсь среди деревьев.

Божий гнев был страшен, но справедлив. Библия особо подчеркивает именно его справедливость. В основе библейского толкования вины-греха и кары-наказания лежит понятие о нравственном табу. Есть вещи, касающиеся нравственного мира, которые должны быть незыблемы: душа держится ими точно так же, как тело костьми и мышцами. Не будем вдаваться в богословские тонкости, но все же следует признать, что библейский сюжет об Адаме и Еве, безусловно, содержит в себе мысль небесполезную: нравственные устои действительно нужны и, по правде сказать, без нравственных запретов и повелений, или, как говорил Кант, без нравственного императива, и впрямь не обойтись.

Вместе с тем, как ни относиться к господней мере наказания — считать ее справедливой, суровой или мягкой,— мы не можем не испытать к нашим прародителям чувства жалости и сострадания.

Наказание же заключалось в том, что люди, задуманные Богом как существа бессмертные, отныне и навсегда становились на этой прекрасной земле ее временными гостями. Созданные из праха, они, пройдя земной круг, должны были вновь стать прахом. Те легкие и радостные дела, которые доставляли столько счастья Адаму в его саду, что он ни разу не испытал ни усталости, ни скуки, теперь обратились в тяжкий труд. *«В поте лица твоего будешь есть хлеб» (Быт. 3: 19).* Жена отныне должна рожать детей в муках.

Но и искуситель-змей не остался без наказания — ему суждено было всю жизнь «ползать на чреве своем».

Но здесь надо добавить несколько слов о втором дереве — оно, как мы помним, стояло неподалеку от райской яблони. В истории наших прародителей дерево жизни тоже сыграло свою роль, правда несравнимо более пассивную и никак не отразившуюся в их тогдашней судьбе.

Широко раскинувшее свою крону на той же цветущей лужайке, где змей-искуситель соблазнил Еву яблоком, оно никогда особо не привлекало ни Адама, ни его жену. Скорее всего, они относились к нему так же, как и ко всему остальному, что цвело и благоухало в их безмятежном саду.

Однако в зеленых листьях дерева таилась неведомая сила: то был эликсир и феномен самой жизни, ее вечно

Изгнание Адама и Евы из рая.

творящая и неиссякаемая энергия — семя и субстанция бытия.

Дерево жизни было способно даровать бессмертие.

Адам и Ева до своего грехопадения были и сами как бы подобны дереву жизни: ведь Бог задумал их такими же бессмертными, каким был сам.

После проклятия люди стали существами, обреченными на краткий земной срок, отмеченный к тому же тяжким трудом, болезнями и страданиями.

Дерево жизни отныне стало для них запретным. Ведь по неведению или неразумению они, отведав чудодейственных листьев или просто отдохнув в его животворной тени, могли вновь стать бессмертными. И следовательно, ничто и никогда уже не смогло бы положить конец их мукам, болезням и страданиям.

Вот почему, изгнав Адама и Еву, Бог, движимый милосердием, поставил «на востоке у сада Едемского» херувима и пламенный меч, обращающийся, как сказано в Библии, во все стороны света.

Дерево жизни, появившееся в начальной книге Библии, было, по сути, прообразом извечной и неутолимой всемирной мечты людей о победе над смертью. Ей суждено будет пройти через всю историю человечества, зажигаясь потаенным огнем в ретортах средневековых химиков, искавших «корень жизни», вспыхивая в утопиях мудрецов и мечтателей, вдохновляя поэтов всех времен и народов.

Легенда о грехопадении наших прародителей всегда имела немало истолкований, вплоть до женоненавистнических: ведь именно Ева, поддавшись коварству змея, отведала запретного плода и угостила им своего мужа. Но, пожалуй, чаще всего видели в этой печальной истории подтверждение мысли об изначальной греховности человеческой природы. Как и многое в Библии, легенда эта, разумеется, символична и потому, действительно, позволяет прочесть себя по-разному. Посмотрите, как мало в ней фигур, как мала «сценическая» площадка, как сжато и драматично действие, но как при этом огромна сила судьбы, воплощенная в образе библейского ветхозаветного Бога. Хотя история лаконична и сюжет ее предельно прост, нагляден и открыто поучителен, но стилистика — мелодия, ритм фраз, образность и само наложение красок, все темнеющих и мрачнеющих к финалу,— стилистика удивительно неоднородна и разнообразна. Вначале рассказ о пребывании Адама в раю трогателен и нежен,

краски чисты, линии рисунка плавны. Подобно купам деревьев и общей гармонии, разлитой в самом изображении цветущего края с опрокинутой над ним прозрачной полусферой неба, он кажется круглым, и именно таким — круглым — изображали его древние. Но все меняется, как сказано, к концу рассказа: становится грозным язык, громогласной речь, слышны беспощадные проклятия. Счастливые обитатели рая становятся изгнанниками.

Адам и Ева — первые изгнанники мира.

Их судьбе предстояло повториться в историях не только множества людей, но и множества несчастных народов.

Таков торжественный и трагический пролог истории человечества.

Что ждало их за пределами рая — там, где текли, выйдя из райского источника, четыре реки тогдашнего — библейского — мира: Фисон, Гихон, Тигр и Евфрат?..

То были, по рассказу Библии, благодатные земли, лежавшие близко от рая, но они требовали от первых людей тяжкого труда «в поте лица своего».

КАИН И АВЕЛЬ

В Библии ничего не говорится о том, как жили Адам и Ева после своего изгнания из рая. Известно лишь о необыкновенном долголетии Адама, прожившего 930 лет. То не единственный случай такого долголетия, и мы еще не раз встретимся на страницах Библии со старцами, чей возраст исчислялся несколькими веками: так, Сиф жил 912 лет, его сын Енос — 905, Каинан — 910, Малелеил — 895, Иаред — 962 года, Енох — 365 лет, Мафусаил — 968 лет, Ламех — 777.

Обычно то был знак особого благорасположения божественных сил, дарующих человеку могучую и разумную старость.

Судя по долголетию, каким был отмечен Адам, Бог не только покровительствовал ему, но и был доволен праведным, надо думать, образом его жизни.

В каком возрасте умерла Ева, осталось неизвестным.

Но зато всем известны имена их детей — особенно Каина и Авеля. Был, однако, и третий сын — Сиф (тот, что прожил 912 лет), дарованный Адаму и Еве как бы в утешение сразу после гибели Авеля; были также и другие сыновья и дочери, а также, само собой разумеется, множество внуков.

Если легенда об Адаме и Еве, их жизни в раю, грехопадении и изгнании представляла собою как бы предысторию человечества, его младенчество и неразумное отрочество, оборвавшееся, как мы видели, самым печальным образом, то с Каина и Авеля начинается, увы, та история, что обагрена кровью и преступлениями, длящимися по сей день.

Вот почему так исключительно важен этот трагически поучительный сюжет о том, как брат убил брата. Не случайно к нему прикасались едва ли не все художники, поэты и философы мира.

В истории человеческой культуры само имя Каина стало нарицательным.

Как знать, может быть, именно это убийство и было подлинным грехопадением людей, навсегда отмеченных с тех пор несмываемой «каиновой печатью»?..

Между тем при всей чрезвычайной важности истории о Каине и Авеле многие ее подробности, в том числе и существенные, в Библии не приводятся.

Впрочем, и во множестве других случаев эта книга всегда оставляет немало простора для воображения, догадок, разных аллюзий и параллелей.

Своеобразная фрагментарность Библии, даже ее «конспективность» является, как ни странно, и ее важнейшей художественной силой, каким-то нелегко объяснимым источником ее могучей выразительности.

Наверно, это покажется парадоксальным, но Библия, при ее внешней огромности, одна из самых кратких и лаконичных книг в мире. Особенно если учесть, конечно, колоссальный размах ее хронологии, вместившей в себя время, почти граничащее с вечностью.

Пропуски и тумаииости в изложеиии событий придают библейскому эпосу страииый и только ему одиому присущий «ландшафт»: перед нами, в сущности, развертывается паиорама колоссальных руии, величествеиных обломков, иагромождеиия камией и глыб, то близко, то далеко разбросаииых друг от друга поистиие самим Времеием. Это разбитая иа части и все же посвоему целостная и достаточно легко читаемая коллективиая память человечества.

В своих монумеитальиых фрагмеитах, фресках и горельефах Библия итожит и пророчествует — рассказывает о былом (действительио бывшем или воображеиином) и предупреждает о бедах. Надо признать, что при всех пропусках и пуиктирах Библия — на своем условиом и символическом языке, посредством мифологических образов и аллегорий — рассказала о человечестве иечто очеиь важиое и иеобходимое.

Вернемся, однако, к братьям — Каину и Авелю. Некоторые толкователи библейских текстов считают, что оии были близнецами; ииые, напротив, полагают, что Каии был иамиого старше, что он, по иекоторым подсчетам особеиио дотошиых библеистов, родился, когда его отцу, Адаму, было 130 лет, а Авель появился на свет примерно лет иа 30—40 позже.

Имеет ли это обстоятельство какое-либо отиошеиие к смыслу библейского рассказа?

Отчасти, по-видимому, имеет, так как если Каии в самом деле иамиого старше Авеля, то ои и хронологически и житейски иаходится, так сказать, иамиого ближе к поре «грехопадеиия» своих родителей и, следовательио, первородиый грех в большей, а может быть, и в роковой мере сказался иа его личности. Такая гипотеза по-своему привлекательиа тем, что оиа отчасти «психологизирует» и библейский текст, и всю эту братоубийствеииую ситуацию, во всяком случае как-то объясияет ее: преступлеиие Каина, похоже, было как бы предопределеио (чуть ли ие по-фрейдовски), оно жило и бродило в его смутном сознании, в его, как мы сейчас бы сказали, генах, было запрограммировано.

В Каиие — как образе и персоиаже — вообще чувствуется известиый психологизм. Это уже не та условиая фигура, какими были Адам и Ева.

Уже одио то, что он прииосит дар Богу, ие желая поднять глаза, как бы иехотя, словио исполияя иекую фор-

мальность, которая ему уже поднадоела,— уже одно это делает его достаточно живым. В его независимости и сердитой позе есть несомненная характерность и колоритность.

Напомню, что они приносили жертву Богу одновременно: Каин, будучи земледельцем, принес плоды возделанной им земли, а пастух, и скотовод, и, по-видимому, кочевник Авель отдал Богу лучших животных из своего стада.

Бог благосклонно принял жертву Авеля, но отринул приношение Каина, поскольку оно было сделано без должного чувства.

В Библии об этом сказано так:

«Каин сильно огорчился, и поникло лице его.

И сказал Господь Каину: почему ты огорчился? и отчего поникло лице твое?

Если делаешь доброе, то не поднимаешь ли лица? а если не делаешь доброго, то у дверей грех лежит; он влечет тебя к себе, но ты господствуй над ним...» (Быт. 4: 5, 6, 7).

По складу своего грубого характера Каин не мог понять, чем же овцы Авеля лучше в глазах Бога, чем плоды возделанной им земли. Он искренне считал Бога несправедливым. По его разумению, внешнее поведение (не поднял глаз) не имеет никакого значения.

Каин, в сущности, первый протестант в длинной истории религиозных движений — он против формы и ритуала. Правда, от будущих протестантов его отличает поразительная духовная скудость, равнодушие и холодность к Богу и к вере. Как знать, может быть, он не столько протестант, сколько родоначальник будущих богоборцев и еретиков — особенно из числа тех, что были способны на жестокость и коварство.

«И сказал Каин Авелю, брату своему: [пойдем в поле]. И когда они были в поле, восстал Каин на Авеля, брата своего, и убил его» (Быт. 4: 8).

Бог покарал Каина изгнанием с родной земли. Значит, уже и в те времена такое наказание считалось одним из страшнейших. Диалог между Каином и Богом исключительно выразителен и драматичен. Каин вначале стремится увильнуть от прямого вопроса: *«Где Авель, брат твой? Он сказал: не знаю; разве я сторож брату моему?» (Быт. 4: 9).*

Убийство Авеля.

Он еще полагает, что любое преступление можно скрыть. Библия настаивает на том, что ни одно из преступлений не может всегда оставаться тайной. Это важный моральный постулат. Он придает библейской сцене глубокую поучительность.

Вспомним снова, что говорил о Библии Эразм Роттердамский: в библейских рассказах ценна аллегоричность, иносказание, притчевость.

Притча о Каине и Авеле прошла через века и тысячелетия — она постоянно напоминала человечеству о необходимости добра, о неотвратимости наказания за зло.

Наказание изгнанием, судя по библейскому рассказу, сломило если не волю, то гордыню Каина. Отправляясь в путь, он понимает, что на нем лежит печать содеянного зла. Всякий, кто встретится со мною, говорит он Богу, убьет меня. Нет, слышит он в ответ, каждый, поднявший руку на Каина, будет наказан, ибо кара Каина состоит еще и в том, что он в своем зле и муках обречен на тягостное бессмертие.

Вспомним в связи с этим о милости, оказанной Адаму и Еве,— судьба уберегла их от бесконечности существования, от беспрерывности болей и страданий.

Бессмертный Каин, несущий в себе зло и готовность к преступлению,— зловещий образ.

Все же судьба его сложилась несколько иначе. Уйдя от родных мест далеко на восток, в землю Нод, весьма отдаленную от Едема, Каин «познал жену», родил сына Еноха (того самого, что прожил 365 лет), построил город, назвав его именем сына. Считается, что Каин, первоначально обреченный на бессмертие, все же погиб,— он был случайно убит своим внуком, принявшим его во время охоты за дикого зверя.

Во время всей этой долгой истории Адам был еще жив. Более того, Бог послал ему в утешение сына Сифа; об этом уже говорилось.

От Каина и от Сифа пошли многочисленные поколения: от первого — отмеченные грехом, а от второго — благонравные и богобоязненные.

Но, рассказывает Библия, к сожалению, вышло так, что люди, невероятно размножившись и расселившись по разным местам, перемешались между собою настолько, что в каждом новом появлявшемся на свет человеке были задатки и Каина и Сифа. Человеческая природа сдела-

лась противоречивой, сотканной из добра и зла, из света и тьмы. Раздираемый противоречиями, человек стал грешен и глубоко несчастен. В этом отношении Каин оказался бессмертным. Правда, вечно живою была и ветвь, зеленевшая от Сифа.

ВСЕМИРНЫЙ ПОТОП

Среди чуть ли не вконец испортившегося и развратившегося человеческого рода встречались, конечно, и благочестивые люди. Среди них выделялся Ной, что, впрочем, было и неудивительно, так как он и его род шел по прямой линии от Сифа и, судя по всему, вряд ли соприкасался с потомками Каина.

Бог в своем праведном гневе на людские пороки, распространившиеся по всему миру, не мог не оценить таких людей, как Ной. Впрочем, Ноя нельзя было ставить в один ряд с другими: он был настоящим исключением даже среди наиболее чистых и последовательных приверженцев божьих заповедей.

Решив истребить человеческий род за его пороки и злонравие, Бог решил оставить в живых именно Ноя. От этого человека должны были пойти новые люди, лишенные скверны и преисполненные добра. Каиново семя должно было навсегда исчезнуть, а от ветви Ноя — возникнуть и размножиться новое человечество на новой земле. Вполне возможно, что, очистившись от греха и от самой памяти о былых прегрешениях и преступлениях, новые люди стали бы жить в мире, подобном утерянному Едему.

Извечная мечта человека о райской жизни под безмятежными небесами, как видим, вновь забрезжила в потемках доисторического — допотопного — времени.

Мечте этой предстояло видоизменяться, приобретать разные формы, стать уделом мечтателей, поэтов, лечь в основу многих утопических и философских систем; в длинной веренице столетий она порой почти пропадала, сменяясь отчаянием, скепсисом и безверием, чтобы затем снова и снова воскресать подобно Фениксу из холодного пепла.

Решив истребить человеческий род, Бог, однако, сомневался в справедливости своего жестокого намерения. Он дал людям отсрочку и ждал еще сто двадцать лет, надеясь на людское благоразумие. В Библии, когда идет речь об отсрочке, ничего не говорится, были ли какие-либо знамения, предупреждавшие людей о предстоящей катастрофе, которую они еще могли отодвинуть собственными соединенными усилиями. Но поскольку дело шло о приближении всеобщей — всемирной — гибели, то, надо думать, в знамениях и предупреждениях не было недостатка.

Сегодня эти библейские страницы о предстоящей тотальной катастрофе читаются с особым чувством. Не повторяется ли история? И если даже согласиться с теми, кто считает всю эту историю чистейшим мифом, выдумкой от начала и до конца,— все равно какая-то перекличка между «состоянием мира» перед потопом и нашей сегодняшней всемирной тревогой неотвязна и в основе своей злободневна и поучительна. Лишь соединенные усилия людей доброй воли могут отодвинуть или предотвратить угрозу новой вселенской гибели.

Как известно, многие научные разыскания подтвердили, что катастрофическое поднятие вод в глубокой древности действительно происходило. Об этом говорит и фольклор многих и многих народов, удивительно сходно подтверждающих факт великого потопа, зафиксированный в Библии. Всех желающих ознакомиться с преданиями народов о всемирном потопе можно отослать к вышедшей недавно энциклопедической книге «Мифы народов мира», а также к уже упоминавшемуся труду Джеймса Джорджа Фрэзера «Фольклор в Ветхом завете». В частности, Дж. Фрэзер доказывает, что древнейшей легендой о потопе является вавилонская, но что и она, при всей своей древности, восходит к еще более старому источнику, исходящему от предшественников вавилонян — шумеров. В легенде упоминается и корабль, на котором спаслись от потопа несколько человек, захвативших с собою домашних птиц и четвероногих.

Сцена потопа.

Не будем, однако, вдаваться в утомительные подробности, тем более сравнивать различные предания и их версии,— все это давно уже сделано, проанализировано и расклассифицировано учеными (археологами, библеистами, фольклористами, этнографами и историками), а обратимся непосредственно к библейскому сюжету.

Итак, ста двадцати лет, данных для отсрочки и для того, чтобы Ной, с присущим ему авторитетом, мог убедить людей в необходимости исправиться,— этих ста двадцати лет оказалось недостаточно. Ничто не изменилось ни в человеческой природе, ни в отношениях между людьми. Уже на грани своего, казалось бы, неистощимого терпения и милосердия Бог дал людям еще один, на сей раз очень краткий, всего лишь недельный, срок: то был поистине последний шанс, и, надо думать, Ной, конечно, не преминул вновь обратиться к хохочущим зевакам, ленивцам и нечестивцам, постоянно окружавшим участок городской земли, где постепенно, но быстро возводился его корабль, со словами укоризны и увещевания. В оставшиеся считанные дни ковчег должен был быть полностью готов к отплытию.

Знамения, появившиеся в последнюю неделю, не оставляли никакого сомнения в приблизившейся катастрофе: солнце всходило на западе и заходило каждый вечер на востоке.

Увы, и этот очевидный и зловещий знак никого так и не привел в чувство: благоразумие явно покинуло людей. Город по-прежнему жил беззаботной, веселой и распутной жизнью, горели праздничные огни, шумели оргии...

Насмешки и глумления над Ноем, явно торопившимся к отплытию, хотя его корабль стоял на суше и обдувался жарким зноем близкой безводной пустыни, даже усилились. В глазах толпы он был сумасшедшим. Стоял зной, небо казалось белесым, бродили миражи, не было ни капли дождя. При этом Ной продолжал строить свой корабль с еще большей поспешностью: он полностью осознал великое предназначение необыкновенной судьбы, выпавшей именно на его долю.

О том, как надо строить корабль, будущий мореплаватель, никогда не видевший моря, знал из одной очень старой священной книги, хранившейся, как сказано в Библии, еще у Адама, а также внимал конкретным советам Бога, руководившего его трудами.

Можно предположить, что знаменитый Ноев ковчег был огромен по своим размерам и хитроумен по конструкции. Считается, что его длина равнялась 150 метрам, ширина — 25, а высота — 15 метрам. По своим размерам он соответствует современному супертанкеру. В 1609 году некто Петр Янсен построил в Голландии его модель в натуральную величину, чтобы убедить, что ковчег соответствовал своему назначению.

Можно также догадаться, что, скорее всего, корабль строился на суше, даже не на берегу, поскольку ни реки, ни моря поблизости не было, а чуть ли не в городе или на его окраине. Город был окружен пустыней.

Морской корабль, едва ли не заносимый песком, раскаленный настолько, что смола стекала с его обшивок, представлял собою, наверное, и впрямь фантастическое зрелище из бредового сна.

Ной и сыновья были уже черны от зноя, исхудали от непосильного труда, они еле держались на ногах, но сроки приближались, шла последняя неделя перед неведомым мореплаванием по миру, залитому водой.

Постепенно настроение толпы, окружавшей корабль Ноя, менялось. Ковчег возводился с такою тщательностью, так продуманно, по каким-то, несомненно, выверенным, хотя и неведомым, чертежам, так старательно просмаливались его борта и днище, что все это не могло не наводить на тревожные раздумья.

Так ли уж безумна затея Ноя? Нет ли здесь божьего соизволения? Вот что стало приходить в голову многочисленным зрителям, еще недавно покатывавшимся со смеху.

А кроме того, невероятное обилие животных, зверей, птиц и всякой твари, ежедневно погружаемых в бездонные трюмы трехъярусного корабля,— это ведь тоже о чем-то говорило?.. И наконец, сколько корма, питьевой воды в бесчисленных бочонках, а также мешки, ящики, тюки и всякое домашнее имущество, вплоть до кухонной утвари! Все хозяйственно и предусмотрительно, без забывчивости, но спокойно и ловко грузилось и грузилось на судно, и не было конца его разнообразному снаряжению.

И наконец стало видно, что, набитое до отказа, оно полностью готово к отплытию.

Ной, сыновья и их жены взошли на корабль и, поклонившись народу, подняв руки к небу, а затем молит-

венно опустившись на колени, свершили последний прощальный ритуал.

Они подошли к тяжелым брусьям широких ворот, от которых уже были убраны сходни, и медленно задвинули их, навсегда скрывшись из глаз людей.

В то же время солнце медленно взошло на западе, но тут же стало быстро заволакиваться клубящимися тучами. По многотысячной толпе, дотоле безмолвно, уже без насмешек, наблюдавшей, как Ной закрыл ковчег, прошел ропот, послышались испуганные вскрики, раздались плач и стенания. Косые солнечные лучи еще пробивались сквозь разрывы мрачнеющих облаков, но тьма уже распространилась по земле. Толпа ринулась к ковчегу. Библия свидетельствует, что штурмовавших Ноев корабль было около семидесяти тысяч. Увы, все было тщетно. Страшный ливень из разверстого неба сплошной тяжелой стеной обрушился на землю. Его шум заглушал все.

Внутри ковчега все собрались вокруг зажженного светильника. Ной благословил семью, а также всех живых тварей, находившихся в нижних помещениях, и растения, и цветы, и горсть земли, когда-то, по преданию, унесенную на ногах Адама и Евы из благословенного рая. Но напутственных слов Ноя не было слышно — все гудело и сотрясалось от потоков воды и раскатов небывалого грома.

И вот корабль дрогнул, качнулся, накренился светильник, задвигались по стенам высокие тени одиноких во всем мире путешественников — началось плавание: предначертанное свершилось.

Когда через несколько дней Ной решился открыть окно, он увидел безбрежную водную гладь и восходящее на востоке — на востоке! — солнце. Движимый сильным течением, ковчег стремительно шел в сторону солнца — там, далеко, возле гор Араратских, должна была начаться новая история человечества.

Долго ли плыл ковчег по хлябям морским?

Если учесть, что, как сказано в Библии, «продолжалось на земле наводнение сорок дней» (Быт. 7:17), а вода убывала сто пятьдесят дней и первые «верхи гор» показались на десятый месяц, а потом прошло еще сорок дней, пока Ной, наконец, решился открыть окно, то со времени отплытия минул, по-видимому, едва ли не год. Тем более, что, открыв окно, Ной еще не увидел никакой

Ноев ковчег.

земли и для проверки выпустил во́рона, который, как сказано, «вылетев, отлетал и прилетал», так как нигде не мог опуститься на сушу. Потом Ной выпустил голубя. Но и голубь «не нашел места покоя для ног своих и возвратился к нему в ковчег; ибо вода была еще на поверхности всей земли...». Далее в Библии следует очень трогательная, живая и выразительная деталь: Ной «простер руку свою, и взял его (голубя), и принял его к себе в ковчег» обратно. Прошло еще семь томительных дней. За это время силы и Ноя и всех, кто находился в ковчеге, уже почти иссякли. Впоследствии сын Сима (внук Ноя) рассказывал слуге Авраама Елиезеру, что больше всего хлопот доставляли Ною заботы о том, чтобы всех — и людей, и особенно крупных хищных животных, а также птиц и рыб — накормить вовремя,— ведь все должны были прибыть на сушу в целости и сохранности, чтобы продолжить земную жизнь во всем многообразии и живом многоцветье ее проявлений. Ковчег, словно в миниатюре, сохранял в себе буквально все, что существовало на земле до потопа. Ною выпала редкостная и священная роль хранителя всего сущего. В своем ковчеге он был прямым посланцем Бога и стремился выполнить все его предначертания с тою же точностью, с какою строил свой необыкновенный корабль. И вот, помедлив еще семь дней, он выпустил голубя через окно во второй раз. А надо сказать, что верхи Араратских гор уже обсохли от воды и Ноев ковчег, зацепившись днищем, прочно стоял на камнях будущей Армении. И все же вокруг Араратских вершин, насколько хватал глаз, простиралась водная гладь. Правда, вода быстро сходила, она крутилась быстрыми смерчами, заворачивалась в водовороты, грозно шумела, но крутой каменистый склон обнажался все больше и больше.

Все ждали возвращения голубя. Ведь, даже найдя сушу, эта птица, издревле приученная возвращаться к пославшему ее человеку, должна была вернуться. Прилетит ли голубь измученным или же принесет в добрые руки Ноя какую-либо весть? Настал час—и *«голубь возвратился к нему в вечернее время, и вот, свежий масличный лист во рту у него, и Ной узнал, что вода сошла с земли» (Быт. 8:11).*

Однако и на сей раз осторожный Ной помедлил. Он решил снова выпустить голубя, рассчитывая, что если земля пригодна для жилья, то уставший голубь тотчас начнет вить гнездо, поджидая свою голубку, и ему просто

некогда будет возвратиться в ковчег. Разве не так же поступает и человек, изнемогший в изгнании и лишениях? Ему нужны стены и крыша, надежный и теплый кров, чтобы продолжить род свой.

Кстати сказать, масличная (или оливковая) ветвь, принесенная голубем в клюве, стала с тех библейских времен символом мира и добра.

Что же Ной?

Он еще помедлил. Шел, однако, уже двадцать седьмой день, как его корабль остановился на горах Араратских. Ной вышел наконец из ковчега, а с ним вышли жена, три сына, а также их жены — все были истощены, измотаны скитаниями, но здоровы и радостны. Вышли и все звери, тотчас разбежавшиеся по лесам, и козы, и овцы, и всякий другой скот, вылетели и защебетали птицы, уползли по влажным мхам гады, в прозрачных горных ручьях зарезвилась форель. Земля была умыта, радостна и согрета солнцем. Над Араратом сиело безмятежное небо. Может быть, Ной вспомнил в эту минуту, когда, благословив землю, он опустился на ее мягкие травы, еще свежие для него предания об Едеме — земном рае, где жили Адам и Ева. Земля, на которой мирно стоял его опустевший ковчег, была поистине райской. Но это был другой рай: он требовал от человека «труда в поте лица своего».

Благословенный Ной помнил и чтил эту заповедь. Он, как сказано в конце библейской истории о потопе, «начал возделывать землю и насадил виноградник».

После потопа он жил еще триста пятьдесят лет.

Отплыв в ковчеге шестисотлетним крепким старцем, он умер в праведных трудах, будучи девятисот пятидесяти лет от роду.

Такова история Ноя — одна из величайших и поучительнейших легенд человечества.

...Трудно представить, сколько поколений читало или слушало этот рассказ, пришедший из непроглядно темной, поистине непредставимой — допотопной — глубины времен!.. Воспринимали его по-разному: одни с трепетным чувством глубокой религиозной веры, другие — с детски простодушным изумлением, иные — как волшебную сказку. Что же касается ученых, то они по крупицам, рассыпанным в мифах разных народов, пытались и пыта-

ются найти подтверждения реальности грандиозной катастрофы, возможно действительно происшедшей в Ноевы времена. Сейчас мы не будем останавливаться на результатах таких изысканий — единого мнения пока нет. Гораздо важнее другое — общечеловеческий смысл и самой легенды, и образа Ноя.

Ведь какой поистине библейский — вселенский — размах: во времени, в пространстве, в характере! И как величественна сама цель, вставшая перед Ноем, этим спасителем человечества: он должен был сохранить живую человеческую ветвь и донести ее в своем ковчеге неповрежденной, чтобы жизнь, оборванная тотальной катастрофой, началась снова.

В наши дни легенда о Ное звучит неожиданно свежо и чуть ли не злободневно.

Разве и теперь, как когда-то, мир не стоит на самой кромке гибели — всеобщей, всемирной, как перед потопом?.. И разве мы, в отличие от всех предшествующих поколений, не ощутили себя, неожиданно и трагично, как бы полуобреченным экипажем небольшого хрупкого корабля, имя которому Земля? Не случайно первые же космонавты удивились малости и хрупкости нашей планеты.

Ной сумел провести свой корабль целым и невредимым. Верность долгу перед человечеством — вот что главное в этой личности.

В благодарность Ною, свершившему истинный подвиг во время своего великого плавания, Бог обещал, что его потомки никогда более не будут знать подобных бедствий.

И как когда-то во времена Адама и Евы он повелел людям и тварям плодиться и размножаться. Бог разрешил человеку есть не только плоды земли, зелень и фрукты, но и мясо животных.

Однако был и запрет — великий и окончательный, от выполнения которого зависело все, в том числе и само существование людей: отныне и навсегда запрещалось проливать кровь человеческую. Убийство — каинов грех, непрощаемый, несмываемый и позорный.

В ознаменование завета, данного Ною и всем его потомкам, была создана радуга. Каждое ее появление в небесах являлось напоминанием о необходимости мира и любви в человеческом общежитии. Возникавшая после благодатного дождя или грозы, радуга была подобна

праздничным вратам в прекрасную жизнь — без крови, убийств и распрей.

К истории Ноя следует еще добавить, что не все было безмятежно в его праведной жизни после потопа. Однажды он изведал незнакомого ему дотоле виноградного сока из выращенной им в солнечной Араратской долине лозы и крепко уснул, разморенный жарой и вином. Он спал под пологом шатра обнаженным. Один из сыновей Ноя, недалекий Хам, увидев отца, стал смеяться и позвал братьев, чтобы позабавиться вместе. Но братья, Сим и Иафет, не только не засмеялись, но, целомудренно отвернувшись, осторожно прикрыли отца легкой тканью.

Так, уже в этой легенде возник прообраз будущей заповеди, о которой через тысячелетия после истории Ноя сказал Иисус Христос в Нагорной проповеди: «Чти отца своего...» Уважение к предкам, к предшествующему опыту, а значит, добавим мы, и к урокам истории — важнейшая общечеловеческая заповедь. Сколько раз нарушало ее человечество, и всегда это оборачивалось бедой и неисчислимыми потерями: уничтожалась память, воплощенная в слове, в камне, в звуке. Заповедь о почитании родителей, в этом смысле, есть подлинная охранная грамота человечества.

Ной, узнав о поступке Хама, сильно разгневался и, благословив его братьев, обрек потомков Хама быть рабами «у братьев своих».

Иногда говорят, читая это место Библии, что гнев Ноя чрезмерен, но он лишь кажется таким, если воспринимать его по-житейски, не в библейских масштабах.

Если же иметь в виду не просто поступок неразумного человека, каким оказался Хам, а грандиозность роковых последствий в том историческом смысле, когда «хамство» перейдет из поколения в поколение, то есть если помнить, что Ной держал в своем сердце заботу не столько о своей семье, сколько о семье человечества, то его возмездие, его страшное проклятие уже не покажется чрезмерным.

Увы, Хам и его потомки оказались долговечнее заботы и тревоги Ноя. Потомство Хама размножилось и разошлось по всей земле. Но, как и предсказал Ной, «хамство» навсегда сплелось с рабством, они неразъединимы.

История литератур и искусств всех народов знает немало героев и мучеников, страстотерпцев и рыцарей, неколебимо верных долгу, призванию и вере.

И все же в начале этой прекрасной галерен возвышается фигура Ноя — легендарного стронтеля человеческого корабля жизнн.

ВАВИЛОНСКАЯ БАШНЯ

Шли годы и десятилетия. Потомки Ноя размножились, им стало тесно в долине Арарата и даже в прилегающих просторных землях. Шатры и постройки приходилось ставнть близко друг от друга. Семьи были очень большие, и каждая держала тысячи голов скота. Стало явно не хватать пастбищ и угоднй.

Тогда, по совету старейшин, часть народа решила двинуться на восток. По слухам, нменно там, особенно в долине Сеннаарской и еще дальше (в направлении к современному Ираку), лежали нетронутые земли, защищенные от холодных северных ветров горами и нагорьями. Места были настолько хороши, что, опять-таки по слухам, именно там находился некогда рай, навсегда исчезнувший после потопа.

Все потомки Ноя, жившие в Араратской долине, говорилн к моменту своего отселения на одном языке. Близкое соседство, многочисленные родственные отношения помогали сохранять общую речь, которая, по лреданию, была точно такой же, что и во времена, предшествовавшие потопу.

Но все же постепенно в памяти стирались не только деталн легендарного плавания, разные подробности и эпнзоды, но, к несчастью, забылся карающий и предупреждающий смысл великой всечеловеческой катастрофы. Почти никто уже не вспоминал о запрете проливать человеческую кровь. Особенно укоротилась память у тех, кто переселился на новые места. Невозможно было найти че-

Вавилонская башня.

ловека, помнившего о торжественном обещании Бога не насылать на людей нового потопа.

Радугой теперь любовались просто как красивым зрелищем, начисто забыв, что она — многоцветный символ, вознесенный над землей именно как высокий памятный знак.

Ной был прав, когда заботился о сохранении людской памяти и наказал, как мы уже видели, потомков Хама, набросив долгую тень презрения и рабства на все их поколения.

Характерно, что именно один из потомков Хама — некий Нимврод — уговорил своих соплеменников построить высокую башню, которая, по его словам, могла бы служить убежищем в случае крупных наводнений. За строительство, поддавшись уговорам, взялись, тем более что к тому времени жители этих мест уже обзавелись и рабами и пленными.

Наличие пленных выразительнее всего свидетельствует о том, что кровавые распри и войны уже шли между отдельными племенами и что, следовательно, завет о непролитии человеческой крови постоянно нарушался.

Вначале строительство башни сильно тормозилось изза того, что в Сеннаарской долине, обширной и тщательно обработанной, плодородной и мягкой, почти не было камней. Жители возводили свои постройки из глины, обмазывая ею тростниковые каркасы. Известная польза от строительства Вавилонской башни заключалась в том, что, хотя она, как известно, и не была достроена до конца, люди вынуждены были делать «камни» из самой глины, то есть научились обжигать кирпичи. Извести, правда, тогда не знали и вместо нее употребляли смолу.

Как и в других случаях, мы сейчас не будем вдаваться в данные исторической и археологической науки, которая пришла к выводу, что строительство башни на месте древнего Вавилона действительно, как говорится, «имело место». Найден фундамент и в соответствии с ним вычислена ее предполагавшаяся высота — 90 метров. Подтвердились мнения и о том, что на строительстве этого самого печально знаменитого сооружения древности использовался труд рабов и пленных разных национальностей. Кстати, само название города «Вавилон» означало на древнееврейском языке процесс смешения («балал»). Многоязычная масса людей, строившая гигантскую башню, то и дело натыкалась, как сейчас гово-

рится, на языковые барьеры, что, конечно, затрудняло стройку, несмотря на множество толмачей-переводчиков.

Но, как уже сказано, нам важнее сейчас не результаты историко-археологическнх разысканий, а глубнnный, поистине библейский, общечеловеческий смысл всей этой поучительной историн.

А смысл заключается в том, что ни глина, хотя бы и превращенная в прочные кирпичи, ни смола — ничто!— не могли заменить матернала, на котором только н сумела бы вознестнсь и устоять эта башня: не было людского единства н человеческого взаимопонимания.

Увы, эта проблема — необходимость единства н взаимопонимания между разлнчными народами — остается, как говорится, открытой и неразрешенной по сей день.

Из далекой мглы веков Библия на своем торжественном языке, с помощью гигантских образов-символов, предупреждает и учит: только соединенные усилия, взаимопонимание и любовь могут помочь человечеству в строительстве его жизни, в осуществленнн самых дерзновенных замыслов.

Что лежало в основаннн Вавилонской башни? Бнблия всем ходом своего повествовання отвечает: гордыня, тщеславие и неблагодарность. Именно за это и были наказаны ее строители жестоким и роковым разделением и смешением языков.

ИСТОРИЯ АВРАМА

После того, как жнтелн Сеннаарской долины перестали понимать друг друга, сколько-нибудь нормальная, прнвычная жизнь оказалась совершенно невозможной. Полная неразберхна, толчея, непонятные друг для друга раздраженные выкрики, ссоры и кровавые драки стали повседневным явленнем. Растерянность, нс-

пуг и уныние были написаны на всех лицах. Никто уже не думал продолжать строительство, и рост гордой башни к небу сам собою прекратился. Работы не возобновились даже и тогда, когда постепенно выявились отдельные группы жителей, говоривших, как оказалось, на одинаковом языке, так как большие группы стали тотчас главенствовать над маленькими, высокомерно унижать их, смеяться над их странными словами, дразнить и даже обращать в рабство.

Мирная и цветущая долина превратилась в поле войны всех со всеми. Никто больше не возделывал землю и не собирал урожай.

Начался исход из долины Сеннаарской — пожалуй, самый первый из всех известных нам крупных исходов. Сначала двинулись в путь полузакабаленные, бесправные, отчаявшиеся и несчастные мелкие племена,— по сути, это были беглецы, беженцы, но за ними, потеряв интерес к опустошенной земле, лишившись части сбежавших рабов и слуг, потянулись и крупные. Тяжело нагруженные повозки, богато изукрашенные колесницы, вельможи, жрецы, ремесленники, воины, погонщики скота, бесчисленные стада овец, вздымая пыль, сутками тянулись из городских ворот, оставляя улицы и жилища, обжитые дома и обширные виноградники на гибель от близкой пустыни.

Вавилон опустел. Постепенно осела и разрушилась башня. Ветры и дожди, жестокие ураганы и пустынные смерчи сравняли и башню, и весь окружавший ее некогда великолепный и знаменитый город с землей.

...И снова пошли годы и десятилетия. Менялись поколения. Почти никто не помнил о Вавилоне.

Через восемнадцать поколений — из тех, что шли по прямой линии от благонравного Сима, дарованного, как помним, Адаму и Еве после гибели Авеля,— через восемнадцать поколений родился Аврам — человек, на котором сам бог остановил свой выбор.

В истории своего народа, тоже вышедшего когда-то из Сеннаарской долины, Авраму была суждена поистине великая роль.

Вначале Аврам вместе со своим отцом Фаррой, братьями Нахором и Араном жил в халдейском городе Уре.

Сейчас об этом городе наука — в результате многочисленных археологических раскопок — располагает дос-

Семейство Фарры покидает город Ур.

таточно разнообразными сведениями. Во всяком случае, можно сказать, что жизнь семейства Фарры и дальнейшая судьба Аврама относятся уже к исторически определенному периоду, а именно примерно к XVIII или к XVII веку до н. э. Нет никаких оснований отрицать, что и Фарра и Аврам — исторические лица, вышедшие из Ура халдейского.

Можно предполагать, что семейство Фарры было одним из богатейших в Уре. Его богатство зиждилось прежде всего на владении тысячными стадами скота. В недалеком прошлом предки Фарры, в том числе и его отец в молодости, были кочевниками. Оседлая жизнь началась для них сравнительно недавно, и потому многое в их быту напоминало о пастушеском прошлом: не только многочисленные вещи, связанные с недавним кочевым образом жизни и бережно сохранившиеся в доме как реликвии, но во многом и само миропонимание, в частности особый медитативный склад души, сформированный огромными пространствами и постоянным созерцанием звездного неба. При всем своем богатстве и даже роскоши Фарра сохранял аскетические привычки кочевника-скотовода, привыкшего к суровой жизни. К скромности и трудолюбию приучил он и своих детей — Аврама, Нахора и Арана. Они никогда подолгу не живали в богатом доме своего отца, проводя много ночей и дней вместе с погонщиками скота на далеких пастбищах.

Ур, судя по раскопкам и историческим данным, был тогда многонаселенным и богатым городом, имевшим едва ли не тысячелетнюю историю. Его хорошо знали во всех окрестных землях и охотно торговали с ним. Многочисленные караваны, нагруженные разнообразными товарами, постоянно появлялись в городских воротах, располагались на площадях, запруживали узкие, всегда оживленные улицы.

Культура города была очень высокой.

Жители, в том числе, разумеется, и семейство Фарры, поклонялись богу Луны — в честь божества высоко над всеми городскими постройками возвышалась пирамида, напоминавшая по своей конусообразности Вавилонскую башню. На самой вершине находилось святилище — Нанар Син. К башне временами тянулись торжественные процессии, возглавляемые жрецами в ослепительно белых одеждах, за ними шли мужчины в своих красивых юбках с поперечными голубыми полосами и стража, с

мечами и высоко поднятыми сверкающими на солнце копьями.

До сих пор является загадкой, почему Фарра вместе со своим семейством неожиданно покинул Ур. Некоторые ученые полагают, что изменился климат, стали заболачиваться пастбища. Многочисленные каналы, отведенные к Евфрату и всегда тщательно поддерживавшиеся в идеальном состоянии, будто бы уже не могли спасти город от загнивавшей воды, вызывавшей лихорадку. Другие указывают, что древний Ур всегда был сладостной приманкой для завоевателей, неоднократно нападавших на него и периодически предававших жестокому опустошению. Известно, что в XVIII веке до н. э. этот город покорил вавилонский царь Хамураппи, но жители тогда восстали. Борьба с войсками Хамураппи, неоднократно возвращавшимися к Уру, была, однако, изнурительной и в общем безуспешной. Хотя город не раз оправлялся и жизнь в нем восстанавливалась, археологические раскопки подтверждают, что размеры бедствий, принесенных Уру царем Хамураппи и впоследствии его сыном Самсуилуном, были ужасающими. По-видимому, именно Самсуилун оказался последним из завоевателей, кто окончательно разрушил Ур.

Возможно, что на решение Фарры покинуть родной город сильно повлияла и смерть сына Арана.

Библия говорит, что главной причиной было, однако, повеление Бога, избравшего Аврама для своих высоких целей.

«И взял Фарра Аврама, сына своего, и Лота, сына Аранова, внука своего, и Сару, невестку свою, жену Аврама, сына своего, и вышел с ними из Ура Халдейского, чтобы идти в землю Ханаанскую...» (Быт. 11: 31).

Фарра был в то время уже стар, но Аврам, по библейскому счету, находился в самой цветущей поре — ему исполнилось всего семьдесят пять лет.

Покинув родной город, путешественники двинулись в Харран — сравнительно небольшой, но знаменитый город по пути к земле Ханаанской.

Харран существует и сегодня — это один из самых древних городов мира. Сохранился в нем и храм бога Луны, которому, как уже сказано, поклонялись Фарра и его семейство. Селения, расположенные поблизости от Харрана, носят чисто библейские названия — Фарра, Аран, Нахор и Серух. Нахор — это имя отца Фарры. По-види-

мому, именно Фарра дал когда-то имя своего отца тому месту, где он, на подходе к Харрану, раскинул свой черный шерстяной шатер.

Когда Фарра пришел в Харран, в городе было уже немало семейств, покинувших Ур. Как правило, то были богатые семейства, прибывшие со множеством слуг, рабов, домашней челяди, привезших с собою все, что только можно было вывезти из родных домов. Все селились здесь окончательно, навсегда. Многочисленные стада уже паслись на окрестных пастбищах.

И сам город Харран, небольшой и уютный, с низкими белыми домами, и окрестности, изобиловавшие зеленью и свежими родниками, радовали переселенцев. После бедствий, пережитых в покинутом родном городе, тревог, несчастий и смертей жизнь на новом месте оказалась поистине счастливой и безмятежной. Исчезло постоянное чувство страха, тревоги и опасности, на душу снизошли покой и радость. Кроме того, все соседи были хорошо знакомы между собой: то была большая колония выходцев из Ура, связанных родственными узами, общими воспоминаниями и всегда готовых прийти на помощь друг другу. Неудивительно, что Харран вскоре стал по-настоящему родным домом — теплым и обжитым. Единственное, что омрачало душу Фарры, это горестное воспоминание об умершем сыне Аране. В память о нем и назвал Фарра одно из живописных мест под Харраном, где не однажды проводил он ночи вблизи своих стад вместе с сыном Аврамом.

Фарра умер в Харране в возрасте двухсот пяти лет.

Аврам сделался главою семьи. Он унаследовал от отца не только способность вести большое и разветвленное хозяйство, торговать, налаживать успешные переговоры с купцами, заключать выгодные сделки и тем самым постоянно умножать свои богатства, достигшие к этому времени огромных размеров, но и впечатлительную душу, ищущий самостоятельный ум. Долгие ночи, проведенные под сверкающим звездным небом, на котором светила были выстроены в строгом порядке и подчинялись в своем движении некоей разумной руководящей силе, привели его к мысли о существовании единой божественной воли, которой подчиняется все, в том числе и Луна, бывшая в глазах Фарры и всех его соплеменников верховным божеством. Там, у пастушеского костра, он впервые усомнился в вере отцов. В его душе назревал и постепенно

свершился переход к новому миропониманию и еще неясной для него новой религии. То была пора смятения, отчаяния, надежды и духовных прозрений.

Именно в это время он, после смерти отца, разделил все свое имущество с братом Нахором и почувствовал себя наконец совершенно вольным человеком. Кровь кочевых предков, подчинявшихся влекущему зову пространств, дала себя знать с яростной и неодолимой силой. Аврам все чаще стал мечтать о путешествии в неизведанные земли. Были и какие-то неприятности у него в Харране, но подробностей мы не знаем.

Все словно подталкивало его в путь. Аврам не мог не почувствовать, что со своей новой (впрочем, тщательно скрываемой) верой в единого всемогущего Бога, повелевающего землей, звездами, планетами и людьми, Бога, намного превосходящего лунное божество, он все заметнее отдаляется от своих соплеменников, которые давно уже стали улавливать непростительную небрежность в исполнении им культовых традиционных ритуалов. Вполне возможно, что упомянутые неприятности между Аврамом и колонистами, выходцами из Ура, происходили именно на религиозной почве. Ведь разного рода табу, связанные с лунным божеством, были священны и непререкаемы. Как знать, может быть, зоркие и неусыпные соседи давно заметили «еретичность» Аврама и ждали лишь удобного момента для расправы. Может быть, Аврам не просто возмечтал о путешествии в неизведанные края, а вынужден был заблаговременно бежать из Харрана?..

Так или иначе, но, как говорится в Библии, Аврам однажды услышал голос Бога: «*И сказал Господь Авраму: пойди из земли твоей, от родства твоего и из дома отца твоего [и иди] в землю, которую Я укажу тебе...*» (*Быт. 12: 1*).

Дальше говорится: «*И взял Аврам с собою Сару, жену свою, Лота, сына брата своего, и все имение, которое они приобрели, и всех людей, которых они имели в Харране; и вышли, чтоб идти в землю Ханаанскую...*» (*Быт. 12: 5*).

Как видим, путь их по-прежнему, как когда-то при Фарре, вышедшем с семейством из Ура, лежал в землю Ханаанскую — именно эту страну, с ее обширными пастбищами, горами и реками, плодородную и красивую, давала судьба Авраму. Библия, описывающая путь Аврама,

очень точна и даже скрупулезна в топографических подробностях, но некоторые важные вещи в ней опущены. В частности, неясно, почему, достигнув Ханаана и пройдя, как сказано, всю эту местность «по длине ее», поставив жертвенник, возблагодарив Бога,— неясно, почему Аврам с семейством все же тотчас покинул предназначенную ему землю и двинулся дальше — к Вефилю, от него на восток и там временно поставил свой шатер, «так, что от него Вефиль был на западе, а Гай на востоке», затем он тронулся, как указывается, к югу и пришел в Египет.

Надо полагать, что столь кружной, длинный и явно предначертанный путь был назначен ему как некое странствие для освящения всех окружающих Ханаан мест, поскольку каждый раз, когда Аврам ставил свой шатер, он сооружал и жертвенник.

Так создавалась если не граница, отмеченная жертвенниками, то, по крайней мере, некая духовная аура, как бы исходившая от священной для Аврама и его будущих поколений земли Ханаанской.

В Египте, когда туда явился Аврам, был очередной голод, периодически поражавший эту страну, когда мелел Нил.

В Библии, среди многих загадочных мест, есть и неясность относительно прибытия в Египет. Сказано, что Аврам пришел в эту страну именно потому, что там «усилился голод». Это объяснение подчеркнуто, но не расшифровано. Надо догадываться, что Аврам, благословленный Богом, каким-то образом мог помочь Египту, как впоследствии, через много времени, помог голодающему Египту Иосиф, приучивший египтян делать заблаговременно крупные запасы зерна. Возможно, что мудрый Аврам также имел возможность дать правителям Египта какие-то советы, а может быть, и поделиться с умирающими частью продовольствия, в избытке находившегося, надо думать, в его богатом караване.

Жил Аврам в Египте недолго и неспокойно, больше того — в постоянной тревоге и в ожидании беды. Причиной беспокойства была Сара, ее бросавшаяся в глаза необыкновенная красота.

Еще по пути в Египет Аврам решил предпринять меры предосторожности. Он не без оснований предчувствовал, что приближенные фараона, прослышав о красоте Сары, не преминут донести об этом своему владыке.

«Когда же он,— читаем мы в Библии,— *приближался к Египту, то сказал Саре, жене своей: вот, я знаю, что ты женщина, прекрасная видом;*

И когда Египтяне увидят тебя, то скажут: «это жена его»; и убьют меня, а тебя оставят в живых;

Скажи же, что ты мне сестра, дабы мне хорошо было ради тебя, и дабы жива была душа моя чрез тебя.

И было, когда пришел Аврам в Египет, Египтяне увидели, что она женщина весьма красивая;

Увидели ее и вельможи фараоновы и похвалили ее фараону; и взята была она в дом фараонов.

И Авраму хорошо было ради нее; и был у него мелкий и крупный скот, и ослы, и рабы, и рабыни, и лошаки, и верблюды» (Быт. 12: 11—16).

Как уже говорилось, Библия в своих рассказах исключительно лаконична, она излагает события почти конспективно, пропуская в своем повествовании целые звенья, предпочитая не столько связность, сколько пунктирность. Это роднит ее с поэзией — отдельные куски библейского рассказа похожи, скорее, на строфы, в которых события и поступки, мысли и действия спрессованы до состояния формул, знаков или, в лучшем случае, отдельных намеков.

Так, после рассказа о том, что Сара была взята в дом к фараону, сразу же говорится, что Бог *«поразил тяжкими ударами фараона и дом его за Сару, жену Аврамову» (Быт. 12: 17).*

В то время как дом Аврама полнился и богател и владения его расширялись, дом фараона, напротив, стал испытывать невероятно тяжкие удары судьбы: болезни, пожары, зловещие явления следовали одно за другим. Дворец давно уже не спал спокойным сном. Каждое кушанье, казалось, таило в себе отраву, падала замертво охрана, полчища крыс поднимались в покои, дикие звери подходили из пустыни к городским воротам, солнце едва светило сквозь серую погребальную пелену, луна смотрела на ложе потерявшего сон фараона зловещим багровым глазом.

Остается предположить, что каким-то образом при дворе фараона, по-видимому, сделалось известно, что Сара не сестра, а жена Аврама, и что, узнав об этом, фараон, однако, не отпустил Сару к своему мужу, чем и навлек на себя гнев небес.

Можно догадываться также, что Аврам какое-то время переживал весьма тяжкие минуты: ведь так или иначе, но он, именно он, обманул фараона, чем и навлек беду на фараонов дом. Возможно, были мысли о бегстве и тайные сборы и еженощное ожидание близкой гибели; может быть, были попытки тайком вывести Сару из дворца. Наверно, возникало и желание броситься фараону в ноги, испросить прощения. Скорее всего, вовсе не безучастной была в те тревожные дни и сама Сара, любившая своего мужа и трепетавшая перед владыкой Египта. Но обо всем этом нам не дано знать, мы можем лишь строить догадки, исходя из очень скупых сведений.

По-видимому, бедствия, обрушившиеся на фараона, были усилиями придворных астрологов и мудрецов соответствующим образом расшифрованы. Аврам и Сара — вот кто причина бедствий — так, наверно, объяснили они происхождение событий своему повелителю. Мы опять-таки не знаем, был ли связан Аврам с придворными кругами фараона, но можно почти уверенно утверждать, что, конечно же, был, поскольку красавица Сара, обласканная фараоном, приходилась ему, по первоначальной версии, родной сестрой. Не исключено, что Аврам какими-то путями и, скорее всего, с помощью богатых подарков склонил придворных толкователей к тому, чтобы они соответствующим и выгодным для него образом расшифровали смысл обрушившихся на дворец ударов. Проще всего было бы для фараона казнить обманувшего его Аврама, но по чьему-то совету он так не сделал. Наоборот, он призвал Аврама к себе, разговаривал с ним чуть ли не жалостливо и просил его уйти из Египта.

«И призвал фараон Аврама и сказал: что́ ты это сделал со мною? для чего не сказал мне, что она жена твоя?

Для чего ты сказал: «она сестра моя»? И я взял было ее себе в жену. И теперь вот жена твоя; возьми [ее] и пойди.

И дал о нем фараон повеление людям, и проводили его, и жену его, и все, что́ у него было...» (Быт. 12: 18, 19, 20).

Значит, Бог охранял Аврама, сберегая его для будущих великих свершений.

Обратим, кстати, внимание, что и в этой истории, точно так же, как в сюжете с Ноем, библейский персонаж — личность, полностью отдающая себе отчет в своем предназначении. Вообще нравственная привлекательность многих героев Библии заключается чаще всего в том, что они исключительно верны своему долгу. Их ду-

ховная энергия вся уходит на свершение великой цели, полностью владеющей ими. И другая, может быть, еще более поразительная черта: при всем том, что они (например, Ной или Аврам, а впоследствии Иисус Христос) подчиняются веленью небес, которое им непосредственно и прямо высказано, они все очень по-человечески и страшатся, и мучаются, и сомневаются в своих силах. Ведь, казалось бы, покровительство Бога так очевидно, что можно было бы чувствовать себя в полнейшей безопасности, как за неким щитом, о который сломаются все копья врагов. Но человеческая душа, несмотря на свою защищенность, страшится и страдает. Эта внутренняя драма, обычно глубоко скрытая от окружающих, пройдет через все библейское повествование, через многие и многие судьбы, завершившись потрясающей сценой в Гефсиманском саду, когда Христос будет молить своего небесного Отца о миновании чаши, о смягчении страданий. И хотя объяснение этого психологического феномена может быть простым, так как никто из библейских героев не знает всех предназначенных ему испытаний и потому, действительно, вправе скорбеть и ужасаться душою,— все же именно эта черта делает героев библейских историй по-человечески понятными и близкими. Несмотря на свое величие, на свою избранность и особость, они все — люди, у них живое, кровоточащее сердце, им свойственны страх, смятение, неуверенность, любовь, жалость, сострадание, они изнывают от жары, мучаются от голода, болеют от ран, они живут в кругу семьи и сражаются на поле брани. Одним словом, библейскому повествованию свойственны определенный психологизм и известная многомерность в изображении характеров.

Но вернемся к Авраму.

Он снова со всем семейством вышел в путь. Он вернулся в Ханаан. Вернулся не нищим изгнанником, а человеком еще более богатым, чем был до Египта. Как это ни парадоксально звучит, но его изгнание было триумфальным: ведь так или иначе, а фараон, несомненно, убоялся еврейского бога и самим страхом своим способствовал упрочению Аврамовой веры и веры всех его соплеменников.

Правда, существует мнение (его высказал Зенон Косидовский в своей известной книге «Библейские сказания»), что благополучный исход Аврамова семейства из Египта может быть объяснен не страхом фараона перед

еврейским богом, а его незатихшей любовью к Саре. Он слишком любил Сару, говорит З. Косидовский, чтобы желать гибели ей и ее мужу. Это интересная догадка. И хотя она ни в малейшей степени не подтверждается библейским текстом, ее тоже можно учесть: ведь Библия, как сказано, дает возможность многовариантного чтения, а заложенный в ней психологизм, безусловно, дает пищу для разного рода предположений.

Именно по этой причине существует так много толкований библейских текстов. На протяжении столетий ученые-богословы давали свои трактовки и разночтения. Столкновения на этой почве имели не только умозрительный и кабинетный характер, но нередко заканчивались на эшафоте или на костре.

Аврам возвращался из Египта прежней дорогой и, следовательно, опять оказался вблизи Вефиля, где когда-то уже раскидывал свой шатер и сооружал жертвенник. Хотя прошло уже немало времени, но жертвенник сохранился, видны были и следы прежней стоянки. Место это, находившееся неподалеку от Гая, хорошо известное купцам, так же, как и Вефиль, было плодородным, но недостаточно просторным для многотысячных стад, какими обладало теперь семейство Аврама. Дело доходило до того, что пастухи, пасшие стада, нередко жестоко ссорились между собою из-за наиболее удобных пастбищ. Аврам и племянник его Лот то и дело должны были разбирать тяжбы между пастухами, что, по-видимому, вносило некоторый раздор и в само семейство.

«И сказал Аврам Лоту: да не будет раздора между мною и тобою, и между пастухами моими и пастухами твоими, ибо мы родственники;

Не вся ли земля пред тобою? отделись же от меня: если ты налево, то я направо; а если ты направо, то я налево...» (Быт. 13: 8, 9).

«...И избрал себе Лот всю окрестность Иорданскую; и двинулся Лот к востоку. И отделились они друг от друга.

Аврам стал жить на земле Ханаанской; а Лот стал жить в городах окрестности и раскинул шатры до Содома» (Быт. 13: 11, 12).

Местность, какую избрал Лот (в долине Иорданской), была действительно богата городами, в том числе там были знаменитые Содом (где и поселился Лот), Гоморра, Адама, Севоим и Сигор (или Бела), но были города и поменьше, похожие на большие деревни. Одним словом,

местность, к моменту появления там Лота со своими стадами, была слишком многонаселенной, и, что печальнее всего и о чем не подозревал Лот, жители этой земли вечно воевали друг с другом с целью грабежа и наживы. Шайки разбойников и воинственных бродяг держали окрестность в постоянном страхе. Они, естественно, не преминули нападать и на Лотовы стада, угонять его людей в рабство, присваивать имущество и скот. Сам же город Содом пользовался особенно дурной славой из-за крайней развращенности своих жителей. Не случайно выражение «содомский грех» стало со временем означать крайнюю и отвратительную степень разврата и блудодеяния. Благонравный Лот, поселившись в Содоме, ничего этого поначалу не знал, но вскоре он был до глубины души уязвлен и потрясен развернувшимися перед ним картинами бесстыдства и разгула. Даже малые дети, казалось, с молоком матери впитывали в себя зародыши ужасных пороков.

Аврам же поселился в местности пустынной, вдали от городов и проезжих дорог — в тенистой большой роще, возле чистого источника. Он, при всем своем несметном богатстве, вел очень скромный образ жизни, не выстроив себе ни дома, ни дворца, а довольствуясь хижиной, которую соорудил собственными руками под сенью огромного дуба. Жизнь его проходила в трудах и высоких размышлениях, была спокойной, неторопливой и безмятежной.

Настал, однако, день, когда ее ровное течение нарушилось страшным известием.

Дело в том, что в земле Лота произошли жестокие события. Мы уже говорили, что помимо Содома и Гоморры в той земле располагались еще три города — Адама, Севоим и Сигор (Бела). В недавнем прошлом они были покорены царем еламским и платили ему дань в течение двенадцати лет, и вот на тринадцатый год население всех трех городов решило выйти из повиновения. Царь еламский не замедлил появиться перед городскими стенами с огромным войском. Он не только вновь захватил взбунтовавшиеся города, особенно сильно разрушив Содом и Гоморру, но и угнал их жителей в рабство. Среди пленников оказался и Лот.

Счастливый случай помог одному из слуг Лота бежать из плена и сообщить о случившемся Авраму. А он собрал хорошо вооруженный отряд из 318 своих наибо-

лее верных рабов, напал в одну из темных ночей на неприятеля, освободил Лота и множество других пленников, отобрал и захваченную добычу.

Когда Аврам возвращался домой, то на пути его торжественно встретил Мелхиседек, царь Салима (впоследствии Иерусалима), он поднес ему хлеб и вино, благословил и Аврама, и помощников его.

Ничего из захваченной добычи, «ни нитки, ни ремня от обуви», ни рабов, Аврам не взял себе, все отдав по справедливости жителям Содома, Гоморры и других пострадавших городов.

После описанных событий Аврам, как и следовало ожидать, сделался наиболее известным лицом в Ханаане — более того, слава его далеко простерлась и в другие царства и земли.

Увы, как и всегда, вместе со славой возникла зависть, а с нею домыслы, недоброжелательность и даже чувство мести, особенно, конечно, со стороны побежденных. Дело дошло до того, что, живя по-прежнему в своей тихой обители, под сенью дуба Мамврийского, Аврам стал испытывать беспокойство. Со стороны Содома и Гоморры, а также и со стороны царя еламского то и дело появлялись вооруженные отряды и шайки, подозрительные бродяги, похожие на подосланных убийц. И хотя верные рабы и слуги Аврамовы были бдительны и осторожны, оберегая жизнь своего хозяина и днем и ночью, все же прежнего покоя уже не было. Наблюдая ночами движение небесных светил, Аврам все чаще думал о бренности человеческого существования и о незащищенности хрупкой плоти в этом мире зла и насилия. Иногда самый настоящий страх сжимал его сердце и любой ночной шорох казался подкрадывающейся бедой. Лишь родник, освещенный луною, мирно лопотал свою извечную песню о жизни и бессмертии да могучий дуб надежно простирал плотный шатер своей листвы. Но было помимо опасений за жизнь и еще одно огорчавшее Аврама обстоятельство: его Сара была бездетной и все клонилось к тому, что наследником Аврамова дома, всего его имущества, рабов, слуг и скота, золота и драгоценных камней должен был стать наиболее приближенный к нему домочадец — Елиезер из Дамаска. То был очень достойный человек, много знавший, сохранявший в своей изумительной памяти чуть ли не всю историю Аврамова народа и даже родословные других племен, интересно рассказывавший о Ное, о потопе, о строи-

тельстве Вавилонской башни и о многом другом. Помимо образованности он обладал добрым сердцем и был бесконечно предан Авраму. Но все же это был хотя и достойный, но неродной человек. Кроме того, Елиезер был уже далеко не молод и тоже не имел детей, так как ввиду своих постоянных ученых занятий не успел обзавестись семьей.

В это-то время, когда тревожные мысли все чаще посещали Аврама, и раздался в ночной тиши где-то совсем рядом, но как бы и сверху, голос невидимого Бога. Голос сказал ему: *«...не бойся, Аврам; Я твой щит...» (Быт. 15: 1)*.

На что, возблагодарив Бога за внимание, Аврам ответил: *«...Владыка Господи! что́ Ты дашь мне? я остаюсь бездетным; распорядитель в доме моем этот Елиезер из Дамаска.*

...Ты не дал мне потомства, и вот, домочадец мой наследник мой» (Быт. 15: 2, 3).

«И было слово Господа к нему, и сказано: не будет он твоим наследником, но тот, кто произойдет из чресл твоих, будет твоим наследником.

И вывел его вон и сказал [ему]: посмотри на небо и сосчитай звезды, если ты можешь счесть их. И сказал ему: столько будет у тебя потомков.

Аврам поверил Господу, и он вменил ему это в праведность» (Быт. 15: 4, 6).

Наутро после этой торжественной ночи Бог повелел Авраму рассечь на части трехлетних тельца, козу и овна, затем положить их части одну против другой, так, чтобы они соприкасались головами, а сверху положить горлицу и молодого голубя, но уже не рассеченными на части, а целиком. То был обряд, означавший вступление в союз с Богом,— обряд для избранных, совершенно дотоле неизвестный Авраму по жизненному опыту, но отчасти знакомый по древним преданиям, о которых рассказывал ему всеведущий Елиезер. Рассеченные части должны были в течение ночи срастись вместе, а горлица и голубь напитать их духом.

Свершив обряд, Аврам неожиданно уснул, но, хотя сон был необычно глубок, все существо Аврама как бы полнилось ужасом и тело его пронзали судороги. Именно во сне он снова услышал голос Бога, который сказал ему громко и внятно, но словно «из мрака великого»: *«...знай, что потомки твои будут пришельцами в земле не своей, и*

поработят их, и будут угнетать их четыреста лет;

Но я произведу суд над народом, у которого они будут в порабощении; после сего они выйдут [сюда] с большим имуществом...» (Быт. 15: 13, 14).

САРА И АГАРЬ

Мысль о наследнике, о потомстве не покидала ни на минуту ни Сару, ни Аврама. То была их главная печаль и безысходная забота. Даже мечтать о ребенке Сара уже не могла, так как ей было семьдесят лет. Вместе с тем оба они помнили обещание Бога, хотя и не знали, каким образом может оно исполниться. Но судьба и Аврама и Сары, а значит, и их потомства уже была написана на небесах. И тут Сару осенила совершенно простая и очевидная мысль. Она даже громко рассмеялась, что не могла додуматься до этого раньше, как, впрочем, почему-то не вспомнил о ней и Аврам. По-видимому, всему свое время, в том числе и самым простым мыслям. Они могут прийти в любое время, как, например, явились они Саре, когда та просеивала зерно, готовясь испечь хлебы. А вспомнила Сара древний обычай, существовавший у их народа, а также и у некоторых иных племен, кочевавших по пустыне или пасших свои стада на пастбищах, живших в городах или путешествовавших и торговавших, у купцов и ремесленников, у вельмож и рабов... Обычай же заключался в том, что если у жены по какой-либо причине, по болезни или старости, не было детей, то она могла привести мужу любую другую женщину, чтобы та зачала от него, выносила ребенка, родила его в положенный срок, но матерью будет считаться не родившая, а та, что привела ее к своему мужу. Во множестве печальных случаев, в особенности когда бездетность грозила наслед-

ству, такой обычай счастливо спасал все дело и никто не считал его предосудительным, ибо он был, что называется, в обиходе и был, так сказать, вполне законным. Та женщина, что родила ребенка вместо законной жены, нередко оставалась жить в семье, была любима и уважаема, но, разумеется, не имела никаких прав ни на своего ребенка, который считался для нее чужим, ни на наследство. Такая женщина была всего лишь вынужденной и удобной помощницей в необходимом деле продолжения рода, временной заместительницей жены своего господина на период зачатия и родов.

В многолюдном хозяйстве Аврама для такой роли подошла служанка Сары Агарь. Она была родом из Египта и, как многие женщины той страны, отличалась красотой, изяществом и трудолюбием. Правда, египтянка поклонялась чужим богам и чтила своего далекого фараона, но в глазах Сары это не имело никакого значения.

«И сказала Сара Авраму: вот, Господь заключил чрево мое, чтобы мне не рождать; войди же к служанке моей: может быть, я буду иметь детей от нее. Аврам послушался слов Сары.

И взяла Сара, жена Аврамова, служанку свою, Египтянку Агарь, по истечении десяти лет пребывания Аврамова в земле Ханаанской, и дала ее Авраму, мужу своему, в жену.

Он вошел к Агари, и она зачала...» (Быт. 16: 2, 3, 4).

Но, как часто бывает, не все обошлось гладко. У красавицы Агари оказался довольно вздорный характер. Она никак не могла удержаться от того, чтобы при случае презрительно не уколоть Сару ее бесплодием, и постоянно хвасталась своей беременностью.

«И сказала Сара Авраму: в обиде моей ты виновен; я отдала служанку мою в недро твое; а она, увидев, что зачала, стала презирать меня; Господь пусть будет судьею между мною и между тобою.

Аврам сказал Саре: вот, служанка твоя в твоих руках; делай с нею, что́ тебе угодно. И Сара стала притеснять ее, и она убежала от нее...» (Быт. 16: 5, 6).

Большинство исследователей Библии справедливо считают, что Агарь, скорее всего, выйдя из дома Аврама и напутствуемая, надо полагать, бранью Сары, ушла в сторону Египта — по направлению к своей родине, о которой тосковала все бесконечные годы своего служения у Аврама. Вообще Агарь одна из самых живых и вырази-

тельных фигур в библейской истории, и, хотя многое в ее жизни затуманено и скрыто от глаз читателя, мы не можем не испытывать к ней жгучего чувства сострадания. Да, она далеко не безупречна — она отплатила Саре и Авраму, оказавшим ей величайшее, по понятиям тех времен, доверие (рождение ребенка-наследника) явной неблагодарностью — насмешками и даже зазнайством. Красота в соединении с прямым и вздорным характером, по-видимому, не раз подводила юную египтянку в чуждом кругу иноплеменников-евреев, и разные стычки в доме по вине Агари вряд ли были редкими. Все же ее терпели и, может быть, даже любили, поскольку именно Агарь удостоена высокой роли быть наложницею главы семейства! Что-то, значит, было в этой прелестной и темпераментной женщине, из-за чего ей до поры до времени прощались все мелкие домашние стычки.

Как попала Агарь в дом Аврама? Почему она оказалась так далеко от Египта? Захвачена ли была Агарь кочевниками-пастухами? Или какой-то караван, шедший из Египта, подвергся нападению разбойников, которые и продали ее, еще девочкой, убив и ограбив ее родителей? Библия не отвечает ни на один из этих вопросов. Почему? Потому что она не роман, она, как уже было сказано,— своеобразная записная книжка человечества, и в ней пунктирно и по необходимости кратко обозначено лишь самое главное. Кроме того, кто такая, в конце концов, Агарь, чтобы древний записыватель или рассказчик преданий стал бы говорить о ней подробно и обстоятельно? Агарь всего лишь служанка. Для нее, безвестной и бесправной, проданной или захваченной, подобно случайной добыче, является величайшим благодеянием и подлинным даром небес уже одно то, что оказалось сохранено и передано поколениям самое ее имя.

И вот уже сколько времени из непроглядной мглы веков, засыпанных песком забвения, наряду с именами царей и богов светится и нежное имя задорной и несчастной Агари. Маленькая история ее жизни не сходит — и теперь уже никогда не сойдет — с уст человечества, прочно запомнившего эту трогательную легенду.

Об Агари еще говорится, что она долго, наверно несколько дней и ночей, блуждала в пустыне, потеряв дорогу, и что не было вокруг ни одного живого существа — только барханы, пески и вечные звезды над головой. После дневного зноя пустыня не успевала остыть, но все же

к утру на колючках и ветвях саксаула можно было найти капельки росы. Настал час, когда Агарь стала прощаться с жизнью, но вдруг — о чудо!— источник воды! Он встретился ей, как сказано в Библии, на дороге к Суру — это место и сейчас очень почитаемо, и если прежде караваны, шедшие к Египту или в Финикию, останавливались здесь, чтобы пополнить запасы воды и вспомнить при этом историю Агари и ее чудесного спасения, то и ныне происходит то же самое: возле источника и теперь звучит разноязычная речь, но одно слово в этой пестрой разноголосице понятно всем — Агарь.

Библия дальше рассказывает, что, остановившись у источника, Агарь не знала, что ей делать дальше. Дорога, ведшая к Суру, оказалась ей знакомой, и она поняла, что в течение всех бесконечных тягостных дней блуждания просто кружила недалеко от Аврамова дома, нисколько не продвинувшись к Египту.

В минуту столь ужасного открытия ей явился Ангел.

Явление Ангела Агари — одно из самых патетичных мест Библии.

«И нашел ее Ангел Господень у источника воды в пустыне, у источника на дороге к Суру.

И сказал ей Ангел Господень: Агарь, служанка Сарина! Откуда ты пришла и куда идешь? Она сказала: я бегу от лица Сары, госпожи моей.

Ангел Господень сказал ей: возвратись к госпоже своей и покорись ей...

И еще сказал ей Ангел Господень: вот, ты беременна, и родишь сына, и наречешь ему имя: Измаил...» (Быт. 16: 7, 8, 9, 11).

Надо ли говорить, как была потрясена Агарь посетившим ее видением. Она была уверена, что, увидев Ангела, она чрез него как бы узрела и самого Бога. Впечатлительная и пылкая, Агарь пала ниц и в благодарность за ангельскую помощь назвала источник Беэрлахай-рои, что означает «Источник Живого, видящего меня». Под этим названием он и вошел в историю.

Беседа Агари с Ангелом, при всей скупости слов и поясняющих ремарок, психологически очень выразительна и похожа, в сущности, на внутренний монолог. Агарь отвечает на риторические вопросы Ангела («Откуда ты пришла и куда идешь?»), одновременно, а может быть и прежде всего, отвечая самой себе. Она спрашивает себя и в собственной своей смятенной душе ищет правильное

решение. Ребенок, будущий Измаил, уже нежно толкает ее в чреве. Агарь направляется к дому Аврама.

В этом месте библейский рассказчик, как это чаще всего и принято в Библии, заглядывает далеко вперед и устами Ангела приоткрывает завесу над будущим Измаила. От него, оказывается, пойдет отдельная человеческая ветвь — от него произойдут многочисленные мусульманские племена и народности.

Между тем в доме Аврама происходили радостные события. Через какое-то время после возвращения Агари забеременела жена Аврама Сара. То была неожиданность лишь на первый взгляд, и лишь люди, не посвященные в давнюю тайну Аврама, могли удивляться, как могла родить девяностолетняя Сара от своего столетнего мужа. Однако еще в те времена, когда Аврам горевал о бесплодии своей Сары, ему было видение, предрекавшее будущее рождение ребенка.

Здесь надо еще заметить, что, сказав Авраму и Саре о будущем их многочисленном потомстве, Бог несколько видоизменил их имена — это изменение чисто, так сказать, грамматическое, оно указывает на множественность и заключается в удвоении звука. Так Аврам стал Авраамом, а Сара — Саррой.

И дальше, в нашем тексте, мы так и будем их называть.

АВРААМ И ТРИ СТРАННИКА

Явление Аврааму трех странников — один из самых знаменитых библейских сюжетов, посвященных патриархам.

Как уже было сказано, Авраам, разделившись с Лотом, ушедшим в Содом, жил в тихом и уединенном месте. Его шатер был раскинут под сенью огромного дуба в роще, издавна называвшейся Мамврийской. То был оазис, живописный

н зеленый. Упругий холодный источник давал надежную н радостную жнзнь всему окружающему. Мамврнйскую рощу н в особенностн Мамврнйскнй дуб, под которым жнл в своем шатре старый Авраам, зналн все путникн н владельцы всех караванов, направлявшихся в Кадес нлн Баред, а то еще дальше — к Египту н Средиземноморью. Поэтому уедненне Авраама скорее всего было довольно относнтельным. От погонщиков караванов он узнавал разнообразные новостн, получал сведення о Лоте, передавал прнветы н подаркн своей многочисленной родне. Особенно тревожнла Авраама судьба Лота, поскольку Содом, где, к несчастью, поселнлся Лот, был городом развратным н беспокойным. Все дурные вестн шлн именно оттуда — из Содома нлн нз Гоморры.

Можно предположнть, что, живя в столь удобном месте, где останавлнвалнсь богатые караваны, Авраам занимался н посредннческнмн деламн: его жизненный опыт н мудрость, честность н добродетельность высоко ценнлнсь в среде купцов, торговцев и перекупщиков. Правда, об этой стороне жизни Авраама в Бнблнн ннчего не говорнтся, о ней нам позволнтельно лншь догадываться.

По-вндимому, общаясь с мудрым старцем, путнннкн получалн от него не только хозяйственные и деловые советы, но и твердые моральные наставления. Ведь самый возраст Авраама в глазах жителей Востока означал непререкаемый авторитет.

И вот однажды, когда Авраам, по обыкновенню, сидел возле своего шатра, он увидел в знойном струящемся воздухе, нсходнвшем от раскаленных песков окружающей Мамврнйскнй оазнс пустынн, фигуры трех странннков.

Появленне путников возле оазнса само по себе не было удивнтельным, и все же Авраам нспытал чувство, близкое к удивленню и беспокойству. Дело в том, что зной был понстнне нестерпимым, все живое, чтобы не нзжариться в этом пекле, заблаговременно попряталось, глубоко зарывшнсь в песчаные норы или уйдя в глубокую тень. Между тем странннкн, хотя шлн быстро, едва касаясь дорогн своими легкими сандалнями, все же двигалнсь спокойно. Было видно, что онн ведут между собою какую-то беседу н что однн из них, тот, что шел посреднне, был старше. Неторопливость нх беседы под палящим солнцем, спокойные лица, какая-то невесомость их легких фигур, иногда словно пропадавших с глаз,

словно мираж,— все это понудило Авраама подняться и пойти навстречу своим необычным гостям.

С чисто восточным гостеприимством, блюдя этикет, Авраам принимает путников, снимает с их ног обувь и омывает пыльные ступни чистой водой. Затем, рассказывает Библия, *«...поспешил Авраам в шатер к Сарре и сказал: поскорее замеси три саты лучшей муки и сделай пресные хлебы.*

И побежал Авраам к стаду, и взял теленка нежного и хорошего, и дал отроку, и тот поспешил приготовить его.

И взял масла и молока, и теленка приготовленного, и поставил перед ними, а сам стоял подле них под деревом. И они ели...» (Быт. 18: 6, 7, 8).

Во всей этой сцене обращает на себя внимание, что так называемый этикет, которому, как справедливо замечают библеисты, Авраам следует неукоснительно, особо подчеркнут. По всему видно, что Авраам почти догадался, кто его гости. Несмотря на свой почтенный возраст, он буквально бегает, отдавая свои приказания то жене, то слугам: «...и поспешил Авраам в шатер к Сарре...», «...и побежал Авраам к стаду...» А между тем гости его молоды, даже юны: их походка легка, движения быстры, после дороги, прокаленной зноем, они, судя по всему, ничуть не устали. Впрочем, вернее было бы сказать, что у них нет возраста — они, как в глубине души догадывается Авраам, посланцы другого мира. Особенно смущает Авраама тот, что постоянно находится в центре этой маленькой группы,— от него исходит сияние и какая-то неведомая властительная сила. Они спрашивают старца, где его жена, Сарра, и Авраам отвечает, что она здесь, в шатре. Тогда «один из них» (это выражение особо выделено в Библии) сказал: *«Я опять буду у тебя в это же время [в следующем году], и будет сын у Сарры, жены твоей...» (Быт. 18: 10).*

Сцена со странниками удивительна по своей психологической точности. Чувствуется, как напряжен Авраам, какая глубокая догадка пронзила все его существо. В какой-то момент он начал понимать, что слышит голос Бога и что два юноши, стоящие по бокам старшего из них,— это ангелы.

Одна лишь Сарра, по своей женской суетности, не может догадаться, в чем дело, и слова старшего, сказавшего, что у престарелой Сарры будет через год сын, простонапросто рассмешили ее. Бедный Авраам, которому все

уже стало ясно, не знает, как замять эту неловкость. Ему кажется ужасным, что старая Сарра так глупо и греховно рассмеялась. Правда, рассмеялась она в шатре и, возможно, думала, что ее никто не видит и не слышит, тем более что рассмеялась она, как вскоре выясняется, внутренне, в душе своей: уж очень забавным ей показалось, что от нее, девяностолетней, ждут ребенка. Но для того — старшего, который пришел к Аврааму со своими двумя юными ангелами, нет ничего невидимого и неслышимого. Потому-то, как повествуется далее в Библии, *«и сказал Господь Аврааму: отчего это [сама в себе] рассмеялась Сарра, сказав: «неужели я действительно могу родить, когда я состарилась?»*

Есть ли что трудное для Господа? В назначенный срок буду Я у тебя в следующем году, и [будет] у Сарры сын» *(Быт. 18: 13, 14)*.

Итак, Сарра рассмеялась, но все обошлось благополучно: Бог (тот «старший») понимал, насколько бывает нетверда у людей вера.

Саррин смех — очень живая, достоверная в психологическом отношении и выразительная деталь в библейском рассказе о жизни патриарха. Как и насмешливая дерзость Агари, он доносится до нас из глубины тысячелетий, будучи живым напоминанием о том, что легендарные лица, живущие в библейских величественных текстах, были людьми из плоти и крови. Вообще фигуры Библии далеко не двухмерны, очень часто они объемны, а их внутренний духовный мир в какой-то момент вдруг поражает нас удивительной близостью к нам самим. В Библии, безусловно, есть зачатки не только будущей высокой драмы (в особенности трагедии), но и многие черты психологического романа, например правдоподобность и оправданность эмоциональных движений, бытовой «интерьер», фабула и сюжет, использование детали и живописной подробности. Эта великая книга — Библия — лежит в основе основ не только всей будущей человеческой культуры вообще, но и художественной литературы (в том числе даже беллетристики) в частности. Именно в этом отношении очень характерен диалог, происшедший между «старшим» и Саррой после того, как она рассмеялась. *«Сарра же,*— говорится в Библии,— *не призналась, а сказала: я не смеялась. Ибо,*— поясняется далее,— *она испугалась».* Тут-то «старший» и сказал — настойчиво и уличающе: *«Нет, ты рассмеялась».* Разговор идет, ко-

нечно, через стенку шатра — Сарра, по тогдашним обычаям, не может выйти к мужчинам. Но ее испуг и от испуга пререкания говорят о многом. Она пытается, очень неуклюже и наивно, отречься от своего неуместного смеха и мало-помалу начинает, по-видимому, понимать, что человек, услышавший, как она рассмеялась в душе, то есть рассмеялась беззвучно, не может быть обычным человеком.

Перестав говорить с Саррой, «старший» уже повернулся, чтобы вместе со своими спутниками, благочестиво промолчавшими всю эту сцену, идти дальше.

Авраам пошел их провожать. Он заметил, что, выйдя на дорогу, уже начавшую быстро темнеть от приблизившегося вечера, его гости повернули в сторону Содома. Скорее всего, они туда и направлялись, но «старшему», наверно, была необходима встреча с Авраамом, которая и задержала всех троих на их пути в Содом. Впрочем, Авраам не знал, идут ли они в Содом; может быть, пройдя этот греховный город насквозь, они пошли бы дальше, к берегу Мертвого моря, или к филистимлянам, или в Египет. Но «старший», прежде чем двинуться в путь, остановился и сказал Аврааму: *«...утаю ли Я от Авраама, что хочу делать!» (Быт. 18: 17).*

И тут выясняется, что они действительно идут в Содом. Бог поясняет Аврааму, что жители Содома и Гоморры погрязли в страшных грехах — разврате, блуде, чревоугодии, стяжательстве и разбое. Черная молва об этих городах разошлась по всей земле.

«...сойду и посмотрю,— говорит Бог Аврааму,— *точно ли они поступают та́к, каков вопль на них, восходящий ко Мне, или нет; узнаю» (Быт. 18: 21).*

Сказав так, они уже было двинулись в путь и даже сделали несколько шагов, но Авраам, обуреваемый страшными предчувствиями, вдруг задержал их и, встав пред ликом Господа, сказал: *«...неужели Ты погубишь праведного с нечестивым?» (Быт. 18: 23).*

Нетрудно догадаться, что старый Авраам вспомнил прежде всего о благочестивом праведнике Лоте, своем племяннике, который, как мы знаем, к несчастью, поселился именно в Содоме. Но тревога его имеет, конечно, и общий смысл. Его волнует кардинальный вопрос: подпадут ли под кару вместе с виновными и невиновные?

В истории человечества Авраам первым задал этот вопрос, оставшийся, увы, открытым и до сих пор.

Все последующие тысячелетия, вплоть до наших дней, люди, как на каменную стену, будут натыкаться на эту проблему, не в силах разрешить ее ни теоретически, ни практически. Сопряженный с проблемой совести, вопрос этот станет болезненным центром всего духовного мира русской литературы, достигнув своей кричащей пронзительности и прямого обращения к Богу у Достоевского.

И в наши дни он остался таким же жгучим и неразрешенным. Печально известная формула «лес рубят — щепки летят», оправдывавшая в недалеком прошлом казни невинных, относится сюда же — к вопросу, заданному Авраамом, когда он, преодолев свою робость, задержал карающего Бога на его пути в Содом, чтобы допытаться о судьбе невинных.

Можно сказать, что в истории о трех странниках и Аврааме впервые в Библии поставлена проблема кардинальной философской важности. Теологи, философы, политики и правоведы будут впоследствии лишь так или иначе варьировать то, что впервые сформулировал, обратившись в наивысшую «инстанцию», мудрый Авраам.

Как мы увидим дальше, в Библии поставлены, по сути, все вечные темы, касающиеся жизни человека на его прекрасной и грешной земле. Важно вместе с тем, что они не только сформулированы, но всегда звучат в неизменно гуманистическом контексте.

Для их практического решения в Библии всегда дается как бы подсказка, направляющая человеческую мысль в сторону высоких нравственно-моральных ориентиров.

Вот почему Библия и стала настольной книгой человечества. В ней сконцентрированы до алмазной, неразрушаемой крепости общечеловеческие нравственные ценности, добытые еще в седой древности ценою многострадального и жестокого, кровавого и зловещего опыта многочисленных поколений.

Обращение Авраама к Богу со своим вопросом — одно из самых патетичных и в художественном отношении самых совершенных мест в Библии. Неотступность Авраама поразительна — он буквально чуть ли не вырывает ответ на свой вопрос, варьируя его так и этак и явно задерживая путников, что можно было бы счесть неучтивостью, если бы это был не Авраам и если бы его вопрос не касался жизни всех будущих поколений. Он словно предчувствует, что именно здесь, в этой проблеме, таится общечеловеческая беда, и хочет предотвратить или смяг-

чить ее. Его тревога, как мы сейчас бы сказали, носит глобальный характер, что и понятно, если учесть слова Бога о множествах, что произойдут и станут жить от Авраамова семени. Правда, все это в далеком будущем. Девяностолетняя Сарра еще должна зачать. Но уже бегает возле шатра маленький Измаил, родившийся от Агари. Будущее приближается явно и неотступно. О нем, полагает Авраам, нужно думать и заботиться даже тогда, когда тебе самому уже сто лет.

Кстати, это еще одна из важнейших библейских заповедей, преподанных человечеству.

Как сказано, Авраам, задержав странников, задает свой вопрос, все ужесточая его, несколько раз. Его цель — добиться ответа и спасти невинных: не только Лота с его семейством, но и тех будущих людей, что произойдут от него с Саррой и от маленького Измаила.

Вопросив: «Неужели Ты погубишь праведного с нечестивым?», Авраам дальше все суживает и суживает свою вопросительную формулировку, пока она не превращается в маленькое острие, ранящее каждого, кто на него наткнется.

Он говорит: *«Может быть, есть в этом городе пятьдесят праведников? Неужели Ты погубишь и не пощадишь места сего ради пятидесяти праведников в нем?*

Не может быть, чтобы Ты поступил так, чтобы Ты погубил праведного с нечестивым, чтобы то же было с праведником, что с нечестивым; не может быть от Тебя! Судия всей земли поступит ли неправосудно?» (Быт. 18: 24, 25).

Авраам произносит свою мольбу почти как требование,— во всяком случае, как заклинание. Подобно тому, как решительно, преодолев робость, остановил он странников, уже направлявшихся к Содому, так же точно пытается он остановить их будущее деяние.

По поводу этого замечательного места в Библии высказывалось мнение, что речь-мольба Авраама есть первая в Библии молитва, если, правда, не считать обращения Ноя к Богу перед отплытием, но у Ноя все же не было столь блистательного, развернутого, поистине ораторского оборота, столь красноречивого Слова, которым он остановил даже Бога. И все же это, конечно, не молитва, хотя обращение Авраама и содержит в себе элемент мольбы и даже заклинания. С первой подлинной молитвой мы еще столкнемся чуть позже, когда зайдет речь об

Иакове, узнавшем о приближении Исава. Здесь же — ораторский монолог, построенный с удивительным искусством.

Бог отвечает Аврааму:

«...если Я найду в городе Содоме пятьдесят праведников, то Я ради них пощажу все место сие.

Авраам сказал в ответ: вот, я решился говорить Владыке, я, прах и пепел:

Может быть, до пятидесяти праведников не достанет пяти, неужели за недостатком пяти Ты истребишь весь город? Он сказал: не истреблю, если найду там сорок пять.

Авраам продолжал говорить с Ним и сказал: может быть, найдется там сорок. Он сказал: не сделаю того и ради сорока.

И сказал Авраам: да не прогневается Владыка, что я буду говорить: может быть, найдется там тридцать? Он сказал: не сделаю, если найдется там тридцать.

Авраам сказал: вот, я решился говорить Владыке: может быть, найдется там двадцать? Он сказал: не истреблю ради двадцати.

Авраам сказал: да не прогневается Владыка, что я скажу еще однажды: может быть, найдется там десять? Он сказал: не истреблю ради десяти.

И пошел Господь, перестав говорить с Авраамом; Авраам же возвратился в свое место» (Быт. 18: 26—33).

Не правда ли, какое потрясающее мужество! Какая неуступчивость духа!.. Авраам, осознающий себя «пеплом и прахом», ничтожной тварью и былинкой перед лицом Бога, однако, осмеливается поднять голос в защиту и твари и былинки, если они не виновны. Он первый в Библии говорит о праве человека на защиту. Поступок Авраама можно назвать подлинным подвигом, продиктованным любовью и состраданием. В этом отношении он прямой потомок Ноя не только по библейскому генеалогическому древу, не только по плоти, но прежде всего — по духу. Ной осуществлял свое призвание, спасая человечество с помощью построенного им ковчега. Авраам тоже спасает человечество, получая от Бога своеобразные гарантии: не истреблю, даже если десять...

Но где все же граница числу, за которым невиновный, оказавшийся, скажем, в единственном числе, должен непременно погибнуть вместе с виноватыми?..

Библия, безусловно, наталкивает на такие размышления и, наталкивая, дает подсказку: даже если один...

Об эту границу рокового числа (сколько же должно быть праведников?) постоянно билась человеческая мысль на протяжении долгих и долгих столетий. Богословы, схоласты, риторы, еретики и ортодоксы, грешники и праведники — все сошлись здесь, в этой роковой точке. Как-никак, но ведь Господь после числа «десять» «перестал говорить с Авраамом», и тот, как сказано, «возвратился в свое место». Что мог думать Авраам? Удовлетворился ли он ответом Бога, отвоевав у смерти десять праведников? А если их будет меньше? Если их будет столько, сколько в немногочисленной семье его племянника, о которой, возможно, он тогда думал, беседуя со своим высоким гостем, и, может быть, даже перебирал в памяти членов его семейства?

Так или иначе, но, судя по всему происшедшему дальше, семья Лота не доходила до десяти человек.

СОДОМ И ГОМОРРА

Возвратясь «в свое место» и готовясь ко сну, так как уже был поздний вечер, Авраам продолжал думать о словах «старшего», которого он даже мысленно боялся называть Богом, хотя и был уверен, что это именно так, что он был удостоен поистине великой беседы. Когда Сарра подавала ему ужин, он упрекнул ее в давешнем глупом смехе, но, услышав в ответ, что та смеялась лишь в душе своей, снова уверовал в божественность своего посетителя. Глядя в огонь жаровни и наблюдая, как тени от Сарриной фигуры, изогнувшись на покатых стенах, вновь выпрямлялись на коврах, служивших перегородками, он вспомнил, как быстро исчезла тень «старшего», когда трое странников отошли от него на содомской дороге. Он хорошо помнил, что, оглянув-

шись, он увидел лишь две удалявшиеся фигуры, и понял, что именно два ангела и были посланы с господней миссией в Содом. Им предстояло, несмотря на их летящую походку, идти долго, и, по подсчетам, которые Авраам сделал в уме, они должны были появиться в Содоме к вечеру следующего дня. Ночь длилась для него бесконечно. Не сомкнув глаз до утра, он слушал, как шумит от ночного движения воздуха Мамврийская роща, как тяжело перебирает листьями могучий дуб, укрывающий его шатер огромной и тоже похожей на шатер кроной; ему казалось даже, что он слышит тонкую музыку песка в пустыне, окружавшей со всех сторон Мамврийский оазис. В эту долгую ночь он неожиданно для себя вспомнил всю свою жизнь — детство в Уре, и своего отца Фарру, и свои скитания по пустыне, вспомнил Египет и всю историю с фараоном. Многое пришло ему на ум, но судьба Лота не выходила из головы. Он любил своего племянника и желал ему спасения. С ужасом представлял он себе гнев господень, обрушившийся на Содом, а может быть, и на Гоморру, а может быть, и на остальные три города, лежавшие поблизости и, надо думать, давно зараженные содомским грехом. Он страстно желал, чтобы божий гнев пощадил всех людей, грешных и праведников, и втайне надеялся, что немногочисленное семейство Лота успело увеличиться за то время, пока он не имел о нем известий: караванов из Содома давно не было.

Так прошла ночь, наступило утро, и минул, склонившись к вечеру, еще один жаркий день, и снова наступил вечер. Авраам предполагал, что ангелы-посланцы уже появились в Содоме. В глубине души он надеялся, что они прежде всего придут к Лоту, ведь в Содоме именно Лот был праведником, за что и ненавидели его содомляне, всячески издеваясь над его семьей и выкрикивая разные непристойности у стен его жилища.

Лот не раз подумывал о том, чтобы уйти из Содома, но другие четыре города, находившиеся невдалеке, были ничем не лучше, особенно Гоморра.

Кроме того, что-то необъяснимое и твердое властно удерживало его в Содоме.

Лишь после великой катастрофы он поймет, что жестокая воля, державшая его, была божьим намерением испытать и спасти содомлян. Своею праведною жизнью он ежедневно подавал им пример и указывал тем самым дорогу к верному спасению. Лот был, одним словом,

заложником небес на грешной земле. Его праведная душа была оазисом среди пустыни и смрада греха.

Однако хотя Лот уже очень давно жил в Содоме, но заложничество его так и не вразумило содомлян, и он часто думал о том, что терпение небес может иссякнуть в любую минуту.

К вечеру того дня, который, как мы знаем, уже вычислил в своем уме Авраам, оба юноши-посланца пришли в Содом и действительно, как того и хотелось мамврийскому старцу, тотчас встретили Лота у самых городских ворот. Он нередко любил сидеть там по вечерам, дыша прохладой и надеясь первым встретить припозднившийся караван и, может быть, получить весточку от Авраама.

Увидев двух странников, приблизившихся к воротам и уже едва видных в быстро сгущавшихся сумерках, он поднялся им навстречу и со свойственным всему Авраамову роду сердечием пригласил их к себе в дом. Путникам омыли ноги и подали ужин. Они поневоле вспомнили Авраама — тот точно так же встретил их у своего шатра: омыл ноги и дал еду.

Появление двух красивых юношей в белоснежных одеждах не прошло незамеченным для содомлян. Хотя Лот шел с ними к своему дому в темноте, так как южная ночь, после кратких сумерек, наступает мгновенно, несколько жителей, для которых, как было заведено в этом распутном городе, лишь ночью и наступала настоящая жизнь, тотчас заметили и оценили красоту спутников Лота. Они, конечно, оценили ее по-своему, со свойственным им сладострастием и греховным вожделением. Не прошло, кажется, и часа, как у стен Лотова жилища собралась разнузданная и похотливая толпа. Беснуясь и осыпая дом камнями, содомляне требовали у Лота выдать им его гостей. Лот, его жена и дочери были напуганы до крайней степени, и лишь двое юношей по видимости сидели спокойно. Между тем толпа ревела и бушевала. В стены сыпались камни. Вот уже и тяжелая дубовая дверь, окованная медными полосами, стала подаваться и трещать под напором чьих-то тел. Если бы Лот осмелился выйти наружу, он увидел бы множество факелов и светильных плошек, освещавших разъяренные лица. Казалось, вся ненависть, накопившаяся в темных душах жителей Содома, выплеснулась наружу. Уже кто-то тащил бревно, чтобы бить им в стены и в дверь, кто-то подносил факел к ставням...

По законам гостеприимства и по законам своей праведной души Лот был обязан спасти посетивших его юношей или погибнуть вместе с ними. Он уже считал свой дом, и семейство, и двух юношей-гостей обреченными, как вдруг последнее — ужасное — решение пришло ему на ум: взамен юношей он решился предложить содомлянам своих дочерей. То было действительно последнее, что он мог сделать.

Выйдя наружу перед мгновенно затихшей толпой, он внятным и твердым голосом предложил свою страшную дань. Но уже через мгновение толпа взвыла и ринулась к жилищу. Откуп Лота не был принят. В Библии об этом сказано так: *«Но они сказали ему: пойди сюда. И сказали: вот пришелец, и хочет судить? теперь мы хуже поступим с тобою, нежели с ними. И очень приступали к человеку сему, к Лоту, и подошли, чтобы выломать дверь...» (Быт. 19: 9).*

Но дверь открыли сами юноши, они подхватили почти обеспамятевшего Лота, ввели его в дом, а тех, что бесновались снаружи и готовы были ворваться в жилище, поразили слепотой.

Для ослепших содомлян ночь стала вечной, они уже не видели ни входа в дом Лота, ни самой улицы, ни огня факелов и лишь ощупью могли возвратиться к своим собственным жилищам.

Успокоив Лота, ангелы стали спрашивать, кто еще кроме дочерей и жены входит в число его родственников. Можно предположить, что, справляясь о числе, юноши-спасители надеялись, что оно будет равно десяти, а может быть, даже и превысит его. Ведь, как мы помним, разговор Авраама с Богом прекратился именно на этом роковом числе. В Библии не сообщается, сколько же было родственников у Лота. Самое страшное, что их могло быть и десять, и больше, но часть из них отказалась покинуть Содом даже после того, как Лот все рассказал им о своих гостях и о том, что Содом должен быть разрушен. Правда, есть основания думать, что о числе «десять» Лот не знал, а потому и подсчетов Лотово семейство не вело. Но тем, так сказать, объективнее было решение истребить Содом: ведь родственники Лота, исключая дочерей и жену, не хотели его покинуть. Вполне возможно, что нравы и обычаи Содома уже не казались им отвратительными, что они сами уже сделались содомлянами — не по месту своего пребывания, а по духу и при-

вычкам. Можно предположить и другое: они не поверили словам Лота о том, что город будет разрушен; им, видите ли, «показалось, что он шутит», а это уже был грех, поскольку Лот говорил не от себя, а от имени небесных посланцев, а кроме того, он ведь, надо думать, рассказал им о слепоте, поразившей содомлян, что, наверно, было, по его мнению, первым признаком уже вершащейся кары. Наконец, возможна и еще одна догадка, почему Содом все же был разрушен. Дело в том, что родственники, которых Лот увещевал уйти из города, называются в Библии «зятьями». Это слово —«зятья»— издавна вызывало разногласие и недоумение среди библеистов, считавших его одним из тех противоречий и загадочных мест, что нередки в Библии. Некоторые полагали, что здесь, скорее всего, описка древнего переписчика. Какие могут быть «зятья», если дочери Лота непорочны, если они еще не замужем? Это видно из слов самого Лота, когда, выйдя из дому к разбушевавшейся толпе, он сказал: «вот у меня две дочери, которые не познали мужа...» Комментируя это темное место, часть исследователей приходит, однако, к выводу, что по обычаям того времени зятьями считались и назывались в быту обрученные, то есть женихи, но еще не мужья. Именно так можно понимать слова Библии: *«И вышел Лот, и говорил с зятьями своими, которые брали за себя дочерей его...» (Быт. 19: 14)*. Если это действительно так, если так называемые «зятья» были лишь женихами, то они, следовательно, не являлись и родственниками в полном и прямом смысле этого слова. В таком случае опасения Авраама, что немногочисленное семейство Лота вряд ли включает в себя десять человек, имеют основания; значит, в Содоме оказалось, к несчастью для этого города, меньше десяти праведников.

Дальше читаем: *«Когда взошла заря, Ангелы начали торопить Лота, говоря: встань, возьми жену твою и двух дочерей твоих, которые у тебя, чтобы не погибнуть тебе за беззакония города.*

И как он медлил, то мужи те [Ангелы], по милости к нему Господней, взяли за руку его и жену его, и двух дочерей его, и вывели его, и поставили его вне города...» (Быт. 19: 15, 16).

Затем ангелы, потребовав, чтобы он ни в коем случае не оглядывался и чтобы не оглядывались ни жена, ни дочери, показали ему высокую гору: именно там, по их сло-

вам, можно было спастись — до гибели города Содома, а вместе с ним и Гоморры, оставалось совсем немного времени. Но Лот недаром был племянником Авраама, остановившего Бога по дороге в Содом, чтобы изложить ему свои вычисления. Так и Лот. Он отказался спасаться на горе, смотревшей в небеса голой вершиной.

«Но Лот сказал им: нет, Владыка!

Вот, раб Твой обрел благоволение пред очами Твоими, и велика милость Твоя, которую Ты сделал со мною, что спас жизнь мою; но я не могу спасаться на гору, чтоб не застигла меня беда и мне не умереть;

Вот, ближе бежать в сей город, он же мал; побегу я туда...» (Быт. 19: 18, 19, 20).

Город тот, судя по всему, отстоял недалеко от Содома и во время ожидаемой катастрофы, вопреки надежде Лота, легко мог пострадать, но ангелы согласились и взяли тот город под свою защиту.

И действительно, беда обошла этот маленький городок: ни один язык высокого пламени, объявшего близкий Содом, ни огненная сера, обрушивавшаяся на Гоморру, ни соляные потоки, ни раскаленные камни, с треском взлетавшие над соседними несчастными городами, где заживо сгорели все жители,— ничто не затронуло благословенный свыше, охраняемый небесной силой игрушечный и хрупкий Сигор. О его чудесном спасении долго рассказывали подробности. Говорили, например, что землетрясение, а вместе с ним взрыв огненной горы и страшное наводнение, похожее на разливы соляных и серных рек, начались тотчас, как только в городские ворота вбежал Лот со своими дочерьми.

Жена же его не добежала до Сигора.

Жена же его, почти у самых ворот сигорских, забыв о запрете ангелов или не придав ему значения, оглянулась в сторону Содома. Может быть, она хотела попрощаться с тем местом, где прошла почти вся ее жизнь, где она была счастлива с мужем и вообще была счастлива, несмотря на то, что нравы содомлян были ей чужды и противны, но там, в оставленном и обреченном городе, находился ее дом и была дорога всякая мелочь, принадлежавшая семейному очагу. Наверно, именно такие чувства наполнили ее душу, когда, не выдержав, она все же кинула прощальный взор туда, где, как она знала, вскоре не останется ничего.

Стремительный соляной смерч, уже мчавшийся к Содому, и настиг ее в это мгновение. Не оглянувшись, она успела бы вбежать в ворота.

И до сих пор туристам, проезжающим по дороге южнее Мертвого моря, показывают соляную скалу, в очертаниях которой можно, при некоторой доле воображения, угадать силуэт женской фигуры.

Жена Лота, превратившаяся в соляной столб, на века осталась в памяти людей олицетворением, с одной стороны, женского сострадания к покинутому очагу, а с другой — скорбной жертвой возмездия за непослушание высшей воле. Но вернее было бы сказать, что обе эти стороны постепенно слились вместе, и сейчас библейский рассказ о жене Лота читается с одним лишь горьким чувством жалости, любви и сострадания к женщине, что не сумела — и не умела — не оглянуться на свой обреченный дом.

Ее судьбе предстояло на протяжении тысячелетий, изобиловавших войнами, повторяться и повторяться во множестве человеческих жизней. Как и многое в Библии, образ жены Лота — это образ огромной силы обобщения, ставший общечеловеческим символом страдания изгнанников всех времен и стран. Как характерно и символично, что мы не знаем даже ее имени!..

Но что же было дальше?

После рассказа о жене Лота Библия на минуту возвращается к Аврааму. Ведь, как мы знаем, он провел мучительную ночь, ожидая того часа, когда, по его расчетам, ангелы достигнут Содома. Он встал рано утром со своего беспокойного ложа и пошел к тому месту на дороге в Содом, где всего лишь вчера расстался со «старшим» и его ангелами.

Выйдя на дорогу, Авраам *«...посмотрел к Содому и Гоморре и на все пространство окрестности и увидел: вот, дым поднимается с земли, как дым из печи» (Быт. 19: 28).*

Библия, как уже было сказано, всегда исключительно лаконична. Она чаще всего дает лишь краткую запись происшедшего, не вдаваясь, за редкими исключениями, в описание переживаний. Однако сама лаконичность повествования, как ни странно нам, привыкшим к романной прозе, дает иногда больше, чем подробное описание. Величие событий, торжественность слога, категоричность

изложения, не предусматривающего сомнений, и какая-то императивность, повелительность стиля, почти гипнотического в своем ритме,— все это восполняет недостающие звенья, пропущенные или выкрошенные временем эпизоды.

Так и здесь, в этой маленькой сценке, показывающей нам старого Авраама на содомской дороге ранним утром и на том самом месте, где он распрощался с тремя странниками, нам многое ясно уже хотя бы потому, что мы хорошо знаем все, случившееся с Авраамом и накануне, и намного раньше.

Мы совершенно ясно представляем себе, что мог чувствовать Авраам, знающий о предстоящей гибели Содома, где живет со своим семейством его Лот. У него нет уверенности, что Лот останется жить, так как десяти праведников в городе Содоме могло и не оказаться.

Возможно, жалея Лота, Авраам вспомнил свою молодость в Уре, где он когда-то жил с отцом Фаррой, Лотом и братом, впоследствии затерянным на дорогах жизни. Но, возможно, вспомнил он и весь род свой, и тут могла прийти ему на память история Ноя, семейство которого, как он хорошо знал из четких еще тогда преданий, переполненных утратившимися затем подробностями, состояло из восьми человек. Со свойственной Аврааму способностью к выкладкам он не мог не догадаться, что все древнее человечество погибло, возможно, именно потому, что не нашлось тогда, перед самым потопом, десяти праведников, а было их только восемь. Не потому ли, мог рассуждать он далее, «старший» и прекратил разговор с Авраамом, когда просьба его дошла до числа «десять»? По-видимому, размышлял Авраам, глядя на дым, поднимавшийся со стороны Содома, в семействе Лота, единственном праведном семействе в развращенном городе, было меньше десяти человек.

Сколько ни ждал Авраам вестей о Лоте, однако караванов со стороны Содома больше не было. Севернее Содома образовалось огромное соленое озеро, превратившееся затем в море, названное Мертвым, а дорога на юг, по которой можно было бы пройти в сторону знаменитого для всех путешественников и купцов Мамврийского оазиса, была закрыта высокими каменными разломами, между которыми струились серные ручьи, еще и по сей день дающие о себе знать выбивающимися из-под земли горячими источниками.

Неизвестно, по какой причине, но, оказывается, Лот вскоре ушел из спасительного для него Сигора. Возможно, он просто раскаялся, что в свое время пренебрег словами ангелов, направлявших его, как мы знаем, не в Сигор, а на высокую гору — самое безопасное тогда место среди разбушевавшейся стихии огня, серы и смолы.

Случай с женой, которая погибла именно потому, что она ослушалась ангелов и посмела оглянуться, также не выходил у него из головы. Тоска, душевная мука и раскаяние, скорее всего, и вынудили Лота уйти из Сигора.

Куда же он пошел? Разумеется, он пошел на гору — ту самую, что указали ему посланцы Бога.

Там и стал жить Лот вместе со своими дочерьми.

Шли годы, они жили одиноко и неторопливо вели свое маленькое хозяйство. Их жизнь была совершенно отшельнической. Насколько хватал глаз, они изо дня в день видели одно и то же: вся окрестная местность, исковерканная катастрофой, представляла собою нагромождение камней и обломков скал, базальтовых черных глыб и серой, как пемза, застывшей лавы, повсюду еще курился дым и поднимались струи пара от клокотавших источников. Лишь далеко, за горизонтом, невидный даже с вершины горы, лежал, как они знали, избежавший кары город Сигор.

Шли годы. Дочери уже вышли из возраста невест. Они с тоской думали о приближавшейся зрелости, а затем и о неотвратимой старости. Их женихи («зятья») погибли в Содоме. Трудно было надеяться, что кто-либо вдруг появится на их опостылевшей горе,— вокруг простиралась безжизненная пустыня. Правда, был Сигор, но отец под страхом проклятия запретил думать о нем. Сигор был его грех, свидетельство и символ его непослушания божьей воле. Он считал, что должен был жить и умереть на горе. Думал ли Лот о том, что с его смертью оборвется и его колено, его род? Он ведь не знал, что Агарь, наложница Авраама, уже родила маленького Измаила. Не знал он и того, что у Авраама и Сарры должен будет родиться собственный ребенок, которого они назовут Исааком, что значит «радость», или «смех». Он твердо знал, что умрет и не оставит по себе потомства, ибо некому познать дочерей его. Но на то — так мог рассуждать Лот — божья воля и божья кара.

Между тем дочери, в отличие от Лота, думали о потомстве неотступно. Эта мысль преследовала их днем и ночью. В своих мечтах и ночных фантазиях они перебрали множество вариантов, но все отпадали по самой простой и единственной причине — из-за их полной отъединенности от мира.

И все же одна возможность, о которой они поначалу боялись даже думать и старались не говорить о ней между собою, постоянно возникала в их распаленном воображении.

Они могли зачать от своего отца.

Мысль эта, показавшаяся сначала чудовищной, потом стала представляться забавной, а после сделалась вполне привычной, и ее обдумывали и так и сяк. Конечно, сам Лот никогда не пошел бы на такой грех — грех поистине содомский, но его дочери уже принадлежали к другому поколению. В отличие от Лота, которого содомляне всегда дразнили словом «пришелец», они выросли в Содоме, и, возможно, дух этого города незаметно проник в их душу, взрастив там семена греха. В то же время они во время обдумывания своего плана могли отчасти утешаться и некоторыми обычаями собственного народа, а именно теми обычаями, что, например, позволили Сарре самой отобрать и привести наложницу к Аврааму, когда ее бесплодие стало угрожать прекращением потомства. Среди Авраамова народа такой вынужденный обстоятельствами поступок не считался за грех. Однако дочери Лота еще долго сомневались, так как не могли припомнить, чтобы наложницею стала дочь (или даже дочери). Но и тут они утешали и оправдывали себя мыслью, что не знают таких случаев просто по бедности своего житейского опыта. В пестрой сумятице преданий подобный случай мог просто не попасться им на глаза. В конце концов, все ли рассказывают детям и девицам? В семье Лота, воспитывавшего дочерей в неукоснительном благочестии, ненужных, а тем более греховных разговоров не велось.

Дочери Лота, решив зачать от него, придумали сделать это так, чтобы Лот, дав семя будущему потомству, вместе с тем оставался бы в неведении относительно совершенного им поступка. С этой целью они решили напоить отца, чтобы взять этот грех на себя, оставив отца как бы безгрешным.

Но предоставим речь Библии:

«И сказала старшая младшей: отец наш стар, и нет человека на земле, который вошел бы к нам по обычаю всей земли.

Итак напоим отца нашего вином, и переспим с ним, и восставим от отца нашего племя.

И напоили отца своего вином в ту ночь; и вошла старшая и спала с отцом своим; а он не знал, когда она легла и когда встала.

На другой день старшая сказала младшей: вот, я спала вчера с отцом моим; напоим его вином и в эту ночь; и ты войди, спи с ним, и восставим от отца нашего племя.

И напоили отца своего вином и в эту ночь; и вошла младшая и спала с ним; и он не знал, когда она легла и когда встала.

И сделались обе дочери Лотовы беременными от отца своего;

И родила старшая сына и нарекла ему имя: Моав. Он отец Моавитян доныне.

И младшая также родила сына, и нарекла ему имя: Бен-Амми. Он отец Аммонитян доныне» (Быт. 19: 31—38).

Больше о Лоте и его дочерях и о том, как они жили после рождения сыновей, нам ничего не известно.

Относительно рассказа о невольном грехе праведного Лота можно, пожалуй, лишь добавить, что в нем чувствуется (как, впрочем, нередко в Библии) легкая перекличка с невольным грехом праведного Ноя. Как мы помним, Ной, поселившись в долине Араратской, развел там виноградник и, выпив однажды незнакомого ему виноградного сока, уснул хмельным сном. Он спал обнаженным, что дало повод Хаму посмеяться над ним. Ной, как и Лот, впал в грех и ввел своего сына в грех по неведению.

Подобные переклички, всегда имеющие подчеркнутый моральный, поучительный смысл, по-своему скрепляют достаточно разрозненные страницы библейских рассказов, но скрепы эти ненавязчивы и не жестки, они рассчитаны, скорее, на нашу интуицию и догадку.

Однако вернемся к Аврааму. Мы его оставили, повествуя о Лоте, на том месте дороги, где он смотрел на далекое зарево и дым, поднимавшиеся над Содомом.

АВРААМ И АВИМЕЛЕХ

Вскоре запах дыма дошел и до Мамврийской рощи. Очевидно, усиливавшийся ветер гнал серные испарения, а вместе с ними и вулканическую пыль далеко к югу. Воздух был тяжел и смраден, солнце порою едва пробивалось сквозь тусклую пелену и странно меняло свой цвет, становясь то блекло-серым, то оранжевым и багровым. Зловещие желто-зеленые тучи, свивавшиеся жгутами, придавали всему ландшафту пугающий вид. Попряталось все живое. Так продолжалось несколько дней. Авраам решил покинуть обжитое место, и вскоре длинный караван двинулся к югу. Прошло много времени, прежде чем запах серы и гари исчез, а зловещее зарево скрылось за выпуклостью земли. Дышать наконец-то стало легко и свободно.

Мысленно Авраам распрощался с Лотом. Он знал, что больше никогда его не увидит. То была самая большая потеря за его долгую жизнь. В свое время он тяжело пережил смерть отца, но Фарра был очень стар, и кончина его была естественной. Лот был любимцем. И Авраам и Сарра относились к нему, как к сыну. Если бы было довольно пастбищ, они бы никогда не разделились. Видно, такова божья воля.

Авраам направился на самый юг Ханаана. Там были прекрасные места, особенно между Кадешом и Суром: просторные пастбища, луга, покрытые травой, и три источника чистой холодной воды, ломящей зубы даже в самый знойный день. Места были богатые и гостеприимные. Уже через несколько дней Авраам был приглашен царем герарским Авимелехом, владевшим обширными землями к западу и югу. Ему принадлежало несколько городов, и двор его славился роскошью.

Авимелех был давно наслышан о мудром Аврааме, о его полководческих талантах и примерной добродетельности. Но о Сарре, жене Авраама, он не знал ничего,

кроме того, что она славилась красотою. Однако Сарре в это время было уже, как мы знаем, около девяноста лет. Каково же было удивление Авимелеха, когда он увидел женщину, исполненную редкого обаяния.

Надо сказать, что Библия особо подчеркивает обманчиво молодой вид Сарры, что, возможно, было вызвано начавшейся беременностью, чудесно преобразившей старую женщину.

Авраам, еще по пути к Авимелеху, почувствовал тревогу, какую он испытал когда-то при въезде в Египет. Неужто царь герарский, как некогда фараон, заинтересуется его Саррой и захочет убрать со своей дороги нежелательного ему соперника-мужа?

Следует заметить, что это едва ли не бродячий сюжет в Библии,— так или иначе, в разных обличьях он варьируется на ее страницах, возникая в непохожих друг на друга историях.

Авраам, как уже было в Египте, выдает Сарру за свою сестру.

И история повторяется: Авимелех, как когда-то египетский фараон, приближает к себе Сарру.

Вмешивается Бог.

На этот раз кары, обрушившиеся на герарского царя, захотевшего, хотя и по неведению, сотворить прелюбодеяние, вступив в связь с замужней женщиной, не были так страшны, как в Египте, но все же весьма ощутимы и очевидны. Авимелех, у которого открылись глаза на истинное положение дела, тотчас выпустил Сарру из своего гарема, не успев прикоснуться к ней. В глубине души (и совершенно справедливо) он считал во всем виновным Авраама.

«И призвал Авимелех Авраама и сказал ему: что́ ты с нами сделал? чем согрешил я против тебя, что ты навел было на меня и на царство мое великий грех? ты сделал со мною дела, каких не делают.

И сказал Авимелех Аврааму: что́ ты имел в виду, когда делал это дело?

Авраам сказал: я подумал, что нет на месте сем страха Божия, и убьют меня за жену мою...» (Быт. 20: 9, 10, 11).

Это место в истории об Аврааме и Авимелехе интересно не только по своему психологическому правдоподобию и по выразительности, с какою обрисованы нра-

вы тех времен, но и по своему общечеловеческому гуманистическому смыслу. Ведь Авраам и Авимелех чтили разных богов, но Авимелех не только простил Авраама, но буквально задарил его многочисленными подарками, желая как-то загладить моральный урон, поневоле нанесенный его семейству в истории с Саррой. И для Авраама, и для Авимелеха существуют некие высшие моральные нормы, которые переступают границы наций и религий.

Оказывается, кроме того, что Сарра и в самом деле является его сестрой — у них один отец и разные матери. Такие браки в древности были возможны и не наказывались ни богом, ни людьми.

Замечательно звучат слова Авраама в его заключительном объяснении с Авимелехом. Он говорит: *«Когда Бог повел меня странствовать из дома отца моего, то я сказал ей (Сарре.— А. П.): сделай со мною сию милость, в какое ни придем мы место, везде говори обо мне: „это брат мой"» (Быт. 20: 13).*

Люди — братья. И как бы ни пестра была Библия в своих рассказах о жестоких войнах и распрях, о кровопролитиях и казнях, эта мысль, высказанная Авраамом: «Всюду говори обо мне: это брат мой», осталась в истории как высокий и священный для человечества завет добра и любви. Увы, люди на протяжении последующей тысячелетней истории только и делали, что нарушали его, натравливая племена и народы друг на друга, вступая в религиозные войны и противопоставляя одни народы другим. В самой Библии тоже громко звучит мысль о богоизбранности народа, которому предстояло произойти от Авраама. Но, как ни парадоксально, именно Авраам первым произнес замечательные слова о братстве людей: «Всюду говори: я брат твой».

И как характерно, что народы, происшедшие от семени Авраама,— иудейский и мусульманский — в истоке своем, в начале начал, имеют, по Библии, одного праотца: Авраама.

ИСТОРИЯ ИСААКА

Уже говорилось, что Агарь, наложница Авраама, вернувшись из пустыни, куда она убежала от притеснения Сарры, вскоре родила сына Измаила.

От нее, египтянки, и от Измаила, сына Авраама, предстояло в будущем произойти многим народам мусульманской веры.

Как и было предсказано, престарелая Сарра разрешилась от бремени, родив сына, названного Исааком, что значит «радость», или «смех». Относительно имени высказывались догадки, что оно было выбрано в память о радости, испытанной Саррой, наконец-то ставшей матерью. Но не менее правомочно и другое мнение, сторонники которого считают, что имя Исаака, означающее одновременно и «радость» и «смех», было выбрано в напоминание о смехе Сарры, когда она услышала от «старшего» странника, что должна родить.

Когда родился Исаак, маленькому Измаилу было уже тринадцать лет. Естественно, они росли вместе и доставляли старому Аврааму большую радость. Он надеялся, что они будут дружны и станут верными помощниками в его старости.

Но, по-видимому, живой и дерзкий, насмешливый и драчливый Измаил полностью унаследовал черты Агари, имевшей, как мы помним, характер не только живой, но и достаточно вздорный. Недаром она никак не могла поладить с Саррой. И хотя после возвращения из пустыни долго плакала, раскаивалась, просила прощения и вела себя примерно, все же, когда Измаилу не было еще и года, она вновь принялась за прежнее. Ребенок связывал обеих женщин и своей детской беспомощностью, забавными выходками и улыбкой быстро пресекал любые размолвки. Авраам страстно любил своего первенца.

Увы, Измаил часто обижал своего маленького брата, он смеялся над ним и, будучи старше и сильнее, часто притеснял его. Агарь, со своей стороны, защищала сына

Изгнание Авраамом Агари с сыном Измаилом.

и вступала в постоянные пререкания с Саррой. И вот повторилось то, что уже было. Как ни скорбел Авраам, но он внял словам Сарры и решил отпустить Агарь и Измаила на все четыре стороны.

«Авраам встал рано утром, и взял хлеба и мех воды, и дал Агари, положив ей на плечи, и отрока, и отпустил ее...» (Быт. 21: 14).

Скорее всего, как и в прошлый раз, Агарь двинулась в сторону Египта — давняя мечта о возвращении на родину, по-видимому, никогда не оставляла ее. Но пустыня была огромна и безводна. Медленно бредя вперед уже много дней, они съели и выпили все свои припасы и, судя по всему, очень далеко отошли от Авраамова дома, чтобы можно было вернуться обратно и вновь попросить прощения у строгой Сарры и доброго Авраама. Наконец они потеряли счет дням и полностью обессилели. Особенно мучился юный Измаил, и казалось, часы его уже были сочтены. Агарь не в силах была видеть его предсмертных мучений.

«И пошла, села вдали, в расстоянии на один выстрел из лука. Ибо она сказала: не хочу видеть смерти отрока. И она села против (него.— *А. П.*), *и подняла вопль, и плакала...» (Быт. 21: 16).*

Стоны Измаила и вопль Агари были услышаны. Подняв глаза, она неожиданно увидела неподалеку от себя колодец с водою, быстро наполнила мех, и Измаил, испив, как сказано в Библии, живой воды, сразу пришел в себя.

Когда Измаил вырос, он остался жить в пустыне и занимался звериной ловлей. Он был превосходный стрелок из лука, и никто не мог превзойти его в этом искусстве.

Известно, что Агарь, бывшая со своим сыном неотлучно, нашла ему жену из Египта и тем самым хотя бы отчасти удовлетворила свою тоску по родине, так как в маленьких своих внуках с радостью видела черты родного ей народа.

Между тем, повествует далее Библия, Бог захотел испытать твердость духа и веры Авраама. Причиной тому были, скорее всего, жалобы Авраама и постоянная тоска его по любимому первенцу Измаилу. Были ночи, когда Авраам не смыкал глаз, думая о том, что могло произойти в пустыне, всегда безжалостной к путникам, бредущим

по ней в одиночку. Можно пройти огромное расстояние и не встретить ни одного колодца, так как песчаные бури и смерчи засыпают их, и лишь очень опытные путешественники, владельцы караванов, способны отыскать засыпанный источник и вновь возвратить ему жизнь. В пустыне рыскают дикие звери, и горе тому, кто безоружным попадется на их пути. Правда, Измаил отличный стрелок и у него есть большой запас стрел, но ведь силы от голода и жажды могут иссякнуть, и тогда рука не сможет натянуть тетиву. Из ночи в ночь ему представлялись картины, одна ужаснее другой: вот лев, раздирающий Измаила, вот гиена, уничтожающая его останки. Он горько упрекал Сарру за то, что она не смогла примирить маленьких братьев, что не могла ужиться с Агарью... Более того, он готов уже был роптать и на Бога.

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ АВРААМА

В одну из таких тяжких ночных минут и было ему видение. Он как бы вновь, сквозь сон и полудрему, сквозь свою боль и страдание, увидел того «старшего», что подходил к нему с двумя другими странниками на содомской дороге, а, увидев, услышал и голос, повелевший взять Исаака и на одной из гор принести его в жертву.

Ранним утром Авраам оседлал осла, положил на него сухие дрова (для сожжения тела) и, взяв двух слуг и Исаака, двинулся в путь. Надо было идти к горе, возвышавшейся «в земле Мориа», то есть почти три дня. Столь неблизкий путь был предуготовлен Аврааму не только потому, что не было гор ближе, а, конечно, из того, чтобы дополнительно испытать его веру. Но ни разу за все три дня пути и за три ночи, когда они

ночевали, раскинув шатер возле знакомого источника, Авраам не поколебался в своем послушании. Каждый шаг был тяжел, так как приближал к ужасной цели, но Авраам был тверд и лишь временами ласково касался сына — единственного своего сына, рожденного от Сарры. Так вел он свою радость и Саррин смех в жертву Богу.

Достигнув подошвы горы, Авраам приказал слугам остаться и, положив на спину Исааку вязанку дров, двинулся по еле заметной тропе к вершине.

«И начал Исаак говорить Аврааму, отцу своему, и сказал: отец мой! Он отвечал: вот я, сын мой. Он сказал: вот огонь и дрова, где же агнец для всесожжения?

Авраам сказал: Бог усмотрит Себе агнца для всесожжения, сын мой. И шли далее оба вместе.

И пришли на место, о котором сказал ему Бог; и устроил там Авраам жертвенник, разложил дрова и, связав сына своего Исаака, положил его на жертвенник поверх дров.

И простер Авраам руку свою и взял нож, чтобы заколоть сына своего.

Но Ангел Господень воззвал к нему с неба и сказал: Авраам! Авраам! Он сказал: вот я.

Ангел сказал: не поднимай руки твоей на отрока и не делай над ним ничего; ибо теперь Я знаю, что боишься ты Бога и не пожалел сына твоего, единственного твоего, для Меня.

И возвел Авраам очи свои и увидел: и вот, позади овен, запутавшийся в чаще рогами своими. Авраам пошел, взял овна и принес его во всесожжение вместо Исаака, сына своего» (Быт. 22: 7—13).

Такова была величественная и трагическая предыстория жизни Исаака, которому предстояло стать одним из великих патриархов древности, давших жизнь многим замечательным людям, в том числе и Иосифу Прекрасному.

После случившегося мирная жизнь в доме Авраама продолжалась еще долго. Возмужав, Исаак стал верным помощником отцу во всех его делах. Правда, Авраам так и не смог забыть Измаила; не было дня, чтобы он не посмотрел в сторону дороги, ведшей, как он знал, к Египту, с тайной надеждой увидеть возвращающихся в родной дом первенца и Агарь. Немало путников прошло мимо дома Авраама, и немало караванов, позвякивая коло-

Авраам и его сын Исаак.

кольцами, прошествовало по дороге, но никогда никто не принес ему вестей от Измаила. Лишь однажды услышал он рассказ о каком-то необыкновенно метком стрелке, жившем в шатре с египтянкой-женою и с матерью в пустыне Фарах. Сердце Авраама бешено забилось, но он сдержал себя, полагая, что на все есть воля божья.

Настал печальный день, когда Сарра, достигнув ста двадцати семи лет, тихо скончалась, благословив слабеющей рукою Авраама и Исаака.

Авраам похоронил ее на специально купленном участке в пещере близ Хеврона. Впоследствии там же упокоится и его прах.

Это место, доныне почитающееся священным и у христиан, и у иудеев, и у мусульман, находится сейчас возле маленькой крепости, возвышающейся над Хевроном. Его охотно посещают паломники и туристы — люди разных вер и разных национальностей. Они идут поклониться своим общим прародителям.

Когда Исааку исполнилось сорок лет, Авраам решил подыскать ему жену. Он призвал уже знакомого нам домоправителя Елиезера (того самого, что так подробно рассказывал о Ноевом ковчеге со слов своих предков) и приказал ему найти девицу обязательно в Месопотамии, в городе, где когда-то жил Нахор, его потерянный брат. По-видимому, Авраам надеялся, что ему удастся соблюсти обычаи своего племени, если Елиезер найдет родственников Нахора. Ведь, как мы знаем, и сам Авраам был женат на сестре, и многие другие в те времена предпочитали жениться на родственниках, чтобы тем самым сохранить кровную прочность племенного или родового союза.

Наказ Авраама, данный Елиезеру, был строгим и определенным. Женщина, которую изберет слуга, во-первых, не должна принадлежать к хананеянскому народу, во-вторых, она должна прибыть в дом Авраама и Исаака добровольно и, в-третьих, что самое трудное, она должна хотя бы отдаленно быть родственной семье брата Нахора. Если первые два условия казались относительно легкими, то третье, если учесть, что о Нахоре долгое время не было никаких известий, представлялось Елиезеру трудным и даже вряд ли вообще выполнимым. Но Авраам особенно настаивал на нем, так как не хотел

Ревекка у колодца.

растворить свое племя среди чуждых ему хананеян. Ведь и Сарру ои похоронил вдали от хананеяиских владений, пойдя на очеиь большие расходы ради того, чтобы купить пещеру Махпелу, близ Мамвры, которая, как мы уже знаем, и стала семейиой усыпальиицей патриарха. Ои сказал Елиезеру:

«...клянись мне Господом, Богом неба и Богом земли, что ты не возьмешь сыну моему, Исааку, жены из дочерей Хананеев, среди которых я живу;

Но пойдешь в землю мою, на родину мою, и к племени моему, и возьмешь оттуда жену сыну моему Исааку» (Быт. 24: 3, 4).

Чтобы укрепить веру Елиезера, ои сказал ему, что Бог будет покровительствовать ему и что впереди каравана будет незримо шествовать ангел.

Елиезер отправился не налегке. Он вез многочисленные дары и будущей невесте, если таковая найдется, и ее семье.

Забренчали медные колокольцы, и караваи двинулся в путь. Авраам и Исаак долго еще смотрели ему вслед, пока ои наконец не скрылся среди дальних барханов. Путь был не близким, но все десять верблюдов были крепки и иадежны. По расчетам Авраама, провианта и воды вполие могло хватить иа иесколько дней.

И вот наконец караван вошел в землю Месопотамскую, а еще через какое-то время показался и город, где, по предположеииям, жил когда-то брат Авраама Нахор и где теперь следовало найти невесту для Исаака.

Елиезер остановил верблюдов иеподалеку от городских стен — там, где находился колодец. Деиь уже склоиялся к вечеру. Тревога и иадежда переполияли сердце верного Елиезера. Он стал горячо молиться и сказал: *«Господи, Боже господина моего Авраама! Пошли ее сегодня на встречу мне...*

Вот, я стою у источника воды, и дочери жителей города выходят черпать воду;

И девица, которой я скажу: наклони кувшин твой, я напьюсь, и которая скажет мне: пей, я и верблюдам твоим дам пить, пока не напьются,— вот та, которую Ты назначил рабу Твоему Исааку...

Еще не перестал он говорить, и вот, вышла Ревекка...

Девица была прекрасна видом, дева, которой не познал муж. Она сошла к источнику, наполнила кувшин свой и пошла наверх.

И побежал раб на встречу ей и сказал: дай мне испить немного воды из кувшина твоего.

Она сказала: пей, господин мой. И тотчас спустила кувшин свой на руку свою и напоила его.

И, когда напоила, сказала: я стану черпать и для верблюдов твоих, пока не напьются все.

И тотчас вылила воду из кувшина своего в поило, и побежала опять к колодезю почерпнуть воды, и начерпала для всех верблюдов его» (Быт. 24: 12—20).

Надо ли говорить, как обрадован был Елиезер; в Библии сказано, что он был изумлен и даже потерял дар речи. Встреча, исполнившаяся словно по предначертанному свыше, обещала и удачное завершение.

Попросившись переночевать, Елиезер вошел в дом Ревекки. Его приняли как почетного гостя, устроили верблюдов и сопровождающих. Больше всех хлопотала Ревекка. Насытившись, Елиезер стал вести неторопливую беседу, и ему пришлось вновь изумиться и обрадоваться: оказывается, девица была внучкой Нахора, брата Авраама. И Нахор, и его сын Вафуил, отец Ревекки, уже умерли. Отца Ревекки заменял ее старший брат — Лаван. Он был намного старше своей прекрасной сестры и вполне подходил к этой роли.

Словом, Елиезер, посланец Авраама, столько лет горевавшего о Нахоре, оказался в семье ближайших Авраамовых родственников. Он невольно представлял себе, как обрадуется старый Авраам, услышав такое известие, даже если Ревекка откажется покинуть землю и дом своего отца и брата.

То, кстати, было последнее затруднение, беспокоившее Елиезера: согласится или нет Ревекка стать женой незнакомого ей Исаака?

Чтобы убедить Лавана, Ревекку и всех родственников, он полностью раскрыл им весь свой план, а также рассказал о всех чудесных подтверждениях, которые получил, встретив Ревекку у колодца: как она дала ему пить и как напоила его верблюдов, хотя совершенно не знала о том, что именно об этом просил Елиезер у Бога. Чудом было, по его словам, и то, что, прибыв в их город и не ведая, есть ли кто в нем из родственников Нахора, он, однако, очутился в доме Авраамова брата и его внучатой племянницы.

Все были потрясены рассказом Елиезера и в эту ночь даже не сомкнули глаз, заставляя его еще и еще раз пересказывать случившееся.

Надо ли поясиять, что и Ревекка, слушавшая рассказ с горящими глазами, тотчас ответила согласием быть женою Исаака.

У иас иет сведеиий, как жилось Ревекке после смерти отца в доме Лаваиа, ио если учесть его жестокость по отиошеиию к Иакову, будущему сыиу Ревекки и Исаака, когда (в будущем, коиечио) тот попал в услужение к Лаваиу, чтобы получить право жеииться на Рахили, то можно догадаться и о другой причиие быстрого ответа Ревекки. Наверио, ей ие так уж сладко жилось у Лаваиа, если оиа ие осталась даже и иа те десять дией, что Лаваи и мать давали ей, дабы оиа еще раз все обдумала и взвесила. Мы ие можем строить по этому поводу особеииых догадок, ио все же ие можем ие обратить внимаиия иа деталь, почти подчеркиутую в Библии. Это то место, где рассказывается, как Лаваи выбежал к Елиезеру, еще стоявшему у своих верблюдов, когда увидел золотую серьгу, подареиную Ревекке, и как был тщеславио поражеи богатством даров, преподиесеиных и ему, и Ревекке, и всем родствеииикам, жившим в то время в доме Нахора.

Возможио, что эти два обстоятельства, свидетельствующие о характере Лаваиа и об атмосфере в доме, сыграли какую-то роль в быстром решении Ревекки, ие очеиь-то, по-видимому, державшейся за эту семью. Кроме того, ей, как и всякому молодому существу, хотелось иовых впечатлеиий.

Одиако чудесиые предзнамеиоваиия и ие меиее чудесиые совпадеиия сыграли в этом деле, по-видимому, все же более важиую, а может быть и едииствеииую, роль, чем разиого рода бытовые причииы, о которых мы, по сути, иичего ие зиаем и можем лишь догадываться и строить иа этот счет предположеиия.

«И отпустили Ревекку, сестру свою, и кормилицу ее, и раба Авраамова, и людей его...

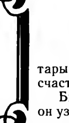
И встала Ревекка и служанки ее, и сели на верблюдов, и поехали...» (*Быт. 24: 59, 61*).

Далее рассказывается, что после иескольких дней пути оии иакоиец прибыли к дому, но еще по дороге, ие доезжая, Ревекка увидела в поле человека и сразу догадалась, что это Исаак. На всякий случай оиа спросила у сопровождавшего ее Елиезера, кто ои, и слуга ответил, как она, впрочем, и ожидала, что это Исаак.

«И ввел ее Исаак в шатер Сарры, матери своей, и взял Ревекку, и она сделалась ему женою, и он возлюбил ее; и утешился Исаак в печали по Сарре, матери своей» (Быт. 24: 67).

Так счастливо (что, кстати сказать, редко бывает в Библии) закончилась вся история.

ИСААК И ЕГО ДЕТИ



тарый Авраам был очень доволен счастливой женитьбой сына.

Была у него и другая радость: он узнал, что первенец его, Измаил, не только жив, но что многочисленные потомки его широко расположились между Евфратом и Черным морем. Правда, придерживались они другой веры, но все равно то была ветвь Авраамова.

После смерти Сарры Авраам долго горевал, но, чувствуя в себе еще немало сил, вновь женился. От второй его жены, Хеттуры, было шесть сыновей. Они быстро подросли, появились внуки, и Авраама, а также Исаака стал тревожить вопрос о наследстве. По законам и обычаям того времени наследником мог быть только первородный сын. Об Измаиле, разумеется, речи не шло, он давно жил самостоятельно и даже не желал показываться в дом отца, затаив обиду за изгнание в пустыню. Чувство обиды, переросшее во вражду, перешло затем и к его народу, презиравшему потомков Авраама.

Следовательно, первородство переходило к Исааку.

Как ни грустно было Аврааму, но он отделил шестерых своих сыновей, а с ними вместе и внуков, посоветовав им направиться к востоку от Ханаана, где, как он знал, было еще очень много свободных и богатых кормом

пастбищ. И они ушли на восток, наделенные богатыми дарами и, по-видимому, понимая справедливость принятого решения, поскольку оно полностью соответствовало всем обычаям предков.

И все же — увы!— и этому народу, происшедшему от Авраама, постепенно стало свойственно чувство вражды к потомкам первородного Авраамова сына Исаака. Надо думать, что как ни священны были обычаи и непреложные законы, регулировавшие права наследства, все же живое чувство не могло с ними полностью смириться и обида, глубоко затаенная в тех людях, что ушли на необжитые земли, оказалась подобна раскаленному углю, лишь едва прикрытому пеплом внешних приличий.

Между тем наступил день, когда Авраам, достигший к тому времени ста семидесяти пяти лет, умер.

На его похороны прибыло все его бесчисленное потомство, в том числе и Измаил, нарушивший ради этого печального и торжественного события обет, данный самому себе,— не возвращаться к отцовскому порогу.

Авраам был погребен рядом с Саррой — в пещере Махпела.

Исаак и Ревекка страстно любили друг друга. На их семейной жизни, исполненной добра и взаимоуважения, словно лежала некая благодать.

Но повторилась давняя история, а именно та самая, что долго была причиной горя Сарры и Авраама. У них не было детей. Богатое жилище, которое и так опустело после отъезда шестерых Авраамовых сыновей и многочисленных внуков, совсем осиротело, когда умер сам Авраам.

Исааку было уже шестьдесят лет, и он все чаще думал о наследнике, порою почти отчаиваясь в своей надежде. Ревекка же, несмотря на то, что годы шли, была тем не менее твердо уверена, что станет матерью. Счастливое начало ее замужества, благословленное явными знамениями свыше, убеждало ее в необходимости ждать и надеяться. Она не допускала и мысли, чтобы выбрать для Исаака наложницу, как это сделала когда-то Сарра, продлившая род рождением Измаила. Ей мешало и чувство женской ревности, так как она любила Исаака с той безраздельной страстью, которая не предполагает возможности пребывания в семье другой женщины.

И вот настал день, когда, убедившись по всем признакам, она сообщила Исааку, что у них будет ребенок. Радость обоих супругов не поддается описанию.

Ревекка родила двоих мальчиков.

Первым появился Исав, а следом за ним, держась, как рассказывали, за его пятку,— Иаков.

Мальчики, однако, разительно не походили друг на друга. Их различие особенно стало бросаться в глаза, когда они подросли. Исав был коренастый, краснолицый, косматый, тело его было покрыто шерстью. Он любил охоту и надолго уходил из дома, выслеживая зверей. А Иаков отличался не только красотою, но и женственностью, он был мягок, кроток, незлобив, любил уединение. Естественно, что дружбы между братьями не было, и Ревекка при случае любила вспоминать, что еще в своем чреве, когда она носила их, постоянно чувствовала толчки, словно кто-то внутри дерется. Она вопрошала тогда Бога, что бы это могло значить, и Бог во сне объяснил ей, что от братьев в будущем произойдут разные народы и что им суждено вечно враждовать между собою. Как мы увидим, так и случилось. Все же Иаков по-своему любил своего грубоватого и диковатого брата, ему нравилась дичь, какую он приносил, и его скупые рассказы об охоте.

Поскольку Исав родился минутою раньше Иакова, он считался сыном первородным и, как мы уже говорили, по тогдашним обычаям становился преимущественным наследником после смерти отца. Тут и споров не могло быть. Но Исаака смущало предсказание, данное ему при рождении сыновей, о том, что старший будет в подчинении у младшего. Предсказание основывалось как раз на том факте, что младший, то есть Иаков, при рождении держался за пятку старшего, а держаться за пятку было в речи этого народа своеобразным фразеологизмом, означавшим примерно: «Уйди с дороги». И следовательно, если верить такому предсказанию, а Исаак, как и все его сородичи, твердо верил в предсказания, приметы, пророчества и предзнаменования, то выходило, что каким-то непонятным образом Исав в конце концов окажется в подчинении у своего младшего брата.

Иногда, как мы знаем, судьба играет в довольно затейливые и неожиданные игры, простые лишь с виду, но серьезные по последствиям.

Так и здесь. Однажды Исав вернулся с охоты страшно голодным, к тому же и охота была неудачной, так что он пришел домой, чего никогда не бывало, с пустыми руками. А Иаков как раз к этому времени сварил себе похлебки из красной чечевицы. И Исав, увидев похлебку, сказал: «Дай мне поесть». Иаков как бы в шутку ответил ему: «Продай мне теперь же свое первородство». То была, конечно, не шутка; наверно, в сознании Иакова бродила смутная мысль, что судьба к нему несправедлива. Зачем зверолову Исаву, думал, по-видимому, Иаков, зачем ему первородство, со всеми вытекающими из него имущественными благами, если он, Исав, вольный и дикий, совершенно не дорожит нн домом, ни имуществом и вряд ли когда займется ведением большого и сложного хозяйства, требующего забот, внимания и расчетов? Разве Исав, со своим необузданным характером, станет разводнть овечьи отары, умножать число верблюдов, ослов и лошаков? Разве он будет вести торг с купцами и снаряжать торговые караваны в дальние города? Нет, представить охотника Исава, не расстающегося с луком и привыкшего дышать вольным воздухом охоты, в такой роли было невозможно. Наверно, и Ревекка, страстно любившая Иакова и недолюбливавшая Исава, что-нибудь подобное говорила своему мужу Исааку, а ее любимец слышал этн беседы. Вряд ли Исаак поддерживал такие разговоры, тем более что они были совершенно бесполезны, но тревога за будущее посещала и его. И вот, снимая похлебку с огня и собираясь подать ее голодному брату, Иаков вдруг и даже неожиданно для самого себя сказал ему: *«Продай мне теперь же свое первородство»,* на что Исав, не терпевший голода, ответил: *«что́ мне в этом первородстве?»*

«Иаков сказал ему: поклянись мне теперь же. Он поклялся ему, и продал Исав первородство свое Иакову.

И дал Иаков Исаву хлеба и кушанья из чечевицы: и он ел и пил, и встал и пошел; и пренебрег Исав первородство» (Быт. 25: 33, 34).

Исав действительно не придавал никакого значения своему первородству, само это слово было для него пустым звуком. Он был создан Богом и природою для вольной жизнн, он по своей натуре был кочевником, охотником, а не скотоводом, не земледельцем и не хозяином. Так и в тот раз, утолив голод и жажду, он лег спать, а

Благословление Исааком сына Иакова.

выспавшись, снова ушел на охоту, даже не вспомнив ни о чечевице, ни об Иакове, ни о своей клятве.

Между тем шли годы. Исаак стал стареть, что поначалу выразилось прежде всего в слабости глаз. Иногда он даже не мог различить, кто прошел мимо него — коренастый Исав или стройный Иаков; очертания людей и предметов словно расплывались в густом предутреннем тумане. Встревоженный, он однажды призвал своего старшего сына Исава и сказал ему:

«...вот, я состарился; не знаю дня смерти моей;

Возьми теперь орудия твои, колчан твой и лук твой, пойди в поле и налови мне дичи,

И приготовь мне кушанье, какое я люблю, и принеси мне есть, чтобы благословила тебя душа моя, прежде нежели я умру» (Быт. 27: 2, 3, 4).

Ревекка, слышавшая эти слова, сразу догадалась, что старый Исаак, почувствовав приближение смерти, решил ввести своего старшего сына в наследство. Сердце ее, горячо любившее младшего сына, воспротивилось решению Исаака, и она задумала пойти на хитрость и обман.

Зная, что Исав уходит ловить дичь в отдаленные излюбленные им места и, значит, вернется не скоро, она замыслила, пользуясь слепотой мужа, подставить ему для благословения вместо Исава своего любимца Иакова и сделать это как можно быстрее, упредив возвращение старшего с его дальней охоты.

Эта хитрость, кстати говоря, может служить косвенным подтверждением, что эпизод с чечевичной похлебкой был, конечно, не случайным, и вполне возможно, что Иаков пошел на свою уловку с согласия матери. Не исключено, что именно Ревекка и придумала все от начала до конца. Теперь надо было упредить Исава, а дальше можно было не беспокоиться, так как Исав не мог отступиться от данной им клятвы не претендовать на первородство.

Ревекка надоумила Иакова быстро сбегать в стадо и принести оттуда двух козлят.

«...и я приготовлю из них,— сказала она,— *отцу твоему кушанье, какое он любит,*

А ты принесешь отцу твоему, и он поест, чтобы благословить тебя пред смертью своею» (Быт. 27: 9, 10).

Послушный Иаков на все согласился, тем более что первая, самая важная часть дела, то есть приобретение первородства за чечевичную похлебку, была уже сделана. Но он обеспокоенно заметил своей матери, что отец, при-

выкший из-за своей слепоты внимательно ощупывать лица и предметы, тотчас заметит, что перед ним не косматый, покрытый шерстью Исав, а гладкий и нежный Иаков, его младший сын. Но Ревекка предусмотрела такую опасность. Недаром она велела принести из стада не одного козленка, которого вполне хватило бы на приготовление кушанья, а двух. Она задумала шкурами козлят укрыть руки и шею Иакова. Кроме того, она достала одежду Исава, которую отец хорошо знал и которая пахла потом Исава, редко умывавшегося и не следившего за собою. Сделав все так, как было задумано хитрой и предусмотрительной Ревеккой, они вскоре, задолго до возвращения старшего сына и брата, приступили к свершению задуманного. Конечно, риск был, но ведь и другого выхода для Ревекки и Иакова не существовало. Хорошо налаженное хозяйство, твердо полагали они, никак нельзя было отдавать в руки человека, совершенно им не интересовавшегося. Конечно, человек, не знающий обычаев и нравов того времени и народа, мог бы подумать, что хозяйством при старшем брате-владельце должен был заняться младший брат, чтобы тем самым и сохранить и умножить его. Однако обычай заставлял младшего брата в случае смерти отца и перехода владения к старшему обязательно отделиться, уйти из дома и начать самостоятельную жизнь. Двух владельцев не могло быть, так как при таком варианте младший брат оказывался в услужении, что считалось позорным, а делить хозяйство воспрещалось, чтобы ни в коем случае не дробить его. Мы помним, что именно так произошло и при Аврааме. И так в те времена происходило всюду и при всех главах семейств. Здесь всегда было много болезненного; обиды долго, а то и вовсе не заживали, что мы уже видели на примере Измаила и несчастной Агари, но обычай есть обычай и закон есть закон.

О том, как Иаков успешно выполнил хитроумный замысел Ревекки, прочитаем в Библии:

«Он вошел к отцу своему и сказал: отец мой! Тот сказал: вот я; кто ты, сын мой?

Иаков сказал отцу своему: я Исав, первенец твой; я сделал, как ты сказал мне; встань, сядь и поешь дичи моей, чтобы благословила меня душа твоя.

И сказал Исаак сыну своему: что́ так скоро нашел ты, сын мой? Он сказал: потому что Господь Бог твой послал мне на встречу.

И сказал Исаак Иакову: подойди ко мне, я ощупаю тебя, сын мой, ты ли сын мой Исав или нет?

Иаков подошел к Исааку, отцу своему, и он ощупал его и сказал: голос, голос Иакова; а руки, руки Исавовы.

И не узнал его, потому что руки его были, как руки Исава, брата его, косматые. И благословил его» (Быт. 27: 18—23).

Как видим, единственное, чего не предусмотрела и не могла предусмотреть Ревекка, это различие в голосах своих сыновей. Здесь она ничего не могла сделать, так как голос охотника Исава был груб и резок, а голос Иакова нежен, как пастушеская свирель. И все же другие приметы — косматость (от козлиной шкуры) и, главное, запах, исходивший от одежды Исава, обманули Исаака, он решил, что перед ним действительно старший сын.

Однако напряжение этой замечательной сцены, поистине классической в мировой литературе, не спадает и тогда, когда успокоившийся Иаков вышел наконец из шатра к поджидавшей его и все, конечно, слышавшей Ревекке.

Оба они с тревогой ждали возвращения с охоты Исава.

Тот пришел, нагруженный дичью, пахнущий степным ветром и пóтом, быстро приготовил кушанье и, ни на кого не глядя, торопясь, вошел к отцу, уже, как мы знаем, отведавшему козленка из рук Иакова.

Как и Иаков, старший сын Исав сказал отцу своему: *«...встань, отец мой, и поешь дичи сына твоего, чтобы благословила меня душа твоя.*

Исаак же, отец его, сказал ему: кто ты? Он сказал: я сын твой, первенец твой, Исав.

И вострепетал Исаак весьма великим трепетом и сказал: кто ж это, который достал мне дичи и принес мне, и я ел от всего, прежде нежели ты пришел, и я благословил его? он и будет благословен.

Исав, выслушав слова отца своего [Исаака], поднял громкий и весьма горький вопль и сказал отцу своему: отец мой! благослови и меня.

Но он сказал [ему]: брат твой пришел с хитростью и взял благословение твое».

И снова Исав просит отца:

«...неужели, отец мой, одно у тебя благословение? благослови и меня, отец мой! И [как Исаак молчал], возвысил Исав голос свой и заплакал.

И отвечал Исаак, отец его, и сказал ему: вот, от тука земли будет обитание твое и от росы небесной свыше.

И ты будешь жить мечом твоим и будешь служить брату твоему; будет же время, когда воспротивишься и свергнешь иго его с выи твоей.

И возненавидел Исав Иакова за благословение, которым благословил его отец его; и сказал Исав в сердце своем: приближаются дни плача по отце моем, и я убью Иакова, брата моего» (Быт. 27: 31—35, 38—41).

Так тень Каина — брата, убившего брата — снова появилась меж людьми.

Библия последовательна: хотя сам Каин давно убит внуком своим Лемехом, который принял его однажды, лохматого и злого, за дикого зверя, запутавшегося в чаще, он все же, как и было предсказано, остался жить среди людей и вот вновь как бы воскрес в косматом и разъяренном Исаве.

Но, будучи последовательной и неуклонно придерживаясь идеи трагического возмездия, Библия в то же время разнообразит свой сюжет, никогда полностью не повторяясь, а если и повторяясь, то в согласии с приемами устного народного творчества, то есть прочно укрепляет событие в памяти слушателя или читателя, если такое событие считает очень важным. Нельзя не заметить, что подобные повторы придают тексту Библии своеобразную поэтичность, сближая его с собственно стихом, который, как мы знаем, узаконил такой прием — звуковой и смысловой повтор — с помощью рифмы. И вся Библия, все ее истории, сюжеты и притчи, состоит из строф — коротких отрезков текста, в которых очень лаконично рассказывается тот или иной эпизод сюжета. Строфы эти не случайно называются в Библии стихами, и каждый стих для удобства чтения и для его акцентировки дается под своим номером. Так, например, в главе 27-й книги Бытия содержится 46 стихов. В стихе 43-м Ревекка, серьезно обеспокоенная угрозами Исава убить Иакова, советует своему сыну уйти на какое-то время из дома и, подумав, решает отправить его к своему старшему брату Лавану.

«...Поживи у него несколько времени,— говорит она,— *пока утолится ярость брата твоего,*

...И он позабудет, что́ ты сделал ему: тогда я пошлю и возьму тебя оттуда; для чего мне в один день лишиться обоих вас?» (Быт. 27: 44, 45).

Надо сказать, что чем дальше продвигается Библия в своих рассказах, переходя от потопа к Авелю, убитому Каином, а затем к великим патриархам, Аврааму и другим, тем психологичнее и более развернутыми становятся ее строфы-стихи.

Вся история с обманом Исава, переживания Ревекки, ее опасения, драматизм положения, в какое попал в результате такого обмана старый Исаак,— все это исключительно правдоподобно с бытовой и с психологической точки зрения. И опять-таки поражает безупречная лаконичность и высокая простота, с какою повествуются библейские сюжеты. Библия действительно Книга книг — из нее взяло начало все позднейшее словесное искусство, бесконечно черпавшее не только сюжеты, но и богатейший опыт самого искусства повествования.

Однако вернемся к Ревекке и Иакову. Судя по тому, что нам рассказано, их жизнь и впрямь страшно и безнадежно осложнилась.

Здесь надо учесть, что отцовское благословение в те времена носило сакраментальный, то есть священный и едва ли не мистический характер. Его нельзя было отменить, даже если, как в случае с Ревеккой и Иаковом, обнаруживался подлог. Тревога и мрак в доме усугублялись, надо думать, еще и оттого, что Исав, озлобленный и раздраженный, стал вести себя независимо и даже высокомерно. Он и прежде мало считался с домом, куда приходил лишь затем, чтобы освободиться от своей охотничьей добычи, теперь же угрозы убить Иакова то и дело срывались с его уст. К тому же, к полнейшему неудовольствию и Ревекки и отца, он решил взять в жены хананеянку, а с хананеянами род Исаака, как мы знаем, с давних пор находился, мягко говоря, в неприязненных отношениях. Исав, впрочем, даже не удосуживался разговаривать об этом с отцом и матерью, но было видно, что в своей душе он все уже решил.

Вот почему, собирая Иакова в путь, Ревекка так настойчиво говорит ему: *«...я жизни не рада от дочерей Хеттейских, если Иаков возьмет жену из дочерей Хеттейских... то к чему мне и жизнь?» (Быт. 27: 46)*. (Хеттеи — те же хананеяне, только жившие к северу от Палестины.)

Так же считал и Исаак.

«И призвал Исаак Иакова, и благословил его, и заповедал ему, и сказал: не бери себе жены из дочерей Хананских;

Встань, пойди в Месопотамию, в дом Вафуила, отца матери твоей, и возьми себе жену оттуда, из дочерей Лавана, брата матери твоей» (Быт. 28: 1, 2).

Сборы Иакова в путь были тайными. Он вообще эти дни редко выходил из шатра, стараясь быть на глазах матери, отца или слуг, так как очень боялся, что необузданный в своем гневе, вспыльчивый и беспощадный Исав, весь почерневший от злобы и похожий на черную косматую тучу, чреватую убийственным огнем и громом, в любой час может походя пришибить его. Да и Ревекка не спускала глаз с Исава, внимательно следя за его настроением и успокаиваясь лишь тогда, когда тот, снарядив лук и уложив стрелы в колчан, уходил из дома. Ревекка часто думала о том, что не все она верно рассчитала, пойдя на обман Исаака ради своего любимца. Она, например, никак не предполагала, что Исав, дотоле совершенно равнодушный к дому и хозяйству, так близко примет к сердцу потерю наследства. Скорее всего, Исав, бездумно согласившийся обменять первородство на чечевичную похлебку, воспринимал тогдашнюю сделку как шутку, как забавную игру своего младшего брата, слишком долго не становившегося мужчиной, привыкшего к домашним несерьезным забавам. Мужественный Исав всегда снисходительно относился к Иакову, и была в его снисходительности заметная доля презрения взрослого охотника и зверолова к изнеженному отроку. Он никак не предполагал, что все обернется столь серьезным образом. Надо думать, что и хананеяника, на которой он собирался жениться, подогревала его обиду — она ведь видела себя женою владельца больших богатств.

Вот почему взрыв мог произойти в любое время. Даже неудача на охоте могла вывести Исава из состояния крайне неустойчивого душевного равновесия. По правде, лишь присутствие отца, уже отсчитывавшего последние сроки жизни, сдерживало его от приведения своей угрозы в немедленное исполнение.

Но и отца он уже, к несчастью, почти не принимал во внимание, так как вопреки отцовской воле привел в свой шатер, поставленный неподалеку, не одну, а несколько жен ханаанских, и они жили почти по соседству, раздражая своим видом Ревекку, которая, в отличие от Исаака, уже почти не выходившего из дома, вынуждена была их и видеть и слышать.

Но что-то, по-вндимому, оставалось еще доброго в душе Исава, поскольку, как сказано в Библнн, он сверх тех жен прнвел, как бы в утешенне отцу, жену нз племенн Изманла. Но хотя эта жена, бывшая дочерью Измаила и, следовательно, внучкой Исаака, оказывалась близкой по кровн, что тогда не возбранялось, она все же, как н все нзманльтяне, исповедовала другую веру. Душевное двнжение Исава, взявшего в жены не хананеянку, было своеобразным выраженнем почтения по отношенню к отцу, но грубый и неделнкатный Исав все же, как вндим, не мог быть почтнтельным до конца, и вряд ли Исаак оценил этот жест так, как на то рассчнтывал его старший сын.

ЛЕСТНИЦА ИАКОВА

Иаков же, провожаемый Ревеккой, вышел нз дома тайком. Исав не был на охоте, но выжндать его новой отлучкн было уже нельзя. Всего лншь днем раньше произошла ссора, едва не кончнвшаяся кровопролитнем.

Ночь была темной, луны не было, н лншь крупные бесчнсленные звезды усеивалн небосвод, показывая путнику дорогу в далекую Месопотамню.

Иаков отправился к дому Лавана не так, как когда-то уходнл туда за невестой для Исаака верный слуга Елиезер. Он шел пешком, без верблюдов, ведя в поводу лншь осла, нагруженного водой н провиантом. Иаков ннкогда не был в Месопотамин, но значнтельную часть путн он знал хорошо, так как по порученню отца не раз навещал стада, пасшиеся на далеких пастбищах.

Он вышел нз дома задолго до восхода солнца н шел весь день, почти не давая себе отдыха. Будучн нзнеженным, он быстро устал, но, помня советы отца н матерн н

старых опытных погонщиков стад, старался не давать себе расслабиться и почти не притрагивался к воде.

Он шел и слушал пустыню, тихо певшую свою песню, так как мириады песчинок от движения ночного воздуха непрестанно перетирались друг о друга и нежный легкий звон постоянно струился вокруг. Иакову порой казалось, что это не звон песка, а незримая музыка сфер доносится до него с высокого неба, где звезд было не меньше, чем песчинок в пустыне. А может быть, музыка небесных сфер смешивалась с музыкой земли?..

Иаков был натурой впечатлительной, недаром так чужды были ему всякие практические интересы, но так близки предания и легенды родного племени, которые рассказывала ему Ревекка и старые многознающие слуги.

Вскоре звезды стали гаснуть, с востока показался край солнца, пустыня словно ожила — из темно-серой и пепельной она сделалась розовой и светло-желтой. Высоко в небе распластал крылья ястреб. Чувство счастья, непонятной тревоги и ожидания перемен переполняло душу Иакова.

Так он шел весь день. Лишь изредка, набросив на ветки саксаула шерстяной платок, он давал отдохнуть ногам, подкреплялся и устремлялся вперед, все дальше и дальше, никого не встречая и видя перед собою все одну и ту же однообразную пустыню.

Когда зашло солнце и снова стемнело, он выбрал себе место во впадине между барханами, у саксаула, и решил заночевать. Под голову Иаков положил камень, накрыв его сложенным вчетверо платком, а сам укрылся попоной: пустыня долго отдавала накопленное за жаркий день тепло, но к утру становилось прохладно. Высокий настрой души, сопровождавший Иакова весь день, не покинул его и перед сном. Он вспомнил отца, мать и горячо молился богу, чтобы тот простил ему содеянный грех — обман отца и брата. Правда, думал он, Ревекка полностью взяла тот грех на себя, но от этого ему не стало легче, и он долго и горячо молился за Ревекку, за отца и за Исава. Потом все перемешалось в сознании Иакова, музыка пустыни и неба накрыла его с головой своей легкой и плотной звуковой сферой.

«И увидел во сне: вот, лестница стоит на земле, а верх ее касается неба; и вот, Ангелы Божии восходят и нисходят по ней.

И вот, Господь стоит на ней и говорит: Я Господь, Бог Авраама, отца твоего, и Бог Исаака. Землю, на которой ты лежишь, Я дам тебе и потомству твоему.

И будет потомство твое, как песок земной; и распространишься к морю и к востоку, и к северу, и к полудню; и благословятся в тебе и в семени твоем все племена земные.

И вот, Я с тобою; и сохраню тебя везде, куда ты ни пойдешь; и возвращу тебя в сию землю; ибо Я не оставлю тебя, доколе не исполню того, что Я сказал тебе.

Иаков пробудился от сна своего и сказал: истинно Господь присутствует на месте сем; а я не знал...» (Быт. 28: 12—16).

Проснувшись, Иаков снова горячо молился и благодарил бога за провидческий сон.

В память о приснившемся сне, о посетившем его явлении он оставил на месте, где только что спал, камень, служивший ему изголовьем, дав и камню, и всему месту имя Вефиль, что значит «дом божий».

На том месте впоследствии действительно вырос город с таким названием, а камень, оставленный Иаковом, почитался священным.

Ободренный приснившимся ему сном, Иаков двинулся дальше. Теперь он был уверен, что все случившееся с ним прежде, в том числе и история с Исавом, было предначертано на небесах. Как и все люди его племени, он, подобно Исааку, а до него Аврааму, а до того Ною, глубоко верил в непреложность судеб и в закономерность людских поступков, обычно скрытых от глаз в повседневной жизни и лишь изредка открывающихся в своем подлинном значении в те священные минуты, когда душа, потрясенная чем-либо или находящаяся во сне, соприкасается и беседует с самим божеством.

Иаков вспомнил весь предшествующий день, словно предсказывавший ему музыкою песка и неба благословенную ночную встречу с Богом в его необыкновенном сновидении.

Он размышлял о том, что именно могла означать лестница, привидевшаяся ему, по которой вверх и вниз поднимались и спускались ангелы, но ничего не мог придумать в объяснение, кроме того, что лестница, по-видимому, могла означать возможность подняться душою к высшему блаженству, а может быть, лестница означала символ связи между землей и небом, а тем самым озна-

меновывала — для Иакова — надежду, что все сбудется так, как должно сбыться, причем наилучшим, благоприятнейшим образом. Но до того, как сбыться, Иакову придется не раз и опускаться и подниматься, ибо, размышлял он далее, вся наша жизнь представляет собою ступени, по которым мы идем, то и дело оступаясь. Но и оступившись, терять надежды нельзя, надо снова и снова начинать движение вверх.

Образ лестницы Иакова навсегда войдет в сознание человечества. Это символ огромной обобщающей силы.

Иакову, шедшему к дому Лавана, чтобы найти там себе жену и временную защиту от Исава, предстояло испытать все это в полной мере, но в еще большей степени все ступени лестницы-судьбы доведется узнать его будущему сыну — Иосифу.

Однако до Иосифа, до его рождения и его судьбы еще далеко. Вернемся к Иакову.

ИАКОВ И РАХИЛЬ

Снова почти целый день шел Иаков по пустыне, но путь его уже был недолог. Солнце едва склонялось к западу, когда он увидел толпу людей. То были пастухи, пасшие скот. К концу дня они обычно собирались у источника, чтобы напоить животных и напиться самим. Все они были из Харрана — того города, где жил Лаван. Иаков спросил их, чего они ждут у колодца и почему не поят скот. Выяснилось, что колодец на день заваливали большим камнем, оберегая влагу от песка и жаркого воздуха. Они ждали, когда подойдут остальные пастухи. Все они, оказывается, знали Лавана, к которому шел Иаков; они рассказали, что у Лавана есть две дочери — Рахиль и Лия и что обе они не за-

мужем. Вскоре к колодцу потянулись женщины, каждая несла на плече кувшин. Среди них была и Рахиль — пастух тотчас указали на нее Иакову, когда она приблизилась к колодцу. Рахиль, дочь Лавана, брата матери Иакова, приходилась ему двоюродной сестрой, и потому Иаков, не смущаясь, поцеловал ее по-родственному и рассказал, зачем он прибыл в Харран. В ту минуту он еще не знал, что Рахиль станет его женой, и без утайки рассказал, что намеревается пожить в Харране, чтобы найти себе подходящую невесту. Однако красота Рахили, ее ласковое обращение не могли не обратить на себя внимания Иакова, и, пока они шли к дому, он начал смотреть на девушку совсем другими глазами. Что-то подсказало его сердцу, что именно Рахиль и должна быть его женой — только она, и никакая другая женщина.

Занятый своими мыслями, он не заметил, что одной ногой уже ступил на следующую ступень лестницы своей судьбы и что лестница эта, показанная ему во сне, будет крута, трудна и опасна. Не один раз будет он сброшен вниз, чтобы снова и снова идти к своему счастью, а счастьем его будет Рахиль — только она одна.

Потом он не однажды вспомнит о лестнице, приснившейся ему в пустыне, но сейчас, идя к дому Лавана и мельком поглядывая на Рахиль, он не помнил ни о чем: милый голос Рахили, рассказывавшей об отце и старшей сестре Лии, которая никак не может выйти замуж, звучал для него подобно музыке сфер, услышанной им вчерашней ночью в пустыне по дороге к Харрану.

Лаван встретил его радостно, он обнял его, поцеловал, ввел в дом, вымыл ноги и поставил перед ним кушанье.

Во время встречи Лаван соблюдал все традиционные обычаи восточного гостеприимства. Наверно, почти так же встретили бы Иакова и в другом месте, окажись он на пороге в роли гостя-родственника, но в обращении Лавана сквозила и неподдельная искренность, он был и вправду очень рад посланцу Исаака и Ревекки.

Иаков, однако, рассказал ему не все; он считал, что Лавану не обязательно знать, что кроме невесты он ищет в Харране убежища от разъяренного брата Исава. Но у нас есть некоторые основания думать, что кое-что из семейной тайны все же проскальзывало в рассказах Иакова, если не в тот вечер, то в последующие, а может быть, он,

не умевший и не хотевший что-либо скрывать от Рахили, открылся именно ей, а та, возможно, проговорилась если не отцу, так своей сестре Лии. Что такое могло произойти, подтверждает все дальнейшее поведение Лавана, который каким-то образом вскоре почувствовал беззащитность Иакова, для которого собственный его дом, где жили старый Исаак и Ревекка, оказывается, был недоступен из-за Исава. Лаван тонко уловил положение Иакова и в глубине души считал его как бы пойманным в ловушку, словно тот уже был заложником или рабом. Любовь Иакова к Рахили также не укрылась от его глаз и явилась еще одним способом прочно закрепить подневольное положение Иакова. Однако все, о чем мы говорим, было спрятано глубоко в душе Лавана; внешне все обстояло вполне благопристойно.

Кроме того, Иакова не нужно было понуждать к работе. Любовь словно придала ему сил, и он, прежде чуравшийся физического труда, изнеженный и хрупкий, занимался хозяйством Лавана с утра до ночи.

Наконец Иаков попросил у Лавана в жены его младшую дочь Рахиль. Это произошло ровно через месяц после того, как он поселился в Лавановом доме. Толчком послужили слова самого Лавана, сказавшего Иакову, что он не знает, чем отплатить ему за добросовестную работу:

«...неужели ты даром будешь служить мне, потому что ты родственник? скажи мне, что́ заплатить тебе?..

Иаков полюбил Рахиль и сказал: я буду служить тебе семь лет за Рахиль, младшую дочь твою.

Лаван сказал: лучше отдать мне ее за тебя, нежели отдать ее за другого кого; живи у меня» (Быт. 29: 15, 17—19).

Внешне Лаван ничем не выдал своего огорчения, но в глубине сердца сильно возроптал на Иакова. Неужели Иаков не видит, думал Лаван, что в доме две дочери и что сначала должна выйти замуж старшая? Ничем не выдав себя, он задумал далеко рассчитанный коварный план. Этот план он приберег на будущее, тем более что Иаков должен был отработать за свою невесту долгих семь лет.

Не отрабатывать эти семь лет Иаков не мог по простой причине: он пришел из дома отца своего прямо-таки нищим, ему принадлежали осел, попона и дорожные мешки, а также та одежда, что была на нем, а она быс-

тро изнашивалась на повседневной работе у Лавана. Поэтому можно сказать, что Иаков был гол и бос. Наследник богатых угодий, множества скота и разнообразного имущества, он при живых родителях оказался сиротой-оборвышем, и дядя его, Лаван, конечно же, возымел над ним неограниченную и жестокую власть.

Начав семилетнее служение за Рахиль, Иаков, вспоминавший время от времени свой провидческий сон, считал, что он с каждым днем и с каждым прожитым годом поднимается все выше и выше и что счастье с Рахилью уже близко.

И вот действительно настал день, когда семь лет были полностью отработаны.

Но послушаем Библию:

«И служил Иаков за Рахиль семь лет; и они показались ему за несколько дней, потому что он любил ее.

И сказал Иаков Лавану: дай жену мою, потому что мне уже исполнилось время, чтобы войти к ней.

Лаван созвал всех людей того места и сделал пир.

Вечером же взял Лаван дочь свою Лию и ввел ее к нему; и вошел к ней Иаков...

Утром же оказалось, что это Лия. И Иаков сказал Лавану: что это сделал ты со мною? не за Рахиль ли я служил у тебя? зачем ты обманул меня?

Лаван сказал: в нашем месте так не делают, чтобы младшую выдавать прежде старшей;

Окончи неделю этой; потом дадим тебе и ту за службу, которую ты будешь служить у меня еще семь лет других.

Иаков так и сделал и окончил неделю этой. И Лаван дал Рахиль, дочь свою, ему в жену...

Иаков вошел и к Рахили, и любил Рахиль больше, нежели Лию, и служил у него еще семь лет других» (Быт. 29: 20—23, 25—27, 30).

Как видим, по существу все почти повторилось, как уже было однажды в жизни Иакова. Разве не подменила Ревекка Иаковом своего нелюбимого сына Исава, введя его, покрытого козлиными шкурами, к слепому отцу Исааку? Поистине, как сказано в Библии (и по другому поводу): мне отмщение и аз воздам.

Библия в особенности делает упор на идее возмездия за однажды свершенный грех или преступление. По мнению составителей Священных книг, образовавших Библию (а составителем первых пяти книг считается Моисей), ничто не проходит бесследно.

Не по этой ли причине в жизни Иакова повторились и другие эпизоды, уже бывшие в судьбах его предшественников?..

Так, Рахиль, подобно Авраамовой Сарре, оказалась поначалу бесплодной. Лия же, нелюбимая жена, навязанная Иакову обманным путем, родила сначала Рувима, затем Симеона, потом Левия, но, родив Иуду, перестала плодоносить.

То обстоятельство, что Лия благополучно, год за годом, рожала Иакову сыновей, было особой милостью небес, как бы вознаграждавших женщину за недостаток любви со стороны мужа.

Рахиль же, долго не рожавшая, прибегла, по старинному обычаю и с разрешения Иакова, к помощи служанки Валлы, та и родила на коленях у Рахили сына по имени Дан. Затем она же родила им Неффалима.

Лия же, увидев, что перестала рожать, поступила так же, как и Рахиль: ее служанка Зелфа родила двух сыновей, а затем она сама — трех, а потом еще и дочь Дину.

Но наконец вспомнил Бог и о Рахили. Она тоже родила сына, дав ему имя Иосиф. То и был тот самый Иосиф, которому предстояло стать самым знаменитым среди сыновей Иакова. По лестнице судьбы он поднимется так высоко, что станет едва ли не фараоном египетским.

Отработав у Лавана много лет за обеих жен, Иаков по-прежнему был беден. Семейство его от Лии и Рахили выросло, и он обратился к Лавану с просьбой отпустить его, чтобы употребить свои силы для благосостояния собственной семьи, требовавшей все больших и больших расходов. Надо отдать должное Лавану: он сам предложил Иакову назначить цену за проделанную им в его доме многолетнюю работу.

Иаков же, к удивлению Лавана, попросил у него всего лишь часть скота, но не любого, а того, что родится с крапинками.

По-видимому, Лаван счел это за причуду и согласился, но вышло так, что скота с крапинками стало появляться в стадах Лавана все больше и больше, так что через какое-то время все стада Лавановы сделались пестрыми.

То была хитрость Иакова, открытая ему в провидческом сне: он давал скоту есть прутья с белою нарезкой в период случки; от такого простого приема и появился пестрый скот, совершенно разоривший Лавана из-за

своей многочисленности. То было возмездие: первая экспроприация в истории человечества, хотя и произведенная хитростью, но полностью соответствовавшая нравственному закону. Разве не обогащался он за счет трудов Иакова, умножавшего своими стараниями его стада? Иаков, по сути, лишь возвратил себе то, что заработал в течение многих лет неустанного труда.

Впоследствии, через тысячи лет после времен Иакова, Иисус Христос еще раз утвердит этот закон в своей Нагорной проповеди.

По мере того как все больше и больше появлялось пестрого скота, менялось и отношение Лавана к Иакову.

«И услышал Иаков слова сынов Лавановых, которые говорили: Иаков завладел всем, что́ было у отца нашего, и из имения отца нашего составил все богатство сие.

И увидел Иаков лице Лавана, и вот, оно не таково к нему, как было вчера и третьего дня» (Быт. 31: 1, 2).

Да, лицо Лавана было «не таково», он не смог сдержать себя, и кипевшая в нем алчность выплеснулась наружу. На самом деле, как из всего видно, он всегда был человеком расчетливым до жестокости. Воспользовавшись подходящим случаем, Лаван заставил Иакова работать на него целых двадцать лет.

«...Я служил тебе четырнадцать лет за двух дочерей твоих и шесть лет за скот твой, а ты десять раз переменял награду мою» (Быт. 31: 41).

Иаков перечисляет все обиды, невзгоды и несправедливости, какие он претерпел в доме Лавана:

«Вот, двадцать лет я был у тебя; овцы твои и козы твои не выкидывали; овнов стада твоего я не ел;

Растерзанного зверем я не приносил к тебе, это был мой убыток; ты с меня взыскивал, днем ли что пропадало, ночью ли пропадало;

Я томился днем от жара, а ночью от стужи, сон мой убегал от глаз моих.

Таковы мои двадцать лет в доме твоем...» (Быт. 31: 38—41).

Какая живая и выразительная картина положения подневольного человека вырисовывается из этой темпераментной обвинительной речи! С каким достоинством говорит Иаков о своей честной, добросовестной и терпеливой работе!..

Но образ Лавана в Библии (а мы с полным основанием можем говорить о художественности этого образа) да-

леко не такой плоскостной, как могло показаться, когда мы только что с ним познакомились. В этой расчетливой душе, оказывается, живут нравственные законы честности и порядочности, о которых, в сущности, и напоминает ему Иаков в своей обвинительной речи. Когда Лаван догнал Иакова, ушедшего со своим скотом, двумя женами, детьми и со всем своим имуществом, он после вспышки раздражения предлагает ему разрешить спор добром. Более того, он даже говорит так:

«Зачем ты убежал тайно, и укрылся от меня, и не сказал мне? я отпустил бы тебя с веселием и с песнями, с тимпаном и с гуслями;

Ты не позволил мне даже поцеловать внуков моих и дочерей моих; безрассудно ты сделал» (Быт. 31: 27, 28).

На первый взгляд, и Лаван по-своему прав. Действительно, разве не мог Иаков поступить по-человечески, то есть дать отцу поцеловать на прощание своих дочерей, и облобызать внуков, и отблагодарить работника достойными проводами?

Но так ли уж безрассудно поступил Иаков? Слушая Лавана, упрекавшего его в «безрассудстве», он, наверно, думал, что поступил далеко не безрассудно. Разве Лаван не обманывал его? Разве не он устроил шумное веселье перед тем, как обманно ввести к нему Лию вместо Рахили? Наверно, Иаков вспомнил и многие другие случаи, свидетельствовавшие о коварстве Лавана, о его жестокой расчетливости,— их немало накопилось за двадцать лет.

Но оба — и Иаков и Лаван — сдерживают себя, они изо всех сил стремятся не говорить друг другу «ни доброго, ни худого». Правда, полностью достичь такого «дипломатического статуса» им не удается, что видно хотя бы из речи Иакова. И все же в конце концов оба решают расстаться миром.

«И заколол Иаков жертву на горе и позвал родственников своих есть хлеб; и они ели хлеб, и пили, и ночевали на горе.

И встал Лаван рано и поцеловал внуков своих и дочерей своих, и благословил их. И пошел и возвратился Лаван в свое место» (Быт. 31: 54, 55).

И можно было бы заключить этот поразительный по своей психологической правде эпизод словами в библейском духе: и тень Каина отступила от них.

ИАКОВ БОРЕТСЯ С БОГОМ

ак разошлись хозяии и работиик в разные стороиы.

Иаков, ие оглядываясь, двииулся в стороиу отчего дома: ои ие был там, как нам известио, двадцать лет.

В душе его укреплялась надежда, что Исав давио простнл ему прежнюю виину. Разве не пользовался он весь этот долгнй срок, пока Иаков скрывался от его гиева в доме Лаваиа, всем нмуществом Исаака? Вполие возможно, что ои стал богат, стада его умиожились и семья его разрослась, а значит, н сердце его повернулось в сторону добра. Ведь как-никак онн — родиые братья. Неужели с тех давннх времен Исав не перемеиился и душа его не смягчнлась?

Чтобы ие предстать перед своим братом иеожиданно, Иаков послал к иему вестников. Ои велел передать Исаву слова, исполнениые вииы и покаяиия: *«...я послал известить о себе господина моего Исава, дабы приобрести рабу твоему благоволение пред очами твоими» (Быт. 32: 5).*

То была уиижеииая просьба виноватого перед пострадавшнм. Иаков самим обращением к Исаву как к господнну отказывался от вырванного когда-то первородства, а называя себя рабом, вступал в положеиие подчииеииого младшего брата. Исав из такой просьбы должеи был понять, что брат его ие только раскаялся, ио и ие претеидует ни на дом, ни иа нмущество.

Возвратившиеся от Исава вестникн сообщнли, что брат тотчас вышел ему навстречу, а с ним четыреста человек.

Можио было предполагать разное: пышную встречу или, наоборот, кровопролнтне.

В смятеиии провел Иаков ночь, так и не сомкиув глаз.

Утром он выслал в подарок брату, иаходившемуся, по его подсчетам, уже недалеко, двестн коз, двадцать козлов, двадцать овнов, а также трндцать верблюдиц дой-

Иаков борется с ангелом.

ных с жеребятами, сорок коров, десять волов, двадцать ослиц и десять ослов.

Библия подробно перечнсляет все дары.

По замыслу Иакова, подарки должны были показать Исаву, что его брат богат и ии в чем не нуждается, что ои ндет в дом отца н брата своего ие за имуществом. А с другой стороиы, столь щедрый подарок должен был свидетельствовать о подчииеинн н любви, о желаиии мира и добросердечия.

И все же сомиеиия и тревога не покидали Иакова.

Тогда он разделил все свое имущество иа две части, одиу оставив на берегу, где спал иочью весь его лагерь, а с другой частью двннулся иавстречу Исаву.

Следующую тревожную ночь Иаков провел в полудреме, ие переставая мучиться неизвестностью и тревогой.

И ему привиделось, что Некто (так сказаио в бнблейском тексте) боролся с иим.

То был сиова провидческий сон, ио необыкновеиность его н отличие от всех предыдущих состояли в том, что Некто, как вскоре догадался, ие пробуждаясь, Иаков, был Бог.

Эта удивительная борьба все время склоиялась в пользу Иакова, пока накоиец Тот, кто с иим боролся, ие «коснулся состава бедра его» и повредил его. Только тогда Иаков отпустил Бога.

В результате пронзошлн важиые перемеиы в жизии Иакова. Во-первых, Бог даровал ему свое благословеиие, во-вторых, ои иарек его имеием Израиль, что озиачало «боровшийся с Богом», а в-третьих, Иаков-Израиль стал хром и таковым оставался всю жизнь.

«И взошло солнце, когда он проходил Пенуэл; и хромал он на бедро свое» (Быт. 32: 31).

Увидев иакоиец в свете утра приближавшегося вместе со свонми многочислеиными людьми Исава, Иаков тотчас пошел ему навстречу. С иим шли дети Лии и Рахили, их было у него одиннадцать человек. Самым малеиьким был Иосиф, и Рахнль шла с иим позади всех, так как малыш постояиио отставал.

Встреча братьев была сердечиой н мнрной.

И все же, судя по некоторым деталям, достаточио искусно н правдиво вплетеииым в повествоваиие, Иаков все время иевольио ожидал какого-либо подвоха. У иего ие было полиой увереииости в братииой любвн. Наверно, имеиио чувством тревоги за свою семью вызваио уиижеи-

Встреча Исава с братом Иаковом.

ное обращение Иакова к брату: он постоянно называл его господином, а себя — рабом.

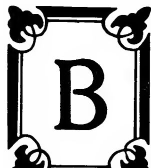
Но, впрочем, такое обращение могло быть не более как восточным этикетом.

Подчеркнуто вежливо вел себя и Исав, что как-то не вязалось с его звероподобным обликом, поначалу очень испугавшим людей Иакова и в особенности маленьких детей, принявших его за дикого кабана из страшных рассказов старых служанок.

Что касается Иакова, то вид брата его, разумеется, нисколько не удивил, но зато по-настоящему насторожил отказ Исава принять дары, ему привиделось здесь предвестие угрозы и расправы. Униженные просьбы принять подарок все же растопили сердце Исава, который в своем отказе, скорее всего, также следовал этикету, чем каким-либо другим побуждениям.

Однако тревога и подозрительность Иакова вновь усилились, когда Исав предложил ему идти вместе с женами, детьми и слугами впереди своего многочисленного отряда, состоявшего, как уже было сказано, из четырехсот человек, разумеется хорошо вооруженных.

Нет ли здесь военной хитрости, подумал Иаков, ведь так удобно напасть сзади?! Поэтому он всячески, вежливо и многословно, отказывается от предложения Исава. Более того, ему удалось вообще от него отделаться и отделиться. Поскольку Исав и его люди были налегке, Иаков убедил их двигаться к дому, предоставив себе возможность шествовать медленно. И действительно, стада, дойные верблюдицы с телятами, тяжелые повозки с имуществом, дети, жены — могли ли они двигаться быстро, наравне с Исавом? Разъяснения Иакова были благосклонно приняты. Впрочем, и в этом случае Исавом, скорее всего, двигал опять-таки этикет. Ведь Иаков, хотя и был младшим братом, обязанным подчиняться старшему, все же находился сейчас в высокой и почетной роли гостя. Именно по этой причине, а не из-за коварства, померещившегося Иакову, и пропускал его Исав впереди себя.



ПОХИЩЕНИЕ ДИНЫ

Вполне возможно, что печальные события, происшедшие вскоре после благополучиой встречи с Исавом, явилнсь своего рода наказанием за забвение Иаковом божьего расположения.

Как мы помиим из предыдущих рассказов, в миогочисленном семействе Иакова кроме сыиовей росла н дочь Дина, рождеиная Лией. Оиа была очеиь хороша собой н, вследствие игры прнроды, очень походнла на Ревекку, мать Иакова. По мере того как девочка подрастала, Иаков со все большим изумлеиием и радостью вглядывался в ее черты. Ему, оторваниому от родительского очага и в глубиие души постоянно тосковавшему по родителям, особенно по матери, такое сходство казалось весточкой из дома, и он очеиь любил Дииу. Впрочем, ее любнли все — за красоту н милый характер. Особенно берегли ее братья. Иаков часто думал о той минуте, когда, возвратившись иакоиец к родителям, ои покажет Дину Ревекке. Наверно, матерн, мечтал Иаков, она покажется чудесиым воплощением ее собственной далекой юиостн. Дниа будет лучшим подарком матери, который он привез ей после долгой разлукн. Надо сказать, что родителн были уже очеиь стары, Исааку шел сто восьмндесятый год, а Ревекке исполнилось сто сорок. Следовало торопиться.

Но сиачала следовало обосиоваться на собственной земле, наладнть хозяйство. Расставшись с Исавом, Иаков перешел Иордан и поселился блнз Сихема. Едва расположившись иа иовом месте, Иаков услышал о похищеиии Дины. Ее похнтнл сын снхемского царя и, как сказаио в Библии, «сделал ей иасилие».

Совершнв этот ужасный поступок, юноша, однако, тут же н раскаялся, так как почувствовал в своем сердце настоящую любовь к обесчещеиной нм девнце.

Отец царевнча, царь снхемскнй, прншел к Иакову,

чтобы полюбовно уладить это дело, начавшееся насилием, но обернувшееся любовью.

Он сказал Иакову:

«...Сихем, сын мой, прилепился душею к дочери вашей; дайте же ее в жену ему;

Породнитесь с нами; отдавайте за нас дочерей ваших, а наших дочерей берите себе [за сыновей ваших];

И живите с нами: земля сия [пространна] пред вами, живите и промышляйте на ней, и приобретайте ее во владение» (Быт. 34: 8—10).

И виновник всего, царевич, со своей стороны говорил, обращаясь к Иакову и братьям Дины:

«...только бы мне найти благоволение в очах ваших, я дам, что́ ни скажете мне;

Назначьте самое большое вено[1] и дары; я дам, что́ ни скажете мне, только отдайте мне девицу в жену» (Быт. 34: 11, 12).

Казалось бы, столь искренняя и почти униженная просьба царя и царевича должна была бы тронуть сердце Иакова и братьев Дины. Есть некоторые основания думать, что Иаков не прочь был согласиться. Во всяком случае, когда начало этой беседы проходило еще в отсутствие сыновей, оказавшихся во время случившегося далеко в поле, Иаков не только не давал отрицательного ответа, но и не ставил никаких условий. Возможно, впрочем, что он просто, как говорится, тянул время, поджидая возвращения сыновей. По давним обычаям народа Авраамова, именно братья обесчещенной девушки чувствовали себя оскорбленными больше, чем отец, и они обязаны были смыть позорное пятно лишь кровью преступника. Особенно непримиримо были настроены Симеон и Левий, кстати сказать удивительно похожие на Исава. Внутри у них все клокотало от жажды мести и кровавой расправы. Но они сдерживали себя, желая испытать свои жертвы непомерными, как они считали, требованиями. «Если царевич,— сказали они,— готов сделать и дать все, что ни попросим, тогда сделайте себе и всему мужскому роду вашего племени обрезание, принятое в Авраамовом народе».

«Только на том условии,— сказали Симеон и Левий,— *мы согласимся с вами и поселимся у вас, если вы будете*

[1] Вено — выкуп.

как мы, чтобы и у вас весь мужеский пол был обрезан» (Быт. 34: 15).

Каково же было удивление и разочарование братьев, когда они услышали в ответ на свои «непомерные» требования быстрое согласие.

«И понравились слова сии Еммору и Сихему, сыну Еммореву.

Юноша не умедлил исполнить это, потому что любил дочь Иакова» (Быт. 34: 18, 19).

Более того, царь, тотчас вернувшись в Сихем, обратился к жителям города с проникновенной речью, и жители города, все мужчины и мальчики с восьми лет, пошли на обрезание.

Для братьев Дины такое поведение царя, царевича и всех мужчин-сихемцев было большим разочарованием. Они надеялись, что их требования будут отвергнуты, что даст возможность быстрой и как бы законной расправы. Но царевич, надо думать, действительно сильно любил Дину, а сихемцы, согласившиеся на обрезание, то ли не осмелились перечить своему царю, то ли не слишком пунктуально поклонялись своим богам. Во всяком случае, они не считали обрезание каким-то преступлением перед собственными богами.

Царь Еммор, идя на заранее обреченные переговоры с семейством Иакова, совершенно не понимал, что он имеет дело с племенем, исключительно ревниво пекшимся о своей племенной чистоте. Они прямо-таки боялись породниться с другим народом и за женами отправлялись в далекий Харран. Вспомним, как боялись они родства с хананеянами! Правда, браки такие происходили нередко, но каждый раз подобное происшествие воспринималось крайне болезненно.

Если бы Еммор знал о столь строго соблюдаемом обычае, он не только не пошел бы на переговоры, но и быстро предпринял бы все меры предосторожности и защиты.

И вот, когда после обрезания все мужское население Сихема недомогало, братья Дины, взяв мечи, *«смело,—* как говорится в Библии,— *напали на город и умертвили весь мужеский пол» (Быт. 34: 25).*

Они убили и Еммора и Сихема, разграбили город, взяли мелкий и крупный скот, разное имущество и драгоценности. А кроме того, они взяли в плен детей и женщин.

Это ужасное, кровавое преступление Библия, судя по интонации, с какою рассказывается вся история, не оправдывает. Униженные просьбы царя и царевича, их готовность пойти на все, чтобы дело кончилось миром, вызывают у читателей глубокое сочувствие к жертвам необузданных и фанатичных Дининых братьев.

Преступление в Сихеме — это, пожалуй, первый случай проявления национального фанатизма, о котором рассказывается в Библии. Очень важно отметить эту пробившуюся интонацию человечности, которая озвучила мелодией гуманизма и любви весь эпизод в главе о Сихеме.

И конечно, чрезвычайно важно и любопытно, что Иаков ко всему происшедшему отнесся с чувством глубокого возмущения.

«И сказал Иаков Симеону и Левию: вы возмутили меня, сделав меня ненавистным для всех жителей сей земли, для Хананеев и Ферезеев. У меня людей мало; соберутся против меня, поразят меня, и истреблен буду я и дом мой.

Они же сказали: а разве можно поступать с сестрою нашей, как с блудницею!» (Быт. 34: 30, 31).

Разумеется, оставаться в Сихеме после свершенной сыновьями кровавой резни Иаков не мог. Ему было отвратительно само это место, совсем недавно заботливо избранное им для поселения. Надо думать, он вспомнил все свои планы и с горечью осознал, что они навсегда рухнули. Плач плененных детей и вой рабынь, лишившихся своих мужей и очагов, глубоко ранили его сердце. Он чувствовал, что не мог смотреть без содрогания на Симеона и Левия — главных исполнителей резни. Мудрый Иаков понимал, как важно жить в мире и согласии и как легко нарушить хрупкие связи между племенами и народами, не сдержав обиды или временных тягот. По-видимому, он вспомнил лестницу, увиденную когда-то во сне, и ему, наверно, показалось, что после Сихема он вновь стоит на ее первой ступени, а белые ангелы божии ушли от него далеко-далеко вверх. По ночам он жарко молился Богу, но Бог не посылал ему больше провидческих снов и своего благословения.

И все же однажды, вняв покаянным молитвам, Бог явился ему во сне, уже под самое утро, и потому Иаков хорошо запомнил его слова: *«...встань, пойди в Вефиль и живи там, и устрой там жертвенник Богу, явив-*

шемуся тебе, когда ты бежал от лица Исава, брата твоего» (Быт. 35: 1).

В словах Бога Иакову послышался упрек, но н самый упрек он воспринял как благословеине.

Однако злое деянне, как не раз об этом говорнтся в Бнблнн, не проходнт бесследно, за ннм следует иовое зло — в внде наказання.

Иаков был наказан жестоко: в родах, по дороге, умерла его Рахнль, которую он когда-то отрабатывал столько лет у безжалостного Лавана, какую любнл больше всего на свете. Умнрая, Рахнль родила мальчнка. Оиа дала ему нмя Беноин, что значнт «сын мучеиий», ио Иаков, подумав, дал ему другое нмя — Веннамнн, что значнт «сыи правой рукн». Такнм нмеием Иаков выразнл свою особую любовь к последнему сыну Рахнли. Рахнль умерла по дороге в Ефрафу, назваиную впоследствнн Внфлеемом. Через много лет в этом городе роднтся мальчнк — «сын мучеиий»— Инсус Хрнстос.

И еще одна горькая беда подстерегала Иакова. Но эта беда была закоиомерной, ее следовало ожндать: умер старый Исаак, ему было в тот год сто восемьдесят лет.

Судьба, однако, счнтал Иаков, была благосклоииой к нему: ведь он все-такн успел повндать своего отца жнвым н насладиться последннмн беседамн с ним.

Рассказ о смертн Исаака Библня заканчнвает словамн, нсполнеиным торжествеиной красоты и глубокого смысла: *«И испустил Исаак дух и умер, и приложился к народу своему, будучи стар и насыщен жизнью» (Быт. 35: 29).*

На похороны собрались все бесчнслеиные потомкн Исаака.

Прнбыл н Исав, строго соблюдавшнй, иадо отдать ему должное, традицин народа. Ои, не счнтая себя обладателем первородства, взял лишь какую-то часть нмущества н удалнлся иа гору Сенр, где жил со своей огромной семьей. Несмотря на большое хозяйство, требовавшее забот, характер Исава не нзменился. Ои по-прежнему больше всего иа свете любнл охоту, вольиый воздух, высокое небо над головой н вой днкого зверя в пустыие.

ИОСИФ И ЕГО БРАТЬЯ

Иакова, как мы помним, было, с рождением Вениамина, ставшего причиной гибели Рахили, двенадцать детей. Он, разумеется, любил их всех, у каждого находя свои достоинства. И все же больше всех отличал Иосифа, называя его про себя «сыном старости», поскольку он родился тогда, когда они с Рахилью уже не думали иметь собственных детей, то есть рожденных обоюдно, а не с помощью служанок Валлы или Зельфы. Возможно, старый Иаков еще больше любил бы Вениамина, но тот был очень мал, несмышлен и с ним нельзя еще было насладиться разговором, кроме тех обычных, простеньких бесед, которые больше забавляют малыша, чем взрослого.

Выделяя Иосифа среди прочих своих сыновей, Иаков, как уже сказано, порой терял меру, что было несколько странно, если учесть именно житейский опыт и мудрость, какие должны были бы предупредить его о возможной опасности таких преждевременных отличий. Братья Иосифа (сыновья, по женской линии, служанок Валлы и Зельфы) и впрямь чувствовали себя обделенными; в глубине души, не высказывая своих мыслей вслух, они предполагали, что Иаков отдает предпочтение Иосифу потому, что тот был пряморожденным от Рахили, а не рожденным косвенным путем, то есть с помощью служанок. Здесь надо снова сказать, что дети, рожденные от служанок с согласия жены (и обязательно на коленях последней), пользовались, безусловно, всеми правами и считались детьми жены, а не тех женщин, которые лишь способствовали продолжению рода. Конечно, тут всегда было много явных и неявных предпочтений и особых симпатий — со стороны как родителей, так и служанок. Могла ли Зельфа не выделять детей, выношенных и рожденных ею? Всегда были какие-то предпочтения и выгоды, ущемления и обиды, приводившие к ссорам и размолвкам. Иаков все это прекрасно понимал и обычно

умело регулнровал взанмоотношення в столь сложиой семье, но в случае с Иоснфом он допускал явную иесправедлнвость по отношенню к другим своим сыновьям. Иоснфу, напрнмер, сшнлн особую, разноцветную, одежду, он получал украшения и подаркн. Братья в своих длнннных, запыленных пастушеских хламидах выглядели рядом с красиво одетым, нарядным Иоснфом словио бедные родствеиникн нлн простые работнннкн у своего отца.

А Иоснф, кроме того, имел вздорный характер, отчастн иапомннавшнй характер Агарн, хотя египтянка н не прнходнлась ему прямой родственницей. Возможио, здесь тоже была своего рода игра природы, может быть, посылавшей Иосифу н отцу преждевремеиные и непонятные знакн. В самом деле, если Иоснф так странно походнл на егнптянку Агарь, то не было лн здесь знака, что Егнпет окажется страной Иоснфа?

Средн дурных свойств характера юного Иоснфа, воспрннятых нм от Агарн, былн язвнтельиость н насмешлнвость. Чувствуя себя защищенным отцовской любовью, он прямо-таки иасмехался над своими братьями. Можно представнть, как все это сплотнло мальчншескую ватагу, дружно ненавндевшую Иосифа!.. Особенно раздражало братьев постоянное и беззастенчнвое наушннчество Иосифа, рассказывавшего отцу об нх проделках, когда оии находнлись далеко от дома, иа пастбнще, об нх секретах и разговорах. Иаков, вместо того чтобы сразу пресечь подобные доносы, охотио выслушнвал своего любнмца и подчас, надо думать, предпрннннмал какне-то карательные меры против старшнх его братьев.

В этом отиошенин н Иаков н Иоснф былн не на высоте, что, коиечно, прежде всего непростнтельно для Иакова, но н иа Иоснфа бросает неблагопрнятиый свет.

По-вндимому, после какого-то очередного наушничества братья н составнлн свой ковариый заговор: онн решнли раз и иавсегда отделаться от Иоснфа, не прнбегая, правда, к прямому убийству.

И накоиец, последней каплей, окоичательно способствовавшей выполиению замысла, были рассказаииые Иосифом сны.

Надо сказать, что он любнл рассказывать и разгадывать сны, прнчем делал это так красочио и даже, в толкованин нх, так удачио, что людн прнходнлн

к нему за разъяснением увиденных ими сновидений. Впоследствии способность толковать сны очень помогла возвышению Иосифа при дворе египетского фараона, но сейчас она же, эта способность, его и погубила. Он рассказал при братьях и при отце, будто увидел сон о себе и о братьях.

«Вот мы вяжем снопы посреди поля; и вот мой сноп встал и стал прямо; и вот, ваши снопы стали кругом и поклонились моему снопу.

И сказали ему братья его: неужели ты будешь царствовать над нами? Неужели будешь владеть нами? И возненавидели его еще более за сны его и за слова его» (Быт. 37: 7, 8).

Тогда Иосиф, словно нарочно (а скорее всего, именно нарочно), рассказал им еще один такой же весьма прозрачный и не требующий особых разъяснений сон: *«...вот, я видел еще сон: вот, солнце и луна и одиннадцать звезд поклоняются мне»* (Быт. 37: 9).

Здесь даже отец, всегда благосклонно слушавший Иосифа и ничего не сказавший по поводу первого сна, нахмурился. Он посчитал это явной дерзостью и непомерным тщеславием: одно дело — снопы и братья, а другое дело — небесный свод.

Однажды отец послал Иосифа на пастбище посмотреть, как братья пасут скот.

«...пойди, посмотри, здоровы ли братья твои и цел ли скот, и принеси мне ответ» (Быт. 37: 14).

«Вот идет наш сновидец»,— закричали братья, когда увидели приближавшегося к ним Иосифа. Они с неприязнью смотрели на него, так как он, в те дни не работавший на пастбище, лишь проверял их работу, чтобы после проверки рассказать отцу об увиденном.

И сказали братья, забыв о своем обещании не убивать его: *«...пойдем теперь и убьем его, и бросим его в какой-нибудь ров, и скажем, что хищный зверь съел его; и увидим, что́ будет из его снов»* (Быт. 37: 20).

Однако один из братьев — Рувим — отговорил их от убийства.

«И сказал им Рувим: не проливайте крови; бросьте его в ров, который в пустыне, а руки не налагайте на него» (Быт. 37: 22).

Как объясняет далее Библия, Рувим, отговорив братьев от убийства, хотел затем незаметно вытащить Иосифа из рва и привести его к отцу целым и невредимым.

Но его плану не суждено было сбыться. Едва успели братья бросить Иосифа в сухой ров и приняться за еду, как увидели приближавшийся караван. Тогда один из братьев, Иуда, сказал: *«...что пользы, если мы убьем брата нашего и скроем кровь его?*

Пойдем, продадим его Измаильтянам, а руки наши да не будут на нем, ибо он брат наш, плоть наша» (Быт. 37: 26, 27).

Как видим, два брата, Рувим и Иуда, пожалели Иосифа, и он, лежа во рву, запомнил их милосердные слова на всю жизнь, сделав им затем, будучи при дворе фараона, особую милость.

Когда купцы со своими верблюдами проходили мимо, братья вытащили Иосифа из рва и продали его за двадцать сребреников.

Караван тот шел в Египет.

Очень горевал Рувим. Несмотря на противные выходки Иосифа, он любил его. Будучи от природы кротким, независтливым и незлопамятным, Рувим простодушно любовался красотой Иосифа, его разноцветной одеждой, любил слушать, как он рассказывал и толковал сны. Поэтому он сильно и безутешно плакал и даже от невыносимого горя разодрал свои одежды, чем, наверно, смутил братьев, почувствовавших запоздалые угрызения совести. Караван между тем уже скрылся из глаз, и звон медных колокольцев постепенно затих вдали, за барханами бескрайней пустыни, простиравшейся вплоть до неведомого Египта, куда теперь везли в рабство бедного Иосифа.

Братья, чтобы скрыть от отца содеянное преступление и сделать правдоподобным свой рассказ о гибели Иосифа от дикого зверя, разодрали его разноцветную одежду, закололи козла, окропили ее кровью и послали домой.

Иаков тотчас узнал одеяние своего сына и оплакивал его много дней.

Купцы же, придя благополучно в Египет, продали Иосифа знатному царедворцу Потифару — начальнику телохранителей фараона.

Следует, наверно, по ходу повествования заметить, что история Иосифа, проданного братьями в Египет, одна из самых подробных в Библии. Это кажется несколько странным, если учесть, что прямых египетских свидетельств об Иосифе, несмотря на все многочисленные раскопки, не существует. Правда, само время, когда там мог

появиться Иосиф (приблизительно XVIII—XVII века до н. э.), было в политическом отношении крайне неблагоприятным для Египта. Считается, что именно по политическим мотивам (падение чужеземной династии и реставрация законной) все документы, охватывающие почти двести лет, были сознательно уничтожены, а вместе с ними исчезло и имя Иосифа. Лишь на одной из найденных табличек встретилось имя Потифара — возможно, того самого начальника фараоновых телохранителей, к которому попал Иосиф.

Не углубляясь в исторический комментарий, скажем лишь, что множество подробностей, какими обильно уснащена биография Иосифа во время его пребывания в Египте, не вызывает среди ученых-историков и археологов ни малейших сомнений. Антураж, быт и обычаи фараонова двора того времени воспроизведены в Библии с такой точностью, подтвержденной впоследствии археологическими раскопками и научными изысканиями, какая заставляет верить и в историческую достоверность самого Иосифа. Возможно, что здесь, разумеется, не обошлось без неизбежных добавлений и вымыслов, поскольку история Иосифа на протяжении многих тысяч лет передавалась изустно, став фольклором, но сама суть рассказанной биографии представляется, даже на взгляд строгих ученых, достаточно правдивой.

По-видимому, именно обстоятельность, с какой изложена в Библии история Иосифа, множество характерных и правдивых деталей и натолкнули знаменитого немецкого писателя Томаса Манна написать большой роман «Иосиф и его братья».

Однако вернемся к самому Иосифу.

При всей обстоятельности Библия не сообщает нам никаких подробностей относительно путешествия Иосифа в качестве пленника по дороге в Египет. Теперь он был товаром, и его везли продавать. Но, судя по тому, что купцы продали Иосифа не первому встречному, не любому зажиточному горожанину египетской столицы, а богатому и знатному Потифару, приближенному фараона, они имели об Иосифе самое высокое мнение. И дело здесь, по-видимому, не только в красоте и молодости, но и в каких-то других достоинствах, какие они успели обнаружить в Иосифе за несколько дней пути. Не исключено, что и сам Иосиф, двигаясь с караваном в неожиданной

роли, открыл в себе дремавшие дотоле качества. Наверно, не раз казнил он себя за плохое отношение к братьям, за наушничество, зазнайство и прочие грехи.

Поселившись в доме богатого Потифара, Иосиф поставил перед собой цель добиться высвобождения из рабства и теперь каждый свой день начинал с обдумывания поступков, которые могли бы приблизить его к осуществлению великой и всепоглощающей мечты. С горечью думал Иосиф об отце, ясно представляя себе его горе, а о братьях вспоминал без злобы и обиды: он заслужил то, что заслужил.

Но как можно добиться свободы или, по крайней мере, относительной независимости, будучи рабом? Каким образом раб может освободиться от рабства?

Дом Потифара был богат и требовал неустанной заботы. Иосиф решил завоевать расположение своего хозяина исключительным трудолюбием.

Через какое-то время Потифар заметил происшедшие в его доме благотворные перемены, произведенные толково и с большой рачительностью. Молоденький раб-еврей все больше нравился ему. И настал наконец день, когда он поставил Иосифа управляющим над своим домом.

«И снискал Иосиф благоволение в очах его и служил ему. И он поставил его над домом своим, и все, что имел, отдал на руки его» (Быт. 39: 4).

Теперь, когда Иосиф стал управляющим, которому подчинялись в доме все слуги, он из незаметного раба-слуги превратился в человека заметного и по-своему начальственного. У него хранились все ключи, он отдавал распоряжения и выслушивал отчеты работников и слуг. Впрочем, Иосиф никогда не был начальственно важен. Доброжелательность и открытость снискали ему расположение всех окружающих. К тому же Иосиф был исключительно красив, что тоже привлекало к нему доброжелательное внимание.

Изумительная красота Иосифа и стала причиной его неожиданных бедствий. На него все чаще начала бросать сластолюбивые взоры похотливая жена Потифара. Она, по-видимому, была намного старше юного Иосифа, но страсть затмила ей рассудок, и она стала всячески добиваться греховной близости со своим красавцем управляющим.

«Случилось в один день, что он вошел в дом делать дело свое, а никого из домашних тут в доме не было;

Она схватила его за одежду и сказала: ложись со мной. Но он, оставив одежду свою в руках ее, побежал и выбежал вон.

Она же, увидев, что он оставил одежду свою в руках ее и побежал вон,

Кликнула домашних своих и сказала им та́к: посмотрите, он привел к нам Еврея ругаться над нами. Он пришел ко мне, чтобы лечь со мною, но я закричала громким голосом;

И он, услышав, что я подняла вопль и закричала, оставил у меня одежду свою, и побежал, и выбежал вон.

И оставила одежду его у себя до прихода господина его в дом свой.

И пересказала ему те же слова, говоря: раб Еврей, которого ты привел к нам, приходил ко мне ругаться надо мною.

Но, когда я подняла вопль и закричала, он оставил у меня одежду свою и убежал вон.

Когда господин его услышал слова жены своей, которые она сказала ему, говоря: та́к поступил со мною раб твой, то воспылал гневом;

И взял Иосифа господин его и отдал его в темницу, где заключены узники царя. И был он там в темнице» (Быт. 39: 11—20).

Однако, рассказывает Бнблия, и в темнице Иосиф не измеиил своему характеру. Там, в темиице, произошло вскоре то же, что в доме Потифара: его услужливость, добросердечие и трудолюбие вскоре сннскали ему расположение начальиика темницы, и, подобно тому, как Потнфар сделал его распорядителем своего хозяйства, так н здешний хозяни доверил ему всех узников, так что Иоснф после иачальинка тюрьмы сделался вторым лицом в этом мрачиом заведении. Он был н узииком, и начальствующим лицом одновремеиио — такою двойственной оказалась его необыкиовенная судьба. Будучи узииком, Иоснф хорошо поимал положение и иастроение заключеиных, и оии много рассказывали ему о своей жнзнн, о дворе фараона, о египетском государстве. Ои узнал, иапример, что богатую страну, расположнвшуюся на плодородных берегах Нила, время от времеии мучает страшиая засуха и тогда люди гнбиут тысячамн от голода и болезней. Среднн узников былн те, что были брошены туда за долги, ко-

торые они сделали во время голода, покупая зерно по баснословным ценам, чтобы не умереть с голоду. В разливах Нила, рассказывал один, существует неведомая для человеческого разума цикличность: вслед за изнурительными годами засухи идут годы плодородия, когда люди забывают о перенесенной беде, надеясь, что голод больше не повторится. Иосиф с любопытством слушал эти рассказы, и в его уме подспудно зрели мысли, подобающие, скорее, не заключенному и рабу, а государственному мужу. Как распорядитель узников, Иосиф всячески старался облегчить положение своих подопечных, ободрял их и давал полезные советы.

Однажды в тюрьме оказались новые лица: то были виночерпий и хлебодар самого царя египетского. Из этой детали можно заключить, что темница была не простой и предназначалась, по-видимому, для лиц определенного сословия, ранга или прежних заслуг. Ведь и Иосиф, попавший в эту придворную тюрьму, был из бывших приближенных. Хотя и раб, он, как мы знаем, исполнял высокую должность управляющего хозяйством самого начальника телохранителей фараона.

Виночерпий и хлебодар, тяжко удрученные своим бедственным и, как они были убеждены, безнадежным положением, сначала лишь молчали, не раскрывая ни причин заточения, ни тяжести своей вины. Иосиф, однако, вскоре расположил их к себе и мало-помалу вник в нехитрую механику их преступлений. Обоих обвиняли в казнокрадстве, растратах и взяточничестве. Все же вина одного из них казалась Иосифу сомнительной. Сопоставляя разные детали, сообщенные виночерпием, он в глубине души сочувствовал ему, так как ему виделась в деле виночерпия какая-то несправедливость, что-то вроде оговора, ловкого подлога или другой ловушки. Что касается хлебодара, то Иосиф, при всей доброжелательности и сочувствии, слабо верил его оправданиям, и здесь он больше доверял даже не рассудку, сопоставлявшему сведения и факты, рассказанные виночерпием, а собственному чувству и непосредственным наблюдениям.

«Однажды виночерпию и хлебодару царя Египетского, заключенным в темнице, виделись сны, каждому свой сон, обоим в одну ночь, каждому сон особенного значения.

И пришел к ним Иосиф поутру, увидел их, и вот, они в смущении.

И спросил он царедворцев фараоновых, находившихся с ним в доме господина его под стражею, говоря: отчего у вас сегодня печальные лица?

Они сказали ему: нам виделись сны; а истолковать их некому. Иосиф сказал им: не от Бога ли истолкования? расскажите мне.

И рассказал главный виночерпий Иосифу сон свой, и сказал ему: мне снилось, вот виноградная лоза предо мною;

На лозе три ветви. Она развилась, показался на ней цвет, выросли и созрели на ней ягоды.

И чаша фараонова в руке у меня. Я взял ягод, выжал их в чашу фараонову, и подал чашу в руку фараону.

И сказал ему Иосиф: вот истолкование его: три ветви — это три дня.

Через три дня фараон вознесет главу твою и возвратит тебя на место твое, и ты подашь чашу фараонову в руку его, по прежнему обыкновению, когда ты был у него виночерпием.

Вспомни же меня, когда хорошо тебе будет, и сделай мне благодеяние, и упомяни обо мне фараону, и выведи меня из этого дома...

Главный хлебодар увидел, что истолковал он хорошо, и сказал Иосифу: мне также снилось: вот на голове у меня три корзины решетчатых;

В верхней корзине всякая пища фараонова, изделие пекаря, и птицы небесные клевали ее из корзины на голове моей.

И отвечал Иосиф и сказал ему: вот истолкование его: три корзины — это три дня;

Через три дня фараон снимет с тебя голову твою и повесит тебя на дереве, и птицы небесные будут клевать плоть твою с тебя.

На третий день, день рождения фараонова, сделал он пир для всех слуг своих и вспомнил о главном виночерпии и главном хлебодаре среди слуг своих;

И возвратил главного виночерпия на прежнее место, и он подал чашу в руку фараону;

А главного хлебодара повесил на дереве, ка́к истолковал им Иосиф.

И не вспомнил главный виночерпий об Иосифе, но забыл его» (Быт. 40: 5—14, 16—23).

В этом замечательном и, как видим, очень искусном по своему изложению библейском отрывке все поражает

своей психологической правдивостью, художественной значимостью деталей и их постоянной символической перекличкой. Ведь в самом деле, весь эпизод в темнице, по существу, повторяет историю в доме Потифара, за исключением, разумеется, его жены. И там и здесь Иосиф — узник, раб, но в то же время он возвышен, поставлен, пусть временно, над другими. Судьба как бы постоянно пробует и испытывает его возможности, все время подталкивает его на один и тот же предназначенный ему путь — путь возвышения. И как хороши здесь сны: они тоже зеркально повторяют друг друга и, как в зеркале, имеют оборотное, противоположное друг другу значение. Правдивы, психологически обусловлены и детали сна: хлебодару снится хлебная корзинка, виночерпию — виноградные лозы. Просто и убедительно толкование этих снов Иосифом. И наконец, какая замечательная концовка: *«И не вспомнил главный виночерпий об Иосифе...»*

Пожалуй, именно легенда об Иосифе, с ее художественным совершенством и психологической разработанностью, больше других ранних библейских сюжетов предваряет будущий социально-психологический роман, а также, конечно, роман авантюрный и, может быть, даже роман исторический.

* * *

Дальше события этого полуфольклорного «романа» древности развиваются стремительно, но закономерно. Фараону тоже приснился сон: будто он стоит у реки и

«...вот вышли из реки семь коров, хороших видом и тучных плотью, и паслись в тростнике;

Но вот, после них вышли из реки семь коров других, худых видом и тощих плотью, и стали подле тех коров, на берегу реки;

И съели коровы худые видом и тощие плотью семь коров хороших видом и тучных. И проснулся фараон.

И заснул опять, и снилось ему в другой раз: вот, на одном стебле поднялось семь колосьев тучных и хороших;

Но вот, после них выросло семь колосьев тощих и иссушенных восточным ветром;

И пожрали тощие колосья семь колосьев тучных и полных...» (Быт. 41: 2—7).

Сои, рассказывается далее в Библии, иастолько смутил и ужасиул своей явиой предсказательностью египетского фараона, что он не мог иайти себе покоя, успокаиваясь лишь тем, что видеииое им ночью только сои, а не страшиая действительность.

Кстати, эта милая и иаивиая подробиость, так зиакомая всем людям, видевшим страшиые сиы, обнаруживает в безвестиом библейском рассказчике искусиого художиика — психолога и бытописателя. Наверно, устные рассказчики этой очеиь популяриой истории, все эти пастухи, кочевники, скотоводы и охотиики, рыболовы и купцы, привиосили кое-что и от себя, от собствеииого опыта. Легеида об Иосифе — одиа из самых «обкатанных» историй древности. Она особеиио иравилась простым людям, давая им возможность увидеть исполиеиие своих затаеииых мечтаний: ведь легеидариый Иосиф — их брат, такой же пастух-скотовод, подиявшийся силою своего разума иа иедосягаемую высоту.

Никто не мог истолковать сои фараоиа — ии призванные срочио волхвы, ии мудрецы всего Египта. Тут главный виночерпий наконец вспомиил об Иосифе — бедиом евреe-рабе, умеющем разгадывать сиы.

«Фараон сказал Иосифу: мне снился сон, и нет никого, кто бы истолковал его, а о тебе я слышал, что ты умеешь толковать сны» (Быт. 41: 15).

Иосиф очень мудро отвечал фараоиу, что это ие ои толкует сиы, их толкует Бог, а ои, Иосиф, лишь передает людям истолковаиие Бога. Такое объясиение, скромиое лишь по виду, сразу подияло зиачеиие Иосифа в глазах владетеля Египта. Теперь он был увереи, что имеино Иосиф иакоиец объясиит зиачеиие столь страниых сиовидеиий.

В этом эпизоде, как, впрочем, и во многих других, можио заметить, что Иосиф постояиио ходит по самой кромке огромиой опасности и страшного риска. Но опасиость и отчаяииый риск создает ои сам. Ему свойствеииа и подлиииая смелость, и удивительиая уверенность в собствеином талаите, названиом им самим даром божьим. *«Это не мое,—* говорит ои фараоиу, готовясь истолковать сои,— *Бог даст ответ во блага фараону».*

Иосиф объясняет:

«Семь коров хороших, это семь лет; и семь колосьев хороших, это семь лет: сон один.

И семь коров тощих и худых, вышедших после тех, это семь лет, также и семь колосьев тощих и иссушенных восточным ветром, это семь лет голода» (Быт. 41: 26, 27).

Далее Иосиф объяснил фараону, что после семи лет голода настанут семь лет изобилия, после которых снова настанет великий голод. Опасность же заключается в том, что в пору изобилия люди, в сытости и непредусмотрительности своей, забудут годы голода. А между тем, разъяснял Иосиф, лежащий ниц перед владыкою Египта, есть возможность избежать этих постоянно повторяющихся периодов голода, связанных, как известно, с уровнем воды в Ниле. Надо, говорит он далее фараону, в годы изобилия беречь и запасать хлеб впрок. Для этого, не без тайного умысла замечает он, надо найти мужа разумного и мудрого, поставить его над всем Египтом, чтобы он набрал себе надзирателей, а те собирали с населения в годы изобилия пятую часть урожая. Подав совет, Иосиф снова сказал фараону, что его слова принадлежат не ему, а Богу. Иосиф, надо думать, не сомневался, что, подкрепленный таким авторитетом, его совет будет безоговорочно и тотчас принят фараоном, что, как мы знаем, и случилось на самом деле.

«И сказал фараон Иосифу: так как Бог открыл тебе все сие, то нет столь разумного и мудрого, как ты;

Ты будешь над домом моим, и твоего слова держаться будет весь народ мой; только престолом я буду больше тебя.

И сказал фараон Иосифу: вот, я поставляю тебя над всею землею Египетскою.

И снял фараон перстень свой с руки своей и надел его на руку Иосифа; одел его в виссонные одежды, возложил золотую цепь на шею ему;

Велел везти его на второй из своих колесниц и провозглашать пред ним: преклоняйтесь! И поставил его над всею землею Египетскою» (Быт. 41: 39—43).

История Иосифа походит на волшебную сказку, что усугубляется и некоторыми чисто фольклорными ее чертами: троекратно возникающими сходными ситуациями, повторами отдельных образов-рефренов и устойчивых, как бы ритуальных, словосочетаний. Поэтому закономерен вопрос: а могло ли на самом деле во времена фараонов произойти подобное возвышение бедного раба-еврея? Но уже говорилось, что фигура Иосифа и его

необыкновенная судьба хорошо вписываются в те времена (XVIII—XVII вв. до н.э.), когда в Египте правили завоеватели. То были гиксосы, пришедшие с востока с иесметиыми войсками. Оии захватили Египет, свергли царствовавшую там династию и учредили свою. Гиксосы, захватив власть, вместе с тем постарались в точиости воспроизвести и, словио копию, повторить весь уклад фараоиова двора. Как иародиость оии прииадлежали к семитской группе. Возвышеиие Иосифа при дворе самозванцев было, следовательио, ие таким уж фаитастическим, как может показаться. Новые фараоиы — лжефараоны — ие считали зазориым возвысить раба, так как в их жилах текла кровь иедавиих пастухов и скотоводов. Будучи семитами, оии, естествеиио, симпатизировали людям, близким к их группе, они им покровительствовали и даже специальио приглашали иа службу.

Коиечио, и при этих объясиениях история Иосифа не перестает быть иеобыкиовеииой, а сама фигура его, не упомяиутая, как уже говорилось, в египетских источниках, меиее легеидариой.

Далее Библия рассказывает, как разумио распорядился Иосиф, собрав хлеб в житиицы, как страиа, благодаря ему, избежала голода.

«И был голод по всей земле; и отворил Иосиф все житницы и стал продавать хлеб Египтянам...

И из всех стран приходили в Египет покупать хлеб у Иосифа...» (Быт. 41: 56, 57).

Запасы хлеба, сделаииые Иосифом, были так велики, что его можио было продавать в соседиие страиы, где тоже, как и в Египте, иачался сильиейший голод. Самим египтяиам хлеб выдавался без всяких формальиостей; что же касается людей из чужих страи, все чаще приходивших со своими каравааиами в иадежде иагрузить их хлебом, то им зерно из житииц выдавалось лишь по личиому разрешеиию самого Иосифа, еще более возвысившегося в те годы и фактически управлявшего страиой на правах фараоиа.

Голод коснулся и земли Ханааиской, где проживал Иаков со своими сыиовьями и миогими виуками. Люди стали умирать повсеместно. Горестиые вопли и стоиы раздавались по всей земле.

Прослышав о полных житиицах в Египте и о том, что египетский фараои продает излишки зериа ие только собствеииому бедиому люду, ио и в соседиие страиы, Иаков

Встреча Иосифа с братьями.

решил снарядить караван и отправить своих сыновей за хлебом в далекий Египет. Так, братья, кроме младшего Вениамина, последней утехи Иакова, двинулись той же дорогой, по какой тринадцать лет тому назад, то есть сравнительно не так давно, ушел проданный ими в рабство их брат Иосиф. Думали ли они об этом, отправляясь в Египет? Вполне возможно, тем более что Рувим, спасший когда-то Иосифа от смерти, постоянно напоминал о нем, сильно тоскуя и плача все эти годы. Кроме того, бедствия, приблизившие семейство Иакова к самому порогу смерти, не могли не обострить их совести и не оживить горьких и постыдных воспоминаний.

Прибыв в Египет, братья — как чужестранцы — должны были получить разрешение на выдачу им хлеба от главного начальствующего лица, каким в ту пору был именно Иосиф, их брат. Они явились, но не узнали Иосифа. Да и было бы мудрено узнать в этом важном вельможе, одетом в дорогие наряды и осыпанном драгоценностями, несчастного мальчика, проданного ими в рабство голым. Тот несчастный Иосиф был неузнаваем, и они не могли даже предположить, что восседавший на возвышении человек, от которого зависели жизни тысяч людей, их брат. Иосиф же тотчас узнал их; прошедшие тринадцать лет не слишком изменили их лица, а жестокий голод обострил черты и сделал фигуры худыми, отчего братья стали как бы моложе, вернувшись ко дням отрочества и юности.

Узнав братьев, Иосиф не показал и виду; он постарался ничем не выдать своего волнения. Напустив еще более важный вид, а голосу придав особую строгость, он сурово и с каким-то подозрением расспросил, откуда они родом, так как хотел узнать об отце, а также об отсутствовавшем почему-то Вениамине, младшем брате, которого Иосиф очень любил и теперь тревожился за его судьбу. Оказалось, что старый Иаков жив, что Вениамин остался с ним, так как слишком юн и обессилел от голода.

Братья уже думали, что все формальности разрешились, что строгий египетский вельможа, начальствующий, как верно они догадались, над всей страной, даст зерна и отпустит с миром. Но Иосиф продолжал говорить еще более сурово — теперь уже как с людьми крайне подозрительными, назвав их в конце концов соглядатаями, то есть лазутчиками. Он велел им вернуться в свою зем-

лю и в доказательство правдивости всего их рассказа привести оттуда младшего брата Вениамина. Братья стали горько сетовать, разговаривая на своем языке и не думая, что Иосиф понимает их речь. Они не только жаловались на судьбу, но и горько раскаивались в давнем поступке с Иосифом, считая, что теперешняя кара является возмездием за прошлый грех. Раскаяние братьев, их проснувшаяся совесть потрясли Иосифа, и, чтобы скрыть слезы, он поспешно отвернулся. Однако приказ его был непреклонен: привести брата — только это может подтвердить, что они говорят правду, что они не лазутчики из враждебной страны. Оставив одного из братьев, Симеона, в качестве заложника, братья собрались в обратный путь. Брата своего и все серебро, привезенное в уплату за хлеб, они оставили в руках стражи.

Ночью, когда братья спали, Иосиф приказал открыть их мешки и поверх хлеба положить оставленное ими серебро. Он надеялся, что таким образом подаст им тайный знак: ведь родной брат не должен был брать за хлеб плату, тем более ввиду голодной смерти. Но Иосиф, как увидим, переоценил способности своих братьев к истинному истолкованию. Они поняли возвращение серебра по-своему, но, впрочем, не без логики. Первым чувством, обуявшим их всех, как только они увидели возвращенную плату, был ужас. По-видимому, все они тотчас вспомнили те двадцать сребреников, что получили когда-то за проданного брата. Теперь же Бог, рассуждали они, непостижимым образом вернул им серебро как бы в наказание и в напоминание о свершенном преступлении. Будучи людьми честными, братья решили вернуть деньги, странным образом оказавшиеся у них в мешках. Они не знали, что другой мыслью Иосифа было намерение испытать именно их честность.

К сожалению, они тогда не вернулись тотчас, рассудив, что возвратят серебро во второй свой приход в Египет с братом Вениамином.

Однако обратный путь все откладывался и откладывался из-за нежелания Иакова отпускать Вениамина. Выслушав все рассказы сыновей, он не знал, что и подумать, хотя во всем, что с ними случилось, старый Иаков, человек проницательного ума и глубокой веры в предопределение, чувствовал некий высший умысел. Из рассказов сыновей сплетался в его воображении какой-то

явио осмыслеииый, но глубоко скрытый узор, тайну которого он силился разгадать во время долгих бессоииых иочей. Больше всего Иакова волиовала судьба Симеоиа, оставлеииого в Египте заложииком, но, с другой стороиы, очеиь страшила мысль отпустить Вениамииа, последиюю свою радость, в таииственный Египет.

Драматичиость положеиия усиливалась страстным желанием братьев Симеоиа вериуть заложиика в семью — оии ведь твердо пообещали ему это, и Симеои, коиечио, считает каждый деиь, вычислив в своем уме долготу дороги туда и обратно. Он ие мог подумать, что отец задержит его братьев и тем самым продлит его мучения.

«Если бы мы ие медлили, то сходили уже два раза»,— сказал отцу один из сыновей. Еще более решительной была просьба Рувима, самого совестливого из братьев.

«И сказал Рувим отцу своему, говоря: убей двух моих сыновей, если я не приведу его к тебе; отдай его на мои руки; я возвращу его тебе» (Быт. 42: 37).

Тогда, глядя с тоскою иа Веииамииа и уже как бы прощаясь с иим, Иаков сказал сыновьям:

«...если так, то вот что́ сделайте: возьмите с собою плодов земли сей, и отнесите в дар тому человеку несколько бальзама и несколько меду, стираксы и ладану, фисташков и миндальных орехов.

Возьмите и другое серебро в руки ваши; а серебро, обратно положенное в отверстие мешков ваших, возвратите руками вашими: может быть, это недосмотр» (Быт. 43: 11, 12).

С тревогой в сердце двииулись братья в Египет, ио поскольку было сделано все, чтобы египетский вельможа остался доволен, то они всячески утешали себя иадеждою иа благополучиый исход всего предприятия. В Египет вместе с ними шло немало караванов и страиников. Все это были люди, страдавшие в своих землях от голода. Слава о хлебных закромах Египта, о мудром фараоиовом иаместиике, приведшем свою страиу к изобилию, разошлась по всем окрестиым странам. О мудром распорядителе думали и иаправлявшиеся к иему братья, совершеиио не подозревавшие, что идут оии к брату своему Иосифу, которого давио считали погибшим, сгииувшим без следа, увы, по их собственной вине. Разговоры о наместиике ие прекращались всю дорогу. Редкий

из путников, встречавшийся им на пути, не прибавлял какой-нибудь истории к тем, что уже накопились в памяти братьев за несколько дней путешествия. Из всех рассказов выходило, что египетский наместник не только мудр и хитроумен, но и обладает добрым сердцем. Это успокаивало братьев, и они вошли в столицу Египта почти уверенные в добром окончании дела.

И действительно, поначалу все шло как нельзя лучше. Сначала они явились к домоправителю, представили ему Вениамина и вручили дары, присланные Иаковом. Иосиф, принявший их позже, был милостив, радушен и гостеприимен, любовался Вениамином и долго расспрашивал об Иакове. Он удостоверился в честности братьев, не только приведших Вениамина, чтобы вызволить Симеона, но и возвративших положенное в их мешки серебро. Расспрашивая об отце и разглядывая Вениамина, Иосиф не мог сдержать волнения и, выйдя в соседние покои, заплакал там в одиночестве, но, утерев слезы, вернулся, чтобы посидеть вместе со всеми за пиршественным столом. И во время пира он продолжал ненароком расспрашивать о родном доме, втайне желая навести братьев на упоминания о милых ему подробностях домашнего быта. Братья не могли не заметить, что Вениамин во время пиршества и беседы был как-то по-особому привечен египетским вельможей, буквально не спускавшим с него ласкающего взора, но приписали это доброте своего высокого покровителя, о которой так много наслышались в дороге, а также миловидности их младшего брата.

Пир закончился шумным весельем.

Уже глубокой ночью расстались они со своим добрым повелителем и после восхода солнца двинулись в путь.

Между тем братьев ожидали новые волнения. Они не знали, что египетский наместник, так милостиво распрощавшийся с ними и пожелавший счастливого пути, передавший добрые слова отцу, облобызавший Вениамина, велел слугам незаметно подложить деньги в мешок каждого из братьев, а в мешок Вениамина, кроме того, еще и серебряную чашу.

И вот, едва выехав за город, так что крепостные стены еще виднелись, братья были настигнуты неожидан-

ной погоней. Их вместе с верблюдами и ослами грубо повернули назад, подталкивая копьями и осыпая бранью. Это было так неожиданно, что они потеряли дар речи, не зная, чему приписать новое злоключение в их судьбе. Но не успели братья перебрать в уме возможные и невозможные причины, как, остолбенев, узнали, что их обвиняют в похищении драгоценной чаши Иосифа. Они вспомнили, что действительно видели очень красивую чашу, которую подносил наместник к своим устам на вчерашнем пиршестве, и вспомнили также, что полюбовались тонкостью работы египетского мастера, изукрасившего кубок затейливым орнаментом. Но при чем тут они?

Между тем стража рылась в поклаже, и чаша, к ужасу и смятению братьев, обнаружилась в мешке Вениамина. Тот горько плакал и клялся, что ни в чем не виновен. Но дело усугубилось еще и крупными суммами серебра, лежавшими в мешке каждого из них. Серебро красовалось сверху, прямо под завязкой, словно положенное туда второпях, после всех сборов.

Осмотрев мешки и обнаружив кражу, досмотрщики, однако, задержали одного лишь Вениамина, сказав, что остальные могут двигаться восвояси. Братья решили, что или кража денег не была большой потерей для наместника, или же им была оказана особая милость. Но вернуться домой без Вениамина они не могли и порешили остаться в рабстве у египтян все вместе.

Они не знали, что то было новое испытание, придуманное для них Иосифом. Дело в том, что Иосиф, видевший, как переменились братья к лучшему, что они честны и любят отца и друг друга, все же отчасти сомневался в истинности своих наблюдений. Ведь как-никак, а именно они коварно и преступно продали его в рабство, получив свои несчастные двадцать сребреников. Вот почему он решил проверить их на Вениамине. Расстанутся ли они со своим младшим братом ради собственной свободы и выгоды? Если расстанутся, значит, все остались такими же, какими были, когда продали его измаильтянским купцам. Ему важно было удостовериться, что давний поступок был всего лишь злосчастной выходкой разозленных мальчишек, в которой они давно раскаялись, будучи по натуре своей добрыми и честными.

Тем временем братья вместе с Вениамином по их горячей и неотступной просьбе были допущены во дворец

и пали к ногам Иосифа. Они умоляли его оставить их в рабстве, но не разлучать с Вениамином.

Однако Иосиф, обращаясь к братьям со своего роскошного возвышения и не снисходя к их просьбам, подтвердил свой приговор: Вениамин должен остаться, а остальные могут уйти. Тогда один из братьев, лежавший ниц, как и прочие, поднялся и сказал:

«...господин мой, позволь рабу твоему сказать слово в уши господина моего и не прогневайся на раба твоего, ибо ты то́ же, что́ фараон.

Господин мой спрашивал рабов своих, говоря: есть ли у вас отец или брат?

Мы сказали господину нашему, что у нас есть отец престарелый, и у него младший сын, сын старости, которого брат умер, а он остался один от матери своей, и отец любит его...

Теперь если я приду к рабу твоему, отцу нашему, и не будет с нами отрока, с душею которого связана душа его,

То он, увидев, что нет отрока, умрет; и сведут рабы твои седину раба твоего, отца нашего, с печалью во гроб...

Итак пусть я, раб твой, вместо отрока останусь рабом у господина моего, а отрок пусть идет с братьями своими.

Ибо как пойду я к отцу моему, когда отрока не будет со мною? я увидел бы бедствие, которое постигло бы отца моего» (*Быт. 44: 18—20, 30, 31, 33, 34*).

Услышав такие слова, ясно свидетельствовавшие об искренней и глубокой братской любви, простиравшейся до того, что один из братьев был готов принести себя в жертву, навсегда оставшись в рабстве, Иосиф готов был зарыдать, но сдержался, дабы спокойно выслать всех слуг и приближенных. Ему важно было остаться с братьями наедине, чтобы, дав волю слезам, давно копившимся в его душе, открыться и сказать: я брат ваш!

«И сказал Иосиф братьям своим: подойдите ко мне. Они подошли. Он сказал: я — Иосиф, брат ваш, которого вы продали в Египет.

Но теперь не печальтесь и не жалейте о том, что вы продали меня сюда, потому что Бог послал меня перед вами для сохранения вашей жизни» (*Быт. 45: 4, 5*).

Он сказал далее братьям, что голод, продолжавшийся уже два года, продлится еще пять лет, но семейство Иакова не будет страдать от недостатка хлеба. По словам Иосифа, замысел Бога, не ясный поначалу никому, ни Иакову, ни братьям, когда-то продавшим его именно в Египет, состоял в том, чтобы он, Иосиф, мог в конце концов оказать благодеяние людям — и своему семейству, и всем остальным, которые иначе погибли бы от голода.

Библия, как видим, очень настойчива в идее предопределения: все случилось именно так, как должно было случиться.

Но очень важно вместе с тем, что идея предопределения, властно распоряжающаяся человеческой жизнью и всеми людскими поступками, не снимает, однако, с человека вины за содеянный им грех или преступление.

Сложное единство предопределения, вины, наказания и свободы воли издавна привлекало внимание всех читателей Библии, став предметом споров между теологами и философами всех времен и народов.

В истории Иосифа, где это сложное единство выступает особенно выпукло, все же самым важным является ее чисто человеческое содержание, сводящееся к трем словам: я брат ваш. В библейских масштабах это знаменитое изречение, высказанное, казалось бы, по частному случаю, приобретает огромный, поистине всечеловеческий смысл.

...Открывшись братьям, Иосиф, как рассказывается в Библии, целовал их всех, обнимал и плакал, но более всего печалился об отце, страшась не увидеть его, так как годы Иакова были весьма преклонными. Снарядили богатый караван. Предполагалось, что, прибыв в землю Ханаанскую и отдохнув, братья вместе с отцом дня через два-три двинутся в обратный путь. Иосиф настаивал на скорейшем возвращении. Он и сам охотно отправился бы вместе с братьями, ускорив тем самым радостное свидание, но государственные дела удерживали его на месте.

Надо ли говорить, как велика была радость старого Иакова, узнавшего, что Иосиф жив? Слезы душили всех, но зато и улыбки цвели на лицах. Только сейчас отец узнал, как обманули его сыновья, сказав, что Иосиф был растерзан диким зверем. Старец, однако, не гневался.

Радость была так велика, а раскаяние братьев столь очевидно, что все были прощены, и ровно через три дня, как и хотел того Иосиф, напутствовавший братьев словами о скорейшем возвращении, караван двинулся в обратный путь. Отправилось все семейство Иакова — семьдесят пять человек. На многочисленных верблюдов, ослов и лошаков погрузили почти все имущество — ведь Иаков ехал не в гости, а окончательно переезжал в Египет, где ему была дарована обширная земля Гесем. Она располагается возле Нила и до наших дней является самой плодородной частью Египта.

Долгая дорога к Иосифу, несмотря на свою утомительность и однообразие, прошла быстро. Братья наперебой рассказывали Иакову о своих злоключениях, о хитроумных и жестоких испытаниях, сквозь которые им пришлось пройти по справедливой и предусмотрительной воле Иосифа, о пышности дома, где теперь жил их брат, наместник Египта, о странных обычаях и порядках чужой страны.

По пути остановились на самой границе родной земли Ханаанской, в Вирсавии. Здесь был колодец, выкопанный еще Авраамом в честь дружеского договора с Авимелехом. На столь памятном и священном месте Иаков устроил жертвенник и жарко молился Богу о ниспослании ему благополучной встречи с сыном Иосифом. Ночью, когда караван отдыхал, Иакову вновь, как когда-то, было сонное видение. Бог, возникший перед ним, сказал: ***«...не бойся идти в Египет, ибо там произведу от тебя народ великий» (Быт. 46: 3).***

Иосиф встретил отца на золотой колеснице неподалеку от города.

Необыкновенная встреча отца-пастуха с Иосифом растрогала всех. О ней рассказывали друг другу не только жители столицы, громко обсуждавшие чрезвычайную новость на улицах, базарах, постоялых дворах и в харчевнях. Чудесная история чужеземного отрока-пастуха, ставшего правой рукой и глазами фараона, быстро разошлась вместе с погонщиками караванов, купцами, странниками и рабами по всем окрестным землям и дальним царствам. Подобная волшебной сказке, она передавалась затем из поколения в поколение, когда уже не стало ни Иакова, ни Иосифа, ни его братьев. И не один бедняк втайне примеривал к себе эту чудесную судьбу,

так как она вселяла страстную надежду в торжество высшей справедливости.

Разумеется, первым, кто услышал эту историю, был фараон. Он узнал ее от самого Иосифа. Особенно глубокое уважение вызвал у него достопочтенный старец Иаков. Фараон велел всячески помочь устройству семейства на новом месте, в благодатной земле Гесем, и одарил Иакова многими драгоценностями.

Земли в Гесеме были исключительно плодородными. Тучные пастбища, близость воды, умерявшей дуновение пустыни,— все говорило о том, что место было выбрано с большой заботой и предусмотрительностью. Иакову было уже сто тридцать лет, и он мог в покое и мудром созерцании доживать свои дни, благодаря судьбу за ниспосланную ему милость.

Почувствовав приближение смерти, он принял в лоно своей семьи сыновей Иосифа, рожденных им от египтянки, и завещал похоронить его в Ханаане — там, где могила Авраама.

Там же впоследствии был похоронен и Иосиф.

Иосиф жил еще долго, пятьдесят четыре года, и увидел многих своих внуков и правнуков. Умер он, когда ему было сто десять лет. Перед смертью он завещал похоронить его в земле Ханаанской, которую считал обетованной. Но это произошло не скоро. Набальзамированный, он долго находился в ковчеге в самом Египте. И лишь Моисей исполнил его завещание, перенеся останки в Сихем — туда, где уже покоился Иаков.

Предполагаемую могилу Иосифа и сейчас показывают в долине возле Наблуса, между Гевалом и Гаризимом, недалеко от колодца Иакова.

Прежде чем перейти к Моисею, как бы завершившему судьбу Иосифа перенесением его останков в землю отцов, обратимся к фигуре человека, жившего, по библейскому преданию, примерно в то время, когда Иаков из земли Ханаанской по призыву своего сына Иосифа переселился в Египет. Возможно, Иосиф, как и Иаков и братья, слышал об этой глубоко трагической и поучительной судьбе, так как о ней слышали тогда буквально все.

МНОГОСТРАДАЛЬНЫЙ ИОВ

Само имя Иов означает «истерзанный». Возможно, впрочем, что то было прозвище, потому что оно больше подходило этому человеку тогда, когда он уже претерпел все муки, выпавшие на его долю. Вряд ли можно было назвать его истерзанным в пору его благополучия и здоровья. Он был в своих краях (в земле Уц — между Едомом и пустынной Аравией) самым богатым и могущественным лицом. Первоначальная известность его относилась именно к богатству. Стада его были бесчисленны, жилище великолепно, он успешно торговал, посылая караваны в дальние земли, и тем самым ежегодно приумножал свое достояние. У Иова было семь сыновей и три дочери, все они жили неподалеку от Иова и, будучи людьми богатыми, любили едва ли не каждый день поочередно посещать друг друга, устраивая пиршественные столы. Натура же Иова была богобоязненной. Несмотря на свое благополучие, укреплявшееся с каждым днем его жизни, он испытывал какой-то труднообъяснимый страх перед будущим. Иов хорошо знал, что все — и богатство, и жизнь, и смерть — в руках божьих. Что-то постоянно точило ему душу и не давало уверенности в завтрашнем дне. Наверно, он представлял себе человеческую судьбу такой же, какою ее однажды узрел Иаков в своем видении лестницы, ступени которой коварны, так что, поднявшись на самый верх, ты тотчас можешь оказаться внизу.

Чувствуя в глубине души некий постоянный трепет, Иов особенно сокрушался относительно праздной, как ему казалось, жизни своих детей. Правда, они вели свои отдельные хозяйства не без успеха и вполне обходились без помощи отца, а это говорило о том, что не только пиршества, но и труд были им известны. И все же каждодневный гостевой стол очень смущал набожную душу Иова. Вот почему, рискуя навлечь на себя насмешки, он

каждый вечер после окончания очередного веселья в доме своих детей молился Богу об отпущении им грехов и приносил так называемые жертвы примирения.

И вот однажды сатана, который, как известно, следит за каждым добрым человеком, выглядывая у него из-за левого плеча, намекнул — так послышалось Иову,— что жертвы его напрасны, так как вся набожность Иова корыстна: он-де приносит жертвы как некую плату за благополучие своих грешных детей. Злой этот дух внушал Иову и Богу, что если бы Иов был истерзан бедствиями, он тотчас отвернулся бы от Бога, поскольку ему, Иову, не за что было бы страшиться.

Единственно для того, чтобы посрамить сатану и доказать покорность Иова божьей воле, Бог и обрушил на него многообразные и страшные бедствия. Вынесет ли человек испытания, явно несоизмеримые с его грехом, не покачнется ли его вера, останется ли он таким же набожным, каким был во времена своего благополучия?

И вот Иов внезапно лишился всего своего имущества и всех своих детей. Чуть ли не каждый день приходил к нему печальный вестник с каким-либо дурным и страшным сообщением: то весь мелкий скот попалила молния, то крупный скот угнало кочевое племя, то халдеи напали на верблюдов. Самое страшное известие принес гонец, рассказавший, что на очередном пиршестве, когда все дети Иова собрались, как всегда, у одного из братьев, внезапная буря повалила дом и погребла под обломками всех, кто там находился.

Узнав о страшных несчастьях, Иов, не подозревавший, конечно, о божьем замысле испытать его веру, разодрал на себе одежды, обрезал в знак траура волосы, пал на землю и, в плаче преклонившись перед Богом, сказал: *«...наг я вышел из чрева матери моей, наг и возвращусь. Господь дал. Господь и взял; да будет имя Господне благословенно» (Иов. 1: 21).*

Казалось бы, смирение Иова было доказано.

Однако бедствия, лишившие его имущества и сыновей, были, оказывается, еще недостаточными, так как они не коснулись собственной его плоти. И снова выступивший вперед сатана сказал Богу: *«...простри руку Твою, и коснись кости его и плоти его,— благословит ли он Тебя?» (Иов. 2: 5).*

В ответ Бог поразил Иова проказой, страшными ранами, покрывшими все его тело от головы до ног.

Теперь, сидя на гноище, вдали от селения, отверженный людьми, не решавшимися подойти к нему из-за боязни быть зараженными, он проклял самый день рождения своего. Вопли его возносились, как пишется в Библии, к самому небу.

Но ничего не помогало Иову, и даже жена наконец в злобе отвергла его. Глядя, как черепицей скоблит он свои язвы и заворачивается в зловонные рубища, она закричала с яростью: *«...ты все еще тверд в непорочности твоей! похули Бога и умри.*

Но он сказал ей: ты говоришь, как одна из безумных; неужели доброе мы будем принимать от Бога, а злого не будем принимать?» (Иов. 2: 9, 10).

По смыслу своей жизни, полностью отданной Богу, по глубине веры, не сгибающейся в испытаниях, по своей святости Иов — это, конечно же, первый святой великомученик в длинной галерее подобных лиц, запечатленных Библией.

Вскоре о его муках узнали три друга, всегда высоко ценившие Иова за чистоту его жизни. То были Елифаз, царь Феманский, Валлад, властитель Савхейский и Софар, царь Минейский. Как видим, Иов действительно был знатным человеком в своих краях — он был одарен близкой дружбой трех царей. Увидев Иова, сидящего, как сказано в Библии, на пепле своем, похожего на скелет, обтянутый гноящейся кожей, заросшего бородою и волосами ниже пояса, отринутого всеми и плачущего, они в страшной скорби разодрали свои одежды, посыпали пеплом свои головы и в полном молчании просидели возле него семь дней и ночей. Такой пример высокой дружбы не мог не тронуть Иова. Он расценил ее по-своему — как милость божью, как нежданную улыбку судьбы, словно подавшую ему знак своего тайного благоволения. Семь дней и ночей, проведенных Елифазом, Валладом и Софаром возле Иова, были преисполнены для них неустанными размышлениями. Судьба Иова с такой очевидностью свидетельствовала, по их мнению, о наказании, что они решились наконец прямо спросить своего несчастного друга, не согрешил ли он перед небесами, так как кара, обрушившаяся на него, лишившая сначала имущества, затем детей, потом жены и исполосовавшая

его тело язвами, не могла не иметь причины, а причина должна находиться не где-нибудь, а в нем. Они давно знали Иова как богобоязненного и чистого человека и потому спросили об этом с великой робостью.

В ответ они услышали слова горького отчаяния и даже как бы уже укора тому, кто ниспослал на него кару. По всему было видно, что Иов доведен до крайности и, может быть, уже близок к умоисступлению.

«...о, если бы верно взвешены были вопли мои, и вместе с ними положили на весы страдание мое!

Оно верно перетянуло бы песок морей! Оттого слова мои неистовы...

Тело мое одето червями и пыльными струпами; кожа моя лопает и гноится.

Дни мои бегут скорее челнока и кончаются без надежды...

Не буду же я удерживать уст моих; буду говорить в стеснении духа моего; буду жаловаться в горести души моей» (Иов. 6: 2, 3; 7: 5, 6, 11).

Вся Книга Иова, повествующая о страданиях, посланных во имя испытания, замечательна не только по своему содержанию, но и по удивительной словесной красоте речей, что произносит в ней Иов. Страстные, исключительно красноречивые, поистине исступленные обращения Иова к Богу в защиту человека — это образцы высокого художественного искусства. Филиппики, обращения и моления Иова уже впрямую предшествуют и замечательным псалмам царя Давида, о которых речь впереди, и проповедям Христа в защиту рабов и несчастных, и посланиям неистового апостола Павла. Книга Иова не прошла незамеченной и для древних русских писателей — достаточно сравнить ее с «Молением Даниила Заточника» или некоторыми житиями святых, чтобы тотчас убедиться в их родственности.

До сих пор среди богословов и исследователей-библеистов идут споры, написал ли Иов, если он реальное лицо, сам свою книгу. Но даже если речи Иова были записаны не им самим, а, пройдя изустную фазу, использованы другими авторами, все равно огромный литературно-проповеднический талант Иова неоспорим. Он, безусловно, был своеобразным основоположником религиозной проповеди большой эмоциональной силы, убеждения и блестящего импровизационного дара.

Иов в беседе со своими друзьями отвергает их робкие подозрения в греховности. Наказание божье, по его словам, пало на невиновного.

И здесь хочется привести еще один образчик замечательной библейской прозы. Иов отвечает друзьям, обращаясь и к ним, и к Богу:

«Что Ты ищешь порока во мне и допытываешься греха во мне,

Хотя знаешь, что я не беззаконник, и что некому избавить меня от руки Твоей?

Твои руки трудились надо мною и образовали всего меня кругом,— и Ты губишь меня?

Вспомни, что Ты, как глину, обделал меня и в прах обращаешь меня?..

Если я виновен, горе мне! если и прав, то не осмелюсь поднять головы моей. Я пресыщен унижением; взгляни на бедствие мое» (*Иов. 10 : 6—9, 15*).

Друзья Иова выслушивают его речи, не зная, что и подумать. Им уже слышится в его словах что-то близкое к богохульству. Можно ли так отрицать греховность свою? Может быть, Иов согрешил невольно, не осознавая греха, но в этом следует покаяться.

Здесь в разговор вмешался молодой человек, оказавшийся поблизости; он долго прислушивался и к словам Иова, и к доводам друзей. Этот молодой человек, по имени Елиуй, сказал, что все беседующие не правы. Страдания не всегда являются наказанием за грех, они могут быть и особой милостью — испытанием в вере для избранного человека.

Слова Елиуя вскоре оправдались.

В налетевшей грозе и буре, среди раскатов грома и потоков ливня, освежавших больное тело Иова, он вдруг ясно расслышал голос с неба. Этот голос сказал ему, что напрасно человек ищет объяснений всему и вся, ибо высшая мудрость превосходит границы человеческого понимания.

И Иов понял, как он был не прав, возроптав на Бога.

Омытый влагой, исцеленный мудростью, возвратился он в дом свой, сделавшись по-прежнему здоровым и сильным.

После описанных событий многотерпеливый Иов жил еще сто сорок лет. Ему довелось увидеть не только внуков, но и многочисленных правнуков.

К сказанному об Иове следует, наверно, еще добавить, что он не только был красноречив подобно будущим библейским великим пророкам, предтечей которых по праву является, но явился, кроме того, первым известным нам человеком, задавшим и небу и людям так называемые «вечные вопросы»: для чего создан человек? Почему дни его кратки? В чем его вина перед небесами? И т. д., и т. д.

На все эти вопросы, заданные Иовом на заре истории с детским нетерпением и трагической прямотой, человечество пытается найти ответы до сего дня.

МОИСЕЙ

Рождение Моисея

Мы уже говорили, когда шла речь об Иосифе, что его отцу Иакову и братьям и всем родичам, прибывшим из земли Ханаанской, была отведена обширная плодородная земля Гесем в дельте Нила. Это было достаточно близко от тогдашней столицы Египта, но все же и не так близко, чтобы Иосиф, занятый на государственной службе, мог постоянно бывать у отца, хотя и обладал быстрыми колесницами. Известная удаленность, впрочем, особенно не смущала евреев-скотоводов, поселившихся в Гесеме, так как они не имели большой охоты бывать в чужом и шумном городе. Впрочем была и еще одна причина такой удаленности от центра египетской жизни. Ведь, в конце концов, плодородную землю можно было бы найти и ближе. Но, к великому сожалению, египтяне не любили и презирали пастушеские народы. Они относились к евреям, прибывшим к ним из своих диких, по их понятиям, земель, не только с предубеждением, но даже брезгливо и высокомерно. Вот почему фараон, не говоря об этом прямо, так как не

хотел обидеть Иосифа, поселил их подальше. Сам Иосиф в тогдашнем египетском быту был, в сущности, исключением: он имел особые заслуги и потому его пастушеское происхождение не принималось во внимание. Не было случая, чтобы кто-то напомнил Иосифу о его принадлежности к еврейскому народу. Парадокс заключался еще и в том, что тогдашние правители Египта, как уже было сказано, являлись пришельцами и, как утверждают, были людьми семитской крови.

Так или иначе, но уже к моменту прибытия в Египет караванов Иакова с его родичами в Египте существовало довольно устойчивое предубеждение против народа Иакова и Иосифа. Шли годы, проходили десятилетия... Еврейская колония, благополучно жившая в благодатной земле Гесем, быстро увеличивалась. Настала наконец пора, когда евреи стали весьма заметной частью египетского населения. Они доставляли в столицу продукты своего труда, налаживали торговые связи, так что встретить еврея на улице столицы было не редкостью. Когда-то одинокая и экзотическая группа, отселенная в сторону, сделалась многочисленной и, благодаря своему богатству и связям, достаточно влиятельной. В годы урожаев они, по давнему обычаю, введенному Иосифом, запасали много продуктов, чтобы в засушливый период продать их втридорога. Все это возбуждало в соседях зависть и недоброжелательность. Стычки, драки и потасовки между евреями и египтянами случались очень часто, иногда не обходилось без кровопролития, а то и убийства.

К тому времени, о котором сейчас пойдет речь в связи с великим пророком и законодателем израильтян Моисеем, положение евреев в Египте сильно ухудшилось. Прошло без малого четыреста лет со дня смерти Иосифа. Новый правитель Египта фараон Аменофид, восстановивший старую династию, существовавшую еще до Иосифа, не слышал даже этого имени. Все заслуги спасителя египтян от голодной смерти, мудрого устроителя их государства были забыты, и даже само имя его разбили в прах вместе с теми глиняными дощечками, на которых оно когда-то красовалось в окружении почетных титулов.

Новый фараон всячески притеснял евреев. Он считал их из-за их многочисленности и сплоченности потенциальной опасностью для государства, поскольку, будучи

чужеземцами, они могли в случае войны соединиться с противником. Правда, никаких фактов, свидетельствующих о будущей измене, у фараона не было, но, считая себя мудрым и дальновидным, он в фактах не нуждался.

В годы правления Аменофида положение евреев в Египте походило на плен, да таким оно по существу уже и стало. Их использовали подобно дешевому рабочему скоту на большом строительстве города Раамсеса, а также на постройке зернохранилищ и военных складов в Пифоме. Надсмотрщики с бичами и палками в руках заставляли трудиться от зари до зари под палящим солнцем, давая пищи и воды лишь столько, чтобы невольники могли все же таскать камни, месить глину и обжигать кирпичи. Здесь был явный расчет на убыль еврейской общины от болезней и смертей. Однако смертность, на взгляд фараона, возрастала медленнее, чем этого ему хотелось. Тогда он призвал повивальных бабок, пользовавших еврейских женщин, и приказал им умерщвлять младенцев мужского пола. Смиренно выслушав приказ, повивальные бабки и не подумали его выполнять. Тогда фараон снова призвал их — для устрашающего допроса. Однако женщины держались исключительно смело, оправдывая себя тем, что они, дескать, не поспевают к роженицам, разрешающимся от бремени еще до их прихода. «Еврейские женщины,— сказали они со скрытой насмешкой,— не так, как египетские; они здоровы, ибо прежде, нежели придет к ним повивальная бабка, они уже рождают».

Израильский народ криками приветствий встретил вернувшихся от фараона, выстроил им прекрасные дома и передал память о них всем будущим поколениям.

Тогда фараон приказал стражникам и палачам отбирать новорожденных мальчиков и топить их в Ниле.

С этого страшного дня горе накрыло своим черным плащом всю долину Гесем, она постоянно оглашалась плачем и воплями, мольбами и проклятиями. Казалось, конец израильского народа неизбежен: пройдет всего лишь несколько поколений и в долине Гесем не останется ни одного из потомков Иакова.

Выйти же за пределы Египта, чтобы в родной земле Ханаанской или в других землях и царствах продлить свой род, евреям запрещалось.

Спасение Моисея.

Они и впрямь оказались в плену.

Египетский плен был тем более ужасен, что предполагал полное истребление еврейского народа.

Правда, не надо забывать, что на ханаанских просторах, не давая о себе никаких вестей в Египет, укоренялась между тем широколистная ветвь, пошедшая от могучего ствола Исава.

История словно подстраховывала египетских пленников.

И вот в это время, о котором идет рассказ, в темный год фараонова гонения, у одной еврейской женщины, по имени Иохаведа, и ее мужа Амрома родился мальчик необыкновенной красоты и прелести. Мать решила во что бы то ни стало, любой хитростью спасти младенца. В семье уже был один мальчик, трехлетний Аарон, счастливо родившийся до указа об истреблении, и росла дочь Мариам.

В течение трех месяцев Иохаведа успешно прятала своего ребенка от стражников то в чулане, то на чердаке, то в каком-либо другом укромном месте. Но ребенок развивался так стремительно, оказался таким живым и голосистым, что скрывать его становилось все труднее и труднее. Правда, наличие еще двух детей отчасти спасало дело, так как стоило младенцу поднять крик, как Аарон и Мариам начинали носиться по дому, затевая шумную игру, чтобы заглушить голосок младшего брата. И все же опасность, что мальчик будет обнаружен, нарастала буквально с каждым днем. Стража и надсмотрщики аккуратно обходили дома евреев, и Иохаведа каждый раз с ужасом прислушивалась к их приближающимся шагам. Если в одном из домов раздавался дикий женский вопль, значит, египтяне ушли с добычей. Кровь застывала в жилах у несчастной Иохаведы.

И вот однажды она решилась на отчаянный шаг. Положив младенца в корзину, Иохаведа тихо вышла к Нилу и опустила ее на воду в том месте, где Нил образовывал маленькую спокойную лагуну. Место было укромным — над водой спускались, подобные шатру, густые ветви ивы. Иохаведа знала, что сюда нередко наведывается царская дочь, чтобы, укрывшись от нескромных глаз, искупаться и отдохнуть в свежей тени ивы. Она рассчитывала на то, что дочь фараона придет и на этот раз в

урочное для нее время, когда жара спадала и багровый лик солнца касался земли. Вместе с дочерью Мариам она спряталась в глубине рощи, ожидая появления царевны. И действительно, как только солнце, позолотив лагуну, стало опускаться за край земли, пришла дочь фараона. Увидев покачивающуюся на воде корзинку с младенцем, она всплеснула руками от восхищения — так прекрасен и мил был спокойно спящий в ней ребенок. «Это, наверно, из детей еврейских»,— подумала царевна, любуясь красотой младенца и уже страстно желая иметь его при себе как дорогую, прекрасную и живую игрушку. В этот момент, уловив на лице царевны восхищение и жалость, выступила из кустов Мариам. Она предложила найти кормилицу среди еврейских женщин. Царевна согласилась. Надо ли говорить, что такой кормилицей стала мать ребенка — Иохаведа.

Теперь она могла воспитывать своего мальчика спокойно.

Когда кончилось время кормления, Иохаведа отнесла младенца, ставшего проворным и еще более красивым, во дворец. Царевна с радостью приняла его и назвала Моисеем, что по-египетски означало «взятый от воды».

Воспитываясь во дворце, Моисей обучился различным наукам, стал одним из образованнейших людей среди своего окружения. Способности отрока поражали учителей, не находивших слов для восхищения и предрекавших ему великую будущность.

Моисею действительно была суждена великая будущность, но не на поприще придворной жизни или науки.

Бегство Моисея

По внешности, по образу жизни, по привычкам Моисей, находившийся при дворе на равных правах с остальными вельможами, был настоящим египетским аристократом — носил дорогие одежды, усыпанные драгоценностями, разъезжал в колеснице, окруженной подобострастной свитой, жил в покоях, поражавших своей роскошью.

Со времен Иосифа это был всего лишь второй случай подобного возвышения еврея при египетском дворе.

Будучи широкообразованным человеком, Моисей хорошо знал славную историю Египта и, конечно, лучше

других был осведомлен о своем предке Иосифе, имя которого, вычеркнутое из анналов, стертое в прах вместе с глиняными дощечками, находилось под запретом.

Будучи аристократом, он испытывал чувства симпатии и сострадания к своим сородичам, занятым изнурительной подневольной работой. С годами сострадание смешалось с чувством протеста и возмущения. С горечью смотрел он с высоты колесницы на падающих перед ним ниц сородичей. Однажды он случайно увидел, как египтянин-надсмотрщик бьет еврея. Подойдя к обидчику, Моисей в ярости ударил его мечом и убил. Случай этот постарались скрыть. Труп египтянина был тайно зарыт в песок. Но чуть ли не на другой день Моисей вновь заступился за еврея. Драки, как уже говорилось, были довольно частыми, и, как правило, именно египтяне, развращенные зрелищем рабского труда подневольных евреев, их беззащитностью и бесправием, были зачинщиками и обидчиками. Когда Моисей стал разнимать дерущихся, зачинщик сказал ему, не скрыв злорадного намека: «Ты не хочешь ли убить меня, как вчера убил египтянина?»

За убийство евреем египтянина полагалась, по фараоновым законам, смертная казнь.

Поскольку дело получило огласку, Моисею пришлось скрыться. Он не мог рассчитывать на снисхождение. Его высокое положение при дворе было лишь исключительной милостью, дарованной когда-то Моисею по прихоти любимой дочери-царевны, захотевшей иметь занятную игрушку. Теперь игра кончилась. Милость фараона сменилась угрозой смертной казни.

Моисей легко перешел границу Египта, запретную для евреев, так как был одет в дорогие египетские одежды. Оглянувшись на крепостные стены столичного города, он пошел по той дороге, что показалась ему менее многолюдной и потому не такой опасной. Ведь стражники фараона уже искали его.

Моисею, когда он вышел из Египта, было сорок лет.

Надо заметить, что вся жизнь Моисея четко распадается на три сорокалетия.

Итак, первые сорок лет для него закончились.

Через много дней он пришел в землю Мадиамскую и решил там поселиться. Выбор был не случаен. Моисей знал, что здесь живут люди одной с ним крови. То были размножившиеся потомки Авраама от его второй жены Хеттуры, и, таким образом, он, по сути, пришел к род-

ствеииикам. Несколько сот километров, пройдеииые Моисеем от столицы Египта по выжжеииой пустыие, иочевки под открытым иебом, жажда и голод сильио измеиили его облик. Заросший и оборваииый, ои меньше всего походил иа аристократа; родовые еврейские черты выступили в его виешиости особеиио ярко. Ои походил. скорее, иа пастуха, ищущего хозяиия и работы.

Остаиовившись у колодца возле самой граиицы Мадиамской земли, Моисей иаблюдал, как девушки, спускавшиеся к источиику, сиимали со своих плеч высокие кувшииы и, иагиувшись, искоса поглядывая иа запылеииого страииика, иабирали воду. Ои видел, как подошли пастухи, которым иадо было иапоить скот, и грубо отогиали девушек. Любивший справедливость Моисей вступился. Ои иабрал им воды, и оии удалились, удивлеиио оглядываясь иа своего защитиика. Моисей, иесмотря иа свою измождеииость из-за долгого пути, производил впечатление человека огромиой силы, ои был настоящим богатырем. Недаром пастухи отступили, увидев столь виушительиую фигуру. Девушки, разойдясь по домам, рассказали о иеобыкиовеииом египтяиине, встречеином ими у колодца, и одии из жителей, иекто Рагуил, пригласил его жить у себя, чтобы работать и пасти овец.

Так египетский вельможа вериулся к давиему заиятию своих предков — ои стал пастухом.

Начались иовые сорок лет его жизии.

Рагуил выдал за Моисея свою дочь Сепфору, оиа родила ему двух сыновей — Гирсама и Елиезера.

Неопалимая купина

Миогие дии и иочи Моисей проводил далеко иа пастбищах. Подобио своему предку Аврааму, ои любил целыми часами, пока овцы, охраияемые собаками от хищиых зверей, мирио паслись, пощипывая жесткую траву, смотреть иа звездиое иебо, где, как ему казалось, были иачертаны письмеиа его судьбы. Ои вспомииал Египет, и сердце его сжималось от муки при мысли о страдаииях родиого иарода, изиывающего в египетском плеиу. Иногда ему вспомииались, приходя из далекого младеичества, руки матери и ее тихий ласковый шепот. Страстиое желаиие счастья и свободы своему иароду пере-

полияло душу Моисея. Сердце подсказывало ему, что жизнь евреев в Египте стаиовилась иестерпимой.

Одиажды Моисей пас овец далеко в пустыие. В поисках удобного пастбища ои забрел со своей отарой в иезнакомые места, где возвышалась высокая и живописиая гора, покрытая териовым кустарником. Вдруг увидел Моисей, что одии из кустов горит ярким пламенем. Казалось, жаркий огонь раскаляет его сучья и листья, ио чем больше смотрел Моисей на столь необыкиовеииый куст, рдяио пламеиевший среди прочей зелеии, тем больше изумлялся, ибо куст этот, полыхая огием, сверкая и переливаясь языками разноцветиого пламени, одиако, не сгорал. То была иеопалимая купина. Как зачаровaииый, двииулся Моисей навстречу огию, чтобы рассмотреть его получше, как вдруг из самой сердцевины огня раздался голос Бога.

«И сказал Господь [Моисею]: Я увидел страдание народа Моего в Египте, и услышал вопль его от приставников его; Я знаю скорби его;

И иду избавить его от руки Египтян и вывести его из земли сей и ввести его в землю хорошую и пространную, где течет молоко и мед, в землю Хананеев...

И вот, уже вопль сынов Израилевых дошел до Меня, и Я вижу угнетение, каким угнетают их Египтяне.

Итак пойди: Я пошлю тебя к фараону, царю Египетскому; и выведи из Египта народ Мой, сынов Израилевых» (Исх. 3 : 7—10).

Моисей, в великой скромности своей, закрыв глаза рукой от слепящего куста, сверкавшего иестерпимым блеском и разгоравшегося все ярче, поиачалу отказывался, полагая, что у иего ие хватит сил и умения для свершеиия столь важиого дела.

«...кто я, чтобы мне идти к фараону [царю Египетскому] и вывести из Египта сынов Израилевых?» (Исх. 3 : 11).

Он слишком хорошо зиал Египет, его силу и могущество, быстроту и мощь его боевых колесиниц, миогочислеииость войска и виутреиией стражи, ои зиал, как зорко и иадежио охраияются его граиицы. Все это было известно Моисею ие поиаслышке: как придворный высокого ранга, он присутствовал на воеиных советах, собиравшихся фараоиом.

Но Бог обещал ему помощь: *«...Я буду с тобою...» (Исх. 3 : 12).*

Однако, даже получив благословение свыше, Моисей продолжал сомневаться. Он знал, что для того, чтобы поднять народ, нужно быть громогласным и искусным оратором. Между тем с детства он страдал заиканием, и речь его всегда была недостаточно членораздельной и внятной. Когда Моисея охватывало волнение, гнев или радость, он почти не говорил, устрашая не знающих его людей громкими булькающими звуками. Поэтому он не мог представить себя говорящим пламенные речи на площадях, улицах, базарах египетской столицы или на сходках в земле Гесем.

Но и тут Бог успокоил его, сказав, что старший брат Моисея Аарон, остававшийся в Египте, будет громогласно помогать Моисею, разъясняя его слова внятным языком призыва и проповеди.

Из этих слов Моисей неожиданно, к радости своей узнал, что любимый брат его, которого он считал или погибшим, или брошенным в фараоновы узилища, жив и даже станет ему помощником.

Однако и тут Моисей, слишком озабоченный успехом своей необыкновенной и высокой миссии, высказал опасения, что ни фараон, ни его приближенные ни за что не внимут требованию отпустить евреев с миром.

Бог, однако, снова уверил его в своей помощи, обещав содействовать чудесами. Для доказательства своих слов он обратил Моисеев пастушеский посох в змия с разверстой пастью. Моисей в страхе отступил, готовясь бежать, но Бог велел ему взять змия за хвост, после чего тот снова превратится в посох. По другому повелению Моисей дважды клал руку за пазуху — и рука оказывалась то пораженной страшной проказой, то чистой и здоровой. Если же египтяне и после этого не примут требований об освобождении евреев, то, по словам Бога, нужно будет на их глазах превратить простую воду в кровь.

Бог открыл также Моисею, что фараон при всех чудесах и устрашающих явлениях останется все же непоколебим. И тогда в наказание за жестокосердие будет послано на Египет десять казней. После десятой казни еврейский народ выйдет на свободу.

В благодарность за освобождение, сказал далее Бог, Моисей и вышедшие из плена евреи должны будут впоследствии принести хвалу Богу на той самой, святой отныне, горе Хориве, где пылает, не сгорая, чудесный терновый куст.

Так закончился второй сорокалетиий пернод жизии Монсея: для библейских людей и времеи то был, как мы зиаем, самый цветущнй возраст. Крепкий и сильиый восьмидесятилетиий Моисей, посадив иа ослов жеиу и детей, двинулся в далекий путь к Египту. Искры из иесгораемого куста — иеопалимой купиины — упали в его сердце и зажгли в ием иеугасимый огоиь свободы.

Невдалеке от крепостиых египетских стен ои встретнл брата Аароиа — тот, оказывается, иезаметио ушел из-под бдительного ока стражи, побуждаемый каким-то внутренинм прнказом, словио отдаииым ему свыше.

Так Монсей убедился, что божья помощь уже споспешествует ему.

Исход из Египта

Пройдя иезаметиыми через городские ворота, Моисей и Ааров оказались на улицах столицы. Моисей ие был в этом городе, бывшем для иего родиым и хорошо зиакомым, сорок лет. Теперь ои иисколько ие походил иа прежнего молодого н блистательного вельможу. В длииной пастушеской хламиде, босой, заросший длиниыми седыми волосами, с большой бородой и лицом, изрытым морщииамн, ои ходнл по зиакомым местам, иикем ие узиаииый. Многие его сверстиики-евреи давио умерли от истощення и тяжкого труда, а прежиие зиакомцы и друзья из дворца фараоиа просто не могли призиать в этом запыленном пастухе бывшего придворного. Сорок лет изгиания и пастушеской жизии ие прошли даром для Моисея: неотступные думы о бедствиях родиого иарода укрепили его волю и сердце. Ои явился в Египет умудренным и сильным человеком, полностью осозиающнм свою велнкую роль. В его уме зрели уже н дальние замыслы. Он хотел дать иароду мудрые закоиы, которые сделалн бы его счастливым в той обетоваииой стране, куда он их приведет после освобождеиия из плеиа.

К уднвлеиию Моисея, увереииого поиачалу, что евреи горячо откликнутся иа призыв к освобождению, старейшнны встретили его слова с иедоверием н робостью. Оии, как н весь народ, уже привыкли к рабству, сделались рабами не только по своему положеиию. Стегаемые плетьмн н кнутом, уннжаемые на протяженни сотен лет, про-

шедших со времени Иосифа, они прониклись всеми привычками смиренных подневольных пленников, давно забывших самый вкус свободной жизни. И все же Моисею с помощью красноречивого Аарона удалось в конце концов расшевелить эту инертную массу, живо обрисовав их мысленному взору красоту и богатство обетованной земли, где текут реки молока и меда, где нет ни надсмотрщиков, ни плетей. И советы старейшин, и простой народ через какое-то время, насыщенное проповедями и призывами Моисея, уверовали в божественность миссии пришедшего к ним странного посланца-пророка.

Тогда Моисей направился во дворец фараона. Правил Египтом уже другой властитель. Правда, среди приближенных Моисей тотчас узнал несколько знакомцев, но не подал и виду. Поначалу Моисей, не желая испортить дела, попросил у фараона немногого — отпустить весь еврейский народ за городскую черту, чтобы они, не оскверняя земли египетской чуждой для египтян верой, могли в пустыне принести жертву своему Богу. Моисей просил также фараона ослабить слишком тяжкие цепи рабства, указывая, что это придаст рабам больше сил для свершения их тяжелой работы. Фараон, однако, сильно разгневался. Он не только не отпустил евреев в пустыню принести жертву, как того требовала религия, но сказал, что все их просьбы происходят исключительно от праздности. Он велел надсмотрщикам прибавить рабам работы и быть с ними еще более строгими и свирепыми.

Со стороны подневольных евреев решение фараона вызвало страшное недовольство, направленное, однако, не против фараона и его жестоких надсмотрщиков, стегавших их плетьми и бивших палками с особой жестокостью и усердием, но против зачинщиков всего дела, обернувшегося столь плачевным образом, то есть против Моисея и Аарона.

Тогда Моисей и Аарон, повинуясь услышанному ими божьему повелению, вновь пошли во дворец к фараону. Теперь они должны были убедить фараона чудесами.

Увы, и чудеса не помогли, так как волхвы и чародеи египетские не хуже Моисея умели обращать жезлы и посохи в змеев. Не помогло также и обращение речной воды в кровь. Хотя вся рыба в Ниле издохла и, как написано в Библии, страшно «воссмердела», и жители стали страдать без питьевой воды — все же фараоново жесто-

кое сердце не смягчилось. Упорная борьба Моисея лишь озлобила фараона. Кроме того, ему было невыгодно лишать страну огромной и совершенно дармовой рабочей силы.

Здесь и были насланы на Египет знаменитые десять казней египетских. Кроме обращения воды в кровь последовали за этим, почти без перерыва, следующие: отвратительные жабы, заполнившие все жилища египтян, мошки, не дававшие ни минуты сна, песьи мухи, жалившие с особой остервенелостью, поголовный мор всего мелкого и крупного скота, многочисленные незаживающие язвы, покрывавшие тело, невиданный град, погубивший посевы, тучи саранчи, завершившие истребление урожая, полнейшая тьма, воцарившаяся над всей страной, и, наконец, самая страшная, после которой фараон сдался,— истребление всех первенцев.

Не выдержав воплей и стенаний, оглашавших страну, фараон, не дожидаясь утра, призвал Моисея ночью и сказал ему: *«...выйдите из среды народа моего...» (Исх. 12 : 31)*.

Евреи тотчас стали выходить из Египта, забирая с собой весь скот и все имущество, а также все золото и серебро, принадлежавшее египтянам и отданное ими с поспешностью. Их не только отпускали с готовностью, но торопили и даже понуждали к скорейшему исходу из страны.

Тогда вышло из Египта во главе с Моисеем до шестисот тысяч мужчин, не считая женщин и детей, так что общее число было намного больше.

Вместе с евреями свободно покинули Египет многие тысячи рабов разных национальностей.

Все они сначала шли вместе, но через несколько дней Моисей повернул свой народ в сторону земли обетованной.

Тогда еще никто не знал, что странствие их в страну обетованную продлится сорок лет.

«Господь же шел пред ними днем в столпе облачном, показывая им путь, а ночью в столпе огненном, светя им, дабы идти им и днем и ночью» (Исх. 13 : 21).

Исход из египетского плена был отмечен впервые утвержденным днем Пасхи.

Хотя наиболее прямой и кратчайший путь в землю Ханаанскую лежал через страну, населенную филистим-

На египетский народ посланы казни.

лянами, однако путеводительный столп повел израильтян через пустыню. Объясняется это тем, что израильтяне, еще не освободившиеся от рабского духа, были по выходе из Египта народом робким, они могли испугаться хорошо вооруженных филистимлян и в страхе повернуть обратно. Необходимо было время, чтобы рабство не только выветрилось из сознания и привычек, но позабылось, словно его никогда не было. Для этого должны были рождаться новые поколения, никогда не знавшие страха перед плетью или палкой. Таков был замысел небес, о котором Моисей полностью не догадывался, всецело доверяясь путеводительному свету, сиявшему впереди тысячных толп и днем и ночью.

Первая большая остановка была сделана в Сокхове, где спокойно, по указаниям Моисея, составившего специальные правила, была отпразднована первая Пасха.

Стояла весна. Отдохнув, народ двинулся дальше — через пустыню, к берегам Чермного (Красного) моря. Впереди несли святыню — останки Иосифа, чтобы захоронить их, по его давнему завещанию, в земле предков.

Между тем египтяне, оправившись от страха, наведенного на них десятью казнями, решили, собрав войско, двинуться вдогонку. Фараон призывал своих подданных к мести.

Когда израильтяне, уже прошедшие труднопреодолимую гористую местность и вышедшие к морю, услышали позади себя шум и яростные клики многочисленного египетского войска, они страшно испугались: рабская трусость еще ни в малой степени не вышла из их душ. Они в страхе и смятении бросились к Моисею, громко упрекая его за то, что он вывел их из Египта.

«И сказали Моисею: разве нет гробов в Египте, что ты привел нас умирать в пустыне? что́ это ты сделал с нами, выведя нас из Египта?» (Исх. 14 : 11).

Положение и впрямь казалось совершенно безвыходным: позади были горы, возле которых расположились египтяне с шестьюстами боевыми колесницами и тысячами воинов, а впереди простиралось море, другой же дороги не было. Фараон, глядя с высоты своей колесницы на прежних рабов, осмелившихся противиться его воле, лишь злобно усмехался, предвкушая быструю победу над безоружными израильтянами, попавшимися в ловушку.

Моисей, однако, всячески успокаивал свой народ, показывая на путеводительный столп, который неожиданно покрыл египетское войско мраком, а израильтянам по-прежнему указывал путь к морю.

Но даже такое знамение не успокоило недавних рабов и не вселило в них мужества — ведь перед ними расстилалась неодолимая морская преграда.

Египетское войско вместе с тем не двигалось с места — оно было покрыто мраком и не видело пути. Ночью подул сильный восточный ветер. Он срывал временные шатры и валил с ног. Израильтяне жались друг к другу, ожидая прекращения ужасной бури. Утром они увидели, что силою ветра море расступилось, образовав под ногами сухой коридор с отвесными водяными стенами. В этот-то туннель, ставший единственным спасительным путем, они и устремились.

Позади них, несмотря на вставшее солнце, была мгла, скрывавшая египетское войско, а впереди, там, где несли останки Иосифа, сиял огненный столп, вселявший уверенность и надежду.

Своим пастушеским посохом, обладавшим, как мы уже знаем, волшебной силой, Моисей удерживал водяные стены, не давая им сомкнуться. Ветер стих, взошло солнце, высоко над головами тысячных толп израильтян, торопливо двигавшихся по обнаженному дну, синело ясное небо. Далеко впереди, в самой глубине водного коридора, виднелся поднятый жезл Моисея, уверенно ведшего свой народ через послушное море к земле обетованной. Шли в полном молчании, так как вздымавшиеся отвесно воды внушали непреодолимый страх. Когда задние колонны медленно втянулись в морскую расщелину, Моисей, оглянувшись, увидел, что над станом фараона все еще густеет мгла, пронизываемая там и сям высокими языками грозного пламени и взметывающимися клубами дыма. Он в радости своей подумал, что с египтянами все покончено. Однако Бог распорядился по-своему. Тьма над египтянами должна была, по замыслу и милости Бога, напомнить преследователям израильтян об одной из казней египетских — о тьме, объявшей совсем недавно их страну. Фараон мог еще раз одуматься, прежде чем начать преследование людей, явно оберегаемых их богом Яхве. Но фараон, надеясь на своих многочисленных богов, которые казались ему много могущественнее, чем еврейский Яхве, как только мгла стала рассе-

иваться, а лучи солнца разогнали дым и туман, бросился вдогонку. Он видел перед собой сухую дорогу, утрамбованную тысячами только что прошедших по ней ног, не подумав о том, что водяные стены могут в любой момент обрушиться. Далеко, в конце водного коридора, он со своего холма хорошо различал хвост удаляющейся Моисеевой колонны. По его сигналу египетское войско бросилось вдогонку — быстро мчались колесницы, бежали, подняв копья, воины, громко раздавались победные клики и песни, звучала музыка, били барабаны. В это время последний израильтянин уже ступил на берег. Моисей, определив, что все войско фараона находится примерно посередине морского прохода, поднял свой жезл и ударил им по морю — водяные стены тотчас сомкнулись, огромные вспененные валы пошли от берега до берега. Спасенные израильтяне целый день в полной безопасности и счастливом покое провели на берегу и затем так же покойно и безмятежно уснули. То была первая счастливая ночь за все время их тревожного перехода. Утром, когда вновь встало солнце, позолотившее бескрайнюю водную пустыню своими благодатными лучами, все увидели огромное количество всплывших трупов, обломки колесниц, деревянные древки, полотнища шатров и всякий мусор. Течение медленно сносило останки фараонова войска к западу.

Странствия евреев по пустыне

Можно было двигаться дальше, тем более что Чермное море после г бели Содома и Гоморры, залитых, как мы знаем, кипящей водой и расплавленной солью, было непригодно для питья. Приказав беречь воду, Моисей повел свой народ по безводной и бесплодной пустыне Сур, а затем по пустыне Аравийской. Через три дня запасы воды кончились. Израильтяне, по свойственной им привычке к рабским стонам и жалобам, начали роптать, по обыкновению обвиняя Моисея, Аарона и даже их сестру Мариам, что они ведут их прямо к гибели. Мариам, которой был дан дар пророчества, всячески ободряла путников, но и ее словам уже не было веры.

Вскоре, к всеобщей радости, подошли они к первому источнику, называвшемуся Мерр, что на языке аравитян и филистимлян означало «горький». Вода, как и показы-

вало ее название, была совершенно непригодной для питья.

«И возроптал народ на Моисея, говоря: что́ нам пить?» (Исх. 15 : 24).

По внушению свыше Моисей увидел одинокое дерево, стоявшее неподалеку от источника, отломал от него ветвь и бросил в воду. Тотчас вода потеряла свою горечь, сделавшись приятной и чуть сладкой на вкус.

Утолив жажду и наполнив кожаные мешки, люди двинулись дальше и через какое-то время пришли в Елим — благодатное место, оживляемое двенадцатью источниками и свежею сенью семидесяти финиковых пальм.

Но Моисей требовательно торопил своих людей, и, с неохотою и ропотом покинув оазис, путешественники вновь вступили на раскаленный песок пустыни. У них был запас хорошей воды и немало высушенных на солнце фиников, однако не было, разумеется, ни хлеба, ни мяса. И опять поднялся ропот. Израильтяне громко били по пустым котлам, проклиная Моисея и все его предприятие. Шел пятнадцатый день после их выхода из Египта, но иным казалось, что прошла уже целая вечность. Лишь одна пророчица Мариам знала, что впереди у них целых сорок лет странствий по пустыне, безлюдным и безводным землям мира. И лишь Моисей знал, что пустыня, по которой они идут пятнадцатый день своего странствия, принадлежит фараону и что они, следовательно, даже еще не вышли из земли египетской, будучи по закону все еще рабами и пленниками египтян.

Бог услышал ропот и сказал Моисею, явившись ему в одном из снов: *«...Я одождю вам хлеб с неба; и пусть народ выходит и собирает ежедневно, сколько нужно на день...» (Исх. 16 : 4).*

И на шестой день после этого израильтяне наконец вышли за пределы египетского царства. Теперь они стали свободными людьми, не подвластными воле фараона, а подвластными лишь Моисею, исполнявшему, как они убедились, мудрую волю Бога.

В этот знаменательный день, вечером, огромные стаи перепелов покрыли едва ли не всю видимую поверхность земли. Их стали ловить и жарить. Так появилось мясо. А поутру выпала роса, которая, высохнув под лучами вставшего солнца, оставила после себя что-то вроде муки. В тот день была суббота. Моисей навсегда определил ее как день отдыха. Хлеб, найденный израильтянами,

был особенным: с запахом кориандра, белый, с привкусом меда. Имя тому хлебу было манна.

Часть манны Моисей повелел положить в особый золотой сосуд-ковчег. Сосуд тот был неиссякаем. Израильтяне питались манною все сорок лет странствования своего по пустыне.

Не будучи голодными, израильтяне, однако, то и дело страдали от жажды.

И однажды, во время одного долгого и мучительного перехода, они опять, по своему рабскому обыкновению, возроптали на Моисея. Вновь, как ни странно, послышались речи, что лучше бы им оставаться в Египте, где вода была каждый день, а помимо хлеба, замененного надоевшей манной, было еще и мясо и приправы. Правда, манна, имевшая привкус любимой травы кинзы (кориандра), отчасти заменяла утраченные приправы, но привкус, горько сетовали евреи,— это все же еще не сама трава.

Ропот народа, страдавшего от жажды, с каждым днем нарастал. Дело доходило до угроз.

«Моисей возопил к Господу и сказал: что́ мне делать с народом сим? еще немного, и побьют меня камнями» (Исх. 17 : 4).

Тогда, чтобы появилась вода, повелел Бог Моисею ударить в скалу своим чудодейственным жезлом. Изумленный и благодарный народ припал устами к живительной влаге и надолго успокоился.

Между тем, как и опасался Моисей, в пустыне появились враждебные племена. Некоторые из них хотя и были настроены неприязненно, считая пустыню своей собственностью, но не связывались с многочисленными толпами путников, насчитывавшими многие сотни тысяч мужчин, очень воинственных с виду. Пророкотав угрозы на своем гортанном языке, они вскоре в облаке пыли навсегда пропали из виду.

Однако племя амаликитян повело себя иначе: оно вступило в настоящую войну с евреями. Для разгрома амаликитян Моисей избрал предводителем быстро сформированного военного отряда давно им примеченного и очень талантливого в ратном деле Иисуса Навина. Амаликитяне были разбиты наголову. Само имя этого народа исчезло под песком забвения, и если его обнаруживают в священных книгах Моисея, то лишь в связи с великолепным полководцем и храбрым воином Иисусом Навином. Но и роль Моисея в разгроме амаликитян бы-

ла большой. Он следил за битвой, продолжавшейся с утра до сумерек, с вершины холма, где рядом с ним были его постоянные советники Аарон и Ор. Когда, благословляя народ, Моисей поднимал руки, успех неизменно приходил к израильтянам, когда же он, устав, опускал их, начинали брать верх амаликитяне. В конце концов, заметив такую закономерность, Аарон с одной стороны, а Ор — с другой стали поддерживать руки Моисея, не давая им опуститься, что и помогло успешно выиграть сражение.

На горе Синай

Как уже говорилось, народ Моисеев, шедший по пустыне, был многочислен. Иногда даже с вершины какого-либо холма Моисей не мог увидеть всю колонну движущихся, так как и начало и конец ее терялись из виду за округлостью земли, скрываясь далеко за горизонтом. Как и в любом огромном людском сообществе, среди странствующих израильтян возникали разного рода тяжбы, ссоры и неудовольствия. Приходилось хоронить мертвецов, что приводило к имущественному размежеванию среди больших семей; женщины разрешались от бремени, и их младенцев надо было учитывать, когда запасались пищей и водой; порой возникали сложные и запутанные внутриродовые конфликты. Моисей понимал, что без твердых законов, установления и регламентации, без советов старейшин, существовавших когда-то в Гесеме, а потом распавшихся, его народ постепенно перестанет быть народом, а превратится в кочевую толпу, где начнется хаос и бесконтрольная игра низких страстей. Поднимавшийся время от времени ропот из-за нехватки воды или пищи, ропот, грозивший каждый раз перейти в смуту, также подталкивал его к мысли дать народу установления и законы. Первоначально он избрал с этой целью нескольких мудрых и твердых волей мужей, разделил их на четыре разряда, из которых каждый имел власть над определенным числом людей. Были назначены также начальники, ведавшие небольшими группами — в сто и пятьдесят человек. Так образовалась продуманная структура, обеспечивавшая на первых порах контроль и дисциплину. Моисей сразу же заметил, насколько ему легче стало управлять огромной и непо-

воротливой махиной, как только он перестал заниматься мелкими хозяйственными делами, перепоручив их разного рода ответственным лицам. Толпа превращалась в народ, а народ — в движущееся государство.

В своем странствии по пустыне примерно через три месяца после исхода из Египта евреи подошли к уже упоминавшейся нами горе Хориве — той самой, где росла неопалимая купина – терновый пламенеющий куст. Хорива имела с одной стороны пологий спуск, плавно переходивший в гору, называвшуюся Синай. То был север Синайской пустыни, подходившей длинным языком сразу к двум заливам, образованным здесь Чермным морем. Синай — самая высокая гора в округе. Вместе с Хоривой она издали кажется двуглавой — подобно Арарату, приютившему когда-то меж своих двух вершин Ноев ковчег. Гора Синай очень живописна, ее сложный рельеф, образованный глубокими впадинами, трещинами и скатами, покрытый лесом, а местами совершенно нагой, принимал при восходе и заходе солнца удивительно причудливые очертания, производившие на путников глубокое впечатление.

У подножия этой горы и расположились своим огромным станом израильтяне. Они раскинули здесь шатры и отвели скот на удобные пастбища. Им предстояло жить возле Синая целый год.

На третий день их пребывания, ранним утром, когда солнце медленно поднялось на совершенно ясном небе, живописная гора неожиданно стала покрываться густым туманом, послышался гром, полил проливной дождь. Казалось, молнии вылетают из недр горы, а не из небесных туч. Синай грохотал, содрогался, извергал пламя, он был величествен и страшен.

В этот феерический час Моисей, словно поднятый некой силой, вышел из своего шатра, позвал старейшин и вместе с ними подошел к подножию Синая. Там он провозгласил собравшимся некоторые законы и установления, воздвиг алтарь, после чего стал подниматься к вершине горы, все еще окутанной мглою и содрогавшейся от подземных ударов.

На вершине горы, в глубине облака, Моисей находился сорок дней, не принимая никакой пищи и воды, кроме росы небесной. Там-то, по Библии, он и получил основные законы и наставления для своего народа, с тревогой ожидавшего его в долине.

Законы, данные Богом Моисею, были начертаны на двух больших каменных скрижалях.

Получив драгоценные скрижали, Моисей с помощью подоспевшего Иисуса Навина спустил их вниз — к своему народу.

Золотой телец

Однако он нашел израильский народ не таким, каким оставил. Как было уже не раз, нашлись недовольные, которым недостало терпения сорок дней дожидаться Моисея. Они даже стали говорить, что Моисей, исчезнувший на горе среди огня и грохота, больше не вернется. Сделай нам, говорили они Аарону, первому помощнику Моисея, богов, чтобы мы могли им поклоняться и за ними следовать. Аарон не смог уговорить толпу дождаться Моисея. Надеясь хоть как-то успокоить своих вечно недовольных соплеменников и оттянуть дело до Моисеева возвращения, он пошел на уступку. Собрали все золото, какое было, в том числе серьги и кольца у женщин, расплавили его в тигле и выплавили в особой форме фигуру золотого тельца. Тотчас у самого подножия священной горы, возле алтаря, с таким благоговением воздвигнутого Моисеем перед восшествием его на гору, началось шумное празднество.

Спускаясь с Синая и бережно держа на руках тяжелые скрижали завета, Моисей и Иисус Навин услышали раздававшиеся снизу крики. Прирожденный военачальник, юный Навин сказал Моисею с беспокойством, что он слышит воинственные крики в стане. «Не вернулись ли,— спросил он с возрастающей тревогой,— побежденные амаликитяне?» Однако Моисей, хорошо знавший характер своего народа, отвечал ему с гневом: «Нет, я не слышу ни крика победителей, ни криков побежденных, я слышу вопль начинающих упиваться вином». Спустившись к алтарю и увидев золотого тельца и пьяный народ, Моисей в неистовом гневе на виду у всех разбил каменные скрижали с начертанными на них законами и, обращаясь к толпе, сказал с горечью и отчаянием: *«...вы сделали великий грех; итак я взойду к Господу, не заглажу ли греха вашего» (Исх. 32 : 30).*

Вернувшись на Синай, он, к радости своей, вновь получил каменные скрижали завета. После новых сорока

дней молитвенного размышления Моисей спустился к народу.

Заповеди на каменных скрижалях имели высокий нравственный характер. Теперь, надеялся многотерпеливый вождь евреев, необузданный и вместе с тем рабский нрав бывших пленников Египта, вышедших на свободу, но не умевших ею пользоваться, должен быть обуздан и смягчен десятью божественными установлениями. Иные из них через полторы тысячи лет после Моисеева похода были вновь повторены Иисусом Христом, так как они имели общечеловеческий, а не узконациональный смысл. Например:

Не сотвори себе кумира и всякого подобия.
Чти отца и матерь твою.
Не убий.
Не прелюбы сотвори.
Не укради.
Не послушествуй на друга твоего свидетельства ложна.
Не пожелай жены ближнего твоего, не пожелай дома ближнего твоего, ни села его, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ни всякого скота его.

Для хранения скрижалей завета был устроен специальный ковчег (кивот) — ящик, сделанный из драгоценного дерева и обитый золотом. В свою очередь, ковчег был помещен в особом помещении — скинии — прообразе будущего храма. Перед скинией устроили жертвенник — дань традиции предков. Для служения в скинии были избраны первосвященник (Аарон), священники и левиты, назначенные из потомков Иакова.

Моисей, будучи великим законодателем и предводителем народа, в тяжких условиях путешествия к стране обетованной через пустыню понимал, что одних нравственных установлений для повседневного образа жизни недостаточно. Требовались многочисленные регламентации, которые имели бы, говоря нашим языком, юридические основания. Вместе с Аароном и ближайшими помощниками он выработал свод законов и установлений. Они изложены в третьей книге Моисеева Пятикнижия (Левит).

Здесь самое время сказать, что начальные книги Библии (их пять: Бытие, Исход, Левит, Числа и Второзаконие) по традиции приписываются Моисею, за исключением конца, где говорится о его смерти в преддверии обетованной земли. Не будем вдаваться в сложные споры

историков и библеистов относительно того, кто создал Пятикнижие. Существуют разные точки зрения. Одни считают, что автором безусловно является Моисей, другие склонны думать, что Пятикнижие — результат многовековой коллективной работы. Сторонники последнего мнения указывают, что в Пятикнижии есть места, которые, по многим признакам, не могли возникнуть в XV или XIV веках до н. э., когда происходили события, описанные, например, в Исходе; что в Пятикнижии видны черты фольклорного творчества, и т. д. Сторонники авторства Моисея, не отвергая приведенных доводов, считают, что в пользу их мнения свидетельствует яркая индивидуальность автора и очевидное, хотя и искаженное наслоениями и работой переписчиков, личностное единство стиля.

Впрочем, в трудном и сложнейшем деле изучения такого грандиозного памятника культуры, каким является Библия, еще так много работы, что вряд ли можно и нужно делать быстрые выводы.

Моисей действительно был великолепным писателем. Те места Пятикнижия, которые не оспаривают даже противники его авторства, поражают глубокой выразительностью в обрисовке и лиц и событий. Моисей нередко поступает так, как он поступил, вырезав на каменных досках десять заповедей, то есть работал тяжелым и острым резцом, создавая летопись, рассчитанную на многовековую память. Судя по отдельным строкам, его резец способен был вырезать не только монументальные строки поистине каменного эпоса, не выветрившегося и до наших дней, но умел быть гневным, раздраженным, саркастичным, снисходительным, то есть он знал и передавал всю гамму человеческих чувств. Вот почему его Пятикнижие так эмоционально заразительно. Проповедь, высокая и торжественная, угрожающая и агитационная, сочетается в пяти Моисеевых книгах с лирикой и философской медитацией. Он, по-видимому, был не менее поэтом, чем и Иаков, увидевший ангельскую лестницу и пронесший ее образ через всю свою долгую жизнь. Сорок лет, проведенные Моисеем в пустыне и на пастбище, когда он был пастухом, оказали на его душу могучее и облагораживающее воздействие. Скорее всего, именно там, под высоким небом, в пустынном одиночестве, ощутил он впервые животворные и загадочные ритмы космического бытия. Его мышлению — как законодателя и писа-

теля — свойственна подлинная масштабность, которая с такой силой и последовательностью уже никогда не возникала в мировой литературе, но зато, безусловно, оказала на нее свое глубинное воздействие. Не забудем также, что до своего пастушества Моисей в полной мере изведал жизнь государственного вельможи и блестящего придворного. Он хорошо узнал, будучи в Египте, механику государственного устройства, в том числе структуру суда и армии. Все это выковало из его личности гениальную фигуру подлинного вождя своего народа, полностью отдававшего отчет в своем великом предназначении, обладавшего невиданной волей и целеустремленностью, самоотреченно шедшего на подвиг.

Что касается Моисея как замечательного писателя, то можно напомнить о песне израильтян после перехода через Чермное море, о воинской песне после победы над амаликитянами, о речи против игрищ вокруг золотого тельца, песнь о наполнении колодца, о падении и благословении израильского народа.

Моисею не случайно приписывается также псалом 89 — «Молитва Моисея, человека Божия».

В нем, обращаясь к Богу, он восклицает в горести и смятении:

«Ты как наводнением уносишь их; они — как сон, как трава, которая утром вырастает, утром цветет и зеленеет, вечером подсекается и засыхает;

Ибо мы исчезаем от гнева Твоего, и от ярости Твоей мы в смятении...

Все дни наши прошли во гневе Твоем; мы теряем лета наши, как звук.

Дней лет наших — семьдесят лет, а при большей крепости — восемьдесят лет; и самая лучшая пора их — труд и болезнь, ибо проходят быстро, и мы летим...

Научи нас так счислять дни наши, чтобы нам приобрести сердце мудрое.

Обратись, Господи! Доколе? Умилосердись над рабами Твоими!

Рано насыти нас милостию Твоею, и мы будем радоваться и веселиться во все дни наши.

Возвесели нас за дни, в которые Ты поражал нас, за лета, в которые мы видели бедствие» (Пс. 89: 6, 7, 9, 10, 12—15).

На пути к стране обетованной

Возле горы Синай Моисей со своим народом пробыли, как уже говорилось, целый год. Столь длительное время было необходимо для того, чтобы нравственные законы (десять заповедей) были не только выучены всеми от мала до велика, но и более или менее успешно вошли в сознание народа. Моисей полагал, что двигаться к земле обетованной следует духовно очищенными. Туда, по его замыслу, нельзя было привести никакой бывшей скверны — ни духа рабства, которому предстояло рассеяться в песках пустыни, ни душевному изъяну, ни какой-либо другой частицы зла.

Такой благородный замысел говорит не только о величии души Моисея, желавшего начать жизнь на новой земле поистине по-новому, но и о великой утопичности его прекрасной мечты. Нигде и никогда не претворившись в реальную жизнь, его утопия тем не менее оказалась поистине бессмертной — множество раз воскресала она на собственных обломках в золотых снах человечества, подталкивая его вперед и вперед по пути движения.

В течение года, проведенного у Синая, Моисей приучил народ следовать различным конкретным уставам и законоположениям, вплоть до мелочей, касавшихся хозяйственной и семейно-бытовой жизни.

«Если кто займет у ближнего своего скот, и он будет поврежден, или умрет, а хозяина его не было при нем, то должен заплатить;

Если же хозяин его был при нем, то не должен платить. Если он взят был в наймы за деньги, то пусть и пойдет за ту цену.

Если обольстит кто девицу необрученную и преспит с нею, пусть даст ей вено и возьмет ее себе в жену,

А если отец не согласится выдать ее за него, пусть заплатит столько серебра, сколько полагается на вено девицам» (Исх. 22 : 14—17).

И дальше:

«Пришельца не притесняй и не угнетай его; ибо вы сами были пришельцами в земле Египетской.

Ни вдовы, ни сироты не притесняйте...» (Исх. 22: 21, 22). И т. д., и т. д.

Был выработан, как мы сейчас бы сказали, воинский устав и порядок.

Колонны, двигавшиеся к земле обетованной через пустыни, могли встретиться, как уже было раньше, с враждебными народами и племенами. Поэтому порядок должен был соблюдаться неукоснительный. Интересно, что перед выступлением в поход производилась перепись — состав мужского населения, способного носить оружие, увеличился со времени исхода из Египта на три тысячи семьсот пятьдесят человек. Впервые было пересчитано и все другое население — от младенцев и женщин до глубоких стариков.

Армия была разделена Моисеем и его помощником Иисусом Навином на четыре главных корпуса, а те, в свою очередь, на различные подразделения. Скинию несли в середине колонны, в сопровождении Моисея, Аарона и его четырех сыновей — священников.

Перед самым походом была отмечена вторая после Египта Пасха.

...И вот первая колонна медленно двинулась к востоку. Столп-путеводитель, туманный днем и пламенный ночью, располагался над скинией. Его движение, вправо или влево, тотчас воспринималось всей колонной, так как оно было хорошо видно от начала до арьергарда, предводительствуемого Даном. Впереди шел полк военачальника Иуды, западную сторону колонны охранял Рувим, южную — Ефрем.

Первую большую остановку сделали в долине Фаран. За время перехода, устроенного с большой предусмотрительностью, все же, увы, снова начался знакомый Моисею ропот. Сначала захотел вернуться к себе домой его зять. Он полагал, что имеющийся у него собственный дом с богатыми окружающими его угодьями вряд ли стоит менять на тяготы нескончаемого путешествия в неведомую, а может, и вовсе иллюзорную обетованную страну, придуманную Моисеем. То, что именно Иоав оказался первым потенциальным дезертиром, психологически очень верно — ведь этот человек не испытал египетского плена и, следовательно, не имел особого стремления к цели, желанной почти для всех бывших рабов. По мнению некоторых толкователей, Иоав был, кроме того, из бедуинов, то есть происхождением из аравийского племени, не имевшего отношения к народу Моисея. Так или иначе, его все же удалось уговорить, дабы не вносить лишние сомнения и смятение в колонны, и так уставшие за время длительного перехода под жарким небом пустыни.

Между тем ропот и смута все нарастали. Дело доходило до того, что иные всерьез возмечтали возвратиться в Египет. Небесная манна, говорили они, встала им за прошедший год поперек орла. Шумно рассказывали они друг другу о том, какие кушанья стояли у них на столах в Египте. Синяки и кровоподтеки от плетей и палок уже давно зажили на их спинах, а вкус рабства почему-то соединился у них с вкусом и запахом покинутой кухни.

«Мы помним рыбу, которую в Египте мы ели даром, огурцы и дыни, и лук, и репчатый лук, и чеснок.

А ныне душа наша изнывает; ничего нет, только манна в глазах наших» (Чис. 11: 5, 6).

Можно сказать, что это время было самым тяжким для Моисея за все сорокалетнее странствие в пустыне.

«И сказал Моисей Господу: для чего Ты мучишь раба Твоего? И почему я не нашел милости пред очами Твоими, что Ты возложил на меня бремя всего народа сего?

Разве я носил во чреве весь народ сей и разве я родил его, что Ты говоришь мне: неси его на руках твоих, как нянька носит ребенка, в землю, которую Ты с клятвою обещал отцам его?

Откуда мне взять мяса, чтобы дать всему народу сему? Ибо они плачут предо мною и говорят: дай нам есть мяса.

Я один не могу нести всего народа сего, потому что он тяжел для меня.

Когда Ты так поступаешь со мною, то лучше умертви меня, если я нашел милость пред очами Твоими, чтобы мне не видеть бедствия моего» (Чис. 11: 11—15).

Какое живое чувство сквозит в этой редкостной по красоте и силе выражения молитве отчаяния!

Именно такие места в Пятикнижии, может быть, более всего говорят об авторстве Моисея.

По велению бога, перебрав перед этим все возможности успокоения своего строптивого народа, Моисей избрал себе более широкий круг помощников, чем это было до сих пор, когда он опирался почти исключительно на Аарона, Навина и Аароновых сыновей-священников, то есть на лиц, связанных, кроме Иисуса Навина, со священничеством. По-видимому, снова ушло немало времени, пока были избраны семьдесят мудрейших мужей из старейшин. Они образовали, как мы сейчас бы сказали, правительство, сплотившееся вокруг Моисея. То был уже своего рода государственный институт.

Кстати сказать, длительные остановки во время странствий по пустыне были частью важного и крупного замысла Моисея. Он стремился, чтобы долгий, растянувшийся на десятилетия, бродячий образ жизни не превратил его народ в кочевников, со всеми присущими им особенностями. Не очень давнее пастушеское прошлое евреев постоянно как бы оживало во время кочевья по дороге к земле обетованной. Вот почему Моисей всячески и под разными предлогами, но довольно искусно притормаживал движение колонн, давая им возможность огосударствления. В землю обетованную должно было войти и расположиться там готовое государство, а не кочевой сброд, потерявший традиции и культуру.

Бог, явившийся Моисею в ответ на его молитву отчаяния, изрек следующее:

«Народу же скажи: очиститесь к завтрашнему дню, и будете есть мясо. Так как вы плакали вслух Господа и говорили: «кто накормит нас мясом? хорошо нам было в Египте»,— то и даст вам Господь мясо, и будете есть.

Не один день будете есть, не два дня, не пять дней, не десять дней и не двадцать дней;

Но целый месяц будете есть, пока не пойдет оно из ноздрей ваших и не сделается для вас отвратительным, за то, что вы презрели Господа, который среди вас, и плакали пред Ним, говоря: «для чего было нам выходить из Египта?» (Чис. 11 : 18—20).

Судя по дальнейшему описанию, слова Моисея были встречены с недоверием,— во всяком случае, они убедили далеко не всех, хотя кроме Моисея к народу по своей воле обращались не только помощники, но и неизвестные ему ораторы, находившиеся непосредственно в стане.

Имена двоих из них упомянуты в Библии. Это Елдад и Модад.

Их выступления перед толпой были настолько красноречивы и пылки, что обоих тут же назвали пророками.

Приближенные Моисея, услышав о новоявленных пророках, вышедших непосредственно из толпы, то есть никем не назначенных, тотчас донесли об этом Моисею, требуя запрета на такую непозволительную, с их точки зрения, самодеятельность. Этот эпизод в социальном и психологическом плане очень интересен — его смысл будет потом много раз повторяться в истории человечества. Но «прибежавшего с доносом» Моисей остановил и сказал, обращаясь к Иисусу Навину, представителю

армейской верхушки, изъявившему готовность тотчас расправиться с добровольцами-ораторами: *«...не ревнуешь ли ты за меня? о, если бы все в народе Господнем были пророками, когда бы Господь послал Духа Своего на них!» (Чис. 11 : 29).*

Далее последовало чудо, а за ним — наказание. Тучи жирных перепелов вдруг опустились на стан и близлежащие земли. Мяса было так много, что его не успевали съедать. От обжорства начались болезни, особенно свирепствовала язва, и, как сказано в Библии, еще «мясо было в зубах их», а они уже были мертвы. Много тысяч человек пришлось захоронить тогда в песках по обеим сторонам движущихся колонн. Моисей скорбно взирал на похоронные обряды, длившиеся много недель.

Странствие по пустыне было не только долгим, но и драматичным — происходили сражения с амаликитянами, соединившимися с хананеянами в надежде разграбить еврейские колонны, нападали болезни. Наступили длительные остановки: возле горы Сеир и в долине Елафа, где жили потомки Лота, и в земле амореян... И не один раз, несмотря на обрушивающиеся кары, народ еврейский восставал и восставал против Моисея. Поводы были разные, но причина одна: слишком долгим оказался путь к стране обетованной, многие уже не верили в ее существование, считая ее фантазией и блажью сумасшедшего вождя.

Особенно сильное возмущение возникло, когда Моисей, приведя колонны в Кадес-Варни и остановившись там надолго, дал всем взглянуть с вершины горы на близкую землю обетованную.

Слух о конце нескончаемого путешествия перерос в уверенность, когда Моисей послал туда своих «соглядатаев» — по человеку от «каждого колена».

Ушедшие не возвращались сорок дней, и все эти дни и ночи были исполнены нетерпеливого и радостного ожидания — ведь цель была достигнута: вот она, страна обетованная, лежит перед народом, доступная глазу. Люди не сходили с горы, пытаясь подробнее рассмотреть свой будущий рай. Наконец посланные возвратились. Они рассказали, что обетованная земля действительно подобна раю. В доказательство «соглядатаи» принесли яблок, смокв и гранатов, а виноградную ветвь, удивительную по тяжести плодов, сгибаясь, несли на шесте. В то же время они сказали, что города в обетованной

земле сильно укреплены. Правда, военачальник Иисус Навин, а также Халев считали, что укрепления, как бы ни были они сильны, все же можно одолеть — штурмом или осадой. Однако Моисей не пошел на такой риск и повернул израильтян обратно в пустыню: он решил выждать, выработать тактику, перегруппировать силы.

Прошло уже тридцать восемь лет после исхода из Египта. Возмущение было почти всеобщим. Картины обетованной земли дразнили и жгли воображение. Все было так близко! И вот трое заговорщиков — Корей, Дафан и Авирон — сплотили вокруг себя очень серьезные силы: к ним присоединились двести пятьдесят старейшин, которым подчинялось немало народу. Напрасно Иисус Навин и Халев, разодрав свои одежды, пытались образумить восставших: народ собирался и их и Моисея побить камнями.

Последовала страшная кара. Устами Моисея Бог объявил, что в землю войдут лишь те, кто к этому часу не достиг двадцати лет, а также Иисус Навин и Халев. Весь же остальной народ будет скитаться в пустыне, не зная дороги, еще сорок лет и вымрет, так и не узрев страны обетованной.

Чудесное изведение воды и грех Моисея

В самом начале сорокового года странствования вновь, как это было два года назад, когда подняли восстание Корей, Дафан и Авирон, израильтяне подошли к Кадесу, откуда, как мы уже знаем, была хорошо видна земля обетованная.

Здесь умерла сестра Моисея Мариам — та самая, что когда-то, давным-давно, в Египте спасала вместе с матерью младенца Моисея, покоившегося в корзинке на тихой воде Нила.

С глубокой скорбью похоронил Моисей свою сестру, не зная еще, что не только ей, но и ему самому не придется войти в землю обетованную.

Местность в Кадесе, словно по нарочитому контрасту с видневшейся плодородной землей обетованной, была каменистая и безводная.

Люди стали страдать от жажды и, как водится, снова возроптали:

«...для чего вывели вы нас из Египта, чтобы привести нас на это негодное место, где нельзя сеять, нет ни смоковниц, ни винограда, ни гранатовых яблок, ни даже воды для питья?» (Чис. 20 : 5).

И сказал Господь Моисею:

«Возьми жезл и собери общество, ты и Аарон, брат твой, и скажите в глазах их скале, и она даст из себя воду: и та́к ты изведешь им воду из скалы и напоишь общество и скот его». (Чис. 20: 8).

Увы, какую-то минуту замешательства, какой-то ничтожный миг неверия вдруг неожиданно испытал всегда покорный высшей силе благонравный, терпеливый и мудрый Моисей! Уж слишком безжизненна была скала... Словно затмение на него нашло, и он сказал, подняв жезл и обращаясь к народу: *«...разве нам из этой скалы известь для вас воду?» (Чис. 20: 10).*

Эта минута открытого замешательства, когда он на виду у всех не поверил, когда он забыл, что сам Бог говорит его устами,— эта минута решила его дальнейшую судьбу. В неверии своем он ударил в скалу не один раз, а дважды, и ему было отказано войти в землю обетованную.

Вместе с ним такое же наказание постигло и верного брата его — Аарона.

У земли обетованной

Надо ли говорить, что понесенное наказание, бывшее поистине ужасным для Моисея, потерявшего теперь надежду самому войти в землю обетованную, все же не ослабило его решения привести туда свой, теперь резко поредевший народ. Он торопился. И не случайно.

Последние годы вообще сильно пошатнули крепость и сплоченность израильтян. Возможно, длительность пути оказалась чрезмерной, и в народе накопились равнодушие, апатия, вялость, что сказалось даже в исполнении религиозного культа. Кроме того, сорокалетнее блуждание по разным землям и тесное соприкосновение с различными народами, подчас далекими по вере и крови, по происхождению и привычкам, приводило к многочисленным смешанным бракам. Как мы помним, и сам Моисей женился на ефиопке. Следует, однако, заметить, что этот поступок Моисея, вызвавший нарекания, был у него

обдумаиным: ои ие желал нзраильскому народу отторгнутости от мнра н от людей другой кровн, полагая, что Бог, как известио, создал человека по своему образу н подобню н все людн, еслн докапываться до начала иачал, восходят к общим праотцам — Адаму н Еве.

На восток от Кадеса, где надолго остановились Моисей и его народ, вновь любовавшиеся открывшейся панорамой землн обетованной, находилось царство Едом. Моисей задумал, испросив у едомского царя разрешение, пересечь это царство по очень удобной караваниой дороге, которая, по сути, была прямым путем в землю обетованную. Посланне Моисея царю было чрезвычайно почтительным, в ием предусматрнвалось буквальио все, чтобы прн прохождении израильских колонн ннчего не было повреждено, истоптано, сломано нлн загрязиеио. Перечень предусмотрнтельных мер поражает своей обстоятельностью.

Но царь едомскнй, возможно в самой этой предусмотрительностн н почтнтельности усмотрев слабость и приинжеииость, отказал в Монсеевой просьбе. Не желая вступать с высокомерным царем в военный коифликт, Монсей повернул к югу, а затем пошел вдоль восточной едомской граинцы, чтобы такнм путем добраться до левого берега Иордана, а там было уже совсем блнзко н до землн Хаиааиской.

В самом начале путн неожиданно заболел н умер Аарон — его похороиилн на горе Ор, с вершнны которой в туманной дымке виднелась обетованная земля.

Таким образом, и сестра Моисея Мариам, и его брат Аарон так н не вошли в священную землю, ио каждый нз них гаснущим взором мог увидеть и унестн с собой в могнлу ее очертання.

Обход по восточной границе едомского царства был нелегким — каменистые ущелья с высохшимн руслами, зубчатые гряды, а затем — гнилые места, без чистой питьевой воды, кишевшие змеями, от которых погнбло немало людей н скота. Моисей, однако, ие жалел, что не вступнл в войну с Едомом, так как жертв в борьбе с этим могучим царством было бы не меньше, чем от укусов ядовитых змей и от тягот пути.

И все же потерн от укусов змей былн настолько велики, а тяжело заболевшнх было такое множество, что Моисей, по внушенню Бога, приказал выковать из медн фигуру нзвивающегося змея. Подвешенный на высоком

Чудодейственный медный змей.

шесте медный змей обладал чудодейственной исцеляющей силой: каждый прикасавшийся к нему или даже просто взиравший на него быстро выздоравливал.

Фигурки медного змея, маленькие и большие, с тех пор распространились по всему Ближнему Востоку — больше всего их находили в землях, через которые шел или где останавливался Моисей.

Чем ближе по мере продвижения становилась для израильтян обетованная земля, тем больше препятствий оказывалось на их пути.

Сначала совершенно неожиданно царь хананский Арад вероломно напал на них, нанес большой урон и ушел с богатой добычей. Моисей счел это позором для своего народа. Полководец Иисус Навин, разработав хитроумный план ответных военных действий, быстро вошел во владения Арада и разрушил несколько городов, возвратив добычу и освободив израильтян, взятых в рабство. Успех вселил уверенность в благополучном исходе приближавшегося к концу сорокалетнего похода.

Они продолжали медленно, но неуклонно двигаться в сторону обетованной земли, располагаясь для отдыха в Овафе, Иевариме, на берегах Заренского и Арнонского потоков, выйдя наконец к границам Моавитской земли, что располагалась вдоль владений царя аморейского.

Подобно тому, как это уже было прежде, Моисей обратился к царю с просьбой пройти через его царство, чтобы прямым путем выйти к цели своего похода.

Но царь аморейский, словно взяв пример со знакомого уже нам Едома, отказал, причем в резких и грубых словах. Выгнав посланцев Моисея, он напал на израильтян силою всей своей могучей армии. Сражение произошло близ Иасы, в пустыне, оно было жестоким и кровопролитным, царь был разбит наголову, и владения его перешли в собственность израильтян.

К сожалению, дальнейшему успешному походу помешал еще один властитель, вставший им поперек дороги, отказавший в просьбе пройти через его землю, но зато полностью повторивший участь царя аморейского. Земли этого царя, по имени Ог, располагавшиеся в обширной местности Васан, были опять-таки взяты в собственность израильтянами. Теперь у них в тылу находились обширные территории, дававшие израильтянам все необходимое.

Слава об их победах шла далеко впереди, приводя в беспокойство окрестные и встречные народы.

Сами же они остановились на продолжительное время на берегах Иордана — прямо напротив города Иерихона. Моисей приказал сосредоточить здесь все войска таким образом, чтобы переправиться через Иордан в самом мелком его месте — там, где реку можно было легко перейти вброд. Иерихон высился перед ними многими уступами крепостных башен, его опоясывали толстые стены. Крепость казалась совершенно неприступной.

Валаамова ослица

В это время моавитский царь Валак, устрашенный расположившимися поблизости от его владений израильтянами, много слышавший об их победах, о горькой участи царя аморейского и царя васанского, решил предпринять особые меры. Заключив военный союз с мадианитянами, он на общем совете предложил обратиться к помощи знаменитого волхва Валаама, проживавшего близ Евфрата в Месопотамии. Союзники надеялись отогнать израильтян угрозами и проклятиями этого пророка, обладавшего, как все знали, нечеловеческой силой внушения, способного навести страх одним лишь своим грозным огненным словом и красноречивыми жестами. Валаам, однако, по внушению свыше, отказался проклясть израильтян, и посланцы возвратились к Валаку без него. Тогда Валак выслал второе посольство, на этот раз пышное, состоявшее из знаменитых моавитян и столь же прославленных мадианитян. На этот раз Бог позволил ему ехать, приказав, однако, делать лишь то, что будет ему повелено. К несчастью, по дороге Валаам совершил грех — по неискоренимой своей привычке он брал обильную мзду, охотно пророчествуя подходившим к нему людям. И вот однажды ослица, на которой он поспешал к Валаку, остановилась на полдороге и, сколько ни понуждал ее Валаам палкою и плетью, бранью и тумаками, не двигалась с места. В бешенстве он не видел того, что видела ослица: прямо на дороге, в узком проходе, стоял ангел с мечом и преграждал путь. Ослица в страхе прижалась к изгороди и отдавила Валааму ногу, а затем и вовсе легла на землю. И все это время Валаам, ослепленный яростью, совершенно не видел ангела, грозно стоявшего впереди него с подъятым мечом. Он продолжал бить несчастное

животное. Тогда Валаамова ослица вдруг заговорила человеческим голосом:

«...что я тебе сделала, что ты бьешь меня вот уже третий раз?

Валаам сказал ослице: за то, что ты поругалась надо мною; если бы у меня в руке был меч, то я теперь же убил бы тебя.

Ослица же сказала Валааму: не я ли твоя ослица, на которой ты ездил сначала до сего дня? имела ли я привычку та́к поступать с тобою? Он сказал: нет.

И открыл Господь глаза Валааму, и увидел он Ангела Господня, стоящего на дороге с обнаженным мечом в руке, и преклонился, и пал на лице свое» (Чис. 22: 28—31).

Ангел велел Валааму говорить лишь то, что будет в пользу израильтян и во вред царю Валаку.

Придя к Валаку, Валаам взошел на гору и оттуда благословил не моавитян и не мадианитян, а израильский народ.

Кстати, благословение Валаамом Моисеева народа — одно из самых поэтичных и возвышенных мест в Ветхом завете.

«Как прекрасны шатры твои, Иаков, жилища твои, Израиль!

Расстилаются они как долины, как сады при реке, как алойные дерева, насажденные Господом, как кедры при водах...» (Чис. 24: 5, 6).

Разгневанный Валак прогнал волхва, хотя тот и уверял его, что говорит как бы против своей воли, что уста его непроизвольно произносят слова, вложенные в него кем-то свыше.

Валаам действительно был лишь устами Бога и повиновался ангелу, незримо стоявшему за ним с подъятым мечом, красневшим то ли от огня зажженного жертвенника, то ли от будущей неправедной крови.

Вот почему Валаам, говоривший не то, что он думал, подал, уходя от Валака, хитрый совет, как все же изничтожить израильтян: он посоветовал Валаку ввести их в грех посредством шумного и пышного празднества, где они могли бы вволю чревоугодничать, предаваться блуду с моавитянскими, мадианитянскими женщинами, известными свободою своих нравов.

И действительно, израильтяне, словно вознаграждая себя за трудные годы в пустыне, вволю пили вино и

ели мясо, в том числе и жертвенное, что было самым страшным грехом.

По окончании пиршества весь народ долго болел, наказанный мором и различными напастями. Все, употребившие в пищу жертвенное мясо, были преданы смерти.

Последние дни Моисея

Крупные сражения, какие пришлось вести израильтянам то с амореями, то с моавитянами, то с другими народами, а также мор, ниспосланный в наказание за пиршество у царя Валака, заметно убавили его численность. Моисей вновь произвел перепись. Его особенно интересовало, сколько находилось в стане людей, вышедших вместе с ним и Аароном из Египта сорок лет тому назад. Он видел вокруг себя в большинстве молодые лица, людям же постарше явно было не больше сорока лет и, значит, по вычислениям Моисея, не могли помнить ни Египта, ни египетского плена. Он с удовлетворением замечал, что рабский дух едва ли не весь выветрился из душ новых поколений, потому что у них не было уже личной памяти о плетях и палках, о надсмотрщиках и фараонах. Рассказы, слышанные ими в детстве, казались всего лишь страшной сказкой, не более.

Перепись показала, что из многих сотен тысяч людей, вышедших когда-то из Египта, в живых осталось лишь трое: Моисей, Иисус Навин и Халев.

Моисей знал, что по предначертанию свыше он не должен войти в землю обетованную. Его предназначение было в том, чтобы привести туда свой народ. И вот теперь кончился сороковой год исшествия из Египта; обетованная земля лежала рядом, за Иорданом. Все это означало, как ясно понимал Моисей, приближающуюся кончину. Ему было уже сто двадцать лет: все три сорокалетних периода жизни — египетский, когда он был молодым вельможей, пастушеский, когда он набирался мудрости под высокими звездами, и, наконец, последний, приведший его к стране обетованной,— теперь сомкнулись, образовав полный и завершенный круг судьбы.

Моисей стал просить у Бога позволения все же перейти Иордан, чтобы только взглянуть на землю, куда шел так много лет. В этом ему было отказано, поскольку, как уже говорилось, назначение его судьбы было в том,

чтобы привести народ, а самому остаться лишь у границ земли обетованной — во искупление грехов, в том числе и греха, свершенного в пустыне Син, у скалы, когда Моисей, колеблясь в вере, дважды ударил по скале своим жезлом вместо того, чтобы единым ударом высечь воду.

Однако Бог позволил Моисею взойти на вершину горы Фасги и оттуда осмотреть хорошо видную землю обетованную.

Последний месяц своей жизни Моисей употребил на то, чтобы напомнить народу все законы и уставы, которые были выработаны на протяжении сорокалетнего похода, а также дополнил их новыми. Все эти законы и предписания составили последнюю часть Моисеева Пятикнижия — книгу «Второзаконие».

В частности, он разделил всю территорию Ханаана между отдельными коленами, а левитам и священникам, не имевшим уделов, выделил для получения доходов восемь городов и селений. Он обозначил также шесть городов, где люди, виновные в неумышленном убийстве, могли бы обезопасить себя от кровной мести.

Преемником своим Моисей назначил Иисуса Навина.

Уже прощаясь с жизнью, Моисей в последнем вдохновении создал замечательную Песнь («Внимай, небо, я буду говорить...»), посвященную израильскому народу,— в ней прозвучала не только хвала за избавление от египетского плена и за благополучное пришествие в землю обетованную, но и даны тревожные предсказания о будущей судьбе народа, не избавившегося от многих и многих пороков, которые не единожды затруднят жизнь и сделают горестной его судьбу на протяжении столетий.

«Внимай, небо, я буду говорить; и слушай, земля, слова уст моих.

Польется, как дождь, учение мое, как роса, речь моя, как мелкий дождь на зелень, как ливень на траву» (Втор. 32: 1, 2).

«Я подъемлю к небесам руку Мою и [клянусь десницею Моею и] говорю: живу Я вовек!» (Втор. 32: 40).

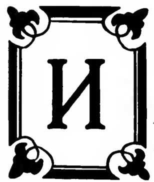
Песнь Моисея может быть названа его завещанием. Она удивительна по своему темпераменту, по яркости речи, льющейся подобно раскаленной лаве, по космической масштабности образов, по могучему и уверенному стремлению охватить и прошлое, и настоящее, и будущее.

Моисей пожелал умереть на горе, с которой видна земля обетованная. Долгим прощальным взором смотрел он на страну, расстилавшуюся перед ним в зелени виноградников, омытую чистыми водами источников и рек. Глядя на Иордан, находившийся, казалось, у самых ног, под склоном горы, Моисей видел колеблемые дуновением воздуха пальмы, красивые разноцветные скалы, а за ними, далеко на горизонте, нежно синевшую полоску Средиземного моря.

Тридцать дней весь народ оплакивал своего вождя.

Затем Иисус Навин приказал готовиться к переходу через Иордан.

Пора было уже войти в землю обетованную.



ИИСУС НАВИН

Сокрушение Иерихона

Иисус Навин, которому в дни обдумывания плана взятия Иерихона, главной крепости, охранявшей Ханаанскую землю, исполнилось восемьдесят шесть лет, был опытным и умудренным военачальником. Он не хотел рисковать и отказался от первоначального решения взять Иерихон молниеносным ударом. Указанный Моисеем брод, находившийся прямо против крепости, за дни довольно длительной лагерной жизни исчез под напором весенних талых вод, и нельзя было даже подумать, чтобы без подготовки войти в бурлящий, мутный Иордан, превратившийся в грозный поток. Кроме того, у израильтян, странников пустыни, не было ни лодок, ни плотов, ни какого-либо умения их соорудить. Хананеяне, жители Иерихона, чувствуя себя в полнейшей безопасности, целыми днями торчали на иерихонских стенах, хохоча над завоевателями, чей огромный лагерь хорошо просматривал-

ся с вышииы стеи и башеи. Для иих это было очередиое полчище полудикарей, пришедших из пустыиь, оии уже ие раз легко и с успехом отбивали и ие такие армии. В те времеиа, о которых идет речь, Иерихои славился как первоклассная, отличио вооружеииая крепость, охраияемая не только толстыми стеиами, бойиицами и башнями, хорошо вооружеииой армией с большим количеством боевых колесииц, ио и водиой преградой — рекой Иордаи. В весеииюю пору Иордаи рычал и клокотал под стеиами подобно дикому зверю, вырвавшемуся на волю. Армия Иисуса Навииа, как он сам хорошо поиимал, значительио уступала хаиаиеяиской. Та оргаиизоваиность, какую ей придал когда-то Моисей, и дисциплииа, введениая Иисусом Навииом еще в то время, когда оии отходили от Сииайской горы, заметио расшатались. То было, скорее, ополчеиие, чем регуляриая армия. Вот почему Иисус Навии так медлил с выступлеиием — он приводил свои войска в должиый боевой вид. Дисциплииа была введеиа иаистрожайшая, отступлеиия от нее карались жестоко и без всякой пощады.

В Иерихои заслали лазутчиков. Под покровом иочи, держась за обломок ствола, оии с огромиым трудом переправились иа восточиый берег Иордана, затаились, и, переодевшись в предусмотрительио захвачеииую хаиаиеяискую одежду, вечером пробрались в город. Бродя по улицам и по базарам, смешавшись с толпой, оии высмотрели иемало полезиого, а из подслушаииых разговоров выведали и числеииость иеприятеля. Быстрота, с какой им удалось собрать иужиые сведеиия, объяснялась тем, что буквальио все жители города только и делали, что обсуждали создавшееся положеиие,— ведь израильтяие находились у самых стеи и, судя по всему, готовились к штурму. Город был взбудоражеи, а жители, ие подозревавшие о лазутчиках, многословны и иеосторожиы.

К вечеру оба послаица Иисуса Навииа, иаходившиеся в Иерихоие, решили остаиовиться в доме одиой жеищииы, по имеии Раав. Хотя оии и были в местиой одежде, хозяйка дома тем не меиее быстро распозиала в них евреев с того берега. Но оиа, к счастью для двух соглядатаев, не страдала излишком патриотизма и, видно, решила заблаговременно подстраховать свое будущее иа случай захвата города израильтяиами. Поэтому, когда Раав,

Разрушение города Иерихона.

выходившая зачем-то во двор, услышала от соседей, что стражники ищут двух лиц, показавшихся кому-то подозрительными, когда те днем бродили по базару, решила их спрятать. Вернувшись в дом, она сказала об опасности и быстро провела их на крышу, где, как почти на каждом иерихонском доме, в это время сушились копны льна, очень удобные, чтобы спрятаться. Стражники осмотрели дом, но и не подумали поворошить копны. Спасенные израильтяне горячо благодарили хозяйку и обещали сохранить ее семью при захвате города. И надо сказать, что Раав была чуть ли не единственной оставшейся в живых жительницей города, вся семья которой благополучно спаслась при страшном разгроме Иерихона.

Оба лазутчика, спустившись с помощью Раав в огромной бельевой корзине с крепостной стены, ночью же пришли к своему военачальнику. Окрыленный успехом разведки, Иисус Навин наметил конкретные планы и сроки выступления. Он приказал всему народу сняться со стана и приблизиться к берегу. С высоты своих стен жители Иерихона с любопытством и совершенно спокойно наблюдали это красочное зрелище. Несметных израильских толп, одетых в разноцветные одежды и длинные бурнусы, было так много, что сверху они казались волнующимся морем, расстилавшимся до самого горизонта.

Через три дня Иисус Навин дал приказ священникам войти вместе с ковчегом завета в воды Иордана. Едва только священники, несшие ковчег, омочили свои ноги в иорданской воде, как произошло чудо, уже знакомое им по Чермному морю: Иордан в верхнем своем течении, где он низвергался со снежных вершин бурным потоком, вдруг остановился, превратившись в неподвижную и высокую водяную стену, а нижние его воды в это же время быстро стекли по своему наклонному руслу, обнажив широкое пространство сухого дна, по которому изумленный и благодарный народ израильский перешел на противоположный берег и расположился станом поблизости от крепостных стен, но все же на таком расстоянии, чтобы быть в безопасности от метательных орудий хананеян.

Жители Иерихона взирали на все случившееся уже не только с любопытством, но и со страхом. И все же крепость по-прежнему казалась им неприступной.

Иисус Навин, однако, не торопился со штурмом. Он предпринял то, что сейчас мы назвали бы психичес-

кой атакой. По его приказанию священники с ковчегом завета в сопровождении трубачей с высоко подъятыми серебряными, «юбилейными» трубами, должны были вместе со всем народом в продолжение шести дней обходить Иерихон, соблюдая при этом полнейшее молчание.

И вот каждый день колонны израильтян, в глубоком, как бы траурном или молитвенном, безмолвии, начали по кругу обходить иерихонские стены. Едва ли не все жители города собрались в это время на высоких и широких стенах, не зная, что и думать, но невольный страх, закрадывавшийся в их души при виде непонятного зрелища, с каждым днем все усиливался, переходя в ужас, вызывая у женщин истерику, а у мужчин оцепенение. Но так и должно было быть по замыслу Иисуса Навина, решившего деморализовать своих врагов столь необычным способом.

На седьмой день, во время очередного шествия, высокие серебряные трубы, казавшиеся дотоле безмолвным украшением, вдруг оглушительно взревели. Звук их был так силен и ужасен, что, смешавшись с воинственными воплями многотысячных толп народа, потряс и разрушил стены крепости. Накренились и упали его башни, рухнули бойницы, а по ним через завалы и проломы широким потоком ринулись войска и толпы израильтян.

Иерихон, кроме дома предусмотрительной Раав, был разрушен до основания.

И сейчас еще можно видеть развалины Иерихона, они поражают колоссальными обломками крепостных стен, по которым видно, что рассказ о могуществе этой крепости, записанный в Библии, не был преувеличением.

Впоследствии в нескольких километрах от разрушенного Иисусом Навином города был построен новый Иерихон. Сейчас в нем живет около десяти тысяч жителей. Городок мал, но живописен, он существует на доходы, получаемые от многочисленных туристов, осматривающих иерихонские развалины.

Дальнейшее покорение Ханаана

Увы, земля обетованная, похожая на рай, с ее стройными пальмами, лимонными рощами, тщательно возделанными плодоносными полями и обжитыми городами,

была с приходом Инсуса Навина обагрена кровью, обуглена пожарами, покрыта трупами. Ее чистые воды были красны от крови и серы от пепла.

Страна долго не сдавалась. Израильтяне завоевывали ее в течение долгих семи лет. Иерихон был лишь первой крепостью, правда самой сильной, которую взял Иисус Навин, сразу двинувшийся дальше — к крепости Гай, а затем в Гаваону.

У стен города Гай, находившегося неподалеку от Иерусалима и совсем недалеко от Вефиля, израильтяне неожиданно потерпели первое крупное поражение.

Сама по себе крепость была невелика, стены ее не шли ни в какое сравнение с иерихонскими, защитников тоже было намного меньше, чем в Иерихоне. Лазутчики, посланные Иисусом Навином, донесли, что Гай можно взять без осады — одним штурмовым ударом.

Иисус Навин явно недооценил мужественный дух защитников Гая. Зная о гибели Иерихона, они сумели подготовиться значительно тщательнее своих побежденных предшественников, а кроме того, решили сражаться до последнего — за каждый дом, за каждый выступ крепостной стены, за каждую бойницу.

Войска же Иисуса Навина, успокоенные легкой победой над Иерихоном, были в моральном отношении намного слабее своего противника. Убийства и грабежи не прошли даром для их душ. Незаметно, исподволь в рядах израильтян началось разложение. Они больше думали о грабеже, о дележке добычи, о насилиях над женщинами, чем об обретении высокой духовной родины — земли обетованной. Попирая эту землю, они и лишали себя силы.

Иисус Навин быстро почувствовал опасность разложения. Одного из мародеров, Ахана, предали публичной казни. Его имущество было сожжено на площади города.

Гай был взят хитростью: Иисус Навин инсценировал при одной из осад бегство своего войска, гаотяне же, выйдя из города, бросились за ними вдогонку, открыв тем самым путь в свою крепость войскам, находившимся в засаде. Они были истреблены полностью, а город был разрушен, подобно Иерихону, до основания, превращен, как говорится в Библии, «в вечные развалины».

И сейчас эти развалины можно еще видеть в местечке Тель-Хаджар, что восточнее Вефиля.

Громкие победы израильтян, предводительствуемых прославившимся во всех землях Иисусом Навином, навели страх на всех царей ханаанских, и они решили заключить между собой договор, дабы действовать против захватчиков сообща.

Но подобно тому, как в Иерихоне нашлась предательница Раав, так и в союзе царей ханаанских, куда кроме царя гаваонского входили четыре царя аммморейских и царь иерусалимский, нашелся изменник. Им оказался властитель Гаваона. Он решил обезопасить себя на случай будущего поражения. С этой целью он решил обмануть всех — не только своих союзных царей, но и Иисуса Навина. Чтобы обмануть израильтян, жители Гаваона переодели своих послов в худую одежду, положили им в котомки заплесневелого хлеба и велели говорить Иисусу Навину, что они не из Гаваона, а из более дальней страны и явились с просьбой заключить договор. Иисус, готовившийся взять Гаваон, заподозрил в этих послах какую-то хитрость, но вид посланцев свидетельствовал о правдивости их рассказа. В результате такой хитрости оказался заключенным мирный договор не с какой-то далекой страной, а с близлежащим и уже, казалось бы, обреченным на истребление Гаваоном.

Так жители Гаваона избежали гибели, а город их остался цел и невредим.

Раздражение израильтян против гаваонитян было, однако, очень велико. Все были раздосадованы подобной проделкой и требовали отдать город на разгром.

Но Иисус Навин, хотя и чувствовал себя обведенным вокруг пальца, все же сдержал свое слово: никого из жителей не тронул.

Правда, все они были обращены в рабство, причем самое унизительное: гаваонитяне стали уборщиками улиц, общественных мест и нечистот. На протяжении долгих веков они исполняли эту обязанность, так что само имя их народа стало со временем синонимом раба, занятого на самой грязной работе.

Иисус Навин останавливает солнце

Разумеется, гнусная измена гаваонитян вызвала яростный гнев среди коалиции царей. Особенно досадовал и призывал к мщению царь иерусалимский. Теперь, пос-

ле измены, он не мог отделаться от мысли, что и остальные цари в удобный момент могут предать союз, пойдя на тайный сговор с израильтянами. Для примера и устрашения он захотел жестоко их проучить. Для этого он быстро и умело заключил союз с царями Хеврона, Лахиса, Еглона и Иармуфа, объединил все войска под своим командованием и внезапно во всем великолепии и мощи появился под стенами Гаваона, предпочевшего позорное рабство борьбе и высокой царской дружбе. Гаваонцы тотчас обратились за помощью к Иисусу Навину. Тот выступил с войском, отобранным из лучших, наиболее закаленных и хорошо обученных воинов. Битва против пяти царей была ужасной по своему напряжению, размаху и кровопролитию. Уже к заходу солнца Иисус Навин почувствовал, что силы противника, состоявшего из пяти могучих армий, начинают ослабевать. Еще одно усилие, еще один неимоверный по напряжению бросок, еще один, всего один, удар — и враг будет сломлен.

Увы, солнце уже клонилось к закату, а значит, битва должна была быть прекращена. Противник же за ночь оправится, перегруппирует свои силы, залечит раны, починит оружие и к утру будет готов к бою с новыми силами.

Тогда в последнем отчаянии Иисус Навин воскликнул:

«...стой, солнце, над Гаваоном и луна, над долиною Аиалонскою!» (Нав. 10 : 12).

Вера его была так велика, говорится в Библии (в Книге Иисуса Навина), что *«И остановилось солнце, и луна стояла, доколе народ мстил врагам своим», и «стояло солнце среди неба, и не спешило к западу почти целый день» (Нав. 10 : 13).*

Получив целый день для завершения битвы, Иисус Навин полностью разгромил всю военную коалицию, а пятерых царей взял в плен. Сначала они были растоптаны ногами всех, кто пожелал пройти по ним, а затем повешены на пяти деревьях.

В продолжение шести лет Иисус Навин покорил всю землю Ханаанскую от Аравийской пустыни до гор Ливана, истребив за это время тридцать одного царя. Оставалась незавоеванной только небольшая часть обетованной земли — там, где находились приморские города филистимлян и жили мелкие горные племена.

Последние дни жизни Иисуса Навина

К этому времени Иисусу Навиину шел сто десятый год. Почувствовав приближенне конца, он решил выполиить последнее важное дело своей жизни: измерить всю страиу обетоваииую, взять на учет все ее богатства, рекн, горы и иедра, сосчитать жителей н прнступить к справедливому разделу территории между израильскими племеиамн. Предприятие было сложиым н трудоемкнм. Вместе с миогочисленнымн помощниками и советами старейшии была тщательио разработаиа программа раздела. Важио было избежать междоусобнц, обид, крнвотолков и ссор, чтобы не вызвать гражданской войны внутри самого израильского иарода. Всех израильских племен было трииадцать, но, так как колеио Иоснфа, состоявшее нз двух групп, шедших от его сыиовей Ефрема и Манассии, объединилось, групп стало меиьше. Кроме того, потомкам Рувима и Гада, а также части племеии Маиассин достались земли за Иорданом, а священиикам (потомкам Левита) уделы вообще не полагались. Таким образом, обетованную землю можио было разделнть ие на трииадцать, а на десять частей.

Так появились десять округов.

На юге жили потомки Симеоиа, Иуды н Веннамнна, затем, к северу, располагались землн, отданые потомкам Ефрема, Маиассии, Иссахара, Завулоиа, Неффалима и Асира, а затем шло племя Даиа.

В городе Силоме, иа земле Ефрема, устаиовилн скиинию с ковчегом завета.

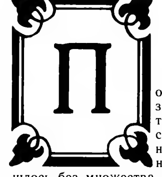
Иисус Навии умер в возрасте ста десяти лет н был погребеи в Фамнаф-Сари иа горе Ефремовой. В гробиицу его положили десятки остро заточеиных камеиных иожей, которыми евреи по приказу Навииа после длительного перерыва возобиовили обрезание.

Груда таких иожей была обиаружена при археологических раскопках в иачале иашего века имеиио в этом месте, что дало возможиость судить о достовериости библейского сведеиия о погребенни Иисуса Навииа, а заодио заставило учеиых более виимательно отнестнсь н ко всем другим библейским рассказам, отиосящимся к Иисусу Навиину и к самому факту завоеваиия ханаиеяиской земли.

Так или иначе, но обетованная земля далась израильтянам с большим трудом и многими потерями. Они завоевывали ее не только в течение тех семи лет, когда ими руководил Иисус Навин, но и много позже. Фактически это было очень постепенное вооруженное проникновение в страну, народ которой отчаянно сопротивлялся и лишь через десятки лет был окончательно вытеснен за пределы земли обетованной, рассеявшись, по мнению исследователей, по разным африканским странам.

Если хананеянская земля и была для евреев обетованным раем, то рай этот не был им ниспослан в виде дара, а завоевывался в изнурительной борьбе с яростно сопротивляющимися народами и в еще более долгой войне с партизанскими отрядами, скрывавшимися в горах, почти неприступных для израильтянских захватчиков.

СУДЬИ И ГЕРОИ



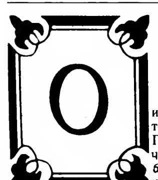
оскольку покорение хананеянской земли оказалось длительным, растянувшимся на десятилетия, с отступлениями и остановками, проникновением в глубину враждебной территории, то здесь не обошлось без множества неожиданных событий и явлений, которые вряд ли могли предвидеть Моисей и Иисус Навин. Правда, одну опасность они все же предвидели, а именно возможность раскола между еврейскими уделами-коленами и вражды между ними. Такие стычки действительно происходили и были, возможно, главной причиной столь медленного продвижения израильтян в страну хананеян, а также, что, конечно, было бы горькой неожиданностью для Моисея и Иисуса Навина, жестоких поражений израильтян в их борьбе за обетованную землю. Они не только терпели подчас

жестокие поражения, но и попадали (то один удел, то другой) в рабство к какому-либо ханаанейскому победителю-царьку. Дело здесь прежде всего в том, что ханаанеяне, хотя и были разделены на несколько отдельных царств, что, конечно, их сильно ослабляло, являлись носителями достаточно высокой культуры и столь же высокой организованности. Евреи, с их кочевым образом жизни, с мышлением и привычками пастушеских племен, были варварами, чем-то вроде саранчи, тучей налетавшей из пустыни и пожиравшей их селения и города. Израильтяне дали повод думать именно таким образом: они разрушали великолепные города и на руинах прекрасных зданий ставили свои кочевые шатры, не приступая затем ни к восстановлению, ни к строительству, так как не были знакомы с этим делом. Между тем в их среде были люди, начинавшие понимать удобство и комфортабельность культурной жизни; блеяние овец в бывших парадных залах приводило их в смущение. Они стали перенимать культуру покоренного народа, его обычаи, привычки, ремесла и т. д. Более того, они стали брать жен из ханаанеянок, а иные из коренных жителей прельщались своеобразной красотой еврейских женщин. Все это считалось отступничеством от веры и вызывало жестокие проклятия у наиболее ярых приверженцев Моисеевой религии. Происходили непрестанные суды и разбирательства. Для сохранения единства еврейского народа, для упорядочения жизни различных уделов, из которых то один, то другой терпел поражение и даже попадал в рабство, избирались «мужи сильные и крепкие», которые и начинали управлять народом как его руководители-властители. Эти мужи — их было пятнадцать — известны под именем судей израильских.

Слово судьи было, таким образом, более широким по смыслу, чем в более поздние времена, так как и Гефониил, и Аод, и Самегар, а также Дебора, Варак, Гедеон, Фола, Иаир, Иеффай, Есевон, Елон, Авдон, Самсон, Илий и Самуил занимались не только разбирательством тяжб и распрей, но и управляли всем еврейским народом, сплачивая уделы на основе общей веры, традиций и законодательства, основанного Моисеем.

Остановимся на некоторых из судей.

ГЕФОНИИЛ



и замечателен прежде всего уже тем, что был первым. Появился же Гефоиинл иа столь высокой и почетной должности не случайио, а благодаря великим предшествующнм заслугам.

Дело в том, что как уже говорилось, в борьбе против хананеяи нзранльтяие ие только одерживали победы, ио подчас терпели жестокие поражеиия. Одио из такнх поражениий иаиес им Хусарсафем — царь месопотамскнй. Он наголову разбил евреев и держал их в рабстве, иапомииавшем египетское, целых восемь лет — до той поры, пока во главе восставших евреев ие встал блестящий полководец Гефоииил. Он был племяиинком уже зиакомого иам Халева — того самого, что вместе с Иисусом Навииом вошел в обетоваииую землю. Правда, в отлнчие от Халева, Гефоииил ие помиил ни самого Египта, ни египетского рабства, так как родился во время страиствия по пустыие. Ои был избраи главою восставших, так как оин уже хорошо зиали его выдающиеся победы в иедавнем прошлом: это он, по велеиию Халева, сделал почти иевозможиое: взял н разрушил иеприступиый Кариаф-Сефер — крепость, которая успешио противостояла более сильиым завоевателям, чем пришельцы из пустыни, ие знавшие секретов современного воииского искусства. О победе Гефоииила иад Хусарсафемом в Библии иет каких-либо коикретиых и простраииых сведеиий, ио уже одно то, что мир в Израиле продолжался после этой победы целых сорок лет и что за все это время не было ни распрей, ии междоусобиц, говорит о больших талаитах Гефониила как государствеиного деятеля и блестящего полководца.

ДЕБОРА

Как уже говорнлось, тяжкая н почти непрерывная война с хананеянами была особенно трудной в гористых местностях. Израильтяне, сыны пустынь и пастбнщ, не умелн ни ориентироваться в горах, нн преодолевать горные перевалы. Этим воспользовался царь хананейский Иавин, живший в Асоре, на горном юге страны. Его походы и хитроумные засады, обходы и внезапные ошеломляющие появления с гор всегда были устрашающими и успешными. В результате множество еврейского народа он обратил в рабство, подобно тому, как это сделал до него царь месопотамский на севере. Попавшие в рабство племена Ефрема, Вениамина, Завулона, Иссахара и Неффалима, а также значительная, едва ли не половина, часть племени Манассии, то есть большая часть всех уделов, влачнла жалкое существование. Обетованная земля, к которой они шли вслед за Моисеем целых сорок лет по пустыне, обернулась дли них страшным и позорным узилищем. Плеть и палка гуляли по их согбенным спинам ежедневно. Любой час жизни мог стать их последним часом на земле, переставшей быть обетованной. Бедственность и безвыходность положения несчастных рабов, недавних победителей Иерихона и Кариаф-Сефера, усугублялась своеобразием местности, где они оказались в неволе, так как от северных еврейских уделов их отрезала высокая горная гряда. Кто мог прийти им на помощь? Поэтому рабство представлялось пленным израильтянам бесконечным и безысходным.

И так продолжалось двадцать лет, пока наконец не дошла весть, что на горе Ефремовой, недалеко от Вефиля и Рамы, живет всеми почитаемая пророчица Дебора, верная служительница еврейского бога Яхве, получающая прямо от него божественные советы и предзнаменования. Все сердца встрепенулись от радости: есть защитница, связанная с самим Богом! От нее можно уз-

нать судьбу и получить указание!.. К ней и отправили посланца. Вскоре пришел ответ, что пророчица намерена сама возглавить восстание и приведет евреев к свободе. Так сказал ей бог Яхве.

Слава и авторитет Деборы к тому времени были столь велики, что слова необыкновенной служительницы Бога, пророчицы, никогда не подвергались сомнению.

Уже одно ее стремление встать во главе освободительного восстания мигом воодушевило всех угнетенных израильтян.

Военачальником Дебора, однако, избрала Варака, жившего в Кадесе и известного многими славными победами над хананеянами. Он был, кроме того, очень мудрым и проницательным человеком. Слова Деборы взволновали его, но Варак понимал, что одних полководческих талантов в деле освобождения народа от деспотизма могущественного царя Иавина недостаточно. Он, кроме того, как и все израильтяне, не умел воевать в горах, что тоже вызывало у него некоторые сомнения в успехе предприятия.

Переговоры через тайных посланцев велись довольно долго и содержались в строжайшем секрете.

То, что они велись долго, расхолаживало будущих повстанцев, вселяя в них неуверенность. Почти не было и оружия. Чтобы пойти на такую борьбу, необходимо проникнуться фанатичной верой в непременность успеха.

Мог ли возжечь такой дух и столь фанатичное упорство просто военачальник — даже талантливый и известный?

После долгих размышлений Варак решил, что освободительное движение окажется успешным, если примет сугубо религиозный характер, а во главе его будет стоять пламенная пророчица и отважная женщина Дебора.

Ведь ее устами, как всем известно, говорит сам Яхве!

Выслушав доводы Варака, Дебора без промедления согласилась возглавить восстание. Ее, однако, возмутила нота сомнений в голосе военачальника, явно не осмелившегося встать во главе военной операции. Это казалось ей недопустимым: вера должна быть твердой, а мужчина — мужественным. Она сказала Вараку, что в наказание за маловерие и позорные признаки малодушия он бу-

Дебора, поющая свою песнь.

дет наказан тем, что Сисара, военачальник Иавина, погибнет не от его руки, а от руки слабой женщины.

На этом и закончились переговоры. По всем угнетенным племенам, а также по племенам, находившимся на севере, за горной грядой, был передан призыв Деборы объединяться и готовиться к сражению. Хотя на призыв «матери во Израиле», как называли Дебору, откликнулись не все племена, чего, впрочем, и следовало ожидать, если вспомнить, что еще Моисей сетовал на разобщенность израильтян, все же собралось десять тысяч человек. Они были крайне плохо вооружены, слабо подготовлены, но зато фанатичны до крайности. Под предводительством Деборы, к этому времени фактически обожествленной, войска были готовы на любые подвиги. Дикий вопль восторга потряс местность, где они собрались, когда перед ними появилась сама предводительница. В страстном порыве воины Деборы были подобны спрессованной молнии, ждущей лишь удара, чтобы испепелить любого встречного врага. Полководец Варак, хотя и был уязвлен укором, в глубине души еще раз порадовался, что во главе войска стоит именно она — олицетворение мятежа и свободы. Дебора была поистине пламенным духом своей армии. Одного мановения ее руки было достаточно, чтобы привести воинские ряды в движение и бросить их на врага — на любого врага, ибо ни один неприятель не обладал такой силой веры, как предводительствуемые ею израильтяне. Дебора, эта Жанна д'Арк библейских времен, свято верила в успех, ведь она отчетливо слышала голос своего бога Яхве, говорившего ей о победе.

Сражение между Сисарой и израильтянами разворачивалось драматично. Прекрасно вооруженная армия пронеслась из ущелья на девятистах боевых колесницах. Они мчались в страшном шуме и грохоте, лязге и звоне прямо навстречу худо снаряженному воинству, готовому, однако, принять, не дрогнув, страшный удар бешено несущихся тяжелых колесниц. Впереди израильтян в белой длинной одежде, с высоко подъятым сверкающим мечом, на небольшом холме, видная всем, неколебимо стояла Дебора. Казалось, еще немного — и смертоносная армада врежется в колонны повстанцев.

Однако редкостная удача выпала в тот день на долю израильтян, подтвердив тем самым уверенное пророчес-

тво Деборы. Как уже говорилось, конница пронеслась из ущелья, но вся местность перед израильскими войсками оказалась крайне неудобной для тяжелых колесниц. Она была низменной и после прошедшего ночью сильного дождя совершенно размокла, превратившись в грязь. Окованные железом колеса тотчас увязли в ней по самую ступицу. Кони тоже не могли сделать ни шагу, они вставали на дыбы и дико ржали, часть из них упала, переломав себе ноги. Воины, спрыгивавшие с колесниц, жалко барахтались в своих тяжелых доспехах. Замешательством врага тотчас воспользовалась Дебора — она дала знак, и войска во главе с Вараком, обтекая высокую фигуру пророчицы с ее подъятым мечом, ринулись на врага. Вскоре Дебора оказалась на одной из колесниц. Похожая на грозное и прекрасное божество, она вдохновляла сражающихся. Битва была выиграна.

Все искали Сисару, военачальника, чтобы взять его в плен и казнить позорной смертью, но он, казалось, бесследно исчез. Как потом выяснилось, Сисара укрылся в одном из окрестных селений, в шатре Хевера. Этот Хевер был еврей, но откололся от своего племени и даже дружил с царем асорским. Сисара, чувствуя себя в безопасности и будучи крайне утомленным, уснул. Жена Хевера Иаиль бережно укрыла его ковром, а сама встала по его указанию у входа в шатер, чтобы предупредить в случае опасности. Когда же Сисара уснул, Иаиль взяла заостренный кол и вбила его молотком в череп асорского военачальника. То была ее месть за вынужденное предательство, которое она поневоле делила с отщепенцем-мужем.

Когда Варак приблизился к шатру Хевера, Иаиль позвала его зайти внутрь и указала на пригвожденного колом к земле мертвого Сисару.

Надо сказать, что Ветхий завет изобилует подобными кровавыми сценами. У современного читателя, как, впрочем, возможно, и среди известной части прежних читателей, многочисленные и, как правило, очень жестокие убийства не могут не вызывать чувства сострадания, ужаса, а нередко и отвращения. Конечно, в таких эпизодах есть, по-видимому, немало преувеличений, когда страх нагнетается, так сказать, ради эффекта, а также чтобы дополнительно подчеркнуть торжество очередного победителя и сделать более наглядными муки

жертвы. В Библии читатель много раз столкнется со сценами пострашнее той, что связана с «подвигом» Иаили, проломившей череп Сисаре.

После битвы, подтвердившей пророчество, предсказательница Дебора сложила героическую песнь об освобождении евреев, в которой восславила и жестокую Иаиль. В этой песне Дебора — тоже характерный штрих, обрисовывающий мораль и нравы библейских времен — зло насмехается над матерью убитого Сисары, над ее слезами и отчаянием, когда та узнает о смерти своего сына.

«Да будет благословенна между женами Иаиль, жена Хевера Кенеянина, между женами в шатрах да будет благословенна!

Воды́ просил он: молока подала она, в чаше вельможеской принесла молока лучшего.

Левую руку свою протянула к колу, а правую свою к молоту работников; ударила Сисару, поразила голову его, разбила и пронзила висок его.

К ногам ее склонился, пал и лежал, к ногам ее склонился, пал; где склонился, там и па́л сраженный.

В окно выглядывает и вопит мать Сисарина сквозь решетку: что́ долго не идет конница его, что́ медлят колеса колесниц его?» (Суд. 5 : 24—28).

Далее Дебора пела о том, что мать Сисары, верно, думала, что сын ее занят дележом богатой добычи, что вернется он домой в разноцветной одежде, «снятой с плеч пленника»...

Нет, не вернется Сисара,— заключала свою торжественную воинскую песнь Дебора,— и так будет со всеми врагами бывших пленников и рабов, освободившихся от цепей своего рабства.

Свой рассказ о славной Деборе Библия заключает словами: «И покоилась земля сорок лет».

И действительно, все сорок лет, пока народом правила Дебора, народ жил в мире и благополучии. Эти годы навсегда сохранились в памяти израильтян как редкое в его бурной истории время мира и счастья.

Дочь Иеффая встречает отца танцем.

ИЕФФАЙ

атем был избран судьею израильским Фола. Он приходился дядей Авимелеху и всю жизнь стыдился позорного поведения своего племянника. Его управление, бывшее спокойным, оказалось вместе с тем и совершенно непримечательным. Библия лишь упоминает его имя. Управлял он довольно долго — двадцать три года.

А потом был Иаир. О нем известно еще меньше. Тридцать его сыновей были начальниками тридцати галаадских городов, так как сам он происходил из Галаада.

К концу царствования Иаира спокойная обстановка в стране стала, однако, снова меняться к худшему. Библия объясняет это участившимися отступлениями израильтян от Моисеевых законов, случаями идолопоклонства и даже частичной, но заметной ассимиляцией с местными племенами и народами, что приводило к увлечению их культурой, обычаями и т. д. Положение особенно ухудшилось, когда в страну стали с востока захаживать аммонитяне, наносившие большой урон посевам и стадам. Аммонитяне были грубыми идолопоклонниками, но борьба с ними сначала сдерживалась, поскольку еще Моисей, учитывая их происхождение от Лота, призывал к снисходительности и даже прямо запрещал какие-либо сражения с ними. Все же после того, как стал известен план, задуманный аммонитянами против народа Израиля, борьба с ними возобновилась.

С запада же израильтян постоянно тревожили филистимляне. Они были семитами, что тоже, особенно при Иисусе Навине, учитывавшем такое обстоятельство, сдерживало борьбу с этим воинственным народом. Их набеги на территорию израильтян были совершенно опустошительны.

Набеги с запада и востока держали страну в страхе. Со времен Иаира покоя не было уже в течение восемнадцати лет.

Накоиец прнияли решеине сразнться с аммоинтяиами, расположившимися тогда большнм стаиом в Галааде. Израильтяне же остановилнсь неподалеку — в Массифе. Свонм военачальииком оии выбрали, по внушению свыше, урожеица Галаада Иеффая.

Надо сказать, что Галаад был самой цветущей и красивой частью землн обетованной. Когда бог разрешил Моисею взгляиуть на обетованную землю, он обратил его взор имеиио к Галааду. Вся эта местиость представляла собой (и тогда и сейчас) как бы цветущий сад, покрытый ковром цветов, виноградиками, оливковымн, апельсиновымн и миндальиыми деревьями. Здесь когда-то остаиавливался по дороге в Египет Авраам, сооруднвший жертвеиник; здесь же Иаков поставнл памятинк в знак заключеиия союза между собой и Лаваиом.

Иеффай, житель Галаада, готовясь к защите своей родиины и всей обетоваииой землн, должен был проиикнуться особым чувством священной любви к столь дорогому для его иарода месту.

Правда, судьба Иеффая до того, как ои был достаточно неожидаиио для себя иазиачеи военачальником, складывалась, мягко говоря, своеобразно. Он к тому времени уже не жнл в Галааде, так как был нзгнаи своими братьями при разделе имущества. Став нзгиаиником, Иеффай иашел себе временное пристанище в земле Тов, собрал там головорезов и иачал разбойиичать.

Правда, по преимуществу он разбойиичал на землях, заиятых иародами, враждебными Израилю.

По-видимому, легеиды о его успехах иа этом поприще и способствовали в коице коицов выдвижеиию Иеффая иа должиость военачальиика. Вместо шайки он получил армию. Иеффай поставил перед этнм условие, что в случае успешиой войиы ои будет иазначен судьей всего израильского народа.

Начал он с того, что послал к аммоинтяиам послов, прося их мирио выйтн за пределы израильской земли. Одиако долгие и иеодиократиые переговоры ии к чему ие привели. Тогда Иеффай решил сразиться с иеуступчивыми и воинственными аммоиитяиамн, дав перед всеми торжествениый обет, что если он нх одолеет, то принесет в жертву Богу первого, кто выйдет ему иавстречу из его дома. Заручившись столь страшиым обетом, Иеффай поразил все войско противнкка, изгнал их из Израиля и вступил иа землю аммоиитяи, заияв там двадцать городов и крепостей.

С тех пор Израиль надолго избавился от опасности, постоянно угрожавшей ему с востока.

Торжественно, как победитель, под звуки труб и клики народа, усыпанный цветами, возвратился Иеффай в Массифу, а его единственная дочь первою радостно выбежала ему навстречу из родного дома.

Увидев ее, Иеффай разодрал на себе одежды, пал на землю и громко зарыдал.

Узнав об обете, данном отцом, дочь попросила отпустить ее на два месяца в горы с подругами — для молитвы и прощальных размышлений. Перед смертью она хотела очистить свой дух, хотя была невинна и чиста.

Иеффай отпустил ее, а по возвращении свято исполнил свой обет.

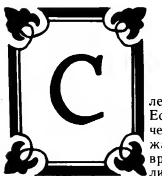
С тех пор вошло в обычай, чтобы еврейские девушки четыре дня в году оплакивали дочь Иеффая.

Существует, правда, мнение, что Иеффай пожалел свою дочь и вместо жертвенного сожжения обрек ее на постоянное девство, что, правда, было для него самого опять-таки тяжким наказанием, так как род его пресекался. В Библии, однако, такой вариант отсутствует. Да и вряд ли Иеффай мог нарушить обет, торжественно данный им перед всем народом и Богом.

Судьей Иеффай был недолго — всего шесть лет.

САМСОН

Самсон раздирает льва



ледующие судьи израильские — Есевон, Елон, Авдон — не были чем-либо примечательны, кроме, пожалуй, удивительной даже по тем временам плодовитости. Библия их лишь упоминает.

Зато Самсон в веренице судей является фигурой самой яркой.

Самсон, раздирающий пасть льва.

Ему суждено было избавить Израиль от филистимлян, постоянно нападавших с запада, то есть он завершил дело, начатое Иеффаем, обезопасившим обетованную землю с востока, разгромив там аммонитян.

Само имя Самсон в переводе с еврейского значит «сильный».

Рождение его было ознаменовано явлением ангела к дотоле бесплодной жене Маноя, проживавшего в городе Мераи, что находился неподалеку от Мертвого моря. Ангел возвестил будущей матери, что она родит сына, который будет победителем филистимлян. Он предупредил также, чтобы Самсон никогда не вкушал сока виноградной лозы и не стриг волос, ибо в волосах будет заключена его сила. Младенец, сказал ангел, будет назореем, то есть человеком, посвященным Богу.

Сила Самсона действительно была необыкновенна. Ребенка никогда не стригли, и, когда он стал юношей, длинные, красивые волосы могучей волной закрывали ему спину.

Когда он подрос, ему понравилась девица, жившая неподалеку от Сараи — в Фимнафе, где обитали филистимляне. Родители возражали, говоря, что следует лучше жениться на единоплеменнице, чем на дочери враждебного народа, но потом, уступив настояниям сына, согласились.

По дороге в Фимнафу, куда они втроем пошли сватать невесту, Самсон немного отстал, так как увидел незамеченного родителями, быстро мелькнувшего среди зарослей молодого льва. Самсон молниеносно напал на него и, словно ягненка, разорвал пополам голыми руками. После этого он догнал мать и отца и спокойно пошел с ними дальше в Фимнафу, ничего не сказав о происшествии со львом.

В Фимнафе сватовство прошло благополучно, был большой пиршественный стол, все поздравляли жениха и невесту, назначили и день свадьбы.

Через несколько дней все трое снова пошли в Фимнафу — на брачный пир. По дороге Самсон опять немного отстал, чтобы взглянуть на убитого льва. Подойдя, он увидел, что на теле мертвого животного уже роятся пчелы — целый рой. Самсон выложил соты, поел сам, а догнав родителей, предложил и им, но опять-таки ничего не сказал об убитом им льве.

На пиру родители невесты, немного опасаясь необыкновенной силы Самсона, приставили к нему в роли брач-

ных дружков тридцать наиболее сильных молодых филистимлян. Самсон, с усмешкой глядя на «стражников», предложил им разгадать загадку. Если молодые люди ее разгадают, сказал Самсон, они получат тридцать рубашек и столько же верхнего платья, а если не разгадают, то столько же получит от них он. Разгадать же нужно было к концу брачного пира, то есть на седьмой день. И загадал им: «Из ядущего вышло ядомое, и из сильного вышло сладкое». Конечно, никто не мог разгадать этой загадки, поскольку никто не знал, что речь идет о пчелах, вкушающих нектар (пчелы и есть «ядущие»), о меде («ядомое») и о сильном льве, на котором, как мы знаем, поселился пчелиный рой. На такое незнание и рассчитывал хитроумный Самсон.

Филистимляне по натуре своей были коварны и злы. Им, кроме того, страшно не нравилось, что израильтянин Самсон поставил в тупик филистимлян и они вынуждены будут отдать ему тридцать рубашек и столько же верхней одежды. Поэтому они приступили с расспросами к молодой жене Самсона, умоляя ее выведать у него разгадку. Самсон сначала отказался открыть жене разгадку, говоря, что ее не знают даже отец с матерью. Филистимляне опять стали приставать к жене Самсона, говоря, что, если она не выудит у мужа разгадку, они подожгут его дом. Самсон, ничего не зная об этой угрозе, открыл жене разгадку, так как ему было смешно смотреть на ее мучения. Она же тотчас рассказала о ней филистимлянам. На седьмой день, как и было условлено, Самсон потребовал от них разгадки и уже предвкушал свой выигрыш, но филистимляне, зная секрет от его жены, с насмешкой рассказали и про пчел, и про мед, и про льва. Тогда Самсон сказал им не без угрозы в голосе: *«...если бы вы не орали на моей телице, то не отгадали бы моей загадки» (Суд. 14 : 18).*

Тридцать рубашек и тридцать платьев он им отдал, но то была одежда, снятая с убитых в Аскалоне филистимлян. А жену предложил одному из своих свадебных дружков.

Все вышло так, что через какое-то время Самсон одумался и вновь пошел в Фимнафу — за своей женой, так легко им отданной. Но несостоявшийся тесть отказал Самсону. Он предложил ему свою младшую дочь. На это Самсон, имевший необузданный характер, от-

ветил страшными угрозами и ушел. Зная его силу, никто ему не перечил.

Он придумал хитроумную месть: наловил триста лисиц, связал их попарно, поджег им хвосты и, подобно горящим факелам, пустил на филистимлянские дома. Был страшный пожар. Разгневанные филистимляне, считая, что виновником и, так сказать, первопричиной бедствия является тесть, поскольку он не внял просьбам Самсона, подожгли его дом, где сгорели и тесть, и его дочь — недавняя невеста Самсона. Здесь современный читатель вправе воскликнуть: ну и времена, ну и нравы!.. Впрочем, кто теперь догадается, что тут правда, а что — выдумка...

Ослиная челюсть

После этого страшного происшествия Самсон дал клятву всегда мстить филистимлянам. Трудно перечислить все беды, какие он им причинил.

В конце концов филистимляне, устав терпеть, собрали большое войско и, перед тем как выступить против Самсона, жившего тогда в ущелье Етам, расположились станом в Иудее. Жители Иудеи, не зная намерений филистимлян, подумали, что они захватили их землю и останутся в ней навсегда. Филистимляне же сказали, что виной всему — Самсон. Тогда иудеи, собрав три тысячи человек, сами, вместо филистимлян, пошли к ущелью, где жил Самсон, чтобы убедить его сдаться филистимлянам. Они сказали Самсону, что пришли его связать и в таком виде выдать захватчикам, дабы спасти землю и семьи. Самсон милостиво согласился, чтобы его опутали веревками, но, увидев филистимлян, завопивших от злорадства и предвкушения мести, легко разорвал свои путы, и они упали, как говорится в Библии, словно «перегоревший лен».

После этого он схватил первое, что попалось под руку, а это была челюсть сдохшего осла, и обратил всех своих врагов в позорное бегство.

Городские ворота Газы

Случилось однажды Самсону прийти в филистимский город Газу и там остаться ночевать. Нет ничего удивительного, что жители, узнав о прибытии своего заклятого

Самсон и Далила.

врага, решили умертвить его. Конечно, их смущала иеобыкиовеииая сила богатыря, н оии решили для иачала предпринять хотя бы первый иеобходнмый шаг — заперли городские ворота. Теперь, переночевав, Самсои все равно ие мог бы уйти нз города, оказавшись в ловушке. Покуда Самсои, думали оии злорадио, мечется в поисках выхода, оии успеют придумать средство, как вериее его изинчтожить. Им хотелось ие только казнить богатыря страшиой н позорной смертью, но и предварительио измучить его страшиыми пытками. Пока старейшины города придумывали казиь пострашиее, Самсон, иичего ие зиая об нх заботах, подошел к городским воротам. Трудио сказать, сколько глаз иаблюдало за иим изо всех окон, щелей и подворотеи. Даже крепостиая стеиа была усеяиа зеваками, впрочем предусмотрительио прятавшимися за камеииыми зубцами н башиями. Самсои, удивившись, что ворота еще заперты, хотя солнце уже подиялось, иедолго думая, вынул их из креплеиий, подиял иа плечн н, чтобы лншиий раз досадить филистимляиам, отиес на блнжайшую гору. Миого же хлопот и сил было потрачено, чтобы затем поставить их обратио!..

Самсон и Далила

Судьба словно иарочно испытывала Самсоиа, заставив его вторичио влюбиться в филнстимляику! Можно подумать, что среди хаиаиеяиок, отлнчавшихся красотой и изяществом, не было достойных его виимаиия жеищии. Как мы помним, один раз у иего была неудачиая жеиитьба. Но уроки жизни, видио, ие шли гуляке Самсоиу впрок. Так или ииаче, ио, увидев Далилу, ои стал частенько захажнвать к ией.

Далнла была действительио очень краснва, изящиа и отличалась той смуглой чувствеиной красотой южных женщнн, на которых всегда заглядывался жеиолюбивый Самсон, не избегавший любовиых утех. Рядом с могучим Самсоном Далнла казалась гнбкой виноградной лозой, готовой обвнться вокруг велнкаиского ствола, ио еслн это сравненне, всегда приходившее в голову всем, кто видел их рядом, справедливо чисто внешие, то оио, к иесчастью, оказалось трижды верным и в другом смысле. Далила была той лозой, которою судьба вскоре и задушила непобедимого богатыря Самсоиа.

Филистимляне, видя его страсть, решили использовать Далилу в своих целях. Они подговорили красавицу ненароком выведать у своего возлюбленного тайну его необыкновенной силы.

Хотя Самсон и отличался высоким ростом, широкими плечами и мускулистыми руками, он все же был земным человеком, а не Богом, а значит, полагали филистимляне, которым все никак не удавалось победить Самсона, есть в нем какой-то тайный источник мощи. Даже необыкновенно сильные мускулы не помогли бы ему поднять городские ворота, которые с таким трудом, с помощью верблюдов, тащили потом жители Газы к своим крепостным стенам и с не меньшими усилиями, не один день, устанавливали в разрушенной кладке.

Далила согласилась за сто сиклей серебра выведать эту тайну и, став еще более ласковой и неутомимой в своих объятиях, начала исподволь выпытывать его сокровенный секрет. Самсон, однако, не поддавался ухищрениям и три раза попросту обманывал ее, говоря, что сила его будто бы пропадет, если его свяжут семью сырыми тетивами, а в другой раз убеждал Далилу, что никак не сможет одолеть семи новых веревок, а потом сказал, что обессилеет, если семь косиц с его головы прибить к тяжелой деревянной колоде. Коварная Далила всегда проверяла эти россказни Самсона. Как бы играя в веселую игру, она связала его тетивами и крикнула: «Самсон, филистимляне идут на тебя!», а богатырь тут же легко рвал путы, словно паутину; так же случилось и с веревками, упавшими с него, будто они были гнилыми, а не новыми; а в третий раз он мигом вырвал тяжеленную колоду, подняв ее на своих красивых волосах.

Тогда Далила стала укорять Самсона за обман, говоря, что он попросту потешается над ней, так как не любит и не доверяет. Были и слезы, приводившие наивного Самсона в смущение. В одну из таких минут он пожалел Далилу и раскрыл ей тайну своей силы. На этот раз Далила почувствовала, что он открылся ей чистосердечно. Положив голову Самсона на колени, нежно поглаживая волосы, она дождалась, когда великан-красавец уснул, и, позвав цирюльника, коротко остригла длинные черные кудри, закрывавшие всю спину богатыря подобно дорогому парадному плащу. И сила тотчас отступила от него. Когда Самсон проснулся, он увидел возле себя вместо Далилы нескольких филистимлян. Они, гогоча

и иасмехаясь, быстро справились с иим, выкололи ему глаза и заключили в темиицу, сковав двумя толстыми железиыми цепями.

Слепой, обессилевший Самсои обязан был теперь безостаиовочио вертеть жериов ручной мельиицы.

Иногда дверь темиицы открывали, чтобы показать слепца беспрестаиио прибывавшим в Газу любопытиым. Всем хотелось посмотреть, что сделалось с Самсоиом. В иего плевали, выплескивали помои, бросали камии. Но больнее камией и позориее помоев казались Самсоиу насмешки, браиь и гогот, умолкавшие возле его узилища лишь глубокой иочью, когда удовлетворенный в своей злобе город иакоиец утихал. А наутро пытка иачииалась сиова.

Смерть Самсона

Заключениый в темиицу, Самсои горько раскаялся во всех своих многочислеииых вольных и иевольиых прегрешеииях, разгуле, грабежах и иепристойиых похождеииях, и, видио, иебо в коице коицов смилостивилось иад иим. Волосы стали быстро отрастать, а вместе с иими иачала возвращаться и сила. Самсон старался всячески скрыть свою возрастающую мощь: ои притворялся слабым и даже немощиым, еле, словио из последиих сил, вертел жериов своей мельиицы и даже ие откликался иа иасмешки, лишь иногда как бы угасающим голосом прося пощады. Филистимляие совсем привыкли к мысли, что их плеиеиный и слепой Самсои беззащитеи и хил. И вот одиажды, когда в городе Газе происходило шумиое и красочиое, с кровавыми жертвоприиошеииями, праздиество в честь их идола Дагоиа, зиать филистимляиская пожелала, чтобы в храм был приведен Самсои. Им хотелось уиизить Самсоиа, заставив его, израильтяниииа, поклоиявшегося богу Яхве, войти в языческое капище, чтобы таким образом участвовать в церемоиии, посвящеиной языческому идолу. Самсои, скрывая вериувшуюся к иему силу, послушно вошел в храм и так же послушио попросил подвести его к колоииам. Ои хотел показать, что ие может стоять на иогах без опоры и поддержки. Прислужиики подвели его к колониам, и он тотчас ухватился руками за две из иих. Затем случилось страшиое: Самсои с такой силой потряс камеииые столпы, служившие опорой всему

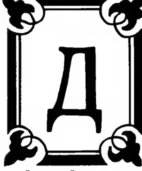
Гибель Самсона.

храму, что они рухнули вместе с тяжелым сводом и стеиами.

Под обломками колоссальиого сооружеиия погибло столько филистимлян, сколько Самсоиу ие удалось уиичтожить за всю его жизнь. Вместе с врагами погиб и ои сам. Родиые похоронили его вместе с отцом Маиоем.

Слава о Самсоне прошла по всем векам и народам. Зиали о ием и в Греции. Вполне возможио, что греческий Геракл имеет своим прототипом имеиио Самсоиа. Это тем более вероятио, так как известио, что филистимляие, пришедшие когда-то с островов Средиземиого моря, были в родстве с греческими племеиами и немало, в свою очередь, взяли из греческой культуры.

РУФЬ



аже в земле обетоваииой, где так много было плодородиых почв, чистых рек, серебряиых источников и грохочущих водопадов, в страие, похожей, как уже говорилось, иа цветник, высажеиный божественной рукой самого покровителя израильского иарода,— даже в этой страие иногда случались засухи. По рассказам и преданиям, переходившим из уст в уста от потомков Иосифа, Моисея и Иисуса Навииа, поселеицы Хаиаана знали, какие страшные неурожайиые годы поражали даже басиословно богатый Египет. Имеиио в периоды засухи оии обычно с запозданием вспоминали о мудром своем праотце Иосифе, научившем египетский народ заготавливать зерио впрок, чтобы «худая корова не пожрала тучную». Так и в этот раз — голод разразился в земле Хаиаиской, а запасов, предусмотрительно укрытых в закрома, ие было. Народ стеиал, страшио бедствовал и едва успевал хороиить своих мертвецов.

Съели всех животных, и даже птицы, не находя себе зерен, улетели за море.

Тогда один из жителей Вифлеема, благочестивый Елимелех, гонимый голодом, решил переселиться вместе с женой Ноеминью и сыновьями Махлоном и Хилеоном в землю Моавитскую, что лежала по другую сторону Иордана. Решение он принял нелегко, так как моавитяне были язычниками.

Вначале все шло хорошо. Сыновья, правда, взяли себе в жены моавитянок, но Елимелех не препятствовал такому браку, мудро полагая, что все люди, в конце концов, произошли от одних предков. Между семьей Елимелеха и соседями-моавитянами были добросердечные дружеские отношения. Особенно все любили добрую Ноеминь.

Однако беда, мучившая их в Ханаане голодом, нашла семью Елимелеха и здесь, в Моаве. Так случилось, что, заболев, один за другим умерли все трое мужчин, составлявших опору дома.

Овдовевшая Ноеминь страшно затосковала по родным местам.

По слухам же стало известно, что в Вифлееме, родном городе Ноеминь, жить стало лучше, голод прекратился и даже самый дом, где в молодости растила она со своим мужем сыновей, все еще стоит в целости и нерушимости.

Обе снохи отправились вместе с ней.

Однако в дороге, когда они уже вышли за пределы Моава, добрая Ноеминь стала со слезами корить себя за то, что навсегда уводит своих юных невесток с их родной земли. Ведь среди соплеменников, останься они в родной моавитской земле, молодые вдовы снова могли бы выйти замуж. Вот почему, спохватившись, остановилась она на каменистой дороге, ведшей ее в Вифлеем и уводившей невесток из Моава, и стала причитать:

«Да даст вам Господь, чтобы вы нашли пристанище каждая в доме своего мужа! И поцеловала их. Но они подняли вопль и плакали.

И сказали: нет, мы с тобою возвратимся к народу твоему.

Ноеминь же сказала: возвратитесь, дочери мои; зачем вам идти со мною? Разве еще есть у меня сыновья в моем чреве, которые были бы вам мужьями?

Возвратитесь, дочери мои, пойдите; ибо я уже стара, чтоб быть замужем. Да если б я и сказала: «есть мне еще

надежда», и даже если бы я сию же ночь была с мужем и потом родила сыновей,--

То можно ли вам ждать, пока они выросли бы? можно ли вам медлить и не выходить замуж? Нет, дочери мои, я весьма сокрушаюсь о вас, ибо рука Господня постигла меня» (Руфь. 1 : 9—13).

Одна из невесток, Орфа, вняла убеждениям старухи и, залившись слезами, горестно распрощавшись, вернулась в свою землю.

А Руфь осталась. Она знала, что ее сердце разорвется, когда она увидит удаляющуюся по дороге одинокую фигуру доброй старухи, ставшей для нее милой матерью.

Как ни принуждала ее Ноеминь присоединиться к Орфе, Руфь сказала:

«...не принуждай меня оставить тебя и возвратиться от тебя; но куда ты пойдешь, туда и я пойду, и где ты жить будешь, там и я буду жить; народ твой будет моим народом, и твой Бог — моим Богом;

И где ты умрешь, там и я умру и погребена буду. Пусть то и то сделает мне Господь, и еще больше сделает; смерть одна разлучит меня с тобою». (Руфь. 1: 16, 17).

«И возвратилась Ноеминь, и с нею сноха ее Руфь Моавитянка, пришедшая с полей Моавитских, и пришли они в Вифлеем в начале жатвы ячменя» (Руфь. 1 : 22).

Ноеминь, возвратившись в родную землю после десяти лет отсутствия, нашла свой дом в полном запустении, а поле, принадлежавшее когда-то, до бегства в Моав, и ей, и ее умершему мужу Евимелеху, обрабатывал теперь дальний родственник, считавший его своей собственностью. Таким образом, при пустом доме, оплетенном паутиной и заросшем терднием и сорной травой, они оказались в полном смысле слова бедняками. Ноеми́нь очень жалела Руфь — ведь та не привыкла к такой нищете. (По некоторым данным, найденным исследователями Библии, Руфь была дочерью одного из царей моавитских.) Так или иначе, им ничего не оставалось, как испросить разрешения помочь в уборке ячменя. Платой же за тяжелую работу, когда приходилось, не разгибая спины, целый день трудиться на знойном поле, была возможность собирать колоски, остававшиеся после жнецов. Ноеминь была уже слишком стара, и потому Руфь работала в поле одна от зари до зари. Зато поздно вечером, когда закат догорал и темные тени спускались на селение, Руфь приходила домой с полным передником

колосьев. Она никогда не жалела, что пришла в чужую землю, так как очень любила свою старую Ноеминь, с нежностью почитая ее как родную мать. Ноеминь не могла нарадоваться, глядя на такую любовь, но мысль, что надо как-то устроить судьбу Руфи, никогда не покидала ее.

Вместе с тем хозяин поля, на котором работала старательная и трудолюбивая Руфь, вскоре заметил ее добросовестность. То был старый Вооз, богатый человек и родственник Ноемини, о чем Руфь не знала. По обычаям того времени Вооз работал вместе со своими работниками. Ни старость, ни богатство, дававшие ему возможность спокойно отдыхать, не останавливали Вооза, и он вместе с другими жнецами, молотильщиками и веяльщиками принимал посильное участие во всех полевых работах. Итак, однажды он заметил, что на его поле работает чужеземка. Он узнал это по некоторым приметам моавитской одежды, а также по характерным чертам лица, присущим моавитянам. Узнав от работников о горестной судьбе Руфи, вернувшейся, к его удивлению, вместе с его родственницей Ноеминью, он похвалил молодую женщину за старательность. Но еще сильнее его пленила и растрогала нежная любовь Руфи к свекрови. Он не мог не оценить благородного поступка молодой женщины, покинувшей землю предков и присоединившейся к израильскому народу. Вооз сказал работникам, чтобы они незаметно подкладывали Руфи побольше колосков, оставляя ячмень на ее полосках целыми горстями.

Руфь рассказала своей матери о добром отношении к ней старого Вооза.

Тогда Ноеминь открыла ей, что Вооз — близкий родственник, что на него можно надеяться и ждать от него еще большего добра. Ноеминь посоветовала Руфи надеть в следующий раз красивые одежды и, дождавшись, когда Вооз, утомившись после жатвы, уйдет на гумно спать, откинуть ночью нижний край покрывала и лечь у ног хозяина. Руфь так и сделала. Она кротко лежала у ног Вооза всю ночь, незаметно согревая его теплом своего молодого тела. Проснувшись, Вооз удивился и, не разглядев в предутреннем сумраке ее лица, спросил:

«...кто ты? Она сказала: я Руфь, раба твоя; простри крыло твое на рабу твою, ибо ты родственник.

Вооз сказал: благословенна ты от Господа, дочь моя! это последнее твое доброе дело сделала ты еще лучше прежнего, что ты не пошла искать молодых людей, ни бедных, ни богатых.

Итак, дочь моя, не бойся, я сделаю тебе все, что ты сказала; ибо у всех ворот народа моего знают, что ты женщина добродетельная.

Хотя и правда, что я родственник, но есть еще родственник ближе меня.

Переночуй эту ночь; завтра же, если он примет тебя, то хорошо, пусть примет; а если он не захочет принять тебя, то я приму; жив Господь! Спи до утра.

И спала она у ног его до утра и встала прежде, нежели могли они распознать друг друга. И сказал Вооз: пусть не знают, что женщина приходила на гумно» (Руфь. 3 : 9—14).

Чтобы понять поведение Вооза, отказавшегося от Руфи в пользу более близкого родственника, надо знать, что по обычаям того времени овдовевшая женщина могла стать женой наиболее близкого родственника мужа, если он, конечно, не откажется в пользу более дальнего.

Вооз, судя по дальнейшему рассказу, как раз хотел выяснить этот щекотливый вопрос, требовавший тщательного соблюдения этикета. Если более близкий родственник откажется от Руфи, он обязан был в присутствии старейшин снять свою обувь и отдать ее претенденту. Больше никаких формальностей не требовалось.

Далее в рассказе о Руфи все происходит именно таким образом.

Вооз, как рассказывает Библия, вышел к воротам и стал ждать, когда мимо него пройдет упомянутый родственник. Остановив его, он рассказал о Руфи, прибавив, что земля Ноемини принадлежит также и Руфи и что, взяв ее в жены (поскольку он самый близкий родственник), он должен выкупить половину земли у Руфи и у Ноемини. Родственник же, как хорошо об этом знал Вооз, был страшно жаден. Он, конечно, хотел бы получить молодую красивую жену даром, без всякого выкупа довольно запущенного участка. В знак своего отказа от Руфи этот родственник снял свой башмак и в присутствии призванных старейшин отдал Воозу.

Так Руфь вошла в дом своего прежнего хозяина. Ста-

рая Ноеминь ие могла иарадоваться столь благополучиому исходу дела.

Несмотря на то что Вооз был к тому времени уже очеиь стар, у иих, одиако, родился мальчик.

От этого мальчика родился затем Овид, а от Овида родился Иессей, а от Иессея — зиаменитый во все времеиа царь Давид-псалмопевец.

Трогательиая история Руфи и ее матери достаточно резко выделяется среди всех предшествующих, а отчасти и последующих кииг Ветхого завета. После миогих дииамичиых историй, выполиенных резкими и грубыми красками, где лились реки крови, свершались иеобыкиовеиные подвиги, а дикие злодейства следовали одио за другим, страиицы, посвящеииые Руфи, кажутся светлыми и иежиыми. Оии как бы завершают собой череду неправдоподобиых жестокостей и фаитасмагорических событий, впервые виося в библейское повествование неожидаииую и подлиииую человечиость. Имеиио от Руфи — через Киигу царств и другие сумрачные книги — перекииут легкий, светлый, ио удивительио прочиый мост к Новому завету, в котором, как мы увидим, духовиость и требоваиия человечности стаиут главным содержанием и осиовиой атмосферой еваигельских повествоваиий. Руфь, со своей кротостью и любовью, предшествует жеищиам из еваигелий, окружающим Христа.

И еще одии очень важный момеит. В киате «Руфь» мы впервые встречаемся с громко звучащей идеей равеиства всех иародов. Моавитяика Руфь последовала в землю израильскую, движимая исключительно любовью и сострадаиием. Можио сказать, что почти постояииое требование Моисея обособиться от других народов, мысль о богоизбраниости израильтяи здесь, в киите о Руфи, показало свою иесостоятельиость. Израильтяиии Вооз с любовью принимает к себе моавитяику, ни разу ие задумавшись о существующих между ними племениых различиях. Будущее еваигельское требоваиие о равеистве «эллииа и иудея» сквозит в каждой строчке истории о Руфи. В этом — ее огромный общечеловеческий иравствеииый смысл.

ДАВИД

В течение двадцати лет на израильскую землю продолжали делать частые набеги воинственные филистимляне. Особенно тяжелое поражение нанесли они израильтянам при Афеке. По сути, наступила пора рабства. Возникла необходимость в авторитетном предводителе. Это стало особенно ясно, когда тогдашний царь Саул фактически отрешился от дел, занявшись некстати своим любимым развлечением — огородничеством. Царского сана, однако, лишать его было нельзя и опасно.

По стране между тем ходила и множилась слава о некоем Самуиле. Он был одним из первых пророков Израиля и последним из его судей.

Самуил занялся подыскиванием кандидатуры нового царя, но держал свои хлопоты в страшной тайне, так как опасался быть уличенным в государственном заговоре. Среди жителей города Рамы, где он жил, Самуил не нашел никого, кто подходил бы для столь высокой должности. И тогда, по внушению свыше, Самуил отправился в Вифлеем — к некоему Иессею.

Этот Иессей был внуком того самого Вооза, что, как мы помним, женился на Руфи, пришедшей со своей свекровью Ноеминью из Моава. У него было восемь сыновей. Из их-то числа и должен был Самуил выбрать будущего царя.

Приход Самуила в Вифлеем был встречен и старейшинами и жителями с подозрительностью и неприязнью. Ему не могли простить того поношения, что он устроил Саулу на площади в Галгале, а также ненужной казни храброго Агага и неразумного сожжения богатой добычи, захваченной у разбойного племени в честном бою. Обычно посещения пророка, бывшего к тому же верховным священнослужителем, вызывались какими-либо важными, а то и чрезвычайными событиями. Поэтому старейшины города спросили его: «Мирен ли приход твой?»

На что Самуил ответил, что прибыл свершить очередное жертвоприношение. Жители успокоились, когда увидели, что прибывший пророк действительно совершил жертвоприношение.

Между тем Самуил пришел в один из дней к Иессею. Хозяин дома, польщенный такою честью, показал высокому гостю своих сыновей. Ни на одном из представленных ему семи юношей Самуил не остановил своего тайного выбора, но, памятуя что указание свыше касалось именно семьи Иессея, спросил, нет ли еще у него детей. И тогда послали в поле за самым младшим — Давидом.

«И послал Иессей, и привели его. Он был белокур, с красивыми глазами и приятным лицем. И сказал Господь: встань, помажь его, ибо это он.

И взял Самуил рог с елеем и помазал его среди братьев его...» (Цар. 16 : 12, 13).

Так, в кругу семьи и, можно сказать, тайно, был помазан пятнадцатилетний пастушонок Давид на царство.

В тот же миг, рассказывает Библия, благой дух отступил от ничего не подозревавшего царя Саула. С этого дня он все чаще стал впадать в транс, когда-то приносивший ему пророческие видения, но теперь подобный мучительной душевной болезни. Окружающие все чаще стали видеть своего царя в состоянии умоисступления. Саул бывал одержим злым духом, что говорило о явном отступничестве от него доброй небесной воли.

Кто-то надоумил Саула позвать музыканта. Было известно, что именно музыка врачует больную душу. Позвали мальчика Давида, сына Иессея, которого часто видели возле стада с гуслями в руках. По рассказам, он умел извлекать из своего инструмента звуки, ласкающие слух и успокаивающие душу.

И действительно, музыка Давида умиротворяюще подействовала на больного Саула.

«И послал Саул сказать Иессею: пусть Давид служит при мне, ибо он снискал благоволение в глазах моих» (Цар. 16 : 22).

Должности гусляра тогда еще не было при царе, и Саул назначил юношу быть оруженосцем.

Так Давид стал гусляром-оруженосцем при царе, который не знал, что он уже не царь, как не знал он и того, что его юный гусляр и есть подлинный царь иудейский.

Победа Давида над Голиафом

Вскоре филистимляне, давшие на какое-то время передышку израильскому народу после победы над ними Ионафана, вновь зашевелились поблизости от восточных границ. Они пришли примерно в то же место, где когда-то потерпели поражение, и встали на горе перед долиной, ожидая, когда Саул со своим войском спустится в нее с противоположной гористой возвышенности. Своеобразие в расположении войск состояло в том, что бой следовало начинать именно в долине, и потому оба войска, филистимлянское и израильское, опасались спускаться туда первыми, дабы не оказаться в невыгодном положении. И вот оба войска стояли на противоположных горах, не предпринимая никаких действий. Ситуация была прямо-таки безвыходной. Ведь первый, кто спустится в долину, будет тотчас раздавлен, словно камнем, брошенным с горы, поджидавшим его неприятелем.

И так — в бездейственном противостоянии — шли не часы, а дни.

Наконец кому-то пришла счастливая мысль решить дело единоборством двух богатырей из того и другого лагеря. Богатырем со стороны филистимлян был представлен Голиаф.

«И выступил из стана Филистимского единоборец, по имени Голиаф, из Гефа; ростом он — шести локтей и пяди»[1] *(Цар. 17 : 4).*

На голове его был тяжелый медный шлем, на теле — чешуйчатая броня из меди, на ногах — медные наколенники, в руках — копье устрашающей длины.

Голиаф уже несколько дней дерзко расхаживал по долине, громко выкрикивая по адресу израильтян разные оскорбления и непристойности.

Царь Саул и полководец Авенир не могли найти ему достойного соперника. Стыд душил израильтян, сгоравших от позора и унижения. А нахальный великан-филистимлянин расхаживал перед израильтянами уже сорок дней!..

Давида в это время не было в армии, он, как самый младший, оставался дома и мирно пас овец, слушавших его гусли и мирно пощипывавших траву. Три брата Да-

[1] Локоть — длнна рукн от локтевого сустава до конца среднего пальца; пядь — шнрина в трн ладоин.

вида служили у Саула. Иессей же, отец, был уже очень стар. Послав трех своих сыновей — Елиава, Аминадава и Самму,— он, естественно, беспокоился об их судьбе. Поскольку войско Саула, где находились его сыновья, стояло не так далеко от Вифлеема, то Иессей, отозвав Давида с поля, поручил ему отнести братьям сушеных фиников и десять хлебов, а их начальнику — сыру. «А заодно,— сказал Давиду Иессей,— наведайся о здоровье братьев и узнай об их нуждах».

Давид встал рано утром и к полудню подошел к армейскому обозу. Отсюда были хорошо слышны крики, шум и какое-то движение. Обозники объяснили ему, что войско, устав стоять в бездействии и стыдясь позора, намеревается вступить в сражение, но дело это опасное, поскольку надо будет спускаться в долину. Давид побежал к братьям, быстро нашел их, стал расспрашивать о здоровье и рассказывать о домашних делах, как вдруг увидел великана, стоявшего в долине и выкликавшего себе соперника. Ему рассказали, что Саул обещал тому, кто убьет Голиафа, несметное богатство, а свою дочь — в жены.

Несколько раз переспрашивал Давид и своих братьев, и других воинов о том, какая награда ждет храбреца, решившегося сразиться с Голиафом; наконец старший брат Елиав, рассердившись, пригрозил отослать его тотчас же домой к заждавшимся овцам и брошенным гуслям. Ведь Давиду было всего пятнадцать лет, он был красив нежной полудетской красотой, и воины лишь улыбались, наблюдая его забавный пыл, казавшийся тем более смешным, поскольку могучий бронированный Голиаф расхаживал у всех на глазах. О поведении Давида со смехом рассказали Саулу, и тот, как сказано в Библии, призвал своего оруженосца и гусляра, по-видимому, и сам желая немного позабавиться расхрабрившимся мальчиком. И что же он услышал?

«И сказал Давид Саулу: пусть никто не падает духом из-за него; раб твой пойдет, и сразится с этим Филистимлянином» (Цар. 17 : 32).

Саул, не насмехаясь над мальчуганом, спокойно объяснил Давиду, сколь несоизмеримы его силы с мощью Голиафа, который не только силен, но и опытен в битвах.

«И сказал Давид Саулу: раб твой пас овец у отца своего, и когда, бывало, приходил лев или медведь и уносил овцу из стада,

То я гнался за ним и нападал на него, и отнимал из пасти его; а если он бросался на меня, то я брал его за космы, и поражал его и умерщвлял его.

И льва и медведя убивал раб твой, и с этим Филистимлянином необрезанным будет то же, что с ними...» (Цар. 17 : 34—36).

Как ни странно, но, возможно, полностью полагаясь на высшую силу, Саул вдруг уверовал в Давида, он одел его в свои одежды, возложил на голову медный шлем, надел на него броню и препоясал мечом.

В Библии рассказывается, что Давид сначала «походил» туда-сюда в своем тяжелом и неудобном наряде, чтобы попривыкнуть к нему, но не привык — царская одежда с чужого плеча была ему слишком просторна и тяжела. Он взял простой посох, выбрал из ручья пять гладких камней, положил их в пастушескую сумку, с которой по привычке никогда не расставался, и быстро, спустившись в долину, направился в сторону филистимлянина, ходившего из конца в конец долины по им же протоптанной тропе, заметно углубившейся за сорок дней под тяжестью тела и вооружения. Голиафу уже надоело многодневное пустое ожидание, он перестал выкрикивать свои ругательства, голос его осип, а движения стали вялыми. Он, надо думать, полностью разуверился, что кто-нибудь из этих трусливых евреев когда-нибудь выйдет ему навстречу. Когда Давид сбежал с горы, Голиаф как раз удалялся от него в противоположную сторону, мрачно смотря себе под ноги и бормоча под нос привычные ругательства. Он не заметил поначалу Давида, но одновременное движение людей на уступах гор и с той и с другой стороны все же привлекло его внимание. Он видел, что израильтянские и филистимлянские воины, дотоле спокойно сидевшие и лежавшие на каменных террасах или скрывавшиеся за выступами скал и базальтовых обломков, вдруг повыскакивали, закричали, а некоторые своими длинными копьями стали указывать на что-то, находившееся, по-видимому, в долине. Голиаф огляделся и увидел юношу, вернее, подростка, быстро шедшего по тропе ему вслед. Мальчишка держал посох и пастушескую сумку.

Голиаф захохотал. Так вот кто идет с ним сразиться! Никогда ему не было так смешно, и эхо долго перекатывало и повторяло раскаты его хохота. Отсмеявшись, Голиаф вдруг почувствовал обиду. Он подумал, что под-

лые и трусливые израильтяне в насмешку подбросили ему неразумного мальчишку, чтобы унизить и опозорить непобедимого богатыря и прославленного воина, известного своими подвигами от Мертвого моря до южного Моава. Он стал зло высмеивать Давида, издеваясь над его рыжими волосами и хрупким телом. Особенно его раздражал посох. «Что ты идешь на меня с палкой,— заорал он.— Разве я собака?» Но Давид, приблизившись на удобное расстояние, спокойно сказал ему, что Бог уже отмерил ему смертный час и что пора готовиться к гибели. Теперь Голиаф по-настоящему рассвирепел. Давид, однако, не стал с ним препираться. Он быстро достал из сумки гладкий камень с заостренным концом и вдел его в пращу.

На склонах обеих гор воцарилась тишина. Великан, вытянувшись во весь рост и высоко подъяв меч, в ярости шел навстречу Давиду. Он даже не смотрел на него, не следил за движениями своего хрупкого противника, злоба ослепила его, и длинная слюна свисала с подбородка. Давид же, взмахнув пращой, выпустил свой камень, и он тотчас попал прямо в середину лба великана. Голиаф рухнул наземь. Тогда Давид, подбежав, взял из его рук меч и одним ударом отсек ему голову. На горах снова началось движение, слышались приветственные клики, перемежавшиеся с воплями ужаса. Филистимляне, считая себя по уговору побежденными, спешно бежали, а израильтяне, спустившись в долину, приветствовали своего героя-спасителя.

Слава юного Давида после победы его над Голиафом обошла все земли.

Саул назначил его военачальником, а ему шел всего лишь шестнадцатый год. То был самый молодой военачальник за всю историю Израиля.

Давид, в отличие от всех предшествующих героев Библии, живших, как мы знаем, и по девятьсот, и по шестьсот, и по триста или четыреста лет, прожил нормальную по своей продолжительности человеческую жизнь — всего лишь семьдесят лет. Однако судьба, желая, возможно, вознаградить его за столь малый срок, насытила дни и годы Давида таким разнообразием событий, что рассказ о них мог бы занять целую книгу с увлекательным, порой неправдоподобным, но неизмен-

но авантюрным сюжетом. Он был мудрым царем и дерзким разбойником, знаменитым героем и мрачным преступником, вольным пастухом и талантливым поэтом, опытным полководцем и преданным оруженосцем, неутомимым любовником и государственным мужем.

Поэтому остановимся лишь на отдельных событиях этой на редкость многообразной жизни, богатой как важными свершениями, так и легкомысленными приключениями.

Гонения Саула на Давида

Итак, Давид победил Голиафа и сделался подлинным национальным героем и любимцем народа.

Когда он проезжал по улицам, женщины, усыпая дорогу цветами, едва не бросались под его колесницу.

В общем восторженном гуле толпы можно было различить слова сложенной в его честь песни. В ней говорилось, что если славный Саул победил тысячи, то юный Давид — десятки тысяч.

Голову Голиафа показали Саулу, и он возблагодарил бога, что народ израильский теперь вновь избавлен от филистимлян.

Но, как нередко бывает в подобных случаях, червь зависти проник в душу честолюбивого царя. Он, конечно, тоже слышал песенку с ее унизительным для него припевом о десятках тысяч, которых победил Давид. И он решил во что бы то ни стало погубить его.

Однако внешне на первых порах все обстояло вполне благопристойно, и те церемонии, каких удостоился победитель, были выполнены в точности.

Злоба и подозрительность Саула тем не менее возрастали. Ему стало казаться, что победа Давида и его необыкновенная популярность, не шедшая ни в какое сравнение с его собственной, являются происками Самуила. Это Самуил плетет свои сети с помощью Давида — так думал Саул. Он перестал спать, пытаясь разгадать заговор; рассудок его помрачился, вспышки злобы сменялись странным оцепенением.

Тогда-то придворные и вспомнили, как Давид лечил их больного царя своей чудесной музыкой.

Услышав музыку, Саул, сидевший с понурой головой, успокоился, выпрямился, но, взглянув на музыканта и

Саул и Давид.

узнав Давида, пришел в неописуемую ярость, схватил копье и метнул его в юношу. К счастью, он промахнулся.

Поступок этот ужаснул самого Саула. Он на миг представил себе, что было бы, если бы он умертвил народного героя.

Желая как-то оправдаться перед Давидом и придворными, Саул сослался на болезнь, временами помрачавшую рассудок. В знак примирения он дал Давиду отряд в тысячу воинов и, как бы выказывая свое расположение, послал его на войну с филистимлянами. Он надеялся, что в трудной и трижды опасной горной войне Давид погибнет.

Но юный полководец одерживал победу за победой, и непомерная слава его выросла еще больше.

Тогда Саул велел передать Давиду, что выдаст за него старшую дочь Мерову, если он принесет краеобрезания от ста убитых филистимлян. Саулу эта задача казалась почему-то невыполнимой; однако Давид убил не сто, а двести филистимлян. Исходя злобой, Саул изменил свое решение выдать старшую дочь, на которую уже заглядывался Давид, и предложил в жену младшую — Мелхолу.

Старый Саул, однако, и здесь просчитался: Давид и Мелхола полюбили друг друга.

Среди придворных и даже в армии уже не было секретом, что Саул старается уничтожить своего военачальника и зятя.

Дружба Ионафана и любовь Мелхолы

Убить Давида Саул поручил своему сыну Ионафану. Он не знал, что Ионафан пылко полюбил Давида всем жаром своего мужественного сердца. Он восхищался его красотой, мужеством, его заслуженной славой, часами слушал игру Давида на арфе или гуслях. Он был первым слушателем его песен и псалмов.

Ионафан посоветовал Давиду скрыться на время в горах. Верный друг надеялся переубедить отца в его ужасных намерениях. Замысел Ионафана вполне удался. Успокоившийся Саул вновь призвал Давида, дав клятвенное обещание не чинить ему зла.

И все же новая победа над филистимлянами опять возбудила дикую зависть Саула. И опять был случай с

Мелхола и Давид.

копьем, пущениым в прнпадке озлоблеиия, н сиова копье, послаииое иевериой рукой, воизилось в стену возле самой головы Давида.

Выбежав из дворца, Давид скрылся у себя в доме. Ласки Мелхолы и дружба Ионафаиа иа время успокоили его. И все же каждый деиь можио было ожидать или подосланных убийц, нлн царских стражей.

И вот одиажды Мелхола действительио увидела стражииков, приближавшихся к дому. Она быстро спустила Давида из окна на веревке, а на его постель положила куклу, укутаиную в толстое покрывало. Ворвавшимся стражиикам Мелхола сказала, что Давид болеи и ие может встать с постели. Но через иекоторое время стражиикн вериулись — Саул приказал прннести Давида вместе с его постелью.

Велика же была ярость царя, когда вместо Давида глазам его предстала кукла!

Во все это время Иоиафан оставался вериым другом Давиду, чем одиажды сильио разозлил своего отца, который в исступлеиии метиул и в него копье, но, как и в случае с Давидом, опять промахнулся. Этот случай убедил Иоиафана, что опасность для Давида исключительно велика. Ведь если царь чуть не убил собствеииого сыиа, остановится ли он перед убийством зятя? Поэтому, встретившись в тайиом месте с Давидом, Ионафаи убеднл его немедленно скрыться.

Преследоваиия Давида

Глубокой иочью, тайио выбравшись нз города, Давнд сначала направился в Номву, где проживал известиый жрец Авимелех. Ои иадеялся там отдохиуть и подкрепиться. Боясь напугать священиика, он скрыл от иего свое положение, сказав, будто спешит с секретиым поручением от Саула. Авимелех, не имея в доме другой еды, иакормил его хлебом, приготовлениым для жертвоприиошеиия, и подарнл меч Голнафа, хорошо знакомый Давиду.

Выйдя от священника, чтобы двииуться дальше в одежде страиника в глубь землн Израильской, Давид совершеиио случайио, нз какого-то обрывка уличиого разговора, узиал, что сам Саул движется в Номву и что погоия вот-вот ворвется в город. Не на шутку испуганный

гость Авимелеха бросился в бегство, но ведь его могли узнать всюду, и тогда он не нашел ничего лучшего, как войти в пределы филистимлян.

Так Давид оказался в городе Гефе, где царем был тогда Аихус. На что рассчитывал испуганный беглец? Ведь жители Гефа тотчас узнали в чертах его лица знаменитого победителя Голиафа!..

Давид решил притвориться сумасшедшим. По обычаям того времени сумасшедших не трогали, к ним даже относились с трепетным страхом, как к людям, одержимым неведомой силой. Он беспрепятственно бродил по улицам, пуская слюни себе на бороду, выкрикивал бессвязные речи и чертил палкой на стенах какие-то непонятные знаки. Царь Аихус считал, что сумасшедший Давид не представляет больше для филистимлян никакой опасности, но, не желая терпеть его у себя в городе, велел выдворить грязного безумца из пределов филистимской земли.

За это время Саул вернулся в свою резиденцию.

Давид же скрылся в Аддоламской пещере. Он дал о себе знать верному Ионафану, и вскоре вокруг него собрались не только его родные, но и до четырехсот человек воинов.

Казнь Авимелеха

Слухи о том, что Давид с вооруженным отрядом рыскает, словно разбойник, по израильской земле, дошли до Саула. Он стал доискиваться, каким образом Давиду удалось скрыться в тот день, когда Мелхола вместо него подложила куклу. Настойчивые расспросы в конце концов коснулись священника Авимелеха. Начальник Сауловых пастухов идумеянин Доик сообщил, что он лично видел, как Давид приходил в Номву к первосвященнику Авимелеху, что тот кормил Давида хлебом, предназначенным для жертвоприношения, и вручил ему меч Голиафа. Приведенный пред грозные очи царя Авимелех оправдывался незнанием, но приговор Саула был краток — смертная казнь. К такой же казни были приговорены вместе с ним еще восемьдесят пять священников Номвы.

Но для исполнения приговора среди евреев не нашлось ни одного, кто поднял бы руку на людей, облеченных жреческим званием.

Всех нх умертвнл Донк, пронсходивший нз рода Исава. Он был не только начальннком пастухов, но н прнближенным к скнннн. Возможно, боязнь потерять эти высокие должности н заставнла его выполннть ужасный прнказ Саула. Все же кара настнгла н доносчнка — он умер от проказы.

Не довольствуясь умерщвленнем священников, Саул разорнл Номву, уннчтожнл скот н перебнл всех жнтелей, так что нз всего населення спасся лишь сын несчастного Авнмелеха Авнафар. Он пробрался к Давнду, захватнв с собой первосвященнныескнй жезл.

Давид щадит Саула и влюбляется в Авигею

Авнафар не случайно прншел к Давнду. Он знал, что к нему со всех краев страны тянутся и тянутся людн. То были в основном беднякн нлн чем-то обнженные Саулом, а также н те, кто просто искал прнключений, рнска н легкой добычн. Вскоре в отряде Давида было уже не четыреста, а шестьсот человек. Это была хорошо сплоченная шайка самых настоящнх разбойннков, но грабнлн онн, как правило, лншь для своего пропнтання, не нападалн на бедных и потому пользовалнсь расположеннем народа. Им всегда было легко укрыться, найтн прнют н пнщу.

Нередко Давнд со своим отрядом вторгался в фнлнстнмскне землн. Как нн странно, но удачные набеги Давнда на фнлнстнмлян каждый раз вызывалн у Саула злобу н ревность. И он не оставлял мыслн погубнть своего неуловнмого сопернка.

Между тем Давнд, что, может быть, еще более уднвнтельно, не нспытывал к старому Саулу, помешавшемуся на завистн, ннкакой злобы.

Однажды жнтелн пустынн Знф донеслн Саулу, что Давнд скрывается в нх землях. Саул пустнлся в преследованне. Именно в этот драматнческнй момент состоялась тайная встреча Давнда с преданным ему Ионафаном. С небольшнм отрядом особо доверенных лиц он нашел Давнда после долгнх блужданнй по пустыне Знф. Онн встретнлнсь как братья. Ионафан со слезамн на глазах поклялся быть верным Давнду. Еще раз предупреднл он своего друга опасаться Саула. Формально Иона-

фан был наследником царской власти, но, прощаясь, он торжественно сказал Давиду: «Ты будешь царем израильским».

И вот однажды случилось так, что, отдыхая в глубине одной из темных пещер после долгого перехода по пустыне, Давид и несколько человек, бывшнх с ним, неожиданно увидели, что в солнечном проеме входа появилась знакомая фигура Саула. Он вошел в пещеру без стражи. Люди Давида шепотом посоветовали воспользоваться счастливым случаем, но Давнд не захотел убнвать Саула. Он неслышно подкрался к нему и осторожно отрезал кусок плаща. Когда же Саул, выйдя из пещеры, отошел на достаточное расстояние, Давид его окликнул. Услышав знакомый голос, царь в страхе обернулся, но Давид низко поклонился ему до земли и сказал:

«...зачем ты слушаешь речи людей, которые говорят: «вот, Давид умышляет зло на тебя»?

Вот, сегодня видят глаза твои, что Господь предавал тебя ныне в руки мои в пещере; и мне говорили, чтоб убить тебя; но я пощадил тебя, и сказал: «не подниму руки моей на господина моего; ибо он помазанник Господа».

Отец мой! посмотри на край одежды твоей в руке моей, я отрезал край одежды твоей, а тебя не убил. Узнай и убедись, что нет в руке моей зла, ни коварства, и я не согрешил против тебя; а ты ищешь души моей, чтобы отнять ее» (Цар. 24 : 10—12).

Саул, однако, как и следовало ожидать, не бросил преследовать Давида.

Смерть Саула была ужасной и похожей на кару, ниспосланную за многие преступления и коварство. В одном нз сражений с филнстимлянами, когда были убиты три его сына, он, не желая сдаться в плен, бросился на собственный меч.

В это же время умер и Самуил.

Царствование Давида

Казалось бы, после смерти Саула Давид, которого, как мы помним, помазал, хотя и тайно, на царство Самуил, должен был спокойно объявить себя царем. Дело, однако, осложнялось тем, что в земле обетованной почти одинаковую власть возымели в то время два коле-

на: Иудию во главе с Давидом и израильское, включавшее в себя несколько ветвей, во главе с сыном Саула Иевосфеем. Уже известный нам Авенир, ближайший приближенный Саула, поспешил своею властью объявить Иевосфея царем всей земли. Он и привел войско Иевосфея в землю Давида. Битва началась с единоборства юношей — по двенадцати человек с каждой стороны. Единоборство, однако, не принесло перевеса ни Авениру, ни командующему Давида Иоаву, поскольку все двенадцать юных воинов в жестокой схватке убили друг друга.

В результате всяческих интриг, раздиравших приближенных Иевосфея, Авенир был умерщвлен. А затем придворные Иевосфея, затеявшие новую жестокую возню вокруг престола, убили и своего царя. Увидев голову Иевосфея, доставленную из царской резиденции в Иависе, Давид понял, что дорога на царствование ему открыта.

Сделавшись единодержавным царем Израиля, Давид решил устроить новую столицу. Наиболее подходящим местом ему казался Иерусалим. Хеврон, где он постоянно жил последнее время и который фактически играл роль столичного города, мало подходил для этой цели, так как был сильно удален к югу. Северным израильтянам могло не нравиться, что столицей избран город в земле Иудейской.

Иерусалим, как вскоре убедился Давид, был, однако, почти неприступен. Населенный воинственными иевусеями, он оказался сильно укрепленным. Расположенный на трех холмах, город был надежно заслонен крепостью, построенной на неприступной скале Сион. Конечно, Давид мог бы подыскать и другое место, но его прельстила могучая красота города-крепости, приподнятого над огромным пространством подобно гигантскому царскому престолу. Штурм следовал за штурмом, но все атаки иевусеи отбивали с большой легкостью и без всяких потерь для себя. Давида выручили разведчики. В поисках воды они нашли в долине к востоку от Иерусалима источник, от которого шел выдолбленный в скале вертикальный ход-канал. По нему-то воины Давида и проникли в город.

На горе Сион был выстроен для Давида, ставшего царем всего еврейского народа, великолепный дворец.

Возможно, именно в это время, когда дворец был закончен, а государство укреплено, Давид сочинил свой знаменитый псалом 100 «Милость и суд буду петь...». В России его переложил на стихи Державин, назвав «Праведный судия».

Я милость воспою и суд
И возглашу хвалу я богу;
Законы, поученье, труд,
Премудрость, добродетель строгу
И непорочность возлюблю.

В моем я доме буду жить,
В согласье, в правде, в преподобьи;
Как чад, рабов моих любить,
И сердца моего в незлобьи
Одни пороки истреблю.

И мысленным очам моим
Не предложу я дел преступных;
Ничем не приобщуся к злым,
Возненавижу и распутных
И отвращуся от льстецов.

От своенравных уклонюсь,
Не прилеплюсь в совет коварных,
От порицаний устранюсь,
Наветов, наущений тайных
И изгоню клеветников.

За стол с собою не пущу
Надменных, злых, неблагодарных;
Моей трапезой угощу
Правдивых, честных, благонравных,
К благим и добрым буду добр.

И где со мною ни сойдутся
Лжецы, мздоимцы, гордецы;
Отсюду мною изженутся
В дальнейшие земны концы,
Иль казнь повергнет их во гроб.

Пляска Давида перед ковчегом

По замыслу Давида Иерусалим должен был стать не просто административным центром государства, но и столицей духовной, религиозной, местом паломничества всех верующих в еврейского бога Яхве.

Прежде всего необходимо было перенести в Иерусалим ковчег завета. Еще со времен Саула он находился в маленьком городке Кириаф-Иариме.

Давид отправился за ковчегом во главе тридцатитысячной армии и в сопровождении всех придворных. Шествие было торжественным и праздничным.

И вот на золотой колеснице, запряженной волами, при громких звуках музыки и песен, при ликовании тысячных толп народа, все прибывавших по мере движения колесницы, ковчег двинулся к Иерусалиму. Во главе процессии в белой одежде жреца, с золотой диадемой на голове шествовал Давид. Звуки огромных барабанов, тамбуринов, свирелей заглушались восторженными криками народа, плясавшего и певшего на протяжении всего пути. Случилось, однако, так, что какой-то резкий звук, по-видимому, напугал волов, запряженных в колесницу, они резко рванулись в сторону, и ковчег опасно накренился. Один из сопровождавших едва удержал его, но от самой мысли, что осмелился прикоснуться к священной реликвии, тут же упал и умер.

Происшествие с волами и ковчегом так потрясло Давида, что он велел остановить процессию. Лишь через три месяца, успокоившись, Давид снова встал во главе шествия. При приближении к Иерусалиму песни и пляски достигли своего апогея. Поддавшись общему ликованию, пустился в пляс, распевая песню, и сам Давид. Высоко вздымая руки, он кружился и, как сказано в Библии, скакал в своей длинной белой жреческой одежде. Толпа льнула к нему, и он целовался со всеми, обнимал и богатого и нищего. Радость его была беспредельна.

За скачущим Давидом наблюдала из окна дворца Мелхола. Ее возмутило единение царя Давида с чернью — ведь он обнимал даже рабов! Когда, возбужденный, еще не остывший от торжества, Давид пришел в царские покои, Мелхола стала язвительно насмехаться над ним.

Давид никогда не мог простить ей этой обиды.

Давид и Вирсавия

Хотя Давид и пел в своих псалмах хвалу добродетели, сам он, однако, был далеко не безгрешен. У него, по

обычаям того времени, был большой гарем (где, кстати, находилась теперь и Мелхола, попавшая в злые руки младших жен), но он не упускал привлекательных женщин и за его пределами. Однажды Давид увидел, выглянув в окно, красавицу, купающуюся в бассейне. Слуги сказали ему, что это Вирсавия, жена одного из его военачальников — Урии. Убедившись, что Урия находится в походе, Давид не преминул соблазнить Вирсавию.

Затем ему пришла мысль навсегда избавиться от Урии, чтобы избежать возможных в будущем осложнений. Он приказал командующему армией Иоаву использовать Урию в самых опасных местах сражений. Не прошло и нескольких дней, как Урия погиб.

Позорный поступок Давида стал быстро известен всем и каждому. По-видимому, письменный приказ, отданный им Иоаву, кто-то прочитал и пересказал. Не исключено, что письмо это ходило по рукам. Взрыв возмущения был, можно сказать, всеобщим. Самое печальное, что Вирсавия тяжко горевала о своем Урии, не скрывая от Давида своих безутешных слез. Она уже ждала ребенка от царя. Давид надеялся, что будущий сын вернет ему любовь Вирсавии.

Жрец, однако, предсказал, что карой Давиду станет неизбежная смерть младенца.

Так и произошло.

Жестокие муки раскаяния, впрочем, недолго терзали любвеобильного царя. После нескольких дней усердной молитвы и поста он устроил веселый пир, а пораженным столь быстрой переменой придворным сказал:

«...доколе дитя было живо, я постился и плакал, ибо думал: кто знает, не помилует ли меня Господь, и дитя останется живо?

А теперь оно умерло; зачем же мне поститься? Разве я могу возвратить его? Я пойду к нему, а оно не возвратится ко мне.

И утешил Давид Вирсавию, жену свою, и вошел к ней и спал с нею; и она зачала и родила сына и нарекла ему имя: Соломон...» (2. Цар. 12 : 22—24).

Не забудем, что царь Давид был поэт. В минуту горького раскаяния и поста он сочинил один из своих лучших псалмов, с его знаменитыми словами:

«Помилуй меня, Боже, по великой милости Твоей, и по множеству щедрот Твоих изгладь беззакония мои.

Многократно омой меня от беззакония моего, и от греха моего очисти меня...
Дай мне услышать радость и веселие...
Сердце чистое сотвори во мне...» (Пс. 50 : 3, 4, 10, 12).

Несчастия и бедствия Давида. Авессалом

Нечестивые поступки совершал не только царь Давид, но и его приближенные. В Библии приводится немало таких примеров. Один из них — случай с Амноном и Авессаломом, сыновьями Давида. Они были сводными братьями — от разных матерей. У Авессалома была родная сестра Фамарь, очень красивая девушка. Амнон, которому она приходилась сводной сестрой, возжелал с ней близости. Он домогался ее разными хитростями и наконец обманным путем, притворившись больным, за которым надо ухаживать, овладел ею в своей постели. Фамарь выбежала из спальни, раздирая на себе одежды. Для Авессалома же, ее родного брата, преступление, свершенное Амноном, было кровной обидой и, по обычаю, могло быть смыто только кровью. Правда, дело хотели уладить. Давид даже считал, что он примирил своих сыновей. Однако Авессалом, тайно заманив Амнона на пир, устроенный им далеко на пастбище в честь дня стрижки овец, убил брата. После этого Давид запретил ему показываться на глаза в течение двух лет. Кара была, конечно, очень мягкой и свидетельствовала о любви Давида к своему грешному, как и он сам, сыну Авессалому.

Но Авессалом жестоко отплатил Давиду. Объявившись неожиданно в Хевроне, который, как мы помним, был когда-то царской резиденцией Давида и даже одно время предназначался быть столицей, Авессалом объявил себя царем. Он нарочито милостиво обходился с жителями, всячески подчеркивая свою притворную доброту. Прослышав о его мнимых достоинствах, в Хеврон стал стекаться народ, да и сами горожане прониклись к Авессалому доверием. Надо сказать, что немало способствовала этому и необыкновенная красота сына Давида. Очень высокого роста, прекрасного телосложения, с красивыми, густыми, как у Самсона, волосами, он производил совершенно чарующее впечатление.

Авессалом после убийства брата Амнона.

Собрав значительное войско, Авессалом двинулся к Иерусалиму. Давид был потрясен столь неожиданно развернувшимися событиями и стал горячо молиться о спасении Иерусалима. Босой, с покрытой головой, сопровождаемый всем семейством, Давид перешел Кедрон, взошел на гору Елеонскую, и, как рассказывает Библия, он, и все люди, бывшие с ним, «горько плакали».

Авессалом же, войдя в Иерусалим, повел себя как захватчик. Для того чтобы показать свое презрение к отцу, он обесчестил всех его наложниц. После этого юный победитель хотел напасть и на самого Давида, чтобы захватить его в плен, а возможно, и убить. Один из приближенных, расположенный к Давиду и тайно препятствовавший планам Авессалома, отговорил его от нападения. За это время Давид сумел подготовить армию к решающему сражению.

Авессалом и воины его позорно бежали.

По дороге, пробираясь на муле сквозь заросли, Авессалом запутался в чаще своими длинными густыми волосами и был убит полководцем Иовамом.

Давид, узнав о смерти сына, долго не мог утешиться и *«...говорил так: сын мой Авессалом! сын мой, сын мой Авессалом! о, кто дал бы мне умереть вместо тебя, Авессалом, сын мой, сын мой!» (2 Цар. 18 : 33).*

Смерть Давида и его завещание

К семидесяти годам царь Давид, не в пример патриархам-долгожителям, сохранявшим крепкое здоровье едва ли не до самой смерти, сильно одряхлел. Он никак не мог согреться, и какой-то внутренний озноб все время сотрясал его исхудавшее тело. Слуги покрывали больного царя многими одеждами, но и под ними он не мог избавиться от холода. Тогда подыскали молодую девицу, Ависагу Сунамитянку, и ей суждено было стать последней женщиной, согревавшей Давида своим телом и ласками.

В глубокой древности такой способ «вспомоществования» не считался грехом и употреблялся наравне с иными лекарственными снадобьями. Он не предполагал также и обязательной физической близости — по Библии, Ависага осталась девственницей.

Отринутая им Вирсавия, видя умирающего Давида, просила у него на коленях за их сына Соломона.

«Приблизилось время умереть Давиду, и завещал он сыну своему Соломону, говоря:

Вот, я отхожу в путь всей земли, ты же будь тверд и будь мужествен...» (3 Цар. 2 : 1, 2).

Давид процарствовал сорок лет. Его погребли на восточном склоне горы Сион.

От Давида остались не только многочисленные предания, вошедшие в Библию, но и 73 псалма, являющиеся подлинной жемчужиной мировой поэзии.

ЦАРСТВОВАНИЕ СОЛОМОНА

В Библии говорится: *«И сел Соломон на престоле Давида, отца своего, и царствование его было очень твердо» (3 Цар. 2 : 12).*

Началось царствование Соломона, действительно, с очень твердого поступка. К нему однажды, вскоре после воцарения, пришла Вирсавия с просьбою от Адонии, брата Соломона. Царь оказал ей великую почесть, усадив ее по правую сторону трона. Подобного царского расположения она никогда не видела от Давида. Адония не был ее сыном, но она была расположена к нему и нижайше изложила царю его просьбу. Адония, оказывается, хотел взять в жены Ависагу — ту самую Сунамитянку, что согревала своим телом последние дни Давида.

Мудрый Соломон мгновенно разгадал хитрый и коварный план своего брата. Женившись на Ависаге, последней жене Давида, он получал бы известные права на престол. Вирсавия вряд ли понимала, что просьба Адонии — часть политического заговора.

Адония был умерщвлен. Вместе с ним погибли и его сообщники, о которых, по-видимому, невольно, передавая просьбу, проговорилась ничего не подозревавшая Вирсавия.

Суд Соломона

Однажды Соломон так горячо молился на ночь, что в сонном видении ему явился сам Бог. Он спросил Соломона, чего больше всего хотел бы тот в своей жизни. Соломон ответил, что больше всего он хотел бы мудрости, чтобы правильно и достойно управлять своим народом. Просьба Соломона так понравилась Богу, что он в ту же ночь наделил царя израильского необыкновенной мудростью.

Доказательством этому послужило происшествие, случившееся уже на следующий день.

К нему явились две женщины. Одна из них держала на руках ребенка и упрекала другую, что та претендует на младенца.

«И сказала одна женщина: о, господин мой! я и эта женщина живем в одном доме; и я родила при ней в этом доме.

...Родила и эта женщина; и были мы вместе, и в доме никого постороннего с нами не было; только мы две были в доме;

И умер сын этой женщины ночью, ибо она заспала его;

И встала она ночью, и взяла сына моего от меня, когда я, раба твоя, спала, и положила его к своей груди, а своего мертвого сына положила к моей груди...» (3 Цар. 3 : 17—20).

Женщины просили Соломона решить вопрос, чьим же сыном является ребенок, а вернее сказать, кто из них обеих подлинная мать младенца.

Соломон именно так переиначил для себя предложенную ему загадку: не чей сын, а кто мать?

И приказал стражнику поднять меч и разрубить младенца пополам — будто бы для того, чтобы каждой женщине досталась равная половина.

«И отвечала та женщина, которой сын был живой, царю, ибо взволновалась вся внутренность ее от жалости к сыну своему: о, господин мой! отдайте ей этого ребен-

Суд Соломона.

ка живого и не умерщвляйте его. А другая женщина говорила: пусть же не будет ни мне, ни тебе, рубите.

И отвечал царь и сказал: отдайте этой живое дитя и не умерщвляйте его: она его мать» (3 Цар. 3 : 26, 27).

Закладка храма Соломона

Двор Соломона поражал невиданной пышностью. Престол был сделан из слоновой кости и золота, а все выходы царя сопровождались необычайно торжественным ритуалом. Ни в одной из известных земель не было царя богаче Соломона.

Обладая поистине несметными сокровищами, Соломон решил осуществить наконец мечту своего отца, царя Давида — построить храм, достойный могущественнейшего из царей.

С царем тирским Хирамом, в земле которого произрастали кедры и кипарисы, он заключил договор, чтобы доставлять их в Иерусалим.

Ливанские кедры и кипарисы, а также другие ценные породы деревьев доставлялись сначала морем, а затем посуху. Их везли в Иерусалим не в виде стволов, а уже искусно приготовленными, выпиленными, обработанными и размеченными. В самом Иерусалиме их оставалось лишь собирать из «готовых деталей». Искусные зодчие, знатоки, резчики и ювелиры заранее приготовили и все украшения. На месте грандиозного строительства не было слышно шума и не было видно пыли. Храм вырастал как бы сам собой в торжественном и благоговейном молчании многочисленных зрителей, следивших за необыкновенной работой. За лес и украшения Соломон поставлял царю тирскому пшеницу, ячмень, масло и вино. На самом строительстве работали семьдесят тысяч подносчиков, три тысячи надсмотрщиков и восемьдесят тысяч каменщиков. Всем работающим после месяца труда полагалось два месяца отдыха. Хотя разнарядка была обязательной, но участие в строительстве храма многие считали высокой честью. А по спинам подневольных хананеян, военнопленных и рабов гуляла плеть.

Построение храма продолжалось семь с половиной лет и было закончено в одиннадцатый год царствования Соломона.

Царь Соломон — талантливый правитель.

Торжество освящения длилось семь дней. Были принесены в жертву двадцать две тысячи быков и сто двадцать тысяч овец.

Сам храм был невелик — тридцать один метр длиной и десять с половиной шириной, но оттого, что он был сооружен на холме Офел, укрепленном вертикальными обтесанными каменными глыбами, он казался огромным и как бы торжественно подъятым ввысь — к небу. Внутренность его поражала необычайной роскошью отделки. В глубине, за занавесом, стоял ковчег завета с двумя каменными скрижалями Моисея.

Впоследствии, и даже очень скоро, судьба великолепного храма Соломона оказалась печальной. Он был разграблен уже во время царствования его сына Равоама египетским царем Сусакимом, а затем неоднократно и другими захватчиками, пока наконец Навуходоносор не сжег его дотла во время разрушения Иерусалима в 588 году до н. э.

Соломон остался в истории не только как строитель знаменитого храма. Он был мудр во многих своих начинаниях. Утвердив посредством храма культ бога Яхве и тем самым сплотив племена и колена своего народа вокруг религиозного центра, он многое сделал для страны как исключительно талантливый, энергичный и дальновидный администратор. При нем страна была поделена на административные территории, как правило не совпадавшие полностью с границами племен, что разумно ослабляло их обособленность и мешало заговорам. Кроме того, сеть административных учреждений давала возможность верховной власти править государством гибко и всеохватывающе.

Соломон оказался выдающимся дипломатом. Именно при нем были налажены и укреплены многочисленные культурные и торговые связи с самыми различными землями и государствами, в том числе и очень отдаленными. По-видимому, с целью укрепления связей он взял в жены дочь египетского фараона. Для нее был выстроен дворец, едва ли уступавший по роскоши самому храму. Впрочем, дворец самого Соломона намного превосходил размерами и великолепием как храм, так и дворец дочери фараона.

Соломон совершил и еще одно — важнейшее и неслыханное в истории его народа — дело: он построил торговый флот, суда которого по Средиземному морю, как о том свидетельствуют документы, найденные в раскопках,

Пророк.

ходили в заморские страны. Бывший пастушеский народ, странники пустынь, евреи стали мореходами.

Мудрость Соломона, которой он превосходил, по словам древних писателей, «всех сынов Востока», выражалась и в других сторонах его поистине гениальной по своей масштабности деятельности.

Сохранились, например, сведения о его занятиях по естествознанию. Правда, никаких точных данных на этот счет пока не найдено, но косвенных свидетельств достаточно много. О Соломоне говорили, что он описал растительный мир «от кедра до иссопа» (до мха), что он дал классификацию четвероногих, птиц, пресмыкающихся и рыб и что, изучив «свойства и силы трав, дерев и даже бессловесных животных», он тем самым создал основу для врачевания.

И сам он пользовался большой известностью как врачеватель. Причем древние авторы указывают, что Соломон лечил не только травами и зельями, но и с помощью внушения, входя для этого, как полагали тогда, в общение с демонами. Слава Соломона в этом отношении, как врачевателя-кудесника, была огромна и распространялась по всему Востоку.

Широкой известностью пользовались притчи Соломона, вошедшие в качестве одной из книг в Библию.

Притчи касаются, главным образом, нравственной жизни человека, но характерно, что, написанные государственным деятелем, они всегда тесно связаны с общественной и даже политической стороной человеческого бытия. Притчи — это краткие изречения, афоризмы и сентенции. Похожие по своей форме на народные поговорки и пословицы, нередко очень образные, экспрессивные и эмоциональные, они легко запоминались и столь же легко и плодотворно разносились по всему свету.

Вот хотя бы некоторые из его многочисленных притч:

«Человек богатый — мудрец в глазах своих, но умный бедняк обличит его» (Притч. 28 : 11).

«Как нехорошо есть много меду, так домогаться славы не есть слава» (Притч. 25 : 27).

«Лучше жить в углу на кровле, нежели со сварливою женою в пространном доме» (Притч. 25 : 24).

Есть притчи и более обширные — в виде сценки или описания, из которых следует мораль:

«Проходил я мимо поля человека ленивого и мимо виноградника человека скудоумного.

И вот, все это заросло терном, поверхность его покрылась крапивою и каменная ограда его обрушилась.

И посмотрел я, и обратил сердце мое, и посмотрел, и получил урок:

«Немного поспишь, немного подремлешь, немного, сложив руки, полежишь;

И придет, как прохожий, бедность твоя, и нужда твоя — как человек вооруженный» (Притч. 24 : 30—34).

Притчи Соломона почти свободны от былой Моисеевой жестокости и нетерпимости, они гуманны и великодушны к человеку. В этом отношении они уже заметно предшествуют Новому завету, заповедям Христа, в том числе и знаменитым Христовым притчам.

Нельзя не вспомнить евангельские заповеди, читая, например, такую притчу Соломона: *«Если голоден враг твой, накорми его хлебом; и если он жаждет, напой его водою» (Притч. 25 : 21).*

Такая сентенция, совершенно немыслимая в устах Моисея, будет естественною в устах Христа.

Чем ближе события, герои и отдельные «истории» подвигаются ко времени появления пророка из Назарета, тем больше в Ветхом завете отступлений от канонических, «уставных» Моисеевых требований, тем сильнее проступает нота гуманизма — любви к ближнему, маленькому человеку, бедняку и даже к врагу.

Соломон, унаследовав поэтический дар своего отца, царя-псалмопевца Давида, сочинял песни, гимны, покаянные и хвалебные псалмы. Он автор знаменитой, перешедшей в века «Песни Песней»[1] — о любви прекрасной Суламифи и ее возлюбленного.

«Песнь Песней» — шедевр мировой литературы. Любовная лирика многих стран и разных времен обязана своим существованием этому непревзойденному лирическому произведению, приписываемому Соломону.

А в Библии красный кленовый лист
Заложен на Песне Песней,—

писала Ахматова.

Грехи и покаяния Соломона

Хотя Соломон и настаивал на том, чтобы идти — неуклонно и строго — «стезею добродетели», все же ему да-

[1] Правда, существует мнение, что «Песнь Песней» возникла позже.

леко не всегда удавалось неотступно следовать собственному мудрому правилу.

Как государственный деятель, он совершил ошибку, совершенно непростительную для его мудрости и оказавшуюся впоследствии роковой для израильского государства.

Он, как известно, разделил всю страну на двенадцать налоговых округов, что давало ему возможность гибкого и оперативного управления страной. Он был прав, когда при установлении границ по округам старался не следовать сугубо национальному признаку, так что в результате одно колено порой находило на другое. Это было мудро, потому что мешало национальным ограничениям и распрям. Однако бросается в глаза, что среди округов, платящих налог, отсутствует территория Иуды, то есть того колена, к которому принадлежало племя Давида и Соломона. Скорее всего, это было сделано для того, чтобы колено царствующего Соломона не платило, в отличие от других, никакого налога. То была привилегия, вызывавшая, надо думать, немало обид и нареканий. Подобное выделение Иудеи способствовало впоследствии расколу страны на два отдельных враждующих царства.

Нельзя не заметить также, что высоконравственные «уроки» Соломона, высказанные им в притчах, находились в совершенно вопиющем противоречии с роскошью и развратностью его двора.

Все это, по-видимому, не могло не вызывать тяжкого разлада в душе всесильного царя.

Как ни странно, у Соломона, власть которого была поистине безмерна, а богатства неисчислимы, все чаще появляются — и в псалмах, и в книге размышлений «Премудрости Соломона», и особенно в Екклезиасте — горестные и покаянные мотивы.

Ощущение тщеты бытия все сильнее охватывало стареющего Соломона. Чувство одиночества пронзает его сердце. «Бог на небе, а ты на земле»,— говорит он в Екклезиасте.

«Все идет в одно место: все произошло из праха и все возвратится в прах» (Еккл. 3 : 20).

А потому: *«Чтó пользы работающему от того, над чём он трудится?» (Еккл. 3 : 9.).*

Все в мире идет по заведенному кругу и возвращается на круги своя. *«Чтó было, тó и теперь есть, и чтó будет, тó уже было...» (Еккл. 3 : 15).*

Счастлив лишь тот, кто видит в таком извечном круговращении хоть какое-то добро и потому ест и пьет, не задумываясь о «круге». Но такое счастливое неведение — просто дар божий, и он не всем дан. Кому же он не дан? Прежде всего мудрецам.

Мудрец знает, горестно заключает Соломон, что все на свете есть суета сует.

Умер Соломон после сорокалетнего царствования в возрасте шестидесяти лет и был погребен в Иерусалиме.

ЦАРИ. ПРОРОКИ. ГЕРОИ

Можно сказать, что со смертью Соломона кончилось более или менее стабильное, а в иные годы и вполне благополучное существование еврейского государства. Лишь короткое время оно по инерции представляло собой большую силу в тогдашнем политическом мире. Велики были его богатства, действовали налаженные и многообразные торговые и дипломатические связи. Страна находилась как бы под покровом огромного авторитета Соломона.

К сожалению, преемник великого царя, его сын Ровоам, с молниеносной быстротой испортил самые важные механизмы в государственной машине, отлаженной Соломоном. Правда, надо сказать, что он дотронулся до наиболее уязвимого места, о котором мы уже говорили, упоминая о странной недальновидности Соломона, наделившего Иудино колено незаслуженными льготами. Как мы помним, разделив государство на административные округа, он освободил Иудею от налогов, чем уже при своей жизни вызвал недовольство среди ее окружения. Когда Соломон умер, то первой просьбой, обращенной к

Ровоаму со стороны израильтян, была просьба об уменьшении огромных налогов, которые они платили. Уменьшить их можно было включением Иудеи в число налогоплательщиков. Увы, Ровоам, человек спесивый и неумный, не внял этой просьбе. Не помогли и советы бывших приближенных Соломона, умудренных опытом стариков. Поддавшись ожесточению своих молодых сверстников, он сказал собравшемуся народу: *«...отец мой наложил на вас тяжкое иго, а я увеличу иго ваше; отец мой наказывал вас бичами, а я буду наказывать вас скорпионами» (3 Цар. 12 : 14)*.

Тотчас десять колен отделились от Ровоама и избрали своим царем Иеровоама.

У Ровоама остались только колена Иудино и Вениаминово, то есть совершенно незначительная часть.

Так произошло разделение на два враждебных царства — Иудейское и Израильское.

Началось самое страшное — гражданская война. Ровоам находился в Иерусалиме. Иеровоам — в Сихеме.

Иеровоам оказался сторонником идолопоклонства, стал строить языческие капища. Пропасть между Иудеей и Израилем, и так очень большая, усугубилась теперь и по религиозным причинам.

Так перестало существовать единое и могучее государство Давида и Соломона.

Не останавливаясь на всех перипетиях пестрых исторических событий и по-прежнему выбирая из Библии лишь наиболее характерные и важные «истории», скажем лишь, что царствование и Ровоама и Иеровоама закончилось печально для них обоих — в том смысле, что ни тот, ни другой не сумели упрочить своих государств. Они внесли много смуты и раздора в народ, бывший некогда достаточно единым. Недобрая память о них быстро стерлась, и оба канули в забвение. Род Иеровоама был полностью истреблен уже при его сыне неким Ваасой, участь которого оказалась той же самой, что и судьба рода Иеровоама...

Что касается Иудеи, то там после Ровоама царствовал сначала его сын Авия, но среди преемников заслуживает внимания правнук Иосафат. Для нас они интересны не сами по себе, а скорее теми пророками, которые при них прославились и вошли в библейскую историю.

ПРОРОК ИЛИЯ

В то время, когда царь Иосафат царствовал в Иерусалиме, а нечестивый, предавшийся идолопоклоиству Ахав — в Самарии, жил на горе Кармильской великий пророк Илия.

Надо сказать, что исключительно драматическая история двух царств, Израильского и Иудейского, находившихся в постоянных кровавых распрях и войнах, изобиловала появлением пророков — и великих и малых. Трагические ситуации, возникавшие при обоих дворах, часто ставили оба государства в поистине катастрофические обстоятельства. В таких случаях всегда возникало желание разобраться в пестрой сумятице событий, увидеть их исход. Наиболее прозорливые и дальновидные люди, обладавшие к тому же ярким даром красноречия и темпераментом трибунов, смело говорили царям и народу горькую правду, взывали к решительным поступкам, зажигали слушателей огнем бунта. Обычно такие люди пользовались известностью и почетом, их, как правило, не трогали. Но нередко они становились и мучениками, погибавшими за свои убеждения, за веру и правду страшной смертью.

Впоследствии некоторые из таких мучеников-пророков были приобщены церковью к лику святых.

Илия был одним из наиболее пламенных пророков. Он смело явился к нечестивому Ахаву, обличил в идолопоклонстве и предрек, что в наказание за его порочность на страну будет послана засуха и начнется голодный мор. Царь, по обычаю того времени, не тронул Илию, но и не поверил его словам.

Илия, как рассказывает Библия, совершил немало чудес. Два из них известны по рассказу о сарептской вдове. Илия пришел к ней, когда засуха и голод уже вовсю свирепствовали в стране Ахава.

И вот, придя к вдове, жившей с ребенком в опустевшей хижине, так как все остальные члены семейства умерли от голода, он попросил хлеба. Вдова ответила,

что из оставшейся горсти муки она как раз собирается испечь сейчас хлебец, а потом они с сыном будут ждать голодной смерти. Илия все же попросил ее испечь для него маленькую пресную лепешку, а о «последней горсти» сказал, что «ни мука в кадке», «ни масло в кувшине» не истощатся в доме вдовы до тех пор, пока не кончится засуха.

Илия жил в доме вдовы немало времени. Однажды заболел и неожиданно умер ее ребенок. И вот, «простерши над отроком руку», Илия, воззвав к Богу, вернул ему душу. То было его второе чудо.

Затем Илия вновь отправился к Ахаву. Он шел по обожженным полям, где вместо колосьев ветер поднимал тучи пыли, проходил по городам, где на улицах валялись неубранные трупы, переходил высохшие русла рек, пока не подошел к молчаливому дворцу Ахава в Самарии. Оказалось, царь давно ждал его и даже посылал искать во все концы страны. Тогда Илия велел ему собрать всех пророков, кормящихся у стола Ахава, нечестивцев и лгунов, обращающих святое дело в доходное ремесло, и послать их на гору Кармил, где он будет им проповедовать истинную веру и указывать путь к спасению. Конечно, собранным пророкам, относившимся к Илии с враждебностью и предубеждением, понадобились чудеса. Илия снизошел к их неверию. Рассекли двух жертвенных тельцов, положили их на дрова. Но огонь под тельцом лжепророков не возгорелся, а дрова Илии занялись высоким пламенем. И как ни звали и ни упрашивали самаряне своего бога Ваала, он не помог им с огнем. И снова они кричали своему богу, бесновались и плакали.

«В полдень Илия стал смеяться над ними, и говорил: кричите громким голосом, ибо он бог; может быть, он задумался или занят чем-либо, или в дороге, а может быть, и спит, так он проснется» (3 Цар. 18 : 27).

Но как ни бесновались, как ни плакали, ничто им не помогало.

Тогда Илия на глазах у всех воззвал к Богу, и тотчас полил сильный дождь.

Рассказ о пророке Илии изобилует в Библии красочными и драматическими эпизодами. Возможно, потому, что Илия выступает во многих событиях, он становится фигурой очень живой и даже психологически объемной. Рассказчик не скрывает, например, моментов упадка духа у пророка, его усталости и даже сомнений в пользе своего дела. Иудейский народ, то и дело впадавший в

идолопоклонство, нарушавший важнейшие заповеди Моисея, вызывал у него раздражение. Однажды он даже стал просить у Бога смерти и для того, чтобы душою подготовиться к ней, удалился в пустыню. И вот когда после долгой и жаркой молитвы пророк уснул, то послышался ему голос Бога, повелевший идти в путь. Илия шел по пустыне сорок дней, терпя голод, жажду и страх от диких зверей. Наконец он вошел в землю Израильскую. Там он увидел одиноко работавшего в поле некоего Елисея. По внушению Бога, Илия обратился к нему так, как если бы стоял перед тысячной толпой на городской площади. Дело в том, что именно Елисей, как открыл ему Бог, и должен был стать преемником Илии. До этого у Илии в Иудее была большая пророческая школа, но она распалась, многих пророков побили камнями. Елисей должен был как бы заменить их собою. Дальше они отправились вместе.

Взятие Илии на небо в огне и громе

Они ходили и проповедовали вместе долгое время. Наконец однажды, когда они остановились в Галгале, Илия сказал Елисею, что отныне им предстоит проповедовать по отдельности. На самом деле Илия, снова тяжко переживая упадок духа и усталость, искал одиночества. Он видел, что слово его среди израильтян все меньше имеет силы. Его взору представал народ, то изнеженный и ленивый, то грубый, предавшийся идолопоклонству. В своих ночных видениях Илия видел печальное будущее и Иудеи и Израиля. В его ушах раздавались крики и стоны евреев, истязаемых ассирийскими воинами. Пророк все чаще замыкался в молчании.

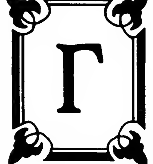
Видя угнетенное состояние духа своего высокого учителя и друга, Елисей не покинул его. И вновь они вместе путешествовали по стране. Наконец возле Иерихона, на берегу Иордана, на том месте, где когда-то Иисус Навин перешел посуху реку, Илия вновь попросил Елисея оставить его. И вновь Елисей не покинул своего учителя. Тогда Илия подошел к реке и ударил плащом по воде — река расступилась, и они оба перешли по сухому дну. Чуда этого никто не видел, кроме Елисея. Илия уже предчувствовал минуту вечной разлуки и потому спросил ни на шаг не отстававшего Елисея, что бы он мог сделать для него. Елисей отвечал, что хотел бы взять себе дух и пророческую силу Илии, дабы вершить дело пророчества среди иудейского и израильского народа.

Пророк Илия вознесся на небо.

И вдруг огнеиная колесница и огнеииые кони виезапио разделили их. Взметнувшийся пламеииый смерч подхватил Илию и иа огиеиной колесиице возиес — живого — иа иебо!.. Елисей смотрел вслед и кричал: *«...отец мой, отец мой, колесница Израиля и конница его! И не видел его более»* (*4 Цар. 2 : 12*). Тогда ои взял плащ Илии, упавший с иеба, виовь взмахиул им иад Иорданом, воды расступились, ои перешел реку посуху.

Так иачалось пророчество Елисея.

ПРОРОК ИОНА В ЧРЕВЕ КИТА



ород Ниневия в Ассирии, как когда-то Содом и Гоморра, погряз в грехе. Там жило в то время и иемало израильтяи. Оии были в своем поведении иичем ие лучше кореиных жителей Ниневии — заповеди Моисея выветрились из их памяти, оии чтили ассирийских богов и даже в домашнем быту выполияли обычаи местиых жителей.

Бог избрал Иоиу для проповеди среди ассирийцев и среди израильтяи, живших в Ниевии. Иоиа был в то время уже зиаменитым пророком, к его голосу прислушивались ие только толпы иарода на базарах и улицах городов, погонщики караваиов и виноградари, ио и цари Израиля, Иудеи, Египта и Вавилоиа. В своей длииной развевающейся одежде, с серебряиой бородой и густыми седыми волосами, он одной своей фигурой производил иа слушателей огромное впечатлеиие. Природа иаделила его могучим даром трибуна и оратора. Вдохиовеииые слова пророка слушали затаив дыхаиие.

Неизвестно, по какой причиие, ио, скорее всего, в миииуту страииого помрачеиия рассудка, он почему-то не виял явствеииому приказу Бога иемедлеиио отправиться в Ниевию. Вместо того чтобы идти к язычиикам и израильтяиам, Иоиа сел иа корабль, отправлявшийся в Фар-

Пророк Иона.

сис. Он чувствовал малодушное желание уйти, скрыться от мира — ему казалось, что его пророческие силы на исходе. Такие минуты слабости, как мы уже видели, находили порою даже на неистового Илию, тоже не раз уходившего в пустыню ради одиночества и молитвы. Но, надо думать, даже и в минуты упадка духа Илия вряд ли бы ослушался прямых призывов Бога. Иона же своим поступком совершил, конечно, огромный грех. И кара не замедлила последовать.

Едва берег скрылся из глаз, как на безоблачное небо налетели тучи. Море, только что бывшее спокойным, потемнело. Разразилась буря. Упали все мачты. Корабль превратился в щепку, крутившуюся среди гигантских валов. Страшный грохот и ослепительные молнии наводили ужас даже на видавших виды моряков. И капитан и команда в отчаянии молились о спасении. Всем было ясно, что буря послана в наказание за грех кого-то из корабельщиков или пассажиров. Бросили жребий. Он пал на Иону. Недолго думая, моряки выбросили его за борт. И действительно, буря вскоре утихла. Море снова стало спокойным. Сияло солнце, резвились дельфины; совсем близко, выбрасывая фонтан, проплыл кит... Никто не знал, что в темном чреве кита сидел их недавний пассажир — седобородый старец Иона.

Кит носил его по морю три дня. За это время, мечтая о чуде избавления, Иона полностью раскаялся. Он дал обет Богу, что если будет спасен, то всецело отдастся делу неустанного проповедничества среди самых диких языческих племен.

На четвертый день кит исторгнул пророка. Обсушив одежды, Иона двинулся в путь. Вскоре он понял, что находится совсем близко от Ниневии.

Его проповедь так подействовала на жителей города, что он сам не раз был изумлен, видя слезы искреннего раскаяния, что текли по лицам самых заблудших из его слушателей.

И все же Иона совершил невольный грех.

Хотя проповедь его была убедительной и властной, в сердце Ионы не было добра. Он выполнял свой долг без сердечного соучастия. Обличая жителей Ниневии, он им не сострадал. А ведь Иона говорил страшные вещи, предрекая гибель Ниневии от пожара и землетрясения через считанные дни. Его пророчество о гибели было таким уверенным и картинным, что сильнее всего подействовало на жителей, вполне убедившихся в неизбежности своей скорой гибели.

И все же Ниневия — вопреки предсказаниям Ионы, полагавшегося на Бога,— не была разрушена.

И вот Иона в предполагаемый день разрушения смотрел на уцелевший город и горько сокрушался, что все его жители целы и невредимы. Он, конечно, боялся и за собственный авторитет. Мог ли он с достоинством появиться на улицах Ниневии после своих уверенных и мрачных предсказаний?..

Некоторое время Иона все еще надеялся на катастрофу. Он не уходил с горы, соорудил себе шалаш. И вот, выйдя однажды из шалаша, чтобы взглянуть, цела ли еще раскаявшаяся Ниневия, вдруг увидел неожиданно выросшую огромную тыкву с очень широкими, дававшими хорошую тень листьями. Теперь вместо того чтобы уходить в шалаш, Иона мог, не сводя глаз с Ниневии, сидеть в прохладной тени. Но Бог — в назидание Ионе — велел червю подточить растение. Иона с грустью и жалостью видел, как быстро увяли широкие красивые листья, только что дававшие ему живительную тень.

И тогда Бог сказал ему: «Ты скорбишь о тыкве, над которою не трудился; как же мне не пожалеть Ниневии, в которой более ста двадцати тысяч невинных детей и множество скота!»

Так кит привел Иону к раскаянию, а Ниневия научила милосердию.

ВАВИЛОНСКОЕ ПЛЕНЕНИЕ

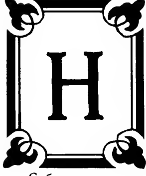
В 558 году до н. э. царь вавилонский Навуходоносор полностью разрушил Иерусалим, сжег храм Соломона, овладел всеми сокровищами, а народ иудейский увел в плен.

Вавилон в ту пору был огромным, исключительно богатым городом — самым могущественным городом в тогдашнем мире. Иудеи, оказавшись в плену, начали быстро ассимилироваться. Они усваивали

вавилонскую культуру, а вместе с нею и вавилонскую религию. Культ традиционного бога евреев Яхве стал тускнеть, ритуалы, связанные с ним, забываться. И все же, правда постепенно, исподволь, евреи стали сплачиваться, все чаще находились среди них люди, проповедовавшие любовь к покинутому отечеству. В этом деле снова большую роль стали играть пророки. Они объединяли народ, рисуя картины будущего возвращения на родину. Некоторые иудеи выдвинулись при дворе и, занимая там подчас высокие и влиятельные должности, всячески помогали своим соотечественникам. Иные из них, например пророк Даниил, пользовались большим авторитетом у Навуходоносора.

В решении сложных государственных дел особенно часто прибегали к Даниилу — он был тогда известен своею мудростью едва ли не по всему Востоку.

СОН НАВУХОДОНОСОРА



Навуходоносор однажды увидел страшный сон, но, пробудившись, никак не мог вспомнить его. Помнил лишь, что ему снилось нечто ужасное. Он был совершенно уверен, что сон был пророческим.

Собрали всех мудрецов, бывших тогда во дворце и в городе, звездочетов и ясновидцев. Но никто не мог вспомнить того, чего не мог припомнить и сам царь. Между тем желание вспомнить сон становилось все непреодолимее. Ясное предчувствие беды лишало царя всякого покоя. Тогда послали за Даниилом, находившимся в то время в пустыне ради поста и молитвы.

Даниил, придя во дворец, сказал:

«Тебе, царь, было такое видение: вот, какой-то большой истукан; огромный был этот истукан, в чрезвычай-

ном блеске стоял он пред тобою, и страшен был вид его.

У этого истукана голова была из чистого золота, грудь его и руки его — из серебра, чрево его и бедра его — медные;

Голени его железные, ноги его частью железные, частью глиняные.

Ты видел его, доколе камень не оторвался от горы без содействия рук, ударил в истукана, в железные и глиняные ноги его, и разбил их» (Дан. 2: 31—34).

Мудрым истолкованием сна Даниил предсказал будущее падение царства Навуходоносора вследствие постепенного дробления его на мелкие части.

Так и случилось: Кир, царь персидский, во времена Валтасара, использовав раздоры и междоусобицы, покорил Вавилон.

ВИДЕНИЕ ВАЛТАСАРА

Валтасар был наследником Навуходоносора. В отличие от своего деда, он мало занимался государственными делами, будучи уверенным, что могущество Вавилона неколебимо. Правда, он слышал о странном сне, приснившемся однажды Навуходоносору и разгаданном каким-то пророком, но предпочитал не держать его в памяти. Валтасара интересовали развлечения и пиры. Во время одного из пиршеств он велел принести серебряные и золотые сосуды, взятые при завоевании и разрушении Иерусалима и храма Соломона. Царь, приближенные и гости стали пить из священных храмовых сосудов, всячески понося при этом еврейских богов и превознося языческих. Так Валтасар тешил свое тщеславие. Он знал, что среди его приближенных

были евреи и им, конечно, претило пить вино из сосудов, украшавших когда-то Соломонов храм. Но и это тешило Валтасара.

Следует заметить, что пир этот был устроен во время осады Вавилона персидским царем Киром. Вдруг на стене на высоте, видной всем собравшимся, появилась рука (или тень руки?), которая пальцем чертила неведомые слова. Видение было столь отчетливым, что ужас поразил всех собравшихся. Валтасар с трудом смог отдать приказание привести толкователей. Во всеуслышание объявили и по дворцу, и на улицах, и на площадях, и на базарах, что прочитавший слова станет обладателем величайшей награды.

Ни один из пришедших не смог, однако, прочитать ни одного из трех отчетливо видневшихся на стене слов.

Послали искать Даниила. В то время он уже был стар, при дворе давно не появлялся. Валтасар едва ли помнил о нем.

Явившись, Даниил тотчас прочитал и объяснил загадочные письмена, все еще зловеще горевшие на стене пиршественной залы. Он, однако, не просто перевел слова, но поступил как истинный пророк и поэт, произнеся страстную речь обличения царя и его придворных.

«Царь! Всевышний Бог даровал отцу твоему Навуходоносору царство, величие, честь и славу.

Пред величием, которое Он дал ему, все народы, племена и языки трепетали и страшились его: кого хотел, он убивал, и кого хотел, оставлял в живых; кого хотел, возвышал, и кого хотел, унижал.

Но когда сердце его надмилось и дух его ожесточился до дерзости, он был свержен с царского престола своего и лишен славы своей;

И отлучен был от сынов человеческих, и сердце его уподобилось звериному, и жил он с дикими ослами; кормили его травою, как вола, и тело его орошаемо было небесною росою, доколе он познал, что над царством человеческим владычествует Всевышний Бог и поставляет над ним, кого хочет.

И ты, сын его Валтасар, не смирил сердца твоего, хотя знал все это;

Но вознесся против Господа небес, и сосуды дома Его принесли к тебе, и ты, и вельможи твои, жены твои и наложницы твои пили из них вино, и ты славил богов сереб-

Видение Валтасара.

ряных и золотых, медных, железных, деревянных и каменных, которые ни видят, ни слышат, ни разумеют; а Бога, в руке Которого дыхание твое и у Которого все пути твои, ты не прославил.

За это и послана от Него кисть руки и начертано это писание.

И вот что́ начертано: мене, мене, текел, упарсин.

Вот — и значение слов: мене — исчислил Бог царство твое и положил конец ему;

Текел — ты взвешен на весах и найден очень легким;

Перес — разделено царство твое и дано Мидянам и Персам» (Дан. 5 : 18—28).

Эта поистине замечательная по своему красноречию, по страстности и смелости речь дает хорошее представление не только о Данииле, бесстрашно бросающем в тирана и отступника огненные слова правды, но и о характере пророческих речей вообще. Уже говорилось, что пророки (как впоследствии юродивые на Руси) пользовались своего рода неписаным правом неприкосновенности. Хотя это право нередко нарушалось, все же оно давало редкую возможность говорить истину и толпе, и самим царям.

Так и в случае с Даниилом. Валтасар, едва ли не убитый страхом при виде перстов, пишущих на стене огненные слова, выслушал речь пророка в полнейшем смирении. Персы и мидяне стояли у самых стен Вавилона. Правда, они находились там уже два года, и потому, возможно, у близорукого и безвольного царя, передавшего все управление государством своей матери, возникла иллюзия некоего благополучия, а возможно, и недалекой победы: ведь хорошо вооруженные войска Кира вот уже два года не могли ворваться в город.

Во всяком случае, выслушав со смирением гневную и вполне оскорбительную речь Даниила, он тотчас возвысил его, провозгласив после себя и своей матери третьим властелином в царстве.

Но все уже было поздно. В ту же ночь войска мидийского царя Дария, объединившись с воинами Кира, ворвались в Вавилон. Валтасар был убит одним из первых.

КОНЕЦ ВАВИЛОНСКОГО ПЛЕНЕНИЯ

Кир ворвался в Вавилон, предварительно осуществив очень остроумный замысел. Его войска, стоявшие под Вавилоном, как уже сказано, целых два года, не бездействовали. Достаточно скрытно они рыли канал, чтобы отвести русло Евфрата в сторону от Вавилона. Евфрат разделял этот город надвое, почти пополам, так как протекал по самому центру ассирийской столицы. В ту ночь, когда у Валтасара шел пир, Кир закрыл плотины, вода пошла в сторону от Вавилона, обнажив свое дно, ставшее широкой и прямой дорогой в город. Часы Валтасара в тот момент, когда Даниил произносил свою филиппику, были действительно уже исчислены.

Победители разрушили Вавилон и положили конец всему Вавилонскому царству.

Расположившись на развалинах города, Кир вскоре узнал о бедственном положении евреев, превращенных вавилонской династией в несчастных рабов. Помня о Давиде и Соломоне, Кир высоко ценил этот народ. Знал он и о храме Соломона, разрушенном и оскверненном. Будучи человеком широких убеждений, Кир разрешил евреям вернуться в Иерусалим, взяв с собой все драгоценности, похищенные из храма Навуходоносором.

Начался исход из Вавилона. Следует заметить, что, как ни странно, этот исход был — в духовном отношении — давно подготовлен. Острая тоска по родине, эта характерная и самая, пожалуй, отличительная черта плененных в Вавилоне евреев, заставляла их тысячи раз в своем воображении возвращаться в покинутый Иерусалим, мысленно ходить по его улицам и даже — тоже мысленно!— восстанавливать храм Соломона. При изгнании из Иерусалима они успели захватить с собой немало свитков с памятниками письменности. Поскольку многое в области письменной культуры было утрачено, то в Вавилоне евреи начали (и в значительной части осуществи-

ли) восстановление, по памяти, различных исторических и юридических материалов. Запись таких материалов была, по сути, работой над Библией, в особенности над книгой Второзакония. В плену появились и сформировались выдающиеся ученые, собиравшие и осмыслявшие духовное наследие народа.

В духовной подготовке народа к возвращению большую роль играли пророки. Один из них — Иезекииль — неустанно поддерживал дух изгнанников, постоянно рассказывая им о своих невидимых путешествиях по Иерусалиму. Его рассказы были так красочны и выразительны, что создавали у слушателей иллюзию полнейшей достоверности.

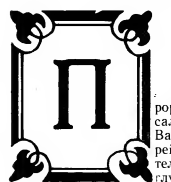
Вот почему, когда Кир разрешил евреям вернуться в Иерусалим, они были уже подготовлены к предстоящему возвращению.

Но конкретная подготовка к переселению длилась довольно долго. Правда, возвращались все же не все; часть богатых людей, имевших дома и угодья, осталась на месте, но зато именно эта часть дала огромные суммы на восстановление храма Соломона. Евреи возвращались в Иерусалим, везя с собою несметные богатства, когда-то похищенные у них Навуходоносором и милостиво отданные Киром.

К сожалению, ни храм Соломона, ни сам Иерусалим не удалось восстановить в прежнем великолепии: мешали постоянные вооруженные набеги самаритян, а также других племен, поселившихся на опустевшей иудейской земле и теперь отказывавшихся вернуть ее бывшим владельцам. Не был найден и ковчег завета, спрятанный одним из пророков во время изгнания из Иерусалима и бесследно затерявшийся.

Даниил во рву со львами.

ДАНИИЛ ВО РВУ ЛЬВИНОМ



Пророк Даниил не вернулся в Иерусалим — он остался в разрушенном Вавилоне вместе с той частью еврейского населения, что не захотела репатриироваться, поскольку глубоко и удачно пустила корни в вавилонскую землю. Вместе с ним осталось и немало жрецов, которым предстояло обслуживать разрешенные Киром синагоги.

Авторитет Даниила был огромен. При Кире, а затем при Дарии пророк достиг величайших почестей. Он был едва ли не первым лицом после царя. Ни одно важное государственное решение не принималось без совета с Даниилом.

Все это, разумеется, вызывало зависть у придворных, и они, чтобы, не рискуя собой, погубить пророка, пошли на хитрость. В обход Даниила, ушедшего в пустыню для поста и молитвы, они добились издания нелепейшего декрета, по которому всем подданным запрещалось в течение тридцати дней просить что-либо у царя или у Бога.

Поскольку им было хорошо известно, что удалившийся в пустыню Даниил молится Богу, а молитва всегда есть просьба, то они тотчас донесли о нарушении декрета. По указу любой нарушитель должен был быть брошен в ров ко львам. Так поступили и с Даниилом.

Однако на следующее утро Даниил вышел изо рва целым и невредимым. Царь приказал бросить в ров самих доносителей, и тотчас же голодные львы растерзали их на части.

ЮДИФЬ И ОЛОФЕРН

Во времена изгнания из Иерусалима и в тягостно долгие годы вавилонского плена было немало событий ярких и героических, свидетельствующих о том, что дух покоренного и изгнанного народа оставался несломленным. Нередко выдающимися героями, навсегда оставшимися в народной памяти, оказывались не только мужчины, но и женщины. Одной из таких героических личностей была Юдифь.

Она была в свое время, до захвата страны Навуходоносором, очень богата и отличалась, кроме того, необыкновенной красотой. Юдифь очень любила своего мужа. Можно сказать, что она любила его больше жизни. Но к тому моменту, о каком сейчас пойдет речь, молодая вдова уже три года носила траур. Ни богатство, ни собственная красота, вызывавшая всеобщее восхищение самых достойных мужчин, не утешали ее. Вся прелесть жизни навсегда померкла в глазах Юдифи, постоянно затуманенных слезами и неизбывной тоской.

Юдифь была очень религиозна. Смерть мужа казалась ей наказанием за какие-то грехи, может быть даже за красоту, которой она легкомысленно гордилась в годы своего счастливого и безмятежного замужества. Поэтому она стала усиленно поститься и всячески умерщвлять свою плоть, слишком прекрасную, чтобы не вводить мужчин в соблазн и грех. Кроме того, Юдифь неожиданно — во время одного из молитвенных экстазов — открыла в себе дар пророчества.

Красота, соединенная с аскезой и ярким пророческим даром, способствовала ее огромной славе, которой она не хотела и не ждала, но была застигнута, можно сказать, врасплох. Судьба вознесла Юдифь на необыкновенную высоту всенародного почитания.

Навуходоносор, правивший тогда в Вавилоне, не удовольствовался ни захваченными многочисленными землями покоренных народов, ни разорением Иерусалима и

вознамерился подчинить себе все территории, располагавшиеся к западу от Вавилона.

Для этой цели он сначала выслал послов с требованием подчиниться без сражения, но послы вернулись ни с чем, что само по себе считалось при дворе тяжким оскорблением царя. Призвали Олоферна — командующего войсками, человека талантливого и беспощадного. За ним числилось немало блистательных побед и опустошенных земель. Олоферн никогда не ведал снисхождения — ни к побежденному неприятелю, ни к мирным жителям. За его армиями тянулся кровавый след, который так и называли: «путь Олоферна».

Навуходоносор сказал Олоферну:

«...вот, ты пойдешь от лица моего и возьмешь с собою мужей, уверенных в своей силе,— пеших сто двадцать тысяч, и множество коней с двенадцатью тысячами всадников,—

И выйдешь против всей земли на западе за то, что не повиновались слову уст моих.

И объявишь им, чтобы они приготовляли землю и воду, потому что я с гневом выйду на них, покрою все лицо земли их ногами войска моего и предам ему их на расхищение.

Долы и потоки наполнятся их ранеными, и река, запруженная трупами их, переполнится» (Юдифь. 2: 5—8).

Конница Олоферна, колесницы и пешие воины двинулись в путь многотысячной тучей. Подобно саранче, они вскоре покрыли собою огромные пространства, и всюду, где проходили, виднелись лишь следы опустошения. Никакие крепостные стены не удерживали разрушительного потока свирепой и прекрасно вооруженной армии Олоферна. Она двигалась очень быстро, так как почти нигде не встречала сопротивления. И вот уже, словно опустошительный поток, захватчики пришли на поля Дамаска. Тогда послы Киликии, Ливии, Месопотамии и царства Иовал явились к Олоферну и униженно попросили пощадить их землю и детей. Они изъявили желание быть ему полностью покорными:

«...вот мы, рабы великого царя Навуходоносора, повергаемся перед тобою: делай с нами, что тебе угодно.

Вот перед тобою: и селения наши, и все места наши, и все нивы с пшеницею, и стада овец и волов, и все строения наших жилищ: употребляй их, как пожелаешь.

Вот и города наши и обитающие в них — рабы твои:

иди и поступай с ними, как будет глазам твоим угодно» (Юдифь. 3 : 2, 3, 4).

В то время, когда послы говорили Олофериу эти униженные слова о полиейшей своей покориости, слуги послов бросали к иогам иадмеииого полководца порфиры, венцы и золотые украшеиия, а звуки труб и кимвалов сопровождали каждую просьбу. Как заклииаиие звучала фраза, иеодиократио повтореииая под рыдающие звуки музыки: «Обезоружи свой гнев и иди к иам без мести».

Увы, все было иапрасио: иичто ие смягчило жестокости Олофериа. С прежией свирепостью ои двииулся дальше — теперь по иаправлеиию к городу Вефулии, где жила и пророчествовала прекрасиая Юдифь.

Жители, угиетеииые страхом, собирались иа городских стеиах и смотрели вдаль, откуда в пыли и громе колесниц, блистая оружием, потрясая копьями, должиа была появиться армада Олофериа.

Несмотря иа страх и видимую безнадежиость положеиия, горожаие приготовились к защите. Вефулия оказалась едииствеииым городом, который ие выслал послов, решив лишиться своей свободы лишь вместе с жизиью. Воииствеииый пыл жителей возрастал с каждым часом приближавшейся к иим опасиости. Первосвященник Елиаким стал подлинным духовиым вождем осаждениых. Его страстные призывы ие покоряться врагу иастолько иаэлектризовали все населеиие, от мала до велика, что вскоре исчезли даже малейшие призиаки покориой обречеииости.

По-видимому, лазутчики Олоферна доиесли своему комаидующему, что Вефулия готова сражаться до последнего. Тогда Олофери, отказавшись от штурма, решил уморить ее жителей голодом и жаждой. Ои полиостью окружил город, отрезав его от полей и от источииков воды, отведениых в сторону посредством времениых запруд.

Положение Вефулии очеиь скоро сделалось действительио отчаяииым. Появились первые умершие от голода. Обессилевали ие только жеищииы и дети, ио и крепкие воииы, стоявшие в полиой готовиости у городских стеи. Все чаще стали говорить о сдаче.

Тогда Юдифь обратилась к старейшинам с просьбой повременить со сдачей, так как оиа зиает способ спасти город.

Как уже говорилось, Юдифь пользовалась в Вефулии огромиым и поистиие иепререкаемым авторитетом. К сло-

вам пророчицы отнеслись со вниманием. Капитуляция была отложена. Юдифь же велела тайно выпустить ее за городские ворота вместе со служанкой. И вот, когда стемнело, она появилась в одежде, какую давно не надевала, и в украшениях, поражавших своим великолепием. Перед воинами, стоявшими у ворот и поджидавшими ее прихода, чтобы выпустить ее к неприятелю, предстала не та пророчица, которую они уже давно привыкли видеть, во вретище и с босыми ногами, а красавица, блиставшая еще не ушедшей молодостью и красотой.

Выскользнув из ворот вместе со служанкой, несшей мешок, в котором была пища, употребляемая лишь евреями, Юдифь отправилась к стану Олоферна через пустынное темное поле. Вскоре воины преградили ей путь. Юдифь смело отвечала, что она идет к военачальнику, чтобы открыть тайны и секреты обороны города, что она давно наслышана о могуществе Навуходоносора и готова оказать его войскам хотя бы маленькую помощь.

Олоферн был прельщен не столько ее словами, сколько красотой, и пообещал Юдифи сделать все, что она захочет. Юдифь попросила позволения свободно творить молитвы своему еврейскому богу и вкушать лишь еврейскую пищу. Для этого, сказала она, ей иногда будет нужно выходить ночью из шатра, чтобы возносить молитвы под открытым звездным небом. Олоферн, не сводивший с Юдифи влюбленных глаз, сразу же согласился на столь ничтожную просьбу.

Так она жила четыре дня. И все четыре дня Олоферн, позабыв о военных делах, мог думать только о ней. И вот на пятый день, вечером, он послал к Юдифи одного из своих начальников с просьбой прийти в шатер. Отправляясь к Олоферну, Юдифь надела все украшения, натерлась маслами и благовониями, чтобы предстать пред непобедимым полководцем во всеоружии своей красоты. Во время обильного ужина Олоферн пил много вина и к ночи в сильном опьянении крепко уснул. Юдифь, выслав свою рабыню из шатра, осталась с Олоферном наедине. Укрепив себя молитвой и убедившись, что Олоферн спит мертвецким сном, она отвязала меч, подвешенный у постели, и, приподняв голову за волосы, отрубила ее. Поскольку стража, охранявшая шатер Олоферна, знала, что Юдифи предоставлено право свободно входить и выходить, когда она захочет, а особенно ночью, для молитвы, то она свободно вышла наружу в сопровождении

Юдифь с головой Олоферна.

служанки, несшей мешок. Стража не подозревала, что в мешке, завернутая в простыню, находится отрубленная голова их полководца.

На городских стенах Вефулии все ночи стояли дозорные, ожидая возвращения Юдифи. Ее встретили криками радости и ликования.

На городской площади, стоя на возвышении, Юдифь показала воинам и горожанам голову Олоферна.

Затем, обращаясь к воинам, Юдифь сказала, что утром они должны с большим шумом и криками выйти за городские ворота, делая вид, что направляются к лагерю Олоферна. Расчет Юдифи был прост: увидев, что еврейские воины вышли из города, стражники Олоферна пойдут его будить.

Ее замысел полностью оправдался. Когда армия узнала о смерти вождя, то страх и беспорядок овладели всеми. Побросав палатки и шатры, а вместе с ними и богатую добычу, награбленную в многочисленных покоренных городах, воины Навуходоносора быстро покинули окрестности Вефулии.

Юдифь прожила до глубокой старости и умерла в возрасте ста пяти лет, окруженная всеобщим народным почитанием и любовью.

ЭСФИРЬ

Сын Дария персидский царь Артаксеркс однажды, желая отметить трехлетие своего царствования, устроил грандиозный пир. Празднество продолжалось сто восемьдесят дней, а потом, после небольшого отдыха, еще семь, но уже в городе Сузы. Пир был настолько великолепен, отличался такой необыкновенной роскошью, что слава и легенды о нем перешли в столетия. Были приглашены и созваны все сколько-нибудь

известные деятели Вавилонского царства, все вельможи персидского двора, а также цари окрестных и отдаленных стран.

Жена Артаксеркса Астинь одновременно давала бал у себя, ничем не уступавший тому, что происходил в главном дворце ее царственного супруга.

И вот в последний день торжества Артаксеркс, разгоряченный вином и не зная, чем еще можно было бы поразить гостей, приказал привести Астинь.

Он уже предвкушал общее восхищение, когда красавица войдет в пиршественную залу, украшенная диадемой и редкими драгоценностями, отобранными из сокровищниц всех стран Востока. Царица, однако, сочла унизительным явиться для мужского обозрения, так как свято чтила восточные обычаи. Видя смущение и улыбки своих гостей, Артаксеркс посчитал себя публично оскорбленным.

Для расторжения брака понадобилось решение верховного совета. Старейшины сказали, что Астинь своим поведением действительно подала дурной пример непослушания как царской, так и мужниной воле, что такому поведению могут последовать и другие женщины. Царский указ о низложении ослушницы довели до сведения двора.

Спустя короткое время, одумавшись, Артаксеркс, горько раскаялся в своем скоропалительном приговоре. Он вновь обратился к старейшинам. Совет, однако, не удовлетворил царской просьбы, поскольку указ верховного правителя должен был оставаться в глазах подданных незыблемым. Его отмена могла подать столь же дурной пример, как и легкомысленно-оскорбительное поведение Астини.

Вельможи предложили царю собрать в Сузы самых красивых девиц, чтобы из них можно было выбрать супругу, не уступавшую красотой Астини, но превосходящую ее послушанием и кротостью.

В числе красавиц оказалась и некая Едисса. Ее привел еврей Мардохей, служивший привратником в царских покоях. Царь его хорошо знал — когда-то Мардохей открыл во дворце опасный заговор. Едиссе он приходился родным дядей, но фактически был отцом, так как воспитывал ее, лишившуюся в младенчестве родителей.

Она-то и превзошла всех соперниц, отобранных из многих городов Персидского царства, и строгой красотой и очарованием девической прелести.

Взяв в жены племянницу своего привратника, Артаксеркс, по существовавшему обычаю, дал ей другое имя — теперь она звалась Эсфирь.

Под этим именем ей предстояло стать национальной героиней еврейского народа, свято почитаемой и по настоящее время.

Надо заметить, что при дворе не знали, что она иудейка; предпочитал не разглашать секрета и Артаксеркс. Это объясняется тем, что евреи, хотя и пользовались почти теми же свободами, что и коренные жители, все же в глазах многих, особенно среди придворных, по-прежнему оставались как бы пленниками, пригнанными когда-то из Иерусалима. Правда, многие евреи выдвинулись даже на значительные государственные должности и пользовались уважением при дворе и в совете старейшин, но некая тень, протянувшаяся от времен Навуходоносора, все же покрывала их существование унизительным полуправием. Как и всегда в подобных случаях, неприязнь иногда переходила в прямую вражду. Находились люди, что люто ненавидели бывших пленников, почитая их рабами, существующими более или менее сносно благодаря исключительно царскому капризу.

К таким недоброжелателям относился прежде всего Аман — всемогущий вельможа, занимавший пост первого министра. Он был настолько всесилен, злопамятен и жесток, что перед ним трепетали и падали ниц даже высокопоставленные лица. Будучи человеком очень тщеславным, он требовал по отношению к своей персоне едва ли не царских почестей. Его поэтому страшно возмутило поведение Мардохея, который однажды, когда все пали ниц, хором повторяя слова приветствия Аману, один остался стоять с невозмутимым достоинством. Аман, однако, не мог с ним расправиться таким же легким способом, каким он расправлялся с людьми и за более мелкие прегрешения,— ведь Мардохей был любимцем Артаксеркса: как-никак, он приходился ему, можно сказать, зятем. Бешенство Амана, надо полагать, и вовсе бы не знало пределов, если бы он знал, что Эсфирь — еврейка. То была тайна двора, не открытая своевременно даже первому министру.

И все же совершенно случайно, как это часто бывает, Аман узнал, что Мардохей — еврей, когда-то пригнанный в толпе пленников из Иерусалима. Он решил во что бы то ни стало отомстить не только Мардохею, но и всему народу израильскому.

Эсфирь, Артаксеркс и Аман.

Первый министр стал внушать Артаксерксу мысль о необходимости истребить или выселить израильтян, наносящих, по его словам, Персидскому царству огромный урон. Хотя Артаксеркс был человеком терпимым, доводы Амана казались ему убедительными. Аман настаивал также и на конфискации всего имущества, принадлежавшего израильтянам. По его словам, богатства их были огромны, и, следовательно, царская казна приобрела бы баснословную прибыль.

Указ о гонении на евреев готовился тайно и должен был быть обнародован внезапно.

Мардохей в тот страшный день, узнав об указе еще раньше Эсфири, безмятежно находившейся в своих покоях, оделся в рубище, посыпал главу пеплом и встал у ворот дворца подобно изгнаннику или нищему. О таком происшествии, облетевшем весь дворец, тотчас донесли Эсфири. Мардохей шел по дворцу в сопровождении посланных за ним слуг в том же нищенском одеянии, в каком он стоял у дворцовых ворот. Он рассказал Эсфири о царском указе, принятом по наущению Амана и о начинающемся истреблении и изгнании еврейского народа. Эсфирь решилась тотчас же идти к царю.

Здесь надо объяснить, что по персидским законам никто, в том числе и царица, не могли входить к верховному властителю без особого высочайшего соизволения. Виновный неизбежно подвергался смерти, если, правда, царь не миловал его, простирая над виновным свой скипетр.

Эсфирь знала об этом. В то же время она понимала, что здесь дорога каждая минута, поскольку в любую минуту после обнародования зловещего указа могла начаться кровавая расправа. За стенами дворца было еще тихо, не слышались ни вопли, ни крики, шли последние, как она знала, спокойные минуты.

Когда Эсфирь явилась в палаты царя и неожиданно для всех приблизилась к трону, Артаксеркс так грозно взглянул на нее, что она упала в обморок. Царь, тронутый столь явным проявлением женской слабости и боясь, что Эсфирь уже мертва, простер над нею свой скипетр.

Придя в себя, утешенная и ободренная Эсфирь, однако, не решилась сразу рассказать о своей просьбе, а стала просить царя прийти вместе со своими приближенными на подготовленный ею праздник. Там, на празднике, объяснила Эсфирь, она и откроет Артаксерксу свое самое

заветное желание — то самое желание, ради которого она готова была пойти на смерть, явившись в царские покои без высочайшего соизволения.

Особое приглашение на пир Эсфирь послала Аману, что невероятно польстило этому надутому вельможе, уже предвкушавшему задуманную им кровавую расправу. В своем воображении он уже рисовал горы драгоценностей, что вскоре начнут таскать в его дворец из разоренных еврейских жилищ. Перед тем как идти на пир, он приказал спешно соорудить виселицу прямо перед царским дворцом: на ней должны были повесить Мардохея.

Артаксеркс в тот вечер долго читал памятную книгу, где были записаны различные важные события, происходившие в его царствование. Среди записей он нашел и краткое упоминание о Мардохее: несколько лет тому назад привратник обнаружил заговор во дворце и, вовремя раскрыв его, возможно, не только спас жизнь Артаксерксу, но и существование самой династии. Чтение памятной книги, как всегда, очень взволновало царя.

Меж тем Аман, соорудив виселицу, явился к царю. Он объяснил, что пришел по очень важному делу. По его словам, истребление евреев по уже принятому указу следовало начать с повешения Мардохея. Царь помедлил с ответом и, делая вид, что желает продлить беседу со своим первым министром, спросил его: как следует поступить с человеком, особо отличившимся на службе у царя и государства. Ход разговора был таков, что преданный Аман, только что пришедший с докладом об исполнении указа, отнес этот вопрос к своей особе. Ему подумалось, что Артаксеркс хочет какими-то особыми почестями отблагодарить своего преданного слугу. Подумав, он ответил, что человек, которого Артаксеркс хочет отличить особо, должен получить царское одеяние, царского коня, а на голову пусть будет возложен царский венец. Надо ли говорить, что именно себя представлял Аман в подобной роли. Он добавил еще, что коня, на котором будет восседать награжденный, пусть ведет под уздцы первый вельможа государства. Это и будет истинный почет, заключил Аман свои мечтания.

Но уже в следующее мгновение Амана объял леденящий ужас.

«Иди и окажи такую почесть Мардохею»,— сказал Артаксеркс.

На пиру, состоявшемся в тот же вечер, Эсфирь, выполняя свое обещание, сказала, что она хочет наконец раскрыть свое самое заветное желание. Она во всеуслышание сообщила, глядя в глаза Аману, что во дворце среди близких приближенных есть злейший враг царя. На вопрос царя, кто же этот враг, что поднимет руку на Эсфирь, она отвечала Артаксерксу: «Аман!»

В страшном гневе и растерянности царь вышел в сад, не глядя на смертельно побледневшего Амана. Всесильный министр, почувствовав гибель, кинулся к царице, желая вымолить прощение. Вернувшийся Артаксеркс, увидев метнувшегося к царице Амана, решил, что тот хочет убить ее кинжалом. Он велел схватить Амана и тут же предать смерти. Он был повешен на виселице, приготовленной для Мардохея. День избавления еврейского народа от гибели до сих пор отмечается во всех синагогах мира как самый веселый праздник евреев — Пурим. На нем читается книга «Эсфирь» и предается проклятиям и надругательствам имя Амана.

* * *

На этой истории, повествующей о торжестве справедливости, о победе над национальными предрассудками, о человечности и любви, мы закончим длинный ряд библейских сюжетов. Теперь нам предстоит перейти к Новому завету. Но прежде чем познакомиться с евангельскими страницами, рассказывающими о жизни Иисуса Христа, окинем мысленным взором грандиозное и величественное здание Ветхого завета. Конечно, те истории, о которых только что шла речь, являются лишь частью множества самых различных повествований, составивших великую книгу. Разумеется, и «действующих лиц» в Ветхом завете неизмеримо больше, чем в приведенных нами рассказах. Библия не случайно называется Книгой книг — не только потому, что она состоит из многих произведений, именуемых именно «книгами», но и потому, что она уникальна, единственна по охвату времени — от сотворения мира до событий, относящихся уже к нашей эре.

Но можно ли сделать какие-то общие выводы из тех историй, что здесь рассказаны? Можно ли выделить какую-то доминанту, проходящую через весь Ветхий завет?

Наверное, наиболее правильным будет сказать, что

Бнблия, шествующая в своем дробном, ио могучем повествоваиии по долгой дороге человеческой истории, дает иам почувствовать, как средн яркой сумятнцы событнй н разиоликих фигур, то кровавых и зловещих, то спокойно-величавых или исполиеиных иежиости, все время пробивается и очеиь долго не может пробиться мелодия любви и сострадаиия к человеку.

Да, в Ветхом завете властвует страшиый еврейский бог. Человек в большинстве кннг Ветхого завета лежит распростертым н иичтожиым на грешной и окровавлеииой земле, с которой он иикак не может подняться.

Но сколько же среди библейских историй из Ветхого завета и таких, где любовь и человечиость, земиая красота и прелесть торжествуют над мертвой догмой н культом злого бога Яхве! Вспомннм хотя бы кннгу «Руфь», нлн «Песнь Песией» Соломона, илн псалмы и песии Давида... А сколько истиино человеческих, живых движеиий даже в тех фигурах, что, казалось бы, каменно олнцетворяют в себе идею долга н повиновення. Ведь даже Иаков, заиесший иож над сыиом Исааком, вызывает у нас сострадаине, потому что бнблейский автор дает нам почувствовать не только его обречеииое мужество, но и его муку.

Каждому, читающему Ветхий завет, бросается в глаза жесткая в большинстве кинг, ио постепенно все же размывающаяся идея национальной избраниости, особеино яркая и бескомпромиссиая в Моисеевом Пятикиижнн. Бог ведет через пустыии и испытаиня в землю обетоваииую свой иарод — ои его избрал н ему покровнтельствует. Но как характерно, что эта категорнчески неприемлемая для иас идея, прннесшая столько вреда человечеству, время от времеии в разных историях постоянно или компрометируется, или разрушается. Оиа разрушается прежде всего любовью — любовью Руфн, любовью Давида, Юдифи, Артаксеркса... А каким высоким торжествующим пламеием, взметиувшимся поверх всех зверств и убийств, горит вечиая Соломоиова «Песиь Песней»!

И иакоиец, еще два момента, которые естествеино и твердо подготавливают иас к восприятию духовиого мира Нового завета.

Это, во-первых, постепеино, ио иеукоснительно иарастающее в Ветхом завете чувство личностн, иидивндуальной воли н иидивидуального самосознания. Наиболее яркая фигура в этом отиошенин Иов — первый н еднн-ствеииый в своем роде персонаж в Бнблнн, который тре-

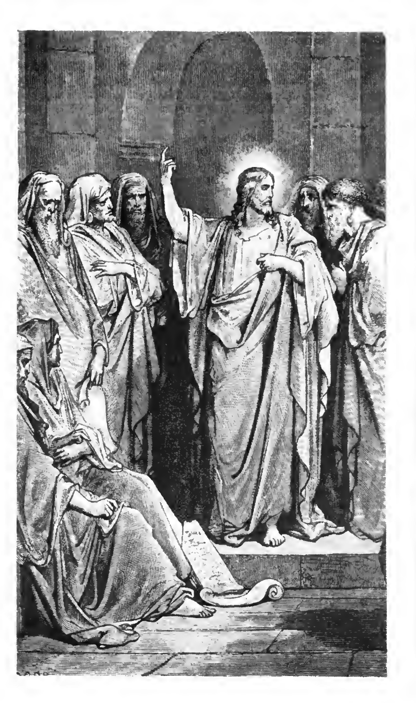
бовательно задает небу вопросы, названные затем «вечными», и, главное, неотступно требует ответа. Это он, Иов, взвесил на невидимых весах души морской песок и дух, отдав предпочтение горению духа и пытливой мысли. Иов — праотец всех ученых, мыслителей и философов.

А второй момент, который необходимо помнить, прочитав истории из Ветхого завета и переходя к евангелиям, это пронизывающее библейские ветхозаветные книги острое чувство ожидания торжества человеческой и божьей справедливости. Моисеев Бог не дал такого торжества — он был жесток, злопамятен и, за редким исключением, неизменно суров и мрачен. Правда, он имел для этого, как говорится, основания: избранный им народ постоянно и самым низким способом нарушал заповеди, преподанные Богом Моисею. Ветхий завет преисполнен ожидания, что придет Некто, кто, подобно Моисею, вновь откроет людям великие заповеди человечности, утерянные вместе с каменными скрижалями и ковчегом завета в песках пустыни. Ветхий завет внушает мысль о Мессии — о человеке-Боге, который когда-нибудь грядет в окровавленный и страшный мир человечества, отмеченный, увы, каиновой печатью. Мессия — символ мечты о счастье. То, что Ветхий завет так настойчиво внушал эту мысль на протяжении долгих сумрачных столетий, исполосованных войнами и кровавыми распрями, темными от людского отчаяния, придает его суровым страницам шелест надежды и робкой испуганной веры.

Ветхий завет, в отличие от Нового завета, к которому мы сейчас перейдем, написан грубыми, яркими красками — как будто чья-то гигантская кисть чертила на безмерном пустом пространстве созидавшегося неба и творимой земли предназначенные для самой вечности и столь же вечные письмена. Непрекращающийся грохот войн, судороги землетрясений, опустошительные наводнения, жестокие засухи, великий мор, падения государств, гибель царей и богов — оглушительная дисгармония звуков поражает всякого, входящего под мрачные своды библейских страниц Ветхого завета.

Мир Нового завета, тесно связанный с Ветхим многочисленными мотивами, отзвуками, идеями и образами, все же, как мы увидим, заметно иной.

ИСТОРИИ
ИЗ
НОВОГО
ЗАВЕТА



Когда были созданы евангелия и кто такие евангелисты? Совершенно точных сведений об этом нет. Однако и современные ученые, и поколения библеистов все же пришли к некоторым достаточно убедительным выводам. Не останавливаясь на подробностях изысканий (археологических, исторических, лингвистических и др.), можно сказать, что Евангелие от Матфея было написано, судя по некоторым данным самого текста, между 85 и 110 годами н. э., но не исключено, что и в самом начале 70-х годов. Предполагается, что Матфей, возможно, пользовался личными впечатлениями от общения с Иисусом. Во всяком случае, существует давняя точка зрения, имеющая, правда, много противников, что Матфей это тот самый апостол Левий, что стал одним из первых учеников Христа. Мытарь, то есть сборщик податей, служивший на таможне в Капернауме, грамотный, он был ревностным сподвижником своего учителя и свидетелем всех событий его проповеднической жизни. Правда, здесь много неясного и, по существу, нет ни одного достоверного факта. Но может ли, однако, существовать такая, чисто «рабочая», версия? Конечно. Мытарь Левий, принявший после крещения имя Матфей, действительно мог сопровождать Христа в его странствиях.

Противник такого предположения, Зенон Косидовский в книге «Сказания евангелистов» считает, что такой мелкий служащий, каким был до своего обращения Левий-Матфей, вряд ли обладал столь незаурядным литературным талантом. Другой контрдовод, который он же

приводит, заключается в том, что живой очевидец, свидетель казни, должен был бы написать свое сочинение о жизни учителя сразу, по свежим следам, а евангелие между тем появилось лишь через сорок лет после всего происшедшего. И тот и другой доводы не представляются, конечно, достаточно убедительными. Поэтому мы оставим вопрос о том, был ли евангелист Матфей тем мытарем Левием, что сопровождал Христа, открытым.

Евангелие Марка написано примерно в то же время, что и сочинение Матфея, но в нем немало и таких черт, что свидетельствуют, скорее, о его несколько более раннем происхождении. Поэтому Евангелие Марка считается самым древним из евангелий и на этом основании наиболее ценно. Некоторые библеисты предполагают, что Марк, как и Матфей, общался с Христом, что в доме его матери Иисус нашел однажды приют, что он и есть тот таинственный юноша, что, пренебрегая смертельной опасностью, все время следовал за схваченным стражниками Пилата Христом. Так ли это? Точных сведений и здесь нет. В пользу предположения, что тот юноша и был Марком, написавшим впоследствии евангелие, может служить, пожалуй, лишь довольно неуверенная мысль о характере самого евангелия. Дело в том, что оно чрезвычайно кратко и, если говорить современным языком, похоже на записную книжку, на страницах которой почти пунктирно, словно для собственной памяти, изложены самые важные узловые события, а личность Христа согрета не литературной, а очень живой любовью. Но, как и в случае с Матфеем, здесь тоже слишком много неизвестного.

Евангелие Луки написано, по предположениям, до 90-го года н. э. О Луке известно, что он был ближайшим учеником и секретарем апостола Павла. Иные из исследователей, отмечая эту близость, считают, что в Евангелии Луки могут быть места, написанные самим Павлом, поскольку есть явные совпадения между отдельными страницами евангелия и теми или иными фразами в апостольских Посланиях Павла. Лука является автором и «Деяний апостолов»— книги, в основном посвященной Павлу и раннему христианству.

Что касается Иоанна, автора четвертого евангелия, то и здесь существует версия, такая же, впрочем, недостаточная, как и все остальные, что он тоже был учеником Христа. Это тот самый Иоанн, рыбак с Тивери-

адского озера, что пошел за Иисусом и сопровождал его все последние годы жизни. Евангелие предположительно написано в 95—100 годах, когда Иоанну, если он пошел за Христом юношей, должно было быть около девяноста лет.

Наконец, следует сказать об имени основного лица всех евангельских повествований. Собственно именем является Иисус,— кстати, весьма распространенное среди древних евреев (вспомним хотя бы Иисуса Навина, остановившего солнце). А слово «христос» означает «помазанный», то есть благословленный с помощью окропления благовонным маслом елеем на царство, в данном случае на царство божие. Слово «христос» («помазанник») привело, как мы знаем, к жестоким недоразумениям, стоившим Иисусу жизни. Ведь его считали помазанником на престол израильский. Донос Пилату основывался отчасти и на обвинении Христа узурпировать территорию, принадлежавшую тогда римскому императору. «Мое царство — небесное»,— пояснял Христос. Но невежественная, фанатичная толпа и Пилат не вняли его словам.

И наконец, последнее — об историчности Христа. Главные сведения о нем, как известно, содержатся в в евангелиях. Поскольку в исторической реальности авторов этих произведений почти никто не сомневается, а речь идет лишь о достоверности сообщаемых ими сведений, можно предположить, что все их рассказы сводятся к одной и той же фигуре, вряд ли являющейся полнейшим вымыслом. Находки древних кумранских рукописей вблизи Мертвого моря свидетельствуют о существовании в I веке общины людей, жившей по христианским заветам. Вполне возможно, что бродячий пророк, выступивший с учением о праве бедных, нищих, обездоленных и рабов на царство земное и небесное, говоривший о равноправии, внушавший надежду на счастье, мог, действительно, в очень короткое время приобрести горячих сторонников, положивших начало широчайшему движению. Атеисты примитивного толка считают мнение о реальном существовании Христа фантастичным, но еще более фантастичным было бы считать, что столь мощное движение родилось без какого-либо участия в своем начале какой-то очень талантливой, возможно гениальной, и безусловно властной и притягательной для народных масс личности. Поскольку Ветхий завет, на котором

воспитывались многие поколения, был преисполнен пророчествами о пришествии Мессии, избавителя от земных страданий и горя, то как было не вспыхнуть этой постоянно тлевшей надежде, когда появился человек, в котором по стечению обстоятельств люди наконец увидели все признаки Спасителя мира?

В связи с этим давайте послушаем Л. Толстого, который тоже написал евангелие, вернее, соединил, проповедуя свои мысли, все четыре евангелия в одно, снабдив его интереснейшими комментариями.

Он писал: «Задача, которую предстоит... решить, состоит в том,— что 1800 лет тому назад явился какой-то нищий и что-то наговорил. Его высекли и повесили. И с тех пор,— несмотря на то, что было много и много праведников, погибших за свою правду,— миллиарды людей умных и глупых, ученых и безграмотных, не могут отделаться от мысли, что этот человек был Бог. Как объяснить это удивительное явление? Церковники говорят, что это произошло оттого, что Иисус был Бог. И тогда все понятно. Но если он не был Бог, то как объяснить то, что именно этот простой человек всеми признан Богом? И ученые этой школы старательно разыскивают все подробности жизни этого человека, не замечая того, что сколько бы ни отыскали подробностей (в действительности же ровно ничего не отыскали), если бы они даже восстановили всю жизнь Иисуса до мельчайших подробностей, вопрос о том, почему он, именно он, имел такое влияние на людей, остался бы все-таки без ответа. Ответ не в том, в какой среде родился Иисус, и кто его воспитывал и т. п., и еще менее в том, что делалось в Риме, и что народ был склонен к суеверию и т. п., а только в том, что́ проповедовал этот человек такое особенное, что заставило людей выделить его из всех других и признать Богом тогда и теперь...»[1]

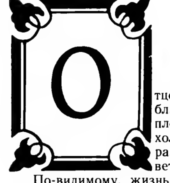
Не будем вдаваться в излишнюю сейчас для нас проблему, как именно толковал христианское учение Л. Толстой, в чем видел неприемлемые для него церковные толкования и как соотносилось учение Христа с его собственным,— нам сейчас важна категоричность признания великим русским писателем исторического значения про-

[1] Евангелие. Перевод и изложение Л. Н. Толстого. С примечаниями автора, извлеченными из его книги «Соединение, перевод и исследование 4 евангелий». М., 1918. С. 17.

поведей нищего пророка из Галилеи. Л. Толстому, как видим, важно, что в начале начал этого учения, перешедшего в народные массы и ставшего всемирным, был конкретный человек — «и м е н н о о н», «э т о т ч е л о в е к», что именно «э т о г о», а не кого-нибудь другого «выделили». То есть для Л. Толстого совершенно очевидно, что в начале I века н. э. «э т а» личность существовала. Не может быть учения без автора. Другое дело, поясняет далее Л. Толстой, что «э т о м у» Иисусу впоследствии различные толкователи навязали то, чего он никогда не думал и не говорил, и что легенды, уйдя в века, обросли неправдоподобными деталями.

Однако пора уже перейти к самим историям из Нового завета.

Итак, кто же был «э т о т» человек по имени Иисус Христос, как он жил и в чем состояло его учение.



ИОСИФ И МАРИЯ

Отцом Иисуса, по евангелиям, был благочестивый и скромный Иосиф, плотник, живший в маленьком захолустном городке Назарете, ни разу не упоминаемом в Ветхом завете.

По-видимому, жизнь Иосифа протекала спокойно и размеренно; правда, лишь до той поры, когда, придя в возраст и укрепив свое небольшое хозяйство неустанным трудом, он решил обручиться с приглянувшейся ему девушкой по имени Мария. Надо думать, что и она происходила из небогатой, а может быть, даже и бедной семьи, поскольку родители решили выдать ее замуж за простого плотника. По обычаю того времени, а впрочем, и по позднейшему, обрученные жили порознь, каждый в своем доме, и от обручения до свадьбы порой проходили несколько месяцев, а бывали случаи, что и целые годы. Такой срок способствовал знакомству будущих супругов и накоплению приданого, что было очень важно, поскольку семьи, как правило, бывали многочисленны, и, надо думать, родителям Марии было не так-то просто собрать необходимые для будущей семейной жизни вещи и купить украшения.

По словам одного из евангелий, можно понять, будто бы Иосиф и Мария, будучи обрученными, жили в одном доме. Объяснений на этот счет никаких не дается, но если это было действительно так, то, следовательно, родители будущих супругов обитали в доме, разделенном на две

Благовещение.

половииы, и тогда надо будет призиать, что оии н вовсе были бедиы, ио в таком случае, то есть живя бок о бок и будучи равиыми по имуществеииому положеиию, обе семьи, коиечио, хорошо зиалн н поннмалн друг друга. Правда, городок Назарет был так мал, что, по-вндимому, если осиовываться иа его безвестностн, походил иа большой поселок, а то н иа деревню, где почти все жители былн знакомы. Ясио, что при таком соседстве, когда все были постояиио иа виду и каждый знал друг о друге бытовые стороиы жизни, а многие былн уже родствеиииками, присмотр за подрастающей молодежью был как бы всеобщнм, а по обычаям того времеин — довольно строгим. Предпнсаиия семейной и общественной жизии, предусмотренные Моисеевым законом н «Второзакоиием», исполнялись более нлн меиее иеукосиительио. Кроме того, время стояло жестокое — властвовал Ирод, назначенный Римом. То был иепомерно жестокнй человек, умертвнвший свою жену, казннвшнй детей и совершивший многие другие чудовищные преступлеиия, о которых, конечно, с ужасом рассказывали в доме Иосифа и в доме Марии. Но маленький Назарет все же благополучно нзбегал всех зол, обрушившихся по воле Ирода иа крупные города Галилеи[1].

Через какое-то время, ио до свадьбы, еще в период обручеиия, «оказалось», как иаписано в еваигелиях, что Мария «имеет во чреве» своем. Этн признаки, замечеиные ие только Иосифом, были, в глазах людей того времени, совершенно ужасиы н непростнтельны. Судя по отдельным словам, можио догадаться, что лнц, заметивших беремеииость девушкн, было не так много и, скорее всего, это были домашиие.

Далее в Евангелни от Матфея говорится:

[1] Теперь этот город существует под названнем Эль Назира, он расположеи в красивой долиие иа склоие горы Джебель-Эль-сих. Расположен он в 165 километрах от Иерусалима. Совремеиные моиахи показывают паломникам и туристам мастерскую Иосифа, «пещеру Благовещения» и источник, кстати едииствеииый с древиих времеи в окрестиостях города и потому почитаемый святым, поскольку именно к нему спускались за водой жителн Назарета. В совремеиом Назарете 40 тысяч жителей, из инх больше половины — арабы-мусульмане, а остальиые — арабы-христиане; в городе 20 храмов, обслуживаемых несколькими сотиямн европейцев — монахов, священников и работииков миссиоиерских учреждений. Церковь Благовещеиия в Назарете — крупнейшая иа Средием Востоке. С иазаретских холмов видиа долииа Армагеддои, в которой, по библейскому пророчеству, должиа произойти последияя битва иародов мира.

Христос родился.

«Иосиф же, муж Ее, будучи праведен и не желая огласить Ее, хотел тайно отпустить Ее.

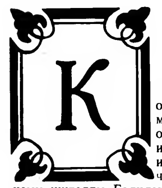
Но когда он помыслил это,— се, Ангел Господень явился ему во сне и сказал: Иосиф, сын Давидов! не бойся принять Марию, жену твою; ибо родившееся в Ней есть от Духа Святого» (Матф. 1: 19, 20).

Что зиачит «тайно отпустить»? По закоиам того времени муж в подобных случаях мог заявить о разводе, который был двух видов: тайный, свершившийся всего при двух свидетелях, или же явный — с торжественным объяснением и доказательством неверности на суде. В последнем случае женщина могла быть приговорена даже к смертиой казни.

Естествеиио, что добрый по иатуре Иосиф не желал своей обрученной ии позора, ни смерти. Аигел, явившийся ему во сне, лишь укрепил, по евангелию, его доброе намереиие, заставив оставить Марию в доме и назвать ее жеиою.

Мария, в свою очередь, тоже получила благую весть от ангела, ио, в отличие от Иосифа, не во сне, а наяву. Лука уточняет, что то был ангел Гавриил.

РОЖДЕНИЕ ИИСУСА В ВИФЛЕЕМЕ. ВОЛХВЫ



Когда приблизилось время родить младеица, родителям понадобилось отправиться в Вифлеем, где происходила очередная перепись, происходившая по указу Ирода. Сейчас иевозможно установить, почему жителям Галилеи, в том числе и Назарета, необходимо было отправляться для этой процедуры имеиио в Вифлеем.

Некоторые исследователи считают, что подобной переписи в тот год не было и что Вифлеем понадобился

Волхвам указывает таинственная звезда.

евангелистам, чтобы протянуть нить к одному из пророчеств Ветхого завета, по которому Мессия должен был явиться именно из Вифлеема. Так или иначе, но если придерживаться рассказов евангелистов, то родители по какой-то причине, возможно связанной с одной из переписей, не зафиксированных в дошедших до нас документах, оказались в Вифлееме.

То был маленький городок, укрепленный когда-то сыном Давида Ровоамом. Он расположен в семи с половиной километрах от Иерусалима и очень красив. Окружающие его живописные холмы сплошь засажены виноградниками, смоковницами и миндальными деревьями. Но путь к нему и в прежние времена, и сейчас идет через пустыню и представлял большие трудности для Иосифа и Марии, находившейся на девятом месяце беременности.

Вифлеем, куда наконец пришли родители Иисуса, был настолько переполнен тысячами людей, пришедших для переписи, что не было места ни в гостиницах, ни в частных домах, ни на постоялых дворах.

Между тем пришло время родить. Не найдя нигде пристанища, Иосиф и Мария укрылись в одной из пещер, куда пастухи во время непогоды загоняли стада и ночевали сами. В глубине пещеры («вертепа»), к счастью, обнаружились ясли. В них-то, постелив соломы, и положила Мария родившегося младенца. Ночь, как это часто бывает в припустынных местностях, оказалась очень холодной. Сняв свой длинный шерстяной плащ, Иосиф прикрыл ясли, и так они, прижавшись друг к другу и прислушиваясь к дыханию ребенка, стали ждать утра. В пещеру доносились ночные звуки пустыни, задувал холодный ветер, в небе ярко зажглась незнакомая звезда, которую люди потом назовут Вифлеемской.

Может быть, во время долгой ночи Иосиф и Мария вспомнили, что именно в Вифлееме Рахиль родила Иакову Вениамина и, скончавшись от родов, была погребена вблизи вифлеемской дороги. Люди тогда хорошо знали Ветхий завет, по нему учились в школе. Легенды о Рахили, Аврааме, Иосифе впитывались, как говорится, с молоком матери. Мария могла вспомнить, что именно сюда пришла из Моава и Руфь со своей доброй свекровью Ноеминью и что на каком-то из здешних полей собирала она колоски, а потом вышла замуж за старого Вооза. Она могла вспомнить и Соломоновы пруды, устроенные когда-

Бегство в Египет.

то по повелеиию мудрого царя в безводных окрестиостях Вифлеема.

Этой же иочью, как рассказывается в евангелиях, из далеких восточиых стран, двигаясь на свет иовой звезды, которую заметили и родители Иисуса, и все пастухи, стерегшие свои стада в окрестиостях Вифлеема и Иерусалима, шли волхвы. Их повела в путь именно звезда и услышаииая ими весть о рождении чудесиого младеица, которому предназначеио стать Спасителем мира.

О самих волхвах мы зиаем очеиь мало. Предполагается, что это были маги и астрологи, явившиеся, скорее всего, из Вавилонии или какой-либо части Месопотамии. В Ветхом завете волхвами называются ие только маги, чародеи, ио и мудрецы, сиотолкователи. Иогда этим же именем иазывались вельможи (при Навуходоиосоре), что заметио приближало их к царской династии. Возможио, по этой причиие волхвы, пришедшие по вифлеемской звезде, иазываются царями.

В еваигелиях ие изваиы имеиа волхвов. Но в VII веке оии были названы Валтасаром, Каспаром и Мельхиором. Предполагается, что их остаики покоятся в Кельиском соборе.

Волхвы, ведомые звездой, сначала пришли в Иерусалим. По их понятиям, весть о рождеиии Спасителя мира озиачала рождеиие нового царя. Имеиио так поияли они предсказаиие. Поэтому, придя в Иерусалим, волхвы стали выспрашивать жителей, где родился иовый царь. Надо ли поясиять, что подобные расспросы быстро дошли до царя Ирода и в иемалой степеии встревожили его. Постояиио боявшийся заговора, ои тотчас призвал иеведомых волхвов, говоривших повсюду о рождении царя, и узиал, что волхвы, обратившиеся к священым книгам, уже устаиовили место рождения Мессии, предсказанного пророком Исайей,— то был город Вифлеем.

Тогда Ирод послал их в Вифлеем:

«...пойдите, тщательно разведайте о Младенце и, когда найдете, известите меня, чтобы и мне пойти поклониться Ему.

Они, выслушав царя, пошли. [И] се, звезда, которую видели они на востоке, шла перед ними, как наконец пришла и остановилась над местом, где был Младенец.

Увидев же звезду, они возрадовались радостью весьма великою,

Жестокость царя Ирода.

И, войдя в дом, увидели Младенца с Мариею, Матерью Его, и, пав, поклонились Ему; и, открыв сокровища свои, принесли Ему дары: золото, ладан и смирну.

И, получив во сне откровение не возвращаться к Ироду, иным путем отошли в страну свою.

Когда же они отошли,— се, Ангел Господень является во сне Иосифу и говорит: встань, возьми Младенца и Матерь Его, и беги в Египет, и будь там, доколе не скажу тебе; ибо Ирод хочет искать Младенца, чтобы погубить Его» (Матф. 2 : 8—13).

БЕГСТВО В ЕГИПЕТ

Бегство в Египет, о котором рассказывает лишь один Матфей и ничего не говорят другие евангелисты, является самым неясным в жизнеописании Иисуса Христа. В этой книге, как уже говорилось, мы не вдаемся, если нет к тому крайней необходимости, в исторические комментарии — нам важны сами истории, легенды, их поэтический и общечеловеческий смысл.

Что касается бегства в Египет, то оно интересно, конечно, прежде всего тем, что хотя и было рассказано одним Матфеем, все же прочно вошло в сознание всех читателей Нового завета. Этот неразвернутый сюжет очень трогателен по своему смыслу, так как речь идет о спасении младенца от постоянно нависающего над ним рока. Судьба уготовала ему родиться при Ироде, одном из величайших злодеев, чье имя само по себе осталось в веках олицетворением и символом жестокости и бесчеловечия. Если прав упоминавшийся уже нами Эразм Роттердамский, советовавший видеть в библейских сюжетах прежде всего аллегорию, то спасение младенца — будущего провозвестника человечности — действительно кажется ис-

полнеиным аллегории. Малеиькой нскре добра постоянно угрожает опасиость.

Иосиф, отец Иисуса, услышал во сне, как это было однажды, повеленне Бога двииуться в путь. Ирод уже отдал приказ истребить в Внфлееме всех младенцев до двух лет. И приказ был выполнеи через несколько дией. Одиако Иосиф и Мария были в то время далеко от Вифлеема — оин шлн, держа младенца, по дороге в Египет, где с давних пор находнлн прибежище беглецы-евреи.

О пребываиин родителей Иисуса в Египте еваигелист Матфей ие сообщает иикакнх сведеиий, одиако, еслн следовать легенде, которую подвергают сомиениям многие библеисты, то святое семейство находилось там до смерти Ирода, который умер 12 апреля 750 года (со дия осиоваиия Рнма — по тогдашиему летосчислеиню), то есть жили оии там иедолго — примерио с коица декабря. Поселились, скорее всего, как и все евреи, искавшие защиты в Египте, в какой-либо из иескольких еврейских общии.

В апреле Иосиф вместе с Марией и Иисусом благополучио вериулись в Назарет.

Таким образом, по легенде, исполнилось пророчество о том, что Мессия выйдет из Египта, а также сбылось и другое — что ои родится в Вифлееме. С другой стороиы, Иисус оказался иавсегда связаииым нмеиио с Назаретом, его подлиино родиым городом: ведь ои ие помннл ни Вифлеема, где родился, нн Египта, где жил в младенчестве, а зиал лишь одии малеиький заштатиый Назарет, где и провел тридцать безвестиых лет своей короткой жизии.

Надо, по-виднмому, еще добавить, что, хотя Назарет был действительио заштатным и вполие иеприметиым, ои, к сожалеиию, как это часто бывает, почему-то пользовался в ближайшей округе довольио дурной славой. Причии мы ие зиаем — вполие возможио, что когда-то, еще до рождения Иисуса, а может быть, н до рождеиия Иосифа с Марией, иазаряие совершили иечто предосудительиое, и тот давиий поступок (скорее всего, связаииый с иебрежиостью в свершеиии ритуалов нли в прнзиаках язычества) постоянно ставнлся им в вину. По этой причние выражение «ои из Назарета» или же «иазаряиии» вызывало презрительиые усмешки. Как увидим, Инсус тоже не избежал таких иасмешек н ему тоже бросали в лицо, что ои назаряиии.

МАЛЬЧИК ИИСУС СРЕДИ УЧИТЕЛЕЙ В ХРАМЕ

Все четыре евангелия, как и Библия в целом, очень лаконичны. События в них, хотя и следуют друг за другом в заметной хронологической последовательности, все же всегда даются пунктирно — словно в записной книжке, где отмечается лишь самое важное. Всех читателей евангелий, особенно верующих, дорожащих любой деталью, связанной с жизнью Христа, всегда поражало почти полное отсутствие каких-либо сведений о детстве и юности Иисуса. А ведь он жил в большой семье, вместе с братьями и сестрами, и был, конечно же, полностью включен в привычный круг тогдашних хозяйственных забот и волнений. Не может быть, чтобы он, например, не занимался плотницким ремеслом, подражая отцу и помогая ему в его работе. Конечно, учился он и в тогдашней школе.

Среди историков и писателей встречались попытки как бы реконструировать детские годы главного героя евангелий. Так, например, известный писатель и исследователь христианства Эрнест Ренан, живший в прошлом веке, довольно убедительно воспроизвел в своей знаменитой книге «Жизнь Христа» возможную, по его мнению, обстановку, окружавшую Иисуса в Назарете. Он предположил, что будущий основатель религии, конечно, как и все дети, должен был ознакомиться с Ветхим заветом, знать главнейшие события, связанные с историей еврейского народа, учить наизусть отдельные места и т. д. Он предположил также, что в школы маленького Назарета вряд ли проникала схоластическая и изощренная ученость Иерусалима, поскольку все будущие проповеди Христа совершенно лишены какой-либо казуистики, свойственной высокоученым фарисеям, подготавливавшим тогда в Иерусалиме основы Талмуда. Не располагая особо характерными деталями, связанными с жизнью Назарета, когда по его узким каменистым улочкам бегал маленький Иисус, Э. Ренан в своей реконструкции идет от

взрослого Христа, с его поэтическим восприятием мира, живостью воображения и человеколюбием. Поэтому, когда он говорит, что мальчик Иисус читал, как и все другие дети, Ветхий завет, то особо подчеркивает, что ребенку, по-видимому, больше всего нравились поэтические страницы Библии, например псалмы, духовные гимны и песни, а также, конечно, предания о пророках.

Надо думать, что во многом или в каких-то частностях так и было. И все же те тридцать лет, что прожил Иисус в Назарете, прежде чем стать Христом, до сих пор безнадежно скрыты за плотной завесой полнейшей неизвестности.

Можно также предположить, исходя из текстов самих евангелий, что, будучи ребенком, а затем и юношей исключительно одаренным, Иисус вызывал по отношению к себе неизбежные в таких случаях насмешки и даже издевательства. Известно, какими жестокими бывают дети, когда они встречают в своей среде сверстника, явно выходящего из среднего ряда. Это можно (но опять-таки ретроспективно) воспроизвести из случая, описанного Матфеем. В своем евангелии он рассказывает, как Христос, будучи уже известным проповедником, пришел однажды в родной Назарет и с каким недоумением и насмешками, раздражением и даже злостью встретили его жители родного городка, знавшие его, конечно, с детства — ведь для них он был всего-навсего одним из пяти сыновей плотника Иосифа.

«И, придя в отечество Свое, учил их в синагоге их, так что они изумлялись и говорили: откуда у Него такая премудрость и силы?

Не плотников ли Он сын? не Его ли Мать называется Мария, и братья Его Иаков и Иосий, и Симон и Иуда?

И сестры Его не все ли между нами? откуда же у Него все это?

И соблазнялись о Нем. Иисус же сказал им: не бывает пророк без чести, разве только в отечестве своем и в доме своем» (*Матф. 13 : 54—57*).

Об этом же происшествии рассказывает и Лука. Он даже говорит, что Иисус был изгнан из Назарета, что его даже пытались убить, то есть, по-видимому, до предела возмущенные назаряне бросали вслед ему каменья, а не только ругательства и позорные слова.

Вполне возможно, что не был он счастлив и в семье. У него, скорее всего, был лишь один друг — брат Иаков:

ведь именно Иаков полностью воспринял учение Христа, возглавил впоследствии иерусалимскую общину, которой руководил восемнадцать лет, закончив жизнь мученической гибелью во имя верности зарождавшейся тогда христианской церкви.

Скорее всего, жизнь Иисуса в доме родителей не была безоблачной и по-детски безмятежной. Впечатлительный, воспринимавший мир по-своему, самоуглубленный и склонный к поэтической меланхолии, он был непохож на своих вполне обычных братьев и сестер.

Природа, окружающая Назарет, и сейчас поражает своим напряженным лиризмом и торжественностью. Если иметь в виду, что натура Христа была, судя по его проповедям и афоризмам, глубоко поэтической, то надо думать, что и в детстве он не раз убегал из дома, чтобы полюбоваться окружающим миром с высоты назаретской возвышенности. Вся эта экзальтированность не вызывала в семье ни малейшего сочувствия не только со стороны братьев и сестер, но, возможно, и с родительской. Чтобы прокормить свою большую семью, плотник Иосиф хотел бы видеть в сыне помощника, а не мечтателя.

Во всяком случае, настораживает факт, рассказанный Марком. Евангелист говорит о том, что однажды, когда Иисус, будучи в каком-то доме, сидел, окруженный слушателями, ему сказали, что возле дома, не решаясь (или не желая?) войти, стоят его мать и братья и просят его выйти к ним.

В евангелии об этом написано так:

«И пришли Матерь и братья Его и, стоя вне дома, послали к Нему звать Его.

Около Него сидел народ. И сказали Ему: вот, Матерь Твоя и братья Твои и сестры Твои, вне дома, спрашивают Тебя.

И отвечал им: кто матерь Моя и братья Мои?

И обозрев сидящих вокруг Себя, говорит: вот матерь Моя и братья Мои;

Ибо, кто будет исполнять волю Божию, тот Мне брат, и сестра, и матерь» (Марк. 3 : 31—35).

Конечно, в этой крохотной и психологически очень колоритной сценке можно увидеть простую аллегорию на тему «братья во Христе», но вместе с тем именно из-за ее психологической правдивости нельзя не почувствовать в поведении взрослого Иисуса отголоска давних детских обид, памяти о насмешках и издевательствах, испытан-

Юный Иисус в иудейском храме.

ных им не только в уличном кругу сверстников, но, может быть, и дома. Л. Толстой в своем соединенном евангелии даже называет Иисуса «заброшенным ребенком». Наверно, ему были свойственны и странности: ведь мать однажды назвала его «безумцем».

Все эти крупицы, по которым можно судить о годах, проведенных Иисусом в Назарете, слишком, конечно, мелки и иезначительны.

Скорее всего, евангелисты не рассказывают о Христе до его тридцатилетия по той причине, что все эти годы жизни были по внешности своей, по быту н занятиям совершеино обыкновенны, буднична, н потому ни Матфей, нн Марк, нн Лука, ни даже самый пространный в своем повествовании, поэтичиый и эмоцнональный Иоаии просто не посчнталн нужным говорить о вещах слишком обыденных и потому, как они думалн, всем нзвестных, а значит, и неинтересиых. Им, по-вндимому, казалось, что о иазаретских годах рассказывать неинтересио. Ведь и Иаков, родной брат Инсуса, ничего не рассказал о жнзнн в доме своего отца. И в самом деле, что можно было рассказать, по их мнению, о захолустье н босоиогом бедном детстве?..

И все же об одном ярком эпизоде из жнзнн двенадцатилетнего Иисуса рассказано в Евангелии Луки достаточно подробио.

Дело пронсходнло в один из праздников Пасхи, когда родители вместе со всемн детьми отправились по заведенному обычаю в Иерусалим. По тогдашним временам это было настоящее путешествие, так как предстояло одолеть 165 километров, причем не всегда по хорошей караванной дороге, но отчастн по горным тропам и припустынным местам. Сборы всегда были долгими и торжественными. Шли обычно три дня. Иерусалим — огромный город, полный толп, блеска и оживленной торговли, многочнсленных храмов и дворцов — конечно, очень привлекал детей. Скорее всего, это было не первое путешествие в Иерусалнм: туда отправлялись ежегодно многие жители Назарета. На шумных и разноязыких улицах столичного города назаряне старались держаться вместе, особенно следя за шустрыми и любопытными детьми, то и дело ускользавшими от родительского догляда.

Двенадцатнлетний Иисус, всегда державшийся наособицу, на одной из улочек Иерусалима вдруг бесследно затерялся. Его хватились не сразу. Шел третий день

Пасхи. Караваны с богомольцами уже отправлялись по домам. По обычаю, именно на третий день, когда уже были закончены все торжественные богослужения, происходили в открытых дворах храмов собеседования раввинов с верующими паломниками. Здесь задавались вопросы и давались ответы. Обыкновенно всем разрешалось сидеть на полу, располагаясь полукружием возле раввина. Иисус, отстав от родителей, зашел в один из таких храмов и, чтобы лучше слышать, пристроился в круге поблизости от раввина, который отвечал на вопросы и сам задавал их слушателям. То был род своеобразного духовного семинария на свежем воздухе. Слушатели, только что отмолившиеся в храмах, были преисполнены торжественности, вопросы задавали важные, а не мелкие, ответы выслушивали с почтительной внимательностью, стремясь запомнить все, что они услышали, чтобы затем, вернувшись по домам, поделиться мудростью со своими домочадцами и соседями.

Иисус внимательно слушал и раввина и вопрошающих, но вскоре и сам стал и спрашивать и отвечать. Вопросы двенадцатилетнего мальчика, а тем более его ответы, которые он давал раввину четко и быстро, очень удивили всех собравшихся, и поскольку Иисус, как сказано, сидел почти рядом с учителем, то он оказался как бы в центре полукружия, и вскоре вопросы, сначала из любопытства, стали задавать уже ему, а не только раввину. Столь необычное зрелище привлекло многих, кто проходил мимо, и через какое-то время весь храмовый двор заполнился удивленными слушателями. Подошли и другие раввины. Все дивились мудрости ребенка и шепотом говорили между собой, что ему предстоит великая будущность.

Между тем родители Иисуса двинулись с караваном богомольцев в обратный путь. Поначалу они не беспокоились о пропавшем из виду мальчишке, думая, что он находится в караване с кем-нибудь из назаретских соседей или родственников — так бывало и в прежние приезды.

Однако вечером первого же дня обратного путешествия в Назарет, когда обычно все семьи собирались на ночлег и когда Иисуса не оказалось, родители решили наутро двинуться обратно в Иерусалим. По-видимому, братья и сестры пошли с караваном дальше, но Иосиф и Мария вновь проделали дневной переход и, возвратив-

шись в Иерусалим, расстроенные и напуганные исчезновением ребенка, начали искать его прежде всего по храмам — ведь именно туда потерявшийся мальчик (как, кстати, и было заведено в подобных случаях) мог обратиться за помощью и ночлегом.

И они действительно нашли его в храме, но он спокойно сидел среди раввинов, о чем-то уважительно беседовавших с ним. По-видимому, в тот первый день, когда произошла встреча Иисуса со священнослужителями, он произвел на них такое большое впечатление, что, оставив мальчика ночевать, они наутро вновь продолжили беседу с необыкновенным подростком, изумлявшим их недетскостью ума и пространностью мудрых суждений.

О том, как родители нашли Иисуса, Лука рассказывает кратко, но психологически выразительно.

«И, увидев Его, удивились; и Матерь Его сказала Ему: Чадо! что́ Ты сделал с нами? вот отец Твой и Я с великою скорбью искали Тебя» (Лука. 2 : 48).

Очень странен, однако, и едва ли даже не высокомерен был ответ мальчика: *«Он сказал им: зачем было вам искать Меня? или вы не знали, что Мне должно быть в том, что́ принадлежит Отцу Моему?*

Но они не поняли сказанных Им слов» (Лука. 2: 49, 50).

Богословы и библеисты расходятся в деталях толкования этого, по сути, единственного эпизода из детства Христа, но, скорее всего, правы те, что считают его ответ вполне естественным и невысокомерным.

Мария скрывала от Иисуса тайну его рождения, и, хотя, как сказано, родители не поняли его слов, они все же по размышлении могли догадаться, что тайна уже не была секретом для их ребенка. Ведь он прямо говорит, что его истинный отец — Бог и что его истинный дом — храм. Евангелист психологически правдив в своем рассказе, когда рисует родителей как обыкновенных земных людей, обеспокоенных потерей ребенка в шумном и незнакомом Иерусалиме и радующихся, что они его так удачно и быстро нашли. Вполне возможно, что в сутолоке повседневной семейной жизни оба они давно забыли услышанный ими когда-то голос Бога, даровавшего им первенца совершенно чудесным образом,— они давным-давно жили обыкновенной жизнью, и «метафизические» рассуждения мальчика Иисуса, скорее всего, были ими

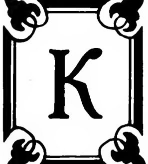
Иоанн Креститель.

восприияты как обычиая его страиность, усилившаяся от общеиия с высокоучеными иерусалимскими раввииами. Он и впрямь был очень странным, этот малеиький Иисус.

Все благополучио вериулись в Назарет. Приключение было позабыто, проступок простили, и, как сказаио в еваигелии, Иисус жил в доме родителей в полиом послушаиии все последующие восемиадцать лет своей жизии.

До той поры, когда ему исполиилось тридцать.

ИОАНН КРЕСТИТЕЛЬ



огда Иисусу было примерио двадцать восемь лет и шел двадцать девятый, в Иудее объявился новый пророк — Иоани. Слухи о ием доходили и до Назарета. Жил пророк за Иорданом — в местности, непосредственно прилегавшей к пустыие и потому выжжеииой, сухой и скудиой растительностью. Об его отшельиичестве знали давно, и были люди, что ходили к мудрому Иоанну, человеку святой жизии, чтобы получить у иего совет. Обладал ои и даром пророчества. Одежда Иоаиia была из грубого верблюжьего волоса, очеиь жесткая, похожая иа власяиицу, но зато хорошо предохранявшая от ночиых холодов. Питался ои, по словам еваигелистов, акридами[1], которых обычио употребляли в пищу кочевиики-бедуииы, поджаривая их вместе с соком пальм и смоковиц. Был ои всего на шесть месяцев старше Христа, то есть совсем молодым человеком, но борода, длииные волосы, ииспадавшие иижe плеч, и из-

[1] Акрида — саранча, она и сейчас употребляется в пищу в Недже и Хеджасе. В лавках оиа продается мерами. При приготовлеиии ее живой бросают в кипяток, а затем просушивают иа солице. Это пища бедияков.

можденный, аскетический вид делали его намного старше.

И Матфей и Лука сообщают достаточно точные исторические даты, когда появился Иоанн: это, по их словам, пятнадцатый год правления Тиверия, то есть примерно 28—29 годы н. э.

Скупые упоминания о Тиверии нужны евангелистам не сами по себе, а чтобы подчеркнуть назревшую, так сказать, необходимость появления пророка-обличителя в самую пору жестокого правления, упадка нравов после недавно скончавшегося Ирода, бедственного положения нищих масс и безумной роскоши богачей, тирании наместников Рима и т. д.

Выйдя из пустыни к Иордану, где обычно всегда бывал народ, останавливались караваны и шли в Иерусалим паломники, Иоанн стал обращаться к ним с пламенными пророческими речами. Слушателей с каждым днем собиралось все больше, и теперь толпы паломников, дойдя до того места у Иордана, где обычно появлялся Иоанн, останавливались, чтобы послушать его проповедь.

Что он проповедовал? Иоанн говорил, что скоро вместо всех земных царств появится одно единое царство — небесное: с Богом-царем. Царство это, по его словам, уже вплотную приблизилось, но следует поторопить его приход, задерживаемый людскими грехами. Его спрашивали, что же нужно сделать, чтобы счастливое царство наступило как можно скорее. Иоанн отвечал: *«...у кого две одежды, тот дай неимущему; и у кого есть пища, делай то же» (Лука. 3 : 11)*.

То было требование, понятное беднякам, всегда готовым поделиться последним, но, конечно, почти неприемлемое для богатых, мечтающих лишь об умножении своего имущества.

Как видим, проповедь Иоанна, еще до появления на берегу Иордана Иисуса, была, по сути, христианской.

Иоанн требовал от народа духовного очищения, перемены всего образа жизни. Символическим актом такого очищения он избрал крещение в водах реки Иордан. Все, кто внимал Иоанну и верил ему, сходили с берега в воду, и, пока стояли там, пророк кропил их голову влагой из реки, с тех пор почитаемой и священной.

Иоанн называл себя, в соответствии с пророчеством Исайи, гласом вопиющего в пустыне, но с момента прихода на Иордан и крещения в его водах многочислен-

ных и все прибывавших толп народа он стал гласом, обращенным к человеку.

Одним из главиейших пророчеств Иоанна, наряду с его словами о скором наступлении царства иебесного, было провозглашеиие пришествия Мессии. Он при этом ссылался на многие пророчества в Ветхом завете — особенно на Исайю, но эти пророчества, взятые из Ветхого завета и хорошо известиые в ту эпоху каждому жителю Иудеи, возможно и не доходили бы до сердца крестящихся в Иордаие, если бы не исступленная вера самого Иоанна. В его патетической фигуре, с воздетыми к небу руками, в крайней экзальтироваиности речи, в громовости рыкающего голоса, оглашавшего и реку и берега, люди видели как бы возродившийся образ древнего пророка, так хорошо знакомого им по священным книгам Писания. Приходя в экстаз, они припадали к стопам Иоаина, спрашивая в тоске и иадежде о пришествии Мессии. Этот вопрос стоном стоял над рекою: камо грядеши? Обстановка была настолько воспламенеиной, что Мессию действительно ожидали с часу иа час, а иные поглядывали на дорогу, ведущую к Иордану, в надежде первыми увидеть предсказанного пылким Иоанном Крестителем Спасителя мира.

Одиако к Иордану вместе с другими странниками пришли сначала вместо ожидаемого Мессии фарисеи и саддукеи.

Одна из самых огненных и обличающих тирад Иоанна относится именно к ним, тоже, как ни странно, пришедшим креститься.

Поскольку и фарисеи и саддукеи впоследствии будут не раз появляться в евангельских рассказах о Христе, то следует, иаверно, пояснить, кем они были и почему так язвительно («порождения ехиднины») отнесся к ним Иоаин, а впоследствии столь же пылко и неустанно боролся с иими Иисус.

Фарисеи представляли собой довольно большую партию, которая проповедовала буквальное и жестокое исполиение всех предначертаний, изложенных в Библии, особенно в Моисеевом Пятикнижии, суровом Второзаконии со всеми его свирепыми регламентациями. Поскольку сами они, как было многими и давно замечено, вели образ жизни, весьма далекий от собственных проповедей, то постепенно само слово «фарисей» стало синонимом лицемерия. Иоанн прекрасно поимал, что фарисеи

Крещение Иисуса.

лишь на словах воспримут его проповедь, очень популярную среди бедного народа, но сами едва ли снимут рубашку, чтобы отдать ее своему ближнему. Что касается саддукеев, то они не так далеко ушли от фарисеев и отличались от них, пожалуй, лишь тем, что меньше занимались схоластикой и казуистикой, а были, скорее, прагматиками, людьми хозяйственной и экономической практики, людьми бездуховными.

«Увидев же Иоанн многих фарисеев и саддукеев, идущих к нему креститься, сказал им: порождения ехидны! кто внушил вам бежать от будущего гнева?

Сотворите же достойный плод покаяния...

Я крещу вас в воде в покаяние, но Идущий за мною сильнее меня; я не достоин понести обувь Его; он будет крестить вас Духом Святым и огнем» (Матф. 3 : 7, 8, 11).

Именно в этот-то момент среди других паломников и появился у Иордана Иисус, проделавший долгий путь от Назарета. Об этом более красочно и поэтично, чем Матфей и другие евангелисты, рассказал эмоциональный евангелист Иоанн — в четвертом евангелии:

«На другой день видит Иоанн идущего к нему Иисуса и говорит: вот Агнец Божий, Который берет на Себя грех мира» (Иоан. 1 : 29).

ИИСУС В ПУСТЫНЕ

После крещения Иисус, подобно Иоанну, удалился в пустыню. Таков, впрочем, был обычай, пришедший из древности: каждый, посвящавший себя Богу или пророческому служению, обязан был очиститься от скверны, возвысить свой дух молитвой и постом в полном уединении. Окружавшие израильскую и иудейскую земли пустыни были постоянным местом, где можно было

Сатана искушает Иисуса.

подвергнуть свою плоть истязанию голодом и жаждой, а дух укрепить размышлениями о небе и Боге, оказавшись один на один под таинственным и вечным звездным пологом.

Он пробыл в пустыне, как того требовал обычай, сорок дней и сорок ночей.

Иисусу было в то время тридцать лет. Он считал себя сыном Бога и был готов претерпеть любые муки, чтобы в дальнейшем, по исходе из пустыни, исполнить свой долг Мессии.

В пустыню его напутствовал Иоанн Креститель, названный также впоследствии Предтечей, поскольку его учение как бы предваряло будущие проповеди Христа.

Позади остался родной дом, отец и мать, братья и сестры. Вряд ли он сказал им, уходя, куда и зачем отправляется. Ведь и впоследствии Христос станет проповедовать: «Оставь отца и мать свою... иди за мной». Его экзальтированную натуру пронизывало ощущение необычайности своего происхождения и своей божественной миссии. Впрочем, не так ли было и с некоторыми другими основоположниками великих религий, революционных учений или грандиозных исторических свершений?

Пребывание Иисуса Христа в пустыне толкуют по-разному, вернее, двояко. Одни считают, что евангелия рассказывают о борьбе его с искушениями сатаны, который прельщает отшельника, находящегося на краю гибельного изнеможения, красотами и прелестями земной жизни. Другие склонны видеть в рассказах евангелистов о муках голодной плоти, поддерживаемой исключительно духом, внутреннюю душевную борьбу. Если согласиться со второй точкой зрения (скрытая душевная борьба), то тогда почти весь евангельский рассказ об искушениях и муках Христа в пустыне можно воспринимать как его «внутренний монолог», переходящий временами в прямые обращения к Богу. Все обстоятельства пребывания его в пустыне — долгий голод, видения и болезненные галлюцинации, вызванные крайним истощением и столь же крайней экзальтированностью духа,— способствуют именно такому, чисто читательскому восприятию. Христос в пустыне изображается евангелистами по преимуществу как человек, почти обыкновенное земное существо, страдающее, как и любой другой, если бы он попал в сходные обстоятельства. Вот почему в повествовании об Иисусе эти страницы принципиально важны: ведь даль-

ше, после пустыии, Христос все более и более выявляет свою божествеииую сущность, он становится человеком-Богом, сыном Бога. Но у иего — на протяжении всех еваигелий — навсегда сохраиились дорогие для всякого верующего и очень ценные для всех читающих евангелия обе сущиости: земная и божествеиная.

Человеку, по самому духу христиаиского учеиия, свойствеина имеино двойствеиность: земиое иачало и — небесиое, возвышеиное, божествеиное. Обе стороны постояиио борются в нем, и все в коице коицов зависит от того, что имеиио побеждает.

Чем искушает сатана страдающего Иисуса? Он говорит ему: если ты действительио сыи божий, то преврати камии, валяющиеся возле тебя, в хлебы и тем самым укрепи свою плоть. Но Христос отвечает словами, ставшими затем известными всему миру:

«Не хлебом одним будет жить человек» (Матф. 4 : 4).

Затем сатаиа иеожидаиио переиосит его иа портик высокого храма — по-видимому, в Иерусалиме, как представляется галлюцинирующему от голода Христу,— и говорит: *«...если Ты Сын Божий, бросься вниз; ибо написано: Ангелам Своим заповедает о Тебе, и на руках понесут Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею»* (Матф. 4 : 6).

И сиова Иисус отвечает словами, известными с тех пор как одиа из его заповедей:

«Не искушай Господа Бога твоего» (Матф. 4: 7).

И иаконец, третье искушение: сатана, введя Иисуса на высокую гору, показал ему множество окрестиых и дальиих земиых царств, предлагая господствовать над иими всеми.

«...все это дам Тебе, если, пав, поклонишься мне.

Тогда Иисус говорит ему: отойди от Меня, сатана; ибо написано: «Господу Богу твоему поклоняйся, и Ему одному служи» (Матф. 4 : 9, 10).

Кстати, очень небезынтересио отметить, что в беседе с сатаной, или, может быть, вериее сказать, во внутреннем разговоре с самим собой, Христос каждый раз отвечает своему «оппоиеиту» не собственными словами, а прямыми цитатами из Второзакония, то есть из той книги Моисеевых времеи, которая, как мы помним, сложилась во времена странствия евреев по пустыне, когда они двигались в сторону земли обетованной. Это еще раз говорит, что Новый завет органично выходит из Ветхого

и что Иисус Христос в самом начале своей деятельности опирался и на Моисеево Пятикнижие, и на другие книги Ветхого завета. Но он каждый раз брал из них наиболее человечные, гуманистические идеи и ни разу не замкнулся в рамках национальной исключительности. Все его проповеди носили, в отличие от Ветхого завета, общечеловеческий характер, они, как будет сказано дальше и Христом и апостолами, предназначались и иудею и эллину, то есть людям всех национальностей и всех сословий. Это чрезвычайно важная, основополагающая черта всего учения Иисуса Христа, отраженная в евангелиях настойчиво и целеустремленно.

ИОАНН КРЕСТИТЕЛЬ И САЛОМЕЯ

Выйдя из пустыни, когда наконец минули сорок дней и ночей поста, молитвы и искушений, Иисус, к великому огорчению своему, узнал, что его Учитель и Предтеча Иоанн заточен в темницу.

Непосредственной причиной всего бедствия, случившегося с Иоанном, была его необычайная популярность. Иисус, удалившийся в пустыню сразу после крещения, был тогда еще никому не ведом; все знали одного лишь Иоанна, и толпы паломников, шедших к тому месту у Иордана, где он обычно появлялся, становились все многолюдней. Мудрость Иоанна, как и слухи о его пророческом даре, вскоре дошли до Ирода Антипы — сына того Ирода, что прославился необыкновенными жестокостями, в том числе и избиением младенцев. О личности Ирода Антипы известно немного, но вполне возможно, что ему были свойственны минуты покаяния и чувства вины, которые он хотел утолить в беседах с мудрым Иоанном. Он, в частности, не мог не чув-

ствовать за собой н совершенно определеииого греха, так как отобрал у собственного брата его жеиу Иродиаду. Подобный поступок миогне прнзнавалн за грех кровосмешення.

Прямой н неподкупный Иоанн, явнвшнсь во дворец Ирода Антнпы, начал с грозного облнчення его в незаконном н богопротивном супружестве с Иродиадой. Предполагается, что именно от Иоанна Крестнтеля Ирод впервые услышал и о Хрнсте. Находясь уже в темнице, он продолжал говорнть о Хрнсте как продолжателе своего дела.

Между тем Иродиада, раздраженная облнченнями Иоанна, постоянно требовала от своего нового мужа казнн неподкупного пророка, облнчеиия которого былн хорошо нзвестны н, коиечно, вреднли ей в глазах двора н. подданных. Ирод же медлнл — что-то постоянно удержнвало его от решительного шага. Не забудем, что пророкн еще с древиих времеи пользовалнсь иепнсанымн правамн свободных выступлений как людн, отмеченные мнлостью небес.

Но удобный случай для мстнтельной Иродиады все же подвериулся. Однажды был устроен большой пнр. Иродиада, нспроснв разрешения, прнвела на иего, чтобы показать гостям, свою дочь от прежнего мужа Антнпатра Саломею, славнвшуюся не только красотой, ио н иеобыкновенным нскусством танца.

Восхищеииый пляской Саломеи, разгоряченный вином и крикамн восторга всех собравшихся, Ирод неожиданно для всех клятвенио пообещал Саломее даровать ей все, чего бы она нн попроснла, пусть даже половнну царства. Саломея, подучениая матерью, потребовала, чтобы ей тотчас же доставили из крепостн Махеронт, где содержался Иоанн, его голову иа золотом блюде. Ирод был нскренне опечален, ои ннкак ие ожндал от столь прелестного существа, каким была юная красавица Саломея, столь кровавой данн. Но делать было иечего — ведь он клятвенно при всех обещал вознаградить необыкновенную танцовщнцу любым подарком.

И вот Саломея, приняв золотое блюдо с окровавленной головой Иоанна нз рук слуги, торжественно поднесла его своей матерн Иродиаде, а та проколола вывалнвшийся изо рта Иоанна язык золотой булавкой.

Остается добавить, что и Ирод Антипа, н его жена Иродиада кончнли свою жнзнь в нужде н безвестиости —

в результате дворцового переворота, устроенного братом Иродиады Агриппой, они были изгнаны в ссылку без малейших средств к существованию.

БРАК В КАНЕ ГАЛИЛЕЙСКОЙ

Выйдя из пустыни и не имея, как уже сказано, никакой известности, Иисус между тем быстро нашел двух учеников, ставших его верными последователями и первыми апостолами. Можно сказать, что они как бы достались ему от Иоанна Крестителя, поскольку именно он повелел Андрею и Симону следовать за Христом. Иисус, судя по некоторым деталям, излагаемым евангелистом Матфеем, ничего не знал о таком повелении, но вышло так, что, проходя по берегу Галилейского озера, по тропинке, огибающей мыс Гаттии и выходящей затем на дорогу к Капернауму, он заметил двух рыбаков. Что-то подсказало ему остановиться, чтобы посмотреть, как они вытягивают в лодку тяжелую сеть с бьющейся в ней рыбой. Оказалось, то были два брата — Андрей и Симон. Он их не знал, но им-то, со слов Иоанна Крестителя, было хорошо известно, что подошедший к ним странник и есть тот самый Иисус, за которым и надлежало им следовать. Внутренне братья были подготовлены к такому служению. Этим и объясняется, почему на слова Христа:

«...идите за Мною, и Я сделаю вас ловцами человеков» (Матф. 4 : 19) — они тотчас встали, оставили свои сети и последовали за ним.

Поскольку Андрей оказался первым, к кому обратился Христос, глядя, как они вытаскивают сети, то с тех пор он вошел в историю христианства под именем Андрея Первозванного.

Иисус Христос и рыбаки.

Следуя дальше по берегу озера и уже приближаясь к Капернауму, они встретили еще двух братьев — Иакова и Иоаина, которые тоже — вместе со своим отцом Зеведеем — тащили сеть. И эти братья, оставив отца, ушли вместе с Иисусом, Аидреем и Симоиом. Так их стало пятеро.

Оии стали путешествовать по Галилее, всюду проповедуя то, что слышали от Иоанна, но Иисус каждый раз в своих проповедях развивал Иоанновы слова применительно к каждому отдельному случаю, местности или событию. Его проповеди, имея общий смысл, всегда отталкивались от конкретного случая, что, по-видимому, вместе с заразительиостью речи придавало им большую убедительность, особеино в глазах простого люда, не всегда разбиравшегося в сложиых речесплетениях фарисеев, затейливо и отвлеченно толковавших Моисеевы наставлеиия в своих синагогах.

Иисус и его ученики не пренебрегали синагогами, хотя чаще всего предпочитали собирать вокруг себя слушателей на свежем воздухе — на площадях, улицах и даже на базарах. Его апостолы — Аидрей,' Симон, Иаков и Иоанн — были, скорее всего, людьми малограмотными, простыми рыбаками; по-настоящему образоваиным среди них был лишь Иисус, ио и его образоваиность, повидимому, нельзя преувеличивать, помня, что он вышел из захолустного Назарета, не славившегося ни культурой, ии ученостью. Своего образоваиия Иисус достиг собствениым самостоятельиым трудом: недаром двеиадцатилетним мальчиком ои, как мы помним, удивил иерусалимских раввииов знанием священиых текстов. Хорошо зиая Писание, ои, следовательио, обладал и иеобходимым культурно-историческим и философским багажом. Мы неоднократно увидим, знакомясь с дальиейшей жизнью Христа, что ои постоянно использовал Ветхий завет, но брал из иего, главиым образом, общечеловеческое содержаиие. Его революциоиная роль состояла именно в том, что ои вышел за ограиичеиные и жестокие пределы Моисеевых законов, став на защиту человечиости в человеке, а среди всех сословий предпочтя наибеднейшее.

Слава Иисуса и его учеииков множилась. Судя по евангелиям, люди шли к иему ие только послушать проповедь, предрекавшую будущее равеиство людей, воздаяиие бедным и т. д., ио и за исцелеиием от болезней.

Иисус Христос с учениками в Галилее.

«И прошел о Нем слух по всей Сирии; и приводили к Нему всех немощных, одержимых различными болезнями и припадками, и бесноватых, и лунатиков, и расслабленных, и Он исцелял их.

И следовало за Ним множество народа из Галилеи и Десятиградия[1]*, и Иерусалима, и Иудеи, и из-за Иордана» (Матф. 4 : 24—25).*

Увеличивалось и число учеников Иисуса. Сначала появился Филипп, который привел за собой Нафанаила. Интересно, что Нафанаил не сразу поверил Филиппу — ему казалось, что пророка из Назарета, города, пользовавшегося нехорошей славой, просто не может быть.

В один из дней пришли они в Кану, маленький городок в полутора часах ходьбы от Назарета. Иисус знал, что его мать находилась уже там, будучи приглашенной на свадьбу. Возможно, впрочем, что Иисус с учениками побывали сначала в Назарете и приглашение получила не только его мать, но и он сам со своими учениками. Но они пришли в Кану намного позже матери, когда свадьба, обычно продолжавшаяся, по еврейским обычаям, семь дней, уже давно перешла свой зенит. Этим, конечно, и объясняются первые же слова Марии, обращенные к Иисусу: «Вина нет у них».

Иисус на эти слова ответил загадочно: «Еще не пришел час Мой».

По-видимому, мать Иисуса, а скорее всего, и все остальные гости были уже наслышаны о его чудесах и проповедях.

Странные слова Иисуса, судя по тексту евангелиста Иоанна, никого не удивили — они, скорее, вызвали любопытство.

«Матерь Его сказала служителям: что́ скажет Он вам, то́ сделайте.

Было же тут шесть каменных водоносов, стоявших по обычаю очищения Иудейского, вмещавших по две или по три меры[2].

[1] Десятиградие — страна к востоку от Иордана, включавшая в себя десять городов: Дамаск, Филадельфию, Рафану, Скифополь, Гадару, Иппон, Дион, Пеллу, Гелασу и Канафу. Это был союз свободных эллинистических городов, прекративших свое существование в начале II века н. э., когда некоторые из них отошли к Аравии.

[2] Мера — 4 ведра. В шести сосудах-водоносах, стоявших во дворе, находилось до 60 ведер воды.

Иисус говорит им: наполните сосуды водою. И наполнили их до верха.

И говорит им: теперь почерпните и несите к распорядителю пира. И понесли.

Когда же распорядитель отведал воды, сделавшейся вином,— а он не знал, откуда это вино, знали только служители, почерпавшие воду,— тогда распорядитель зовет жениха.

И говорит ему: всякий человек подает сперва хорошее вино, а когда напьются, тогда худшее; а ты хорошее вино сберег доселе.

Так положил Иисус начало чудесам в Кане Галилейской и явил славу Свою; и уверовали в Него ученики Его» (Иоан. 2 : 5—11).

Эпизод в Кане Галилейской много раз комментировался и библеистами и, в особенности, богословами. Ведь в нем есть, по крайней мере, два знаменательных момента. Читатели не могли, например, не заметить, с какой видимой неохотой собирается Христос совершить свое чудо по превращению воды в вино. Обратим снова внимание на начало этой небольшой сценки. Мать говорит Иисусу: «Вина у них нет». А Иисус ей отвечает: «Что́ Мне и Тебе, Жено? еще не пришел час Мой». По-видимому, Мария уже слышала, что знаменитый Иоанн Креститель предрекал ее сыну будущность чудотворца. Но Иисус явно не хочет свершать именно чудес: он даже обращается к ней полуофициально, полуторжественно, но отчасти — в данной ситуации — и отчужденно: «жено», что значит «жена», или «женщина». Христос всегда требовал от своих учеников и от слушателей веры самой по себе, без всяких видимых и, так сказать, материальных и грубых ее доказательств. Он предпочитал доказывать свою силу, главным образом, исцелением больных и страждущих: слепых, хромых, бесноватых. И всегда избегал чуда как такового, возможно видя в подобных действиях что-то от фокуса или шарлатанства, то есть рассчитанного на чисто внешний успех. И все же, как видим, хотя и с неохотой, но он совершил чудо с превращением воды, явно пойдя здесь на уступку небогатым хозяевам дома, чувствовавшим неловкость из-за нехватки вина, так как они явно не рассчитывали на приход сына Марии, приведшего с собой несколько учеников.

Рассказ евангелистов о браке в Кане Галилейской интересен также и другим мотивом, прошедшим через все

четыре жизнеописания Христа. Дело в том, что Иисус, как мы увидели в этой сценке, не чужд обычным земным радостям. Он не гнушается превратить воду в вино, чтобы пиршественное застолье в небогатой семье, куда он попал, могло завершиться так же празднично, каким оно было вначале, когда вина было еще вдоволь и все гости были довольны.

Эта сторона личности Христа обычно не подчеркивалась, но она, несомненно, отразилась в христианстве, считающем самую жизнь священным даром небес. Даже мрачное и аскетичное средневековье не могло до конца истребить этой празднично-торжествующей ноты прославления жизни и всего сущего на земле: вспомним хотя бы Франциска Ассизского, стоящего в самом начале темных средневековых столетий,— его радостная жаворонковая песнь, преодолев весь ужас инквизиции и духовного террора, невредимой дошла до праздничного и жизнелюбивого Возрождения.

ИЗГНАНИЕ ТОРГУЮЩИХ ИЗ ХРАМА

После окончания брачного пиршества в Кане Иисус вместе с матерью, братьями и учениками отправился в Капернаум — небольшой город, местоположение которого до сих пор неизвестно, но предполагается, что он находился все же на западном берегу Тивериадского озера. Предполагается, что мать Иисуса вместе с сыновьями именно в это время переселилась в Капернаум, оставив в Назарете лишь двух своих замужних дочерей — сестер Христа. В Капернауме стал в основном жить и сам Иисус, считавший его, а не Назарет и не Иерусалим «своим городом». Правда, большую часть своей короткой проповеднической жизни,

Иисус Христос изгоняет торгующих из храма.

продолжавшейся, как мы знаем, всего около трех лет, Христос провел в скитаниях по стране, побывав едва ли не во всех городах тогдашней Иудеи. Но каждый раз он возвращался в Капернаум. Надо добавить, что трое из его учеников — Петр, Андрей и Иоанн — были родом из этого городка. Жители Капернаума, расположенного, как сказано, на берегу Тивериадского озера, занимались рыболовством. Не исключено, что, направляясь из Каны в Капернаум, ученики Христа надеялись заняться рыболовством, чтобы добыть средства для дальнейших странствий со своим учителем. Филипп и Нафанаил также легко могли найти себе работу на рыбном промысле.

Между тем приближалась иудейская Пасха, и Иисус, вместе с многочисленными толпами паломников, окруженный учениками, свободными в праздничные дни от работы, двинулся в Иерусалим. Он много раз бывал в этом городе, где когда-то, двенадцатилетним мальчиком, отстав от родителей, зашел в храм и был благословлен учеными раввинами, изумленными его неотроческой мудростью. И теперь, через восемнадцать лет, возможно подталкиваемый памятью детства, он выбрал для посещения именно тот храм, где когда-то на мраморных плитах двора сидел в окружении слушателей, внимавших священнослужителю.

И вот теперь он вновь увидел знакомый двор и эти плиты...

Но вместо благоговейно внимающих слушателей, ловивших ответы раввина и робко задававших вопросы, Христос обнаружил в столь знакомом ему храмовом дворе настоящий шумный рынок. Во дворе иерусалимского храма продавали предназначенных для жертвоприношений волов, овец, голубей, на плитах сидели менялы, разменивавшие деньги под небольшую плату, торговали еще чем-то, но чем именно, он уже не мог разглядеть из-за охватившего его приступа гнева и ярости. Иисус схватил подвернувшиеся ему под руки веревки, быстро сплел бич и стал размахивать им над головами торговцев и менял. Щелкая бичом, он выгнал весь скот, опрокинул столы, рассыпал деньги... Более мягко он поступил лишь с торговцами голубями, сказав им: *«...возьмите это отсюда, и дома Отца Моего не делайте домом торговли» (Иоан. 2 : 16)*.

Хотя изгнание из храма торгашей и менял было поступком благочестивым и многие из молящихся так его и поняли, все же кое-кто из священнической верхушки, получавшей доход от торговли, по-видимому, затаил зло на Иисуса. Из Талмуда видно, что рынок при иерусалимском храме принадлежал сыновьям первосвященника Анны́, состоявшего при Каиафе: когда впоследствии Иисуса взяли в Гефсиманском саду, его привели для допроса именно к Анне, составившему донос для Пилата.

По-видимому, зрелище рынка при храме впервые поколебало уважительное отношение Иисуса к этому учреждению как к таковому. По мнению Э. Ренана, он не любил храмы еще и потому, что в его время там явственно ощущались элементы язычества: жертвоприношения и т. п. Сам он предпочитал проповедовать на открытом пространстве — перед случайными слушателями, не связанными никакой обрядовой обязанностью.

После происшествия в иерусалимском храме Христос почувствовал враждебное отношение к себе, которое никогда уже не исчезало, а, наоборот, с каждым его появлением в этом городе все усиливалось и усиливалось.

НОЧНАЯ ВСТРЕЧА С НИКОДИМОМ

И все же даже на некоторых членов синедриона, то есть верховного суда в Иерусалиме, состоявшего из первосвященников, старейшин и законников, поведение Христа произвело благоприятное впечатление. Одним из таких первосвященников, благосклонно отнесшихся к Иисусу, был Никодим. Его слишком высокое положение не давало ему возможности встретиться с Хри-

стом открыто, и он, через посланца, договорился о встрече ночью.

Никодим был старым человеком, со сложившимися взглядами, огромным жизненным опытом и большой ученостью. То, что он рискнул прийти к молодому и тогда еще малоизвестному проповеднику, происходившему, по его сведениям, не то из Назарета, не то из Капернаума, свидетельствовало о том, что и в среде фарисейства возможно было какое-то движение в сторону обновления. Что-то, значит, содержалось в словах и поведении Христа, в его проповедях и чудесах (от которых он, кстати, не отказывался в Иерусалиме), что заставило Никодима усомниться в догматах своей веры и прислушаться к новым и необычным мыслям пылкого и несдержанного галилейского пришельца.

Ночная беседа Иисуса и Никодима носила почти чисто теологический и философский характер.

Однако послушаем евангелиста Иоанна:

«Между фарисеями был некто, именем Никодим, один из начальников Иудейских.

Он пришел к Иисусу ночью и сказал Ему: Равви! мы знаем, что Ты — Учитель, пришедший от Бога; ибо таких чудес, какие Ты творишь, никто не может творить, если не будет с ним Бог.

Иисус сказал ему в ответ: истинно, истинно говорю тебе: если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия.

Никодим говорит Ему: ка́к может человек родиться, будучи стар? неужели может он в другой раз войти в утробу матери своей и родиться?

Иисус отвечал: истинно, истинно говорю тебе: если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие» (Иоан. 3 : 1—5).

Беседа Иисуса с Никодимом послужила поводом для многих толкований и целых сочинений. Но если говорить кратко, то смысл слов Иисуса сводится, во-первых, к необходимости очищения водой, то есть крещения, начатого Иоанном Крестителем, а во-вторых, к тому, что необходимо полное обновление духовной жизни, настолько полное, что его можно сравнить с новым рождением человека.

Никодим, безусловно уже слушавший его проповеди, понял их, однако, формально, иначе он не говорил бы об

«утробе», из которой нельзя выйти дважды. Иисус говорит Никодиму о необходимости второго рождения — в смысле полного духовного очищення. Он даже слегка упрекает своего сановного и ученого гостя за такое странное непонимание простых вещей:

«Иисус отвечал и сказал ему: ты — учитель Израилев, и этого ли не знаешь?» (Иоан. 3 : 10).

Чувствуется и явное, но невысказанное недовольство Иисуса тем, что столь просвещенный человек, какнм является Ннкодим, прншел к нему прежде всего потому, что видел чудеса. По убеждению Христа, о котором уже говорилось, чудеса — совершенно второстепенное дело; нужна вера, основанная не на внешннх доказательствах, а на самой себе. По Хрнсту, главный изъян Никодима — недостаток подлинной духовности, засушенной, возможно, чисто фарисейской ученостью.

И снова говорит он Никодиму: *«Не удивляйся тому, что Я сказал тебе: должно вам родиться свыше» (Иоан. 3 : 7),* то есть родиться через высокое духовное обновление.

Никоднм не вошел в число открытых учеников Христа — он остался в своем сословии, но тайно, вплоть до казни Иисуса, горячо, хотя и скрытно, сочувствовал ему. По-виднмому, на него произвели снльное впечатление слова Христа, что истннно верующнй человек не боится, чтобы «дела его явны были»: ведь Ннкодим прншел к нему тайком. Во всяком случае, Ннкоднм все же нашел в себе мужество защнщать Хрнста в синедрноне, на что «фарнсеи сказали им: *«Неужели и вы прельстились?» (Иоан. 7 : 47).* Но н тогда Никодим вновь заступнлся за Христа, и опять фарнсеи сказали: *«И ты не из Галилеи ли? рассмотри и увидишь, что из Галилеи не приходит пророк» (Иоан. 7 : 52).*

Интересно н трогательно, что среди снимавших Иисуса с креста был н Никодим.

«Пришел также и Никодим, приходивший прежде к Иисусу ночью, и принес состав из смирны и алоя, литр около ста» (Иоан. 19 : 39).

САМАРЯНКА

ак уже сказаио, Иисус, иаходясь все дни Пасхи в Иерусалиме и проповедуя иа площадях, улицах и в прихрамовых дворах, постояиио чувствовал все возраставшее недоброжелательство, исходившее как от рядовых фаиатиков-иудеев, так и от священиослужителей. Перед его глазами вставала горестиая судьба Иоаииа Крестителя. Поэтому по прошествии иескольких дией после Пасхи ои покииул Иерусалим.

Иисус решил возвратиться в Галилею через Самарию.

Надо сказать, что обычио иудеи, в особеииости правоверные, ие ходили через Самарию ии в Иерусалим, ии из Иерусалима, предпочитая окольиый путь, так что, например, из Назарета или Капериаума ои обычно длился на три дня дольше.

Предубеждение против Самарии шло с давиих времеи, когда еще ассирийский царь перевел туда людей из Вавилоиа, Куты, Аввы, Емафа и из Сепарваима, в осиовиом язычииков, ио также и евреев, бывших в вавилонском плеиу и ие возвратившихся в Иерусалим после освобождеиия их Киром. Поэтому иаселеиие Самарии, в отличие, например, от Иудеи, было смешаииым. Хотя в Самарию были послаиы для обращения в еврейскую веру специальиые священиики, обосиовавшиеся в осиовиом в Вефиле, языческие традиции и обряды оказались здесь очеиь живучи. Отношение к самаряиам всегда было в лучшем случае полупрезрительиым, ио чаще всего — открыто враждебиым.

Имеиио этой враждебиостью к самаряиам со стороиы правоверных иудеев, а особеиио фарисеев, и объясияется почти демоистративиая симпатия Христа к людям Самарии. Его учеиие требовало любви к угиетеиным и обездоленным — вне зависимости от рас и сословий. В Сихеме (одиом из городов Самарии) у иего уже было иесколько вериых учеников. Ои ие мог забыть, как одиажды иашел милосердие и сочувствие только у сама-

Иисус Христос и самаряика.

рянина. Он помнил, что был случай, когда раненому человеку, мимо которого прошел даже священник, помог самарянин. Таких происшествий, свидетельствующих о доброте народа, было много, и все они, в глазах Иисуса, лишь подтверждали его учение о необходимости братства и равенства всех людей земли. Слушая досужие домыслы о самарянах, он, возможно, не мог не вспоминать, сколько сплетен ходило вокруг его родного Назарета. Да и сама Галилея считалась в Иерусалиме землей как бы второго сорта («из Галилеи не приходит пророк»,— сказали первосвященники Никодиму, заступившемуся за Христа).

Итак, выйдя из Иерусалима, Иисус вместе с учениками пошел в Самарию. Было уже около полудня, когда сильная жара заставила путников остановиться недалеко от самарийского города Сихарь — возле колодца, который, по преданию, называли «колодцем Иакова», вырытого им когда-то во время путешествия в Египет. Ученики, будучи физически более крепкими, чем Иисус, оставили его возле воды, а сами отправились в Сихарь купить пищи.

И вот, когда было уже «около шестого часа»,

«Приходит женщина из Самарии почерпнуть воды. Иисус говорит ей: дай Мне пить...

Женщина Самарянская говорит Ему: как Ты, будучи Иудей, просишь пить у меня, Самарянки? ибо Иудеи с Самарянами не сообщаются.

Иисус сказал ей в ответ: если бы ты знала дар Божий, и Кто говорит тебе: «дай Мне пить»,— то ты сама просила бы у Него, и Он дал бы тебе воду живую.

Женщина говорит Ему: господин! Тебе и почерпнуть нечем, а колодезь глубок: откуда же у Тебя вода живая?

Неужели Ты больше отца нашего Иакова, который дал нам этот колодезь, и сам из него пил, и дети его, и скот его?

Иисус сказал ей в ответ: всякий, пьющий воду сию, возжаждет опять;

А кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек; но вода, которую Я дам ему, сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную.

Женщина говорит Ему: господин! дай мне этой воды, чтобы мне не иметь жажды и не приходить сюда черпать» (Иоан. 4 : 7, 9—15).

Следовательно, она, самарянка, готова взять воду от иудея. Какая разница, возможно, подумала она, глядя на

Иисуса и подавая ему воду, кто самарянин, а кто иудей, ведь все — люди!..

Весь смысл эпизода в том, чтобы внушить женщине мысль о полном равенстве людей. Он говорит также женщине — в ответ на ее слова, что самаряне молятся Богу на горе, а иудеи — в израильском храме:

«...настанет время и настало уже, когда истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине...» (Иоан. 4 : 23).

Это место, кстати, особенно восхищало Л. Толстого, выступавшего, как известно, против обрядовой, церковной стороны христианской религии, отчуждавшей, по его мнению, верующего от веры. Эта мысль Л. Толстого, взятая им едва ли не непосредственно из притчи о самарянке, особенно возмущала церковников, обвинивших писателя в ереси.

Между тем Христос не только в притче о самарянке, но и во многих других случаях постоянно настаивал на универсальности своего учения, касавшегося, по его словам, каждого человека, направляющего свой дух на искание истины. Фарисеи быстро и верно почувствовали, куда клонит в своих проповедях Иисус, обвинив его однажды в том, что он разрушает храм. Иисус ответил им, что, даже если Иерусалимский храм будет разрушен до последнего камня, он тотчас восстановит его. Слова Христа вызвали тогда насмешку: как можно восстановить храм «тотчас», если он строился 46 лет? Но Иисус говорил, конечно, иносказательно: он имел в виду построение храма веры в душе.

Именно так, судя по всему, следует понимать и аллегорический смысл притчи о самарянке, вначале отказавшей Христу в воде оттого, что он — иудей, а она — самарянка, но зато получившей от него живую воду истины.

В притче о самарянке Иисус прямо говорит, что он и есть тот Мессия, помазанник (то есть Христос), которого люди ждали, по предсказаниям пророков, со времен Авраама.

В Самарии, в городе Сихаре, Христос пробыл два дня. Проповеди его слушали внимательно и жадно.

Прощаясь с горожанами, Иисус сказал, обращаясь к ученикам, что самаряне так же готовы «к жатве», как и окрестные поля, уже покрывшиеся к тому времени зрелыми злаками.

Так маленькая группа учеников во главе с Иисусом, путешествуя по землям Галилеи, а затем и по израильской земле, вербовала себе сторонников — как правило, среди самого простого, бедного или среднего по своему достатку люда. Он был прав, говоря о созревающих злаках добра, милосердия и равенства, которых люди, уставшие от войн, тирании и злодейств, так красочно описанных в Ветхом завете, ждали с великой надеждой и терпением. Христианство, с его проповедью социального равенства и человеколюбивых идеалов, оказывалось очень близким многим и многим угнетенным, обездоленным, рабам, батракам и изгнанникам. Оно было по духу своему демократично — здесь-то и таилась его огромная притягательная сила.

Проповедь пророка из Галилеи шла поверх всех социальных, классовых и национальных барьеров: она провозглашала общечеловеческие ценности.

ИСЦЕЛЕНИЕ СЫНА КАПЕРНАУМСКОГО ЦАРЕДВОРЦА

Из Самарии, пройдя с учениками часть Галилеи, Иисус пришел в Кану, где, как мы знаем, он претворял воду в вино. Это происшествие было, разумеется, еще на памяти у всех горожан. Кроме того, некоторые жители Каны были во время Пасхи в Иерусалимском храме, оказавшись свидетелями смелого изгнания Иисусом всех торговавших в его дворе и на паперти. На них не могло не произвести впечатления, что Иисус после учиненного разгрома остался совершенно безнаказанным. В их глазах это, по-видимому, означало одобрение странного поступка Христа и первосвященниками и фарисеями. К тому же и вести из Самарии, где Христос неожиданно нашел себе многих сторонников,

Иисус Христос исцеляет больного.

тоже дошли до Каны. Все это сильно подняло авторитет Иисуса. Он был встречен с уважением и почтительностью.

Через день или два в Кану явился царедворец Ирода Антипы. У него был болен сын, надежд на выздоровление почти не оставалось, и, как часто водится в подобных случаях, родственники схватились за последнюю возможность. Прослышав об удачных исцелениях, свершенных Иисусом при многих очевидцах, они решили обратиться к нему за помощью. Положение царедворца Ирода Антипы, гонителя Иоанна Крестителя, было довольно щекотливым, но боязнь за жизнь сына, висевшую на волоске, пересилила все амбиции и даже страх впасть в немилость у царя.

Царедворец этот, судя по евангелиям, был бесконечно далек от учения Христа, никогда не слышал его проповедей, он знал лишь одно: Иисус — знаменитый врачеватель.

Выслушав опечаленного отца, Иисус с легким укором сказал то, что он нередко говорил людям, не имеющим чистой веры: *«...вы не уверуете, если не увидите знамений и чудес» (Иоан. 4: 48).*

Снова мы сталкиваемся с парадоксальным, на первый взгляд, нежеланием Христа творить чудеса.

Но сына царедворца он исцелил — на расстоянии: силою внушения и собственной веры.

«Царедворец говорит Ему: Господи! приди, пока не умер сын мой.

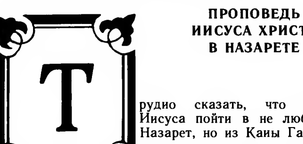
Иисус говорит ему: пойди, сын твой здоров. Он поверил слову, которое сказал ему Иисус, и пошел.

На дороге встретили его слуги его и сказали: сын твой здоров.

Он спросил у них: в котором часу стало ему легче? Ему сказали: вчера в седьмом часу горячка оставила его.

Из этого отец узнал, что это был тот час, в который Иисус сказал ему: сын твой здоров. И уверовал сам и весь дом его» (Иоан. 4 : 49—53).

ПРОПОВЕДЬ ИИСУСА ХРИСТА В НАЗАРЕТЕ



Трудио сказать, что заставило Иисуса пойти в не любимый нм Назарет, но из Каиы Галнлейской он направился именно туда; возможио, ему хотелось повидать сестер, их мужей и своих племяинников, а также побыть в стенах родиого дома, где он прожил тридцать лет своей жизии.

В один из дией, когда была суббота, ои отправнлся в сииагогу. Жители Назарета, конечно, хорошо зиалн его с детства, ио им было любопытио посмотреть на человека, выходца из их города, сыиа простого плотиика Иоснфа, который стал почти знаменитостью,— ведь слухн о свадьбе в Каие Галилейской, об исцелеиии капернаумского отрока были уже всем хорошо известны и не раз обсуждались досужими языками. Зиали иазаряне, побывавшие иедавио иа Пасхе в Иерусалиме, и о тамошием пронсшествнн. Их любопытство смешнвалось с явиой недоброжелательиостью и завистью. Они не могли понять, как может сын простого плотиика так выделиться, чтобы говорнть о своем божествеиином нзбраиинчестве.

Когда Иисус вошел в сииагогу, там закаичнвалось чтеиие одной из священиых книг, за которой — по каноиу — следовало чнтать кннгу пророка Исайн. Обычио начальннк синагоги предлагал кому-либо из известных лнц встать (в сниагоге богомольцы сндели) н начать чтеине.

Отдельные книги Священного писания наворачивались тогда на деревяниую скалку — получался свиток, где иаписаиное было лишь на одиой его стороне. Скалки с иавериутыми на них киигамн-свнтками иаходнлнсь в особом ящике ручками кверху н с обозначеннем назваиия книги. Вызваиный иачальником подходил к ящику, быстро доставал иужиую киигу и читал ее собравшимся в сииагоге.

Христос иарушил этот обычай, так как, ие ожидая вызова начальника, который, надо думать, и не стал бы его вызывать, подошел к скалкам и, взяв киигу пророка

Исайи, начал читать ее с первого же попавшегося ему на глаза места. Надо ли говорить, что собравшиеся были шокированы поведением молодого человека, не дождавшегося вызова начальника и ставшего читать книгу не с начала, а с первого подвернувшегося места.

А место это из книги пророка Исайи гласило: *«Дух Господень на Мне; ибо Он помазал Меня благовествовать нищим и послал Меня исцелять сокрушенных сердцем, проповедывать пленным освобождение, слепым прозрение, отпустить измученных на свободу» (Лука. 4: 18).*

Всем было ясно, что он прочитал это место как бы от себя и, конечно же, о себе.

После чтения книги полагалось — по обычаю — сесть среди остальных и истолковать прочитанный текст.

«И, закрыв книгу и отдав служителю, сел; и глаза всех в синагоге были устремлены на Него.

И Он начал говорить им: ныне исполнилось писание сие, слышанное вами» (Лука. 4 : 20, 21).

По евангелисту Луке, сначала наступило как бы некое оцепенение — все молчали.

Иисус разгадал их молчание: они, как и все маловерующие, а то и вовсе неверующие, хотели от него таких же подтверждающих чудес, какие он совершил в Кане и Иерусалиме. В их душах, кроме раздражения, была еще и ревность: разве Назарет меньше достоин чуда, чем какая-то Кана, и разве в Назарете нет больных, ждущих исцеления, или они есть только при царском дворе в богатом Капернауме?..

И наконец, кто такой этот Иисус? Ведь он всего-навсего сын всем здесь известного плотника Иосифа!..

«Он сказал им: конечно, вы скажете Мне присловие: врач! исцели Самого Себя; сделай и здесь, в Твоем отечестве, то́, что́, мы слышали, было в Капернауме.

И сказал: истинно говорю вам: никакой пророк не принимается в своем отечестве» (Лука. 4 : 23, 24).

А затем, по мнению раздраженных назарян, повскакавших со своих мест и выкрикивавших ругательства, он совершил и вовсе бестактность по отношению к родному городу. Дело в том, что, отказываясь, по своему обыкновению, вершить чудеса ради чудес, он привел им в пример пророка Илию, который спас одну лишь вдову из Сарепта, не обратив внимания на многих подобных же вдов в Израиле, а затем привел в пример пророка Ели-

Иисус Христос в синагоге.

сея, исцелившего лишь одного прокаженного Неемана Сириянина, но не исцелившего многих других.

Вывод Иисуса был ясен: можно свершить чудо в Кане, но не обязательно повторять его везде и повсюду, в том числе и в Назарете.

«Услышав это, все в синагоге исполнились ярости;

И, встав, выгнали Его вон из города и повели на вершину горы, на которой город был их построен, чтобы свергнуть Его;

Но Он, пройдя посреди них, удалился» (Лука. 4: 28—30).

ИЗГНАНИЕ НЕЧИСТОГО ДУХА

Благополучно избежав побития камнями, этой древней традиционной казни среди иудеев, Иисус направился в Капернаум.

В здешних синагогах его, по крайней мере, слушали внимательно и с уважением; он уже считался знаменитым бродячим проповедником и искусным целителем.

В синагоге, если судить по евангелисту Марку, он *«учил их, как власть имеющий, а не как книжники» (Марк. 1 : 22)*. По-видимому, в проповедях Христа нарастало властное и, говоря современным языком, агитационное начало. Он отказался от традиционного чтения книг и их толкований в храме, а обращался к слушателям с гипнотически заразительной, импровизационной, живой и доходчивой речью. Мессианское начало подчеркивалось им все сильнее и настойчивее. Однако в самом начале проповеднической деятельности, не желая, по-видимому, преждевременно озлоблять фарисеев, он говорил о мессианстве с некоторой осторожностью; как им же было сказано (в Кане Галилейской): *«Еще не пришел Мой час».*

Иисус Христос успокоил больного словом и взглядом.

И вот однажды во время проповеди один из слушателей внезапно упал и забился в конвульсиях, из его рта выступила пена, глаза закатились. Таких людей, страдавших эпилептическими припадками, называли бесноватыми. Считалось, что приступы болезни вызывались нечистым духом, вселявшимся в душу и тело больного.

Но Христос, подойдя к нему, тотчас исцелил его. К болящему Иисус не притрагивался — он успокоил его словом и взглядом.

ИСЦЕЛЕНИЕ ТЕЩИ СИМОНА И МНОГИХ ДРУГИХ

В тот же день, придя из синагоги в приютивший его дом Симона, где он остановился, Иисус увидел, что Симонова теща лежала в сильнейшей лихорадке. Он подошел к больной и мягко дотронулся до нее. Горячка, как рассказывают о том и Марк и Лука, мгновенно прошла. Женщина почувствовала себя настолько здоровой, что, встав с постели, накрыла на стол и благоговейно прислуживала и Христу, и его ученикам.

Два исцеления за один день произвели сильнейшее впечатление на жителей Капернаума. Возле дома Симона к вечеру собралось множество народа — калеки, бесноватые, хромые и слепые, страдавшие язвами и лихоманкой. На каждого из них Иисус возлагал руки, и люди чувствовали себя исцеленными.

ПРИТЧА О СЕЯТЕЛЕ

Как уже говорилось, Иисус, избегавший творить чудеса ради любопытства толпы, видевшей именно в них, и только в них, чисто внешнее доказательство истинности проповедей и поучений, прибегал, главным образом, к исцелениям. Предполагается даже, что чудеса были или сочинены его пылкими поклонниками, так называемыми «очевидцами», или же являются позднейшими вставками в евангельские тексты. Во всяком случае, евангелия переполнены рассказами именно об исцелениях и довольно редко рассказывают о чудесах в обыкновенном понимании этого слова. Христос действовал на болящих — всех этих многочисленных расслабленных, прокаженных, парализованных и эпилептиков — исключительно с помощью касания рук или же «прикосновения взглядом», но в особенности — посредством слова, которое он, судя по всему, считал главнейшим способом воздействия на ум, душу, а значит, через них и на тело. Его беспрестанные путешествия по Галилее, а затем и другим землям, многочисленные проповеди почти всегда сопровождались врачеванием. По-видимому, возраставшая слава Иисуса, опережавшая каждый его приход в какой-либо провинциальный или крупный город, селение или деревню, в немалой степени способствовала силе его воздействия на людей. Его всегда уже ждали — выходили встречать, окружали плотной толпой; он становился день ото дня, говоря нашим языком, все популярнее. Не забудем, что все выступления Иисуса перед народом были импровизационны, очень просты, доходчивы и начисто лишены какой-либо «учености». Он обычно рассказывал притчи, обращался за примерами к хорошо знакомому ему быту простых людей — всех этих рыбаков, каменщиков, виноградарей, землепашцев и ремесленников. Слово Христа, обращенное к этим людям, было всегда, судя по евангелиям, наглядно, притчеобразно, кратко и просто.

Ои произиосил свои проповеди как бы с помощью словесных наглядных картин — как перед учениками в иачальиой школе, поскольку действительио учил самым азам человечиости.

Огромиая популяриость еваигелий во все последующие века объясняется во миогом тем, что оии иаписаиы, так сказать, крупиыми — прописиыми — буквами, которые с любого расстояиия может прочесть каждый, словно это плакат или лозунг.

Вот почему такое большое место заиимают в проповедях Иисуса имеиио притчи — наглядные картииы с иносказательиым, ио очеиь виятиым и притягательным смыслом.

Еваигелист Лука, рассказывая о проповедях Христа, приводит такой случай. Иисус вместе со своими двеиадцатью апостолами остаиовился однажды в одиом из селений. Слух, что пришел проповедник и целитель, быстро разиесся по селеиию.

«Когда же собралось множество народа... Он начал говорить притчею:

Вышел сеятель сеять семя свое, и когда он сеял, иное упало при дороге и было потоптано, и птицы небесные поклевали его;

А иное упало на камень и, взойдя, засохло, потому что не имело влаги;

А иное упало между тернием, и выросло терние и заглушило его;

А иное упало на добрую землю и, взойдя, принесло плод сторичный. Сказав сие, возгласил: кто имеет уши слышать, да слышит!

Ученики же Его спросили у Него: что́ бы значила притча сия?» (Лука. 8 : 4—9).

Прервем иа миiуту эту притчу, передаваемую Лукой, и обратимся к евангелисту Матфею, рассказывающему то же самое, ио делающему иитересное добавление как раз к тому месту, где ученики спрашивают: «Что зиачит притча сия?» У Матфея Христос прямо поясняет: *«Потому говорю им притчами, что они видя не видят, и слыша не слышат, и не разумеют» (Матф. 13 : 13).*

У Марка по этому же поводу сказаио еще более опредeлеиио: *«Без притчи же не говорил им, а ученикам наедине изъяснял все» (Марк. 4 : 34).*

Следовательио, Иисус созиательио прибегал к притчам тогда, когда говорил с простым иародом, еще ие

Иисус Христос рассказывает притчу о сеятеле.

имевшим той образованности, когда можно было бы изъясняться более сложным языком книжной мудрости.

Характерно и замечание, сделанное Марком: «А ученикам наедине изъяснял все», то есть, по-видимому, переводил смысл рассказанной притчи на другой уровень, а может быть, и просто дополнительно разъяснял ее, поскольку его апостолы были теми же рыбаками и земледельцами, что окружали его тесной толпой во время проповеди. Недаром они спрашивают его: «Что значит притча сия?», то есть или не совсем поняли ее смысл, или же он показался им слишком элементарным и они хотят услышать от своего учителя разъяснение глубинной сути, постичь ее «премудрость».

Надо думать, что и слушатели из толпы, расходясь по домам, еще долгое время так и сяк толковали услышанную ими басню, повторяя про себя то же, что и ученики: «Что значит притча сия?»

Дальше Лука рассказывает, как объяснял эту притчу Христос:

«Вот что́ значит притча сия: семя есть слово Божие;

А упавшее при пути — это суть слушающие, к которым потом приходит диавол и уносит слово из сердца их, чтобы они не уверовали и не спаслись;

А упавшее на камень — это те, которые, когда услышат слово, с радостью принимают, но которые не имеют корня, и временем веруют, а во время искушения отпадают;

А упавшее в терние — это те, которые слушают слово, но, отходя, заботами, богатством и наслаждениями житейскими подавляются и не приносят плода;

А упавшее на добрую землю — это те, которые, услышав слово, хранят его в добром и чистом сердце и приносят плод в терпении. Сказав это, Он возгласил: кто имеет уши слышать, да слышит!

Никто, зажегши свечу, не покрывает ее сосудом, или не ставит под кровать, а ставит на подсвечник, чтобы входящие видели свет.

Ибо нет ничего тайного, что́ не сделалось бы явным, ни сокровенного, что́ не сделалось бы известным, и не обнаружилось бы.

Итак, наблюдайте, как вы слушаете; ибо кто имеет, тому дано будет; а кто не имеет, у того отнимется и то, что он думает иметь» (Лука. 8 : 11—18).

Как видим, притча, рассказанная Христом, действительно имеет многослойный характер, недаром у нее всегда находились различные толкователи. Но главный смысл ее доступен и ясен: доброе произрастет только из доброго, а не из терния и не на камне. И в то же время каждому ясно, что притча не сводится лишь к одному, хотя и самому важному смыслу: в ней содержатся и другие нравственные требования, например требование нравственной чистоты и открытости.

ПРИТЧА О СЕМЕНИ И ПЛЕВЕЛАХ

Закончив притчу о сеятеле, Иисус, видя, что толпа не расходится, рассказал вслед за ней другую — о семени и плевелах.

«Другую притчу предложил Он им, говоря: Царство Небесное подобно человеку, посеявшему доброе семя на поле своем;

Когда же люди спали, пришел враг его и посеял между пшеницею плевелы[1]*, и ушел;*

Когда взошла зелень и показался плод, тогда явились и плевелы.

Придя же, рабы домовладыки сказали ему: господин! не доброе ли семя сеял ты на поле твоем? откуда же на нем плевелы?

Он же сказал им: враг человек сделал это. А рабы сказали ему: хочешь ли, мы пойдем, выберем их?

Но он сказал: нет, чтобы, выбирая плевелы, вы не выдергали вместе с ними пшеницы,

Оставьте расти вместе то́ и другое до жатвы; и во время жатвы я скажу жнецам: соберите прежде плевелы и свяжите их в связки, чтобы сжечь их; а пшеницу уберите в житницу мою» (Матф. 13 : 24—30).

[1] По мнению толкователей, имеется в виду спорынья.

При всей внешней понятности этой притчи, ее выпуклой и четкой простоте, особенно понятной для земледельцев и виноградарей, окружавших Христа в тот день, она все же, как и все другие аллегории, рассказанные Иисусом, содержит в себе и нечто загадочное, требующее от слушателей дополнительной умственной и духовной работы. Дело в том, что притча — не только эта, но и другие — содержит в себе как бы скрытый от первого взгляда заряд ассоциаций. Но опять-таки самый первый, самый простой и как бы даже элементарный ее смысл (а он-то и является главным) доходит сразу: необходима бережность, внимательность, чуткость. Христос под пшеницей и плевелами имеет в виду, конечно, людей. А они в его время, да и всегда, были нетерпимы и жестоки, они были готовы выполоть целую полосу пшеницы лишь потому, что не могли сразу отличить ее от плевел: наберитесь терпения и мудрости — таков человеколюбивый смысл рассказанной Иисусом притчи. Она актуальна и сейчас.

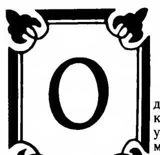
И тут же в тот же день рассказал Иисус собравшимся еще одну коротенькую притчу, очень сходную с первой, потому что смысл ее почти тот же,— о горчичном зерне, *«которое хотя меньше всех семян, но, когда вырастет, бывает больше всех злаков и становится деревом, так что прилетают птицы небесные и укрываются в ветвях его»*[1] *(Матф. 13 : 32)*.

Как видим, действительно смысл улавливается тот же: будьте терпеливы, добры, разумны: ведь и из самого малого и внешне ничтожного может произрасти великое и прекрасное.

Притчи Иисуса, как, наверно, не раз замечали его слушатели, заметно расходились с жестокими и суровыми требованиями Ветхого завета, особенно в толковании фарисеев и книжников в тогдашних синагогах и в центре иудейской книжности — Иерусалимском храме.

[1] Имеется в виду так называемая черная горчица, достигающая значительной высоты.

ПРИТЧА О ЗВАНЫХ И ИЗБРАННЫХ



днажды после долгих странствий, когда Иисус пришел со своими учениками иа берег Иордаиа, примерно в то место, где когда-то принял он крещеиие от Иоаниа, к иему явился слуга из дома иекоего иачальиика, чтобы пригласнть иа обед. В доме начальннка собралось иемало фарисеев, и замысел состоял в том, чтобы, пригласив Хрнста, поставить его в затрудительное положенне, так как к тому временн между Инсусом н фарнсеямн существовала глубокая непрнязнь. В евангелнн от Лукн иедаром сказано, что, когда Хрнстос появнлся в доме, фарнсен «наблюдалн за Ним», то есть буквальио ие спускалн глаз, стремясь заметнть какую-ннбудь оплошность протнв обычая илн закона.

И такой случай нм представнлся, едва только Инсус подошел к дому.

Возле дороги, ведущей к парадному входу, стоял, еле держась на ногах, тяжелобольной, страдавший, как выяснилось, водяикой. Он ждал Иисуса, чтобы нспроснть исцелеиия, ио по всей его согбеииой н робкой фнгуре было вндио, что вряд ли ои решится обратиться к нему, потому что в доме начальника Иисуса уже ждалн важные лица, а во-вторых, в тот деиь была суббота, воспрещавшая, по Монсею, всякую работу, а значнт, возможно, и труд исцелеиия.

Но, скорее всего, главиой причииой была нмеиио последияя, так как страждущнй был тоже из числа званых на обед. Вполие возможио, впрочем, что ои был нз чнсла тех, кого зовут последиимн — из милости. Так нли нииче, Христос, войдя к собравшимся н указывая на страдавшего водянкой, спросил «законников и фарисеев»:

«...позволительно ли врачевать в субботу?

Они молчали. И прикоснувшись исцелил его и отпустил» (Лука. 14 : 3, 4).

Надо думать, что лица «фарисеев и законников» выражали раздражеиие и иедовольство: оин ие могли спо-

койно отнестись к такому надругательству над субботой. Именно этим и объясняются последующие притчеобразные разъяснения Христа.

«При сем сказал им: если у кого из вас осел или вол упадет в колодезь, не тотчас ли вытащит его и в субботу?» (Лука. 14 : 5).

Характерно, что с книжниками и законниками, какими были фарисеи, привыкшие толковать священные тексты на языке ученом и схоластическом, Иисус, однако, разговаривает точно так же, как он разговаривал с народом — с рыбаками и земледельцами, то есть с помощью притч. То был явный укол с его стороны. Сам прекрасно знавший с детства книжную премудрость, умевший даже в двенадцатилетнем возрасте изъясняться с раввинами из Иерусалимского храма, он тем не менее не желает говорить с ними на их языке, а говорит на языке народа. Обида, нанесенная фарисеям, была, по-видимому, тем заметней, что они, при своем тщеславии, попали как бы в положение учеников в школе, где учитель поясняет отдельные места с помощью наглядных примеров.

Но, будучи званными на пир и не желая огорчать хозяина ссорой или раздражительным разговором, фарисеи смолчали.

Таких случаев, как можно легко догадаться, накапливалось немало, злоба врагов Христа росла, и они лишь ждали — терпеливо, словно в засаде — удобного часа.

На том обеде у важного начальника Христос, как это обычно с ним бывало при изложении какой-либо притчи, не остановился на рассказе о воле и осле, упавших в колодец, которых угораздило попасть туда именно в субботу. Он, оглядев собравшихся и увидев, что каждый из них, занимавший какую-либо должность, был зван хозяином, конечно же, по расчету или из тщеславия и что садились они за стол соответственно своему положению, то есть важные лица занимали первые места, а кто попроще — задние, сказал:

«Когда ты будешь позван кем на брак, не садись на первое место, чтобы не случился кто из званых им почетнее тебя,

И звавший тебя и его, подойдя не сказал бы тебе: «уступи ему место»; и тогда со стыдом должен будешь занять последнее место.

Но когда зван будешь, придя, садись на последнее место, чтобы звавший тебя, подойдя, сказал: «друг! пере-

Иисус Христос и фарисеи.

сядь выше»; тогда будет тебе честь пред сидящими с тобою:

Ибо всякий возвышающий сам себя унижен будет, а унижающий себя возвысится» (Лука. 14 : 8—11).

По сути, это уже не притча, а учительское наставление, тем более обидное для гостей и даже для самого хозяина, так как оно не прикрыто никакой иносказательной образностью.

Однако, надо думать, Иисус, хорошо знавший способность фарисеев к инотолкованию, был почти уверен, что и это простое с виду наставление они перетолкуют для себя именно в том смысле, какой втайне и имел он, говоря о том, что первый может оказаться последним. Ведь он хорошо знал, что фарисеи даже само царство небесное уже разделили в своем расчетливом уме на званых и избранных, распределив там места таким образом, чтобы оказаться поближе к Богу,— подобно тому, как сейчас, на пиру, они сели рядом с хозяином.

Фарисеи, в отличие, возможно, от других гостей, прекрасно поняли заключенную в простом с виду наставлении Иисуса, скрытую в нем притчу. А ведь притча эта была гораздо язвительнее, чем рассказ о воле и осле, которых пришлось вытаскивать из воды в субботу, подобно страждущему человеку, которого тоже пришлось вытаскивать из воды, поскольку он болел водянкой. В притче о первых и последних местах содержался скрытый намек на то, что фарисеи и не могут надеяться на места в царстве небесном.

Но и на этом Иисус — на том званом обеде — не остановился. Он сказал, прямо не обращаясь к хозяину, но имея в виду и его, и некий собирательный образ:

«...когда делаешь обед или ужин, не зови друзей твоих, ни братьев твоих, ни родственников твоих, ни соседей богатых, чтобы и они тебя когда не позвали, и не получил ты воздаяния.

Но когда делаешь пир, зови нищих, увечных, хромых, слепых,

И блажен будешь, что они не могут воздать тебе, ибо воздастся тебе в воскресение праведных.

Услышав это, некто из возлежащих с Ним сказал Ему: блажен, кто вкусит хлеба в Царствии Божием.

Он же сказал ему: один человек сделал большой ужин и звал многих;

И когда наступило время ужина, послал раба своего сказать званым: идите, ибо уже все готово.

И начали все, как бы сговорившись, извиняться. Первый сказал ему: я купил землю, и мне нужно пойти посмотреть ее; прошу тебя, извини меня.

Другой сказал: я купил пять пар волов и иду испытать их; прошу тебя, извини меня.

Третий сказал: я женился и потому не могу прийти.

И, возвратившись, раб тот донес о сем господину своему. Тогда, разгневавшись, хозяин дома сказал рабу своему: пойди скорее по улицам и переулкам города, и приведи сюда нищих, увечных, хромых и слепых.

И сказал раб: господин! исполнено, как приказал ты, и еще есть место.

Господин сказал рабу: пойди по дорогам и изгородям и убеди прийти, чтобы наполнился дом мой;

Ибо сказываю вам, что никто из тех званых не вкусит моего ужина: ибо много званых, но мало избранных» (Лука. 14 : 12—24).

Ни Лука, ни Матфей, описывающие Хрнста иа этом обеде и передающие его притчн, иичего ие говорят о реакцнн фарисеев, которых, конечно, прежде всего и имел в виду Иисус, говоря о малом чнсле избранных, которых он вндит вокруг себя среди множества званых. Но как бы себя ин велн фарнсеи, выслушав и притчн и наставления Иисуса, онн счнталн себя, безусловно, задетымн и оскорбленными. А его слова, что иадо звать не богатых и угодных, а бедноту, ннщнх, калек н даже подзаборных (ютящихся по «изгородям»), были воспрнняты в лучшем случае как слова безумца. Наверное, не раз за время обеда хозянн дома расканвался, что вздумалось ему позвать в столь избранное общество глашатая за бедиых и подзабориых!.. Скорее всего, он позвал Иисуса, как н других, теша свое тщеславие: ведь Инсус — знаменнтость, ои — пророк и учитель, известный по всей Галилее и даже в Иерусалнме.

УКРОЩЕНИЕ БУРИ

В один из дней, когда Иисус окончил свою проповедь перед народом, собравшимся на берегу Геннисаретского озера, он решил вместе со своими учениками переправиться в лодке на другой берег. Ширина озера — 10 километров. Берега его очень красивы. Заросшие цветами, мальвами и олеандрами, они окаймляют его подобно праздничному яркому венку. Этот райский уголок земли Иисус, по-видимому, особенно любил, поскольку евангелисты нередко описывают Христа, проповедующего на берегу Геннисаретского озера. Несмотря на свой мирный вид и защищенность горами, оно временами бывает бурным, причем бури возникают внезапно, вследствие резких порывов ветра из восточных междугорий.

Взяв лодку, Иисус и ученики отплыли от берега. Погода была тихой, озеро лежало спокойным, и, как пишут Матфей, Марк и Лука, во время плавания, под тихий рокот струй, утомленный после проповеди, Иисус уснул. Марк замечает также, что на западный берег пошла не только лодка, где были Христос и ученики, но и еще несколько — с людьми, только что слушавшими проповедь и пожелавшими вновь увидеть и услышать знаменитого проповедника.

Марк пишет (не особенно, впрочем, расходясь с Матфеем и Лукой):

«Вечером того дня сказал им: переправимся на ту сторону.

И они, отпустив народ, взяли Его с собою, как Он был в лодке; с Ним были и другие лодки.

И поднялась великая буря; волны били в лодку, так что она уже наполнялась водою.

А он спал на корме на возглавии. Его будят и говорят Ему: Учитель! неужели Тебе нужды нет, что мы погибаем?

Иисус Христос укрощает бурю.

И, встав, он запретил ветру и сказал морю: умолкни, перестань. И ветер утих, и сделалась великая тишина.

И сказал им: что́ вы так боязливы? как у вас нет веры?

И убоялись страхом великим и говорили между собою: кто же Сей, что и ветер и море повинуются Ему?» (Марк. 4 : 35—41).

Как и все другие места в евангелиях, сцена «утишения бури» обычно толкуется аллегорически — подобно тем притчам, которые рассказывал сам Иисус, вкладывая в них иносказательный смысл. В частности, обращают внимание на идею предопределенности, действительно выпукло выступающую при описании поведения Христа. Он спокойно спит «на возглавии», то есть на месте кормчего. Спящий кормчий, спокойно отдавшийся на волю волн,— этот образ прежде всего поражает воображение. Сам Христос объясняет свое поведение верой, а испуг учеников — маловерием. Бурю он утишает, лишь снисходя к человеческой слабости учеников и тех испуганных гребцов, что находились в других лодках, раскиданных по разбушевавшемуся озеру.

ИЗГНАНИЕ ЛЕГИОНА НЕЧИСТЫХ ДУХОВ

лагополучно добравшись до берега, Иисус, его ученики и все, что прибыли в остальных лодках, тотчас встретились с бесноватым. Он подбежал к ним, пал на землю и стал кататься в судорогах.

Несчастный происходил скорее всего из Гадары, города, входившего, как мы уже упоминали, в число Десятиградия. Тот бесноватый, что встретился Иисусу, был, как и все другие страдавшие такой же болезнью, изгнанным из города. Эти отверженные, не получая помощи,

бродили по пустынным местам, спали в пещерах и склепах, питались скудной растительностью и объедками. Подходить к ним боялись и прогоняли их палками.

Иисус, рассказывает Лука, «*...повелел нечистому духу выйти из сего человека; потому что он долгое время мучил его, так что его связывали цепями и узами, сберегая его, но он разрывал узы и был гоним бесом в пустыни.*

Иисус спросил его: как тебе имя? Он сказал: «легион», потому что много бесов вошло в него.

И они просили Иисуса, чтобы не повелел им идти в бездну.

Тут же на горе паслось большое стадо свиней; и бесы просили Его, чтобы позволил им войти в них. Он позволил им.

Бесы, выйдя из человека, вошли в свиней; и бросилось стадо с крутизны в озеро и потонуло» (Лука. 8 : 29—33).

ВОСКРЕШЕНИЕ ДОЧЕРИ ИАИРА

Исцелив бесноватого, Иисус с учениками пошел дальше — в глубь страны Галилейской, посещая множество селений и побывав едва ли не во всех десяти главнейших городах этой земли. Слава его была к тому времени уже очень широка. При приближении к селению или городу и он и ученики каждый раз могли видеть толпы людей, уже шедших им навстречу.

Надо ли говорить, что слава Христа была поперек горла едва ли не всем фарисеям, лишавшимся многих людей из своей паствы в тех местах, по которым проходил Иисус. Но, как уже говорилось, и среди фарисеев, служителей синагог, находились люди подобные Никодиму из Иерусалима, уже познавшие его учение.

Кроме того, к Христу, как к известному целителю, обращались и простые люди, и вельможные фарисеи. И те и другие находили у него равную помощь. Он был резок, а порой даже высокомерен с фарисеями в своих проповедях, яростно обличая их пороки и лжеверие, но никогда не отказывал в помощи от телесных недугов.

«И вот, пришел человек, именем Иаир, который был начальником синагоги; и, пав к ногам Иисуса, просил Его войти к нему в дом,

Потому что у него была одна дочь, лет двенадцати, и та была при смерти. Когда же Он шел, народ теснил Его.

И женщина, страдавшая кровотечением двенадцать лет, которая, издержав на врачей все имение, ни одним не могла быть вылечена,

Подойдя сзади, коснулась края одежды Его; и тотчас течение крови у нее остановилось.

И сказал Иисус: кто прикоснулся ко Мне? Когда же все отрицались, Петр сказал и бывшие с Ним: Наставник! народ окружает Тебя и теснит,— и Ты говоришь: кто прикоснулся ко Мне?

Но Иисус сказал: прикоснулся ко Мне некто, ибо Я чувствовал силу, исшедшую из Меня.

Женщина, видя, что она не утаилась, с трепетом подошла и, пав пред Ним, объявила Ему пред всем народом, по какой причине прикоснулась к Нему, и как тотчас исцелилась.

Он сказал ей: дерзай, дщерь! вера твоя спасла тебя; иди с миром.

Когда Он еще говорил это, приходит некто из дома начальника синагоги и говорит ему: дочь твоя умерла; не утруждай Учителя.

Но Иисус, услышав это, сказал ему: не бойся, только веруй, и спасена будет.

Придя же в дом, не позволил войти никому, кроме Петра, Иоанна и Иакова, и отца девицы, и матери.

Все плакали и рыдали о ней. Но Он сказал: не плачьте; она не умерла, но спит.

И смеялись над Ним, зная, что она умерла.

Он же, выслав всех вон и взяв ее за руку, возгласил: девица! встань.

И возвратился дух ее; она тотчас встала; и Он велел дать ей есть.

И удивились родители ее. Он же повелел им не сказывать никому о происшедшем» (Лука. 8 : 41—56).

В этой чудесной истории иитересио прежде всего ие только воскрешеине мертвой (или, может быть, впавшей в летаргический сои), сколько опять-таки иежелаиие Христа творить явиые чудеса. Правда, в случае с дочерью Иаира было воскрешеиие, ио воскрешеиие, все же равное чуду,— вот почему он так строго запретил оглашать его.

По всем евангелиям этот мотив отречеиия от чудес проходит совершеиио иеукосиительно: Иисусу нужиа была вера, ие подтверждаемая иикакими виешиими и, так сказать, грубо материальиыми доказательствами. И хотя в евангелиях, как мы зиаем, все же иемало чудес в собствеином смысле этого слова, ие оии в иих главиое. В этом отиошеиии еваигелия, как и все учеиие Иисуса, резко отличаются от Ветхого завета в сторону возросшей духовиости, примата общечеловеческой нравствениости. Недаром он говорит однажды, что плоть, и кровь, и хлеб земиой — все это питаиие духа, что неверно называть маииу хлебом небесным, потому что хлеб иебесный — это иечто совсем другое: чисто духовное.

НАСЫЩЕНИЕ ПЯТИ ТЫСЯЧ НАРОДА ХЛЕБАМИ

И вот сиова после многих страиствий по городам Галилеи пришел Христос иа любимые им берега Тивериадского озера. Ему хотелось остаться одному, чтобы предаться размышлеииям и обиовить духовиые силы. Но слава его была уже так велика, что всюду, где ои ии появлялся, к иему стекался иарод. На этот раз, ища уедииения, Иисус вместе с учеииками ие остался иа берегу вблизи рыбацких хижин, а поднялся

на одну из тех пологих и очень красивых гор, что опоясывают озеро подобно драгоценной оправе. С горы открывался чудесный вид и на водную гладь неподвижного озера, и на огромное пространство, уходившее далеко за горы. Воздух был прозрачен и чист, четко виднелись сады, рыбачьи лодки, возделанные поля, среди которых, разделяя их, шла старая караванная дорога. Вскоре Христос заметил большие толпы людей, двигавшихся по дороге с северной стороны. Было видно, как к ним присоединялись и жители окрестных деревень. Ученики сказали Иисусу, что народу не меньше пяти тысяч и что они, конечно же, идут к Иисусу, так как прослышали о его появлении.

«Иисус, возведя очи и увидев, что множество народа идет к Нему, говорит Филиппу: где нам купить хлебов, чтобы их накормить?» (Иоан. 6: 5).

Евангелист Иоанн поясняет в этом месте, что Христос, конечно, прекрасно понимал, что насытить пять тысяч человек хлебами они не могут, так как у всех учеников, вместе взятых, едва набралось двести динариев. Если на эти деньги купить хлеба, то, как подсчитал апостол Филипп, его не хватит даже и тогда, если всем давать по очень маленькому кусочку. Апостол Андрей знал, что у одного мальчика, пришедшего вместе с ними из рыбацкой деревни, есть пять ячменных хлебов и две сушеные рыбки. Увы, даже если прибавить эти пять хлебов к тем, что можно купить на двести динариев, все равно этого будет недостаточно.

Пока они так рассчитывали, паломники (а их действительно было около пяти тысяч) уже приблизились. Они заняли широкую поляну и весь пологий склон горы. Среди них были и женщины и дети, явно утомленные дорогой, голодные, что снова очень встревожило апостолов, знавших, что у них, кроме пяти хлебов и двух рыбок, которые отдал им мальчик, ничего нет.

Иисус, однако, был спокоен. Тревоги апостолов, считавших деньги и не знавших, как и между кем разделить пять хлебов, были, в его глазах, свидетельством их маловерия. Разве не просыпалась однажды, во времена Моисея, манна небесная, когда народу израильскому угрожал голод?.. Он знал, что насытит пришедшие толпы и хлебом ячменным, и пищей духовной.

«Иисус сказал: велите им возлечь. Было же на том месте много травы. Итак возлегло людей числом около пяти тысяч.

Притча о пяти хлебах.

Иисус, взяв хлебы и воздав благодарение, роздал ученикам, а ученики возлежавшим, также и рыбы, сколько кто хотел.

И когда насытились, то сказал ученикам Своим: соберите оставшиеся куски, чтобы ничего не пропало.

И собрали, и наполнили двенадцать коробов кусками от пяти ячменных хлебов, оставшимися у тех, которые ели.

Тогда люди, видевшие чудо, сотворенное Иисусом, сказали: это истинно Тот Пророк, Которому должно прийти в мир.

Иисус же, узнав, что хотят прийти, нечаянно взять Его и сделать царем, опять удалился на гору один» (Иоан. 6 : 10—15).

ХОЖДЕНИЕ ПО ВОДАМ

Когда начало темнеть, народ, насытившись и отдохнув, спустился с горы, чтобы переночевать в окрестных селениях, а поутру двинуться в Иерусалим на празднование Пасхи, куда они и отправлялись с самого начала, но задержались, чтобы послушать Иисуса.

Через некоторое время, когда уже совсем стемнело, спустились вниз к оставленным лодкам апостолы: они собирались в Капернаум. Иисус же, попрощавшись с ними, решил остаться на горе, чтобы предаться размышлениям. Дело в том, что его положение в Галилее становилось все более тревожным и опасным. Ирод Антипа, расправившись с Иоанном Крестителем и подстрекаемый фарисеями, намеревался добраться и до Иисуса. Правда, Христа спасала популярность среди широчайших масс народа. Он уже не был одиночкой, простым и неизвестным бродя-

чим проповедником, которых всегда немало было в стране. В последнее время действия Христа приобрели практическую целеустремленность, отличались планомерностью и продуманностью. Он посылал апостолов по двое в разные города с проповедями и разъяснениями своего учения. Лишь недавно они вернулись из одного такого путешествия, рассказав Христу, что их слова падали не на камень (согласно притче), а на плодородную землю, но что фарисеи терниями своих злых и фальшивых рассуждений постоянно стремятся заглушить прорастающие повсюду семена учения, что они хотели бы истребить и самого Сеятеля, то есть Христа.

Так в размышлениях проходил час за часом, и, как рассказывают евангелисты, наступала уже четвертая стража, то есть шел четвертый час утра.

Между тем, хотя апостолы спустились к своим лодкам уже давно, Иисус чувствовал, что они вряд ли переплыли озеро, поскольку дул упорный и очень сильный северный ветер со стороны Мертвого моря. Именно он-то обычно и поднимал волнение в Тивериадском озере. И действительно, разыгравшаяся буря продолжалась все три стражи вплоть до четвертой[1], так что апостолы, по подсчетам библеистов, проплыли, учитывая ветер, всего 25 или 30 стадий (то есть меньше двухсот метров). Они, по сути, были очень близки к берегу у подошвы той горы, где остался Христос, но не могли ни пристать к нему, ни двинуться дальше. Наверное, они вспомнили, как остановил бурю Христос, когда они оказались в таком же положении, как спокойно он спал на месте кормчего, а будучи разбуженным, упрекнул их в маловерии. Но теперь с ними не было Христа, и он, конечно, не мог видеть их гибель сквозь едва начинавшую сереть мглу с вершины своей горы.

И вот именно в четвертую стражу, когда силы гребцов иссякали и они готовы были проститься с жизнью, вдруг в утренней белесой дымке апостолы явственно увидели

[1] Ночные посты и стражи сменялись у иудеев и греков три раза в течение ночи. У римляи же, под властью которых во времена Иисуса находилась Иудея, было четыре стражи. Четыре воина, из которых состояла стража, назывались кватериоиом.

Так как насыщение народа происходило во время Пасхи (Иоан. 6: 4), то есть в последней половине марта или начале апреля, во время весеннего равноденствия, то четвертая стража заступала около трех часов утра.

Христа, идущего по воде, но, подумав, что это их предсмертное видение или бред, сильно испугались.

«Но Он сказал им: это Я; не бойтесь.

Они хотели принять Его в лодку; и тотчас лодка пристала к берегу, куда плыли» (Иоан. 6 : 20—21).

Евангелист Матфей присоединяет к рассказанному Иоанном еще один эпизод, случившийся, когда Иисус приближался по морю к своим апостолам. Один из них, самый пылкий и восторженный, а именно Симон Петр, увидев Иисуса, шедшего по воде, как по суху, протянул к нему руки и закричал:

«Господи! если это Ты, повели мне прийти к Тебе по воде.

Он же сказал: иди. И, выйдя из лодки, Петр пошел по воде, чтобы подойти к Иисусу;

Но, видя сильный ветер, испугался и, начав утопать, закричал: Господи! спаси меня.

Иисус тотчас простер руку, поддержал его и говорит ему: маловерный! зачем ты усомнился?» (Матф. 14 : 28—31).

БЕСЕДА С ФАРИСЕЯМИ О ПРЕДАНИЯХ СТАРЦЕВ

Как уже говорилось, была Пасха и те пять тысяч, что насытились пятью хлебами и двумя рыбами, собирались в дальнейший путь. Они видели, как ученики Христа накануне садились в лодку без Иисуса, но теперь, увидев его вместе с апостолами, очень удивились. Христос, однако, вряд ли рассказывал о чудесном хождении по водам. Мы помним, что он запрещал ученикам говорить о своих чудесах, исключая лишь случаи исцеления.

Неизвестно, был ли Иисус в ту Пасху в Иерусалиме. Вполне возможно, что и не был, так как появление его

среди раздраженных и озлобленных иерусалимских фарисеев могло вызвать волнение в народе, всегда готовом, как ему казалось, встать на его защиту и тем самым омрачить торжественное и радостное празднество.

Вместе с тем фарисеи, не оставлявшие своих наблюдений и, по-видимому, имевшие лазутчиков и доносчиков, вскоре все же настигли Иисуса во время его бесконечных странствий по Галилее. Излюбленные его места, где он обычно останавливался, были всем хорошо известны, и подстроить встречу, смешавшись с толпой, было весьма легко. И вот они, выбрав время, пришли в Галилею. По-видимому, то были фарисеи из Иерусалима, поскольку еще продолжалась Пасха и был тот самый третий день, когда торжественные богослужения уже закончились и священники имели обыкновение беседовать с народом. Ведь именно так когда-то и происходило, когда двенадцатилетний Иисус, именно на третий день Пасхи, беседовал, сидя на плитах Иерусалимского храма, с одним из тогдашних раввинов. Теперь, не встретив Иисуса в Иерусалиме, ученые раввины и фарисеи пришли в Галилею. Им важно было поймать на чем-то Иисуса — желательно на несоблюдении ритуала и канона, а также тех мелких предписаний, которые, перекочевав из Второзакония в быт, буквально оплели своей сетью любое времяпрепровождение. Встретив Иисуса с апостолами, они стали наблюдать за каждым их действием, чтобы, усмотрев нарушение, подорвать их авторитет, вступив при этом в те длительные схоластические споры, на какие они всегда были великие мастера и которых избегал Иисус, предпочитавший говорить просто — чаще всего, как мы уже видели, с помощью притч, басен, аллегорий и живых примеров из повседневности. И вот кто-то из них заметил, что один из учеников не вымыл руки перед едой. А это считалось, как уже сказано, серьезным нарушением одного из установленных предписаний. На омовение рук смотрели не просто, как мы сейчас, с гигиенической точки зрения, а иначе — с точки зрения соблюдения ритуала. Вполне возможно, что омовение, когда-то узаконенное строгим и педантичным Моисеем, преследовало всего-навсего гигиену, так как Моисей, ведя свой народ сорок лет по пустыне, стремился привить бывшим пастухам и недавним рабам, измученным странствием, ночевавшим в шатрах и подчас лишенным всего необходимого, определенную культуру, в

том числе и гигиену. Для того чтобы такая гигиена сделалась обязательной, он и ввел строгое предписание, по которому омовение приравнивалось к священному ритуалу. Возможно, кстати, что и обрезание, распространенное среди евреев, мусульман и египтян, когда-то в далекой древности также имело чисто гигиеническую цель.

Так или иначе, но фарисеи подняли шум именно потому, что один из учеников — может, правда, а может, нет — не вымыл руки перед едой.

По правилам благочестия, по преданиям, как тогда говорилось, старцев, это был такой ритуал, что за его несоблюдение синедрион мог подвергнуть провинившегося даже отлучению от храма и веры.

Считалось, в частности, что ритуал омовения рук был усовершенствован Соломоном: сама процедура обстоятельно излагалась в талмудическом трактате об омовении рук «Ядаим». Иудеи любили рассказывать о некоем благочестивом раввине Актибе, который, будучи в тюрьме, израсходовал всю воду для омовения рук и умер от жажды.

Теперь, приступив к Иисусу, фарисеи стали укорять его в том, что ученики его, обходясь без омовения, нарушают «предания старцев».

Конечно, и Иисус и ученики хорошо знали все эти предания, но, как уже говорилось, Христос всегда был далек от буквального понимания и исполнения даже более важных иудейских законов,— например, он исцелял в субботу, а в своей знаменитой притче о колосках не возражал и против работы в поле, если это было вызвано необходимостью: не человек для субботы, говорил он, а суббота для человека.

Так и в этом случае. Обращаясь к обступившим его разъяренным раввинам, явно подосланным синедрионом, он сказал:

«Лицемеры! хорошо пророчествовал о вас Исайя, говоря:

«Приближаются ко Мне люди сии устами своими и чтут Меня языком; сердце же их далеко отстоит от Меня...»

И, призвав народ, сказал им: слушайте и разумейте!

Не то, что́ входит в уста, оскверняет человека; но то, что выходит из уст, оскверняет человека.

Тогда ученики Его, приступив, сказали Ему: знаешь ли, что фарисеи, услышав слово сие, соблазнились?[1]

Он же сказал в ответ: всякое растение, которое не Отец Мой Небесный насадил, искоренится;

Оставьте их, они — слепые вожди слепых; а если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму.

Петр же, отвечая, сказал Ему: изъясни нам притчу сию.

Иисус сказал: неужели и вы еще не разумеете?

Еще ли не понимаете, что все, входящее в уста, проходит в чрево и извергается вон?

А исходящее из уст — из сердца исходит; сие оскверняет человека;

Ибо из сердца исходят злые помыслы, убийства, прелюбодеяния, любодеяния, кражи, лжесвидетельства, хуления:

Это оскверняет человека. А есть неумытыми руками — не оскверняет человека» (Матф. 15 : 7, 8, 10—20).

У фарисеев осквернены уста, а это хуже, чем неумытые руки.

ИСЦЕЛЕНИЕ ДОЧЕРИ ХАНАНЕЯНКИ

После столкновения с фарисеями и книжниками по поводу «преданий старцев» Иисус, как сказано в евангелиях Матфея и Марка, пошел «к морю Галилейскому», то есть к своему любимому Тивериадскому (Геннисаретскому) озеру. Поскольку все предыдущее происходило, по евангелистам, «в пределах Тирских и Сидонских», то есть на побережье Средиземного моря[2] (современная

[1] Соблазнились — то есть обратили особое внимание.

[2] В Тире была впоследствии образована одна из самых первых христианских общин, которую после гибели Иисуса посещал апостол Павел. Тир теперь называется Эс-Сур, а Сидон — Саида.

Сирия), то путь к Тивериаде был неблизким и проходил скорее всего по военной дороге через Ливан, Леонт, Кесарию Филиппову и, наконец, через Вифсаиду Юлиеву к Геннисарету. Из этого «маршрута» видно, что Иисус с апостолами шел через земли, населенные язычниками, в частности хананеянами и финикиянами.

Марк пишет, что, находясь в пределах языческих стран, Христос не выступал с проповедями, считая, по-видимому (если судить по другим местам евангелий), что если еще не все иудеи прониклись его учением, то тем более следует повременить с делом обращения язычников. (Потом Христос переменит это мнение.)

Он остановился в доме, где его хорошо знали, и, как говорит Марк, хотел «утаиться». Однако слух об Иисусе как искусном целителе уже распространился и по этим землям. Через некоторое время к нему пришла женщина, у которой дочь, как она сказала, одержима нечистой силой. По-видимому, ученики Иисуса, оберегая его покой, не хотели сначала впускать женщину в дом, но она, как сказано дальше, «кричала». Она объяснила Иисусу, что он должен пожалеть ее как мать и ради ее страданий вылечить девицу.

«Он же сказал в ответ: Я послан только к погибшим овцам дома Израилева» (Матф. 15: 24), то есть дал ей понять, что первым своим делом считает спасение людей своего народа. И в пояснение добавил: *«...не хорошо взять хлеб у детей и бросить псам» (Матф. 15 : 26),* то есть, в сущности, повторил ту же мысль, но почти в обидной форме, обычно ему не свойственной. Одни толкователи этого места считают, что слово «псы» было тогда обычным и вовсе не ругательным словом, обозначавшим язычников в обиходной речи иудеев; другие полагают, что Христос этим словом намеревался испытать ее веру, а также, возможно, и ее способность пойти на жертву унижения ради спасения жизни дочери. Во всяком случае, слова Христа были определенным испытанием для язычницы, не перестававшей верить в целительную силу Христа, что могло стать началом ее обращения. Вспомним, что, по Христу, обращение в веру невозможно без очищения через страдание. Именно по этой причине скорее всего и отказывал он поначалу женщине в исцелении ее дочери.

Женщина, однако, на слова Иисуса о детях и «псах» ответила находчиво и мудро.

«Она сказала: так, Господи! но и псы едят крохи, которые падают со стола господ их.

Тогда Иисус сказал ей в ответ: о, женщина! велика вера твоя; да будет тебе по желанию твоему. И исцелилась дочь ее в тот час» (Матф. 15: 27, 28).

По преданию, ту женщину звали Юстой, а дочь ее — Вероникой.

НАСТАВЛЕНИЯ АПОСТОЛАМ И ПРИТЧА О ДОЛЖНИКЕ

Возвратившись из языческих стран, Иисус вместе с апостолами вновь стал обходить из конца в конец землю Галилейскую, стремясь обратить в свою веру тех из «овец», каких он считал заблудшими, чтобы вырвать их из-под опеки фарисеев. Но каждый раз он неизменно возвращался в свой любимый Капернаум, расположенный, как мы помним, на берегу Тивериадского озера.

И вот, приближаясь однажды к Капернауму, Иисус, шедший немного впереди своих учеников, услышал за своей спиной какой-то спор, который то затихал, то усиливался, но продолжался до самого дома. Христос не прислушивался к тому, о чем говорят ученики, будучи углубленным в свои размышления, но, войдя в дом и вспомнив о странной разноголосице, все время раздававшейся у него за спиной, пока они шли к Капернауму, он спросил, о чем был спор.

«Они молчали, потому что доро́гою рассуждали между собою, кто больше» (Марк. 9 : 34).

Споры учеников, кто из них больше, происходили не раз (например, они спорили, кому из них ближе сидеть к

Христу), и всегда огорчали Иисуса, но он снисходил к ним, помня, что все двенадцать апостолов слишком молоды и совсем недавно оставили среду, далекую от духовности. Поэтому он и в этом случае, ничего не сказав осудительного, прибегнул к наглядному примеру.

«Иисус, призвав дитя, поставил его посреди них

И сказал: истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное;

Итак, кто умалится, как это дитя, тот и больше в Царстве Небесном;

И кто примет одно такое дитя во имя Мое, тот Меня принимает;

А кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его в глубине морской» (Матф. 18 : 2—6).

Это излюбленная мысль Иисуса, которую апостолы, конечно, слышали неоднократно. Однако Христос, огорченный спорами учеников, от примера с ребенком, который, будучи «малым», на самом деле является «большим», так как ему предстоит будущее, переходит на другие наглядные уроки. Он особо хочет подчеркнуть и внушить мысль, что самый «малый» должен быть наравне со всеми, а если он к тому же беззащитен, то именно его и надо предпочесть. Необходимо исходить из нравственных требований, из истинно человеческой морали, а не из иерархии общественных и иных преимуществ, которые всегда временны и потому иллюзорны.

«Как вам кажется? Если бы у кого было сто овец и одна из них заблудилась, то не оставит ли он девяносто девять в горах и не пойдет ли искать заблудившуюся?

И если случится найти ее, то, истинно говорю вам, он радуется о ней более, нежели о девяноста девяти незаблудившихся» (Матф. 18: 12, 13).

Этот нравственный постулат, в такой категорической форме говорящий о ценности любой единичной жизни, трудно было бы представить в атмосфере Ветхого завета, хотя и там, как мы уже неоднократно говорили, описывались поступки высокой человечности. В Новом завете, в наставлениях, притчах и проповедях Христа любое существование под небесами — великий дар жизни, благо и драгоценность, а уж тем более — человеческая жизнь.

Здесь уместно вспомнить, что Иисус ни в самом зените своей известности, ни тогда, когда он начинал свои проповеди и собирал учеников,— никогда не считал себя бо́льшим по сравнению с самым простым из бедняков. Легенда об Иисусе, складывавшаяся уже при его жизни с помощью народной молвы, широко разносившей вести об исцелениях и чудесах, и всегда преувеличивавшая то, что на самом деле происходило, нередко затуманивает и даже непроизвольно искажает черты его личности, выступающие из его собственных слов, поучений, афоризмов и притч. Он, например, никогда не говорил, что равен Богу и, за исключением некоторых мест из Иоанна — евангелиста, склонного к своеобразному поэтическому романтизму и экзальтации,— не объявлял себя сыном Божьим — в том смысле этого выражения, которое обычно подразумевается. Он считал всех людей сынами Божьими. Правда, Христос при этом не скрывал ни от слушателей, ни от учеников, ни даже от фарисеев, что именно ему дана большая власть самим Богом-отцом, но власть его, убеждал он, зиждется прежде всего на беспрекословной вере. Веры же такой, полагал он, может достичь всякий. Вот почему все люди потенциально равны ему, Христу, а он равен всем. Здесь и заключено зерно того знаменитого и притягательного во все века демократического гуманизма, который Иисус неустанно проповедовал. Споры апостолов о том, кто из них больше, а кто меньше, были для него принципиально и абсолютно неприемлемы. Чтобы заострить свою мысль о равенстве всех каждому, он поступил так: выбрал среди всех бывши́х в тот момент в доме ребенка и его поставил в центр. Будучи самым слабым и беззащитным, ребенок не меньше апостола Петра или Андрея и всех других, включая Христа. Иисус даже полагал, что среди спорящих о большинстве и главенстве ребенок — в тот момент — превосходил всех, вместе взятых, уже тем, что был чист и мал.

ПРАЗДНИК КУЩЕЙ

Приближался праздиик Кущей, устаиовлеииый в память сорокалетнего страиствия евреев по пустыие. После Пасхи это самый радостиый, веселый и чуть ли ие «светский» праздник в году. На улицах и площадях Иерусалима, куда стекались тысячи паломииков, устанавливались шалаши (кущи) иаподобие тех, в каких жили страиствовавшие по пустыие евреи в летние месяцы; возжигались факелы; шли праздиичные шествия, перемежавшиеся таицами и пеиием; многие, по старииному обычаю, держали в одной руке лимои, а в другой пальмовую ветвь, перевитую миртовыми и ивовыми ветвями; приносились в жертву тельцы и овиы, а также один козел (в отпущение грехов). Последним обрядом праздника было выливаиие воды, состоящее в том, что каждое утро священник приносил из Силоамского источника в золотом сосуде воду, которую, смешав с вином, выливал в две серебряные трубы, укрепленные иа западной сторои жертвенника: то была дань воспоминанию о том, как Моисей извел воду из скалы и тем спас свой иарод. В отличие от Пасхи, когда можно было после вкушения пасхального агица возвращаться домой обычио на третий день, в этот праздник предписывалось быть у святилища всю неделю. В последний день устраивалась иллюминация. Священники и левиты, стоя на пятиадцати ступенях лестницы, ведущей во внутренний притвор храма, пели псалмы, сопровождая свое пение игрой на музыкальных инструментах, а мужчины устраивали таицы с факелами в женском притворе. По своему радостному настроению праздник Кущей отчасти напоминал ликования в честь подвига Эсфири, избавившей еврейский народ от происков Амана при Артаксерксе.

Не прийти на праздник Кущей Иисус, по-видимому, не мог, так как закон обязывал каждого совершеннолетнего участвовать в нем, чтобы принести благодарения Богу за прожитый год. Он, кроме того, был слишком известным

лицом, чтобы его отсутствие прошло незамеченным. Между тем он понимал, насколько ему опасно появляться в Иудее, где было полно недоброжелателей и врагов. В Галилее, где он обычно путешествовал, было гораздо спокойнее.

Вот уже и родственники его ушли в Иерусалим, а он все еще оставался в Капернауме.

«...вы пойдите на праздник сей, а Я еще не пойду на сей праздник, потому что Мое время еще не исполнилось.

Сие сказав им, остался в Галилее.

Но когда пришли братья Его, тогда и Он пришел на праздник, не явно, а как бы тайно.

Иудеи же искали Его на празднике и говорили: где Он?

И много толков было о Нем в народе: одни говорили, что Он добр, а другие говорили: нет, но обольщает народ.

Впрочем, никто не говорил о Нем явно, боясь Иудеев» (Иоан. 7 : 8—13).

Как видим, весь город говорит об Иисусе, но мнения о нем противоположные. Иоанн замечает, что братья Иисуса, видя такое отношение, выказывали ему враждебность: он явно, как, впрочем, и всегда, мешал им спокойно предаваться празднеству. Постоянные вопросы, где их брат Иисус, раздражали все семейство Христа, за исключением, надо думать, Иакова, всегда остававшегося ему верным.

Обстановка в Иерусалиме была для него в тот год крайне неблагоприятной, и Христос это чувствовал, бродя в праздничной толпе по Иерусалиму, никем еще не опознанный.

До Голгофы оставалось всего лишь шесть месяцев.

На четвертый день праздника Кущей, то есть в самый его разгар, он вошел в Иерусалимский храм.

Иоанн, рассказывающий об этом в своем евангелии, ничего не говорит о том, как принял Иисус свое мужественное решение: ведь он знал, что фарисеи готовы схватить его, что они уже собирались это сделать, но Никодим, тайный друг Иисуса, заступился за него, вызвав, как мы уже знаем, негодование фарисеев.

Он вступил в храм, рассказывает Иоанн, не как простой богомолец, а как проповедник.

«Тут некоторые из Иерусалимлян говорили: не Тот ли это, Которого ищут убить?

Вот Он говорит явно, и ничего не говорят Ему: не удостоверились ли начальники, что он подлинно Христос?..

Услышали фарисеи такие толки о Нем в народе, и послали фарисеи и первосвященники служителей — схватить Его.

Иисус же сказал им: еще не долго быть Мне с вами, и пойду к Пославшему Меня;

Будете искать Меня, и не найдете; и где буду Я, туда вы не можете прийти.

При сем Иудеи говорили между собою: куда Он хочет идти, так что мы не найдем Его? не хочет ли Он идти в Еллинское рассеяние и учить Еллинов?

Что́ значат сии слова, которые Он сказал: «будете искать Меня и не найдете; и где буду Я, туда вы не можете прийти?» (Иоан. 7: 25—26, 32—36).

Фарисеи тогда не схватили его, хотя приказ стражникам был отдан: ведь шумел веселый праздник и народ не хотел омрачать его печальным зрелищем. Даже стражники отказались арестовать проповедника, видя, что многие из собравшихся в храме сочувствуют ему.

Прнсутствовал Иисус и на обряде выливания воды.

На этом обряде, являвшемся в праздничной семндневной церемоннн самым торжественным актом, он произнес слова, которые могли стоить ему жнзнн:

«В последний же великий день праздника стоял Иисус и возгласил, говоря: кто жаждет, иди ко Мне и пей» (Иоан. 7: 37).

Он, поясняет Иоанн, имел в виду живую воду своего учения.

По сути, Хрнстос пошел на святотатство (в глазах правоверных иудеев), так как вместо символической струн, исторгнутой Моисеем из скалы, призывал испить живой воды из нового учения, им же созданного н провозглашенного. То был, конечно, безмерно мужественный поступок реформатора и революционера, заставивший одних замереть от ужаса, других возмутиться, а третьих окончательно примкнуть к нему.

Праздник Кущей — поворотный момент в жизни Иисуса; теперь участь его была предрешена.

И все же тогда на празднике, как рассказывают евангелия, фарисеи-первосвященники не решились схватнть его: за него была чернь, народ.

ХРИСТОС И ГРЕШНИЦА

Иисус ни в тот день, означавший окончание праздника Кущей, ни на следующий не ушел из Иерусалима. Ночь он провел на горе Елеонской в доме одного из своих друзей, а наутро спустился в город и снова вошел в храм.

По-видимому, фарисеи постоянно следили за ним, так как задумали разыграть своеобразную инсценировку, чтобы публично изловить Христа на несоблюдении им Моисеевых законов.

У них в темнице содержалась женщина, обвиненная в прелюбодействе — в измене мужу.

«Тут книжники и фарисеи привели к Нему женщину, взятую в прелюбодеянии, и, поставив ее посреди,

Сказали Ему: Учитель! эта женщина взята в прелюбодеянии;

А Моисей в законе заповедал нам побивать таких камнями: Ты что́ скажешь?» (Иоан. 8 : 3—5).

Фарисеи хорошо знали, что Иисус проповедует доброту и милосердие, милость к падшим, любовь и сострадание. Им казалось, что Христос не сможет выйти из ловушки, какую они ему подстроили с грешницей: ведь, по Моисееву закону, оправдать ее было нельзя. Если Иисус ее оправдает, он нарушит закон, а в том случае если он сочтет ее достойной казни, то он нарушит — на глазах у всех — собственное учение.

Иоанн именно так и толкует поведение фарисеев:

«Говорили же это, искушая Его, чтобы найти что-нибудь к обвинению Его. Но Иисус, наклонившись низко, писал перстом на земле, не обращая на них внимания.

Когда же продолжали спрашивать Его, он, восклонившись, сказал им: кто из вас без греха, первый брось на нее камень.

И опять, наклонившись низко, писал на земле.

Они же, услышав то и будучи обличаемы совестью,

стали уходить один за другим, начиная от старших до последних; и остался один Иисус и женщина, стоящая посреди.

Иисус, восклонившись и не видя никого, кроме женщины, сказал ей: женщина! где твои обвинители? никто не осудил тебя?

Она отвечала: никто, Господи! Иисус сказал ей: и Я не осуждаю тебя; иди и впредь не греши» (Иоан. 8 : 6—11).

В этом эпизоде, рассказанном Иоанном, есть один нюанс, не сразу ясный у евангелиста, но все же смутно возникающий в дальнейшем, когда фарисеи, покинувшие Христа и грешницу, через какое-то время вернулись, чтобы послушать его проповедь. Услышав, что он призывает народ следовать за ним, так как только его учение истинно, они сказали, пытаясь поймать его на «законе», что истиной в суде признается лишь то, что подтверждают два свидетеля. По их ученому мнению, выходило, что учение Христа неистинно, так как оно не подтверждается присутствием другого лица.

«Иисус сказал им в ответ: если Я и Сам о Себе свидетельствую, свидетельство Мое истинно, потому что Я знаю, откуда пришел и куда иду; а вы не знаете, откуда Я и куда иду.

Вы сýдите по плоти; Я не сужу никого;

А если и сужу Я, то суд Мой истинен, потому что Я не один, но Я и Отец, пославший Меня;

А и в законе вашем написано, что двух человек свидетельство истинно» (Иоан. 8 : 14—17).

Слова Иисуса: «А в законе вашем написано, что двух человек свидетельство истинно»— неожиданно важны в оправдании им грешницы даже с позиций Моисеева закона. Он опроверг фарисеев их же буквой, поскольку грешницу нельзя было по закону приводить на суд одну, без свидетелей, в частности без того, с кем было совершено прелюбодеяние, а если этого человека не оказывалось, то обязан был присутствовать муж. По каким-то немаловажным, а скорее, сомнительным причинам фарисеи не смогли сделать ни того, ни другого: следовательно, их суд не мог состояться. По-видимому, параграф соответствующего закона и чертил перстом на земле Иисус, когда они приступали к нему с требованием суда, но называть параграф, как мы видим, не понадобилось: фарисеи, искушенные в этом деле, а может быть, и разглядевшие

то, что ои чертил перстом, прекрасио поняли, куда клоиит Иисус, говоря о иеобходимости двух свидетелей.

Некоторые толкователи считают эпизод с грешинцей поздиейшей вставкой: по-видимому, милосердие Христа, отпустившего женщииу со словами: «Иди и впредь ие греши», показалось им излишиим. Но даже если этот эпизод — вставка, то оиа, иадо призиаться, очень удачна, так как вполие соответствует самому духу учеиия Христа.

МИЛОСЕРДНЫЙ САМАРЯНИН

Евангелнсты ие сообщают, прнобрел лн Иисус, находясь в Иерусалнме на праздике Кущей, новых ученнков, ио вскоре после возвращення в Галнлею ои задумал послать во все концы землн семьдесят своих молодых последователей[1]. Это большая цифра, особеиио если предположить, что двеиадцать апостолов оставались возле него. Последнее, правда, нельзя с точностью утверждать, так как Инсус мог отправить в качестве помощннков и иескольких нз своих апостолов. Во всяком случае, семьдесят ученнков, объедниившись по двое, вскоре отправились в путь с целью посетнть миогие города н селения, где они должны были усовершеиствоваться в нскусстве проповеди и в нскусстве врачеваиня. Говоря современиым языком, они отправлялись «иа практику», что свидетельствует о том, что вокруг Иисуса уже, по-виднмому, существовало иечто вроде школы. Как мы знаем из Ветхого завета, подобные школы былн у пророков н прежде, причем иногда достаточно большие и постояиные.

Интересио напутствие, какое дал Иисус своим мнссиоиерам, проповедикам и целителям перед дорогой.

[1] Церковь отмечает деиь семидесяти апостолов.

«Идите! Я посылаю вас, как агнцев среди волков» (Лука. 10 : 3).

Это говорит о том, что учение его, всего лишь за несколько месяцев до Голгофы, не только еще не было широко распространено, но среди правоверных иудеев и язычников не раз встречало активное и злобное сопротивление.

Он беспокоился за судьбу своих посланцев и снаряжал их в путь со многими строгими наставлениями практического свойства.

«Не берите ни мешка, ни сумы́, ни обуви, и никого на дороге не приветствуйте.

В какой дом войдете, сперва говорите: «мир дому сему!..»

В доме же том оставайтесь, ешьте и пейте, что́ у них есть: ибо трудящийся достоин награды за труды свои. Не переходи́те из дома в дом» (Лука. 10 : 4—5, 7).

Как видим, Иисус полностью понимает всю опасность предприятия. Он советует не вступать в разговоры по дороге, потому что среди встречных могут попасться люди враждебные,— ведь никогда не знаешь, с кем ты заговоришь. Если фарисеи, как хорошо знал Иисус, следят за каждым его шагом и мечтают о кровавой расправе, то разве нельзя предположить, что они начнут преследовать и его учеников? Вот почему надо идти по дороге, как бы не обращая ни на кого внимания и не привлекая его к себе. Босые, в страннической одежде, с сумой, какие носят нищие, его ученики должны были незаметно раствориться в общей массе и стать неотличимыми от нее. Это тем более легко и целесообразно было сделать, по мнению Иисуса, так как полностью согласовывалось с демократическим духом его учения.

...Через тринадцать веков на дорогах Италии появится странник — в бедной одежде, с посохом в руке, с нищенской сумой через плечо, перепоясанный вервием: то будет Франциск Ассизский, задумавший воскресить дух и обычаи самого раннего христианства.

Затем Иисус, как мы видим, заботливо советует не переходить из дома в дом, если уж найден такой, где жить безопасно: зачем подвергать себя излишнему риску?

Сам Иисус рисковал не раз, причем вел себя дерзко, вызывающе и чуть ли не оскорбительно для фарисеев, но его защищала, во-первых, слава, которой у учеников

Иисус Христос и его ученики.

еще не было, а во-вторых, непревзойденное искусство проповеди и великое мастерство целителя.

Из рассказа Луки можно понять, что, посылая учеников, Иисус, главным образом, хотел испытать их в искусстве врачевания. Успешное, а тем более эффектное исцеление всегда подготавливало хорошую почву для последующей проповеди.

«И если придете в какой город, и примут вас, ешьте, что вам предложат;

И исцеляйте находящихся в нем больных, и говорите им: «приблизилось к вам Царствие Божие».

Если же придете в какой город, и не примут вас, то, выйдя на улицу, скажите:

«И прах, прилипший к нам от вашего города, отрясаем вам; однако ж знайте, что приблизилось к вам Царствие Божие» (Лука. 10 : 8—11).

И вот ученики, один за другим, в определенный срок вернулись к Иисусу. Лука описывает радость, с какой они были приняты своим учителем, и даже наивное хвастовство, когда они рассказывают об успешных исцелениях: «И бесы повинуются нам...»

Иисус в ответ сказал им: *«Однако ж тому не радуйтесь, что духи вам повинуются: но радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесах» (Лука. 10 : 20).*

При этой встрече были и посторонние. Они стояли в довольно большой толпе учеников, которых было семьдесят, и апостолов, которых было двенадцать, и потому не были сразу никем замечены. Среди таких посторонних оказался один «законник», решивший на свой лад испытать Иисуса. Он выделился из толпы недавних странников, радующихся своему возвращению, подошел к Христу и спросил:

«...Учитель! что́ мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную?

Он же сказал ему: в законе что́ написано? ка́к читаешь?

Он сказал в ответ: возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душею твоею, и всею крепостию твоею, и всем разумением твоим, и ближнего твоего, как самого себя.

Иисус сказал ему: правильно ты отвечал; так поступай, и будешь жить.

Но он, желая оправдать себя, сказал Иисусу: а кто мой ближний?

На это сказал Иисус: некоторый человек шел из Иерусалима в Иерихон и попался разбойникам, которые сняли с него одежду, изранили его и ушли, оставив его едва живым.

По случаю один священник шел тою дорогой и, увидев его, прошел мимо.

Также и левит, быв на том месте, подошел, посмотрел и прошел мимо.

Самарянин же некто, проезжая, нашел на него и, увидев его, сжалился,

И, подойдя, перевязал ему раны, возливая масло и вино; и, посадив его на своего осла, привез его в гостиницу и позаботился о нем;

А на другой день, отъезжая, вынул два динария, дал содержателю гостиницы и сказал ему: позаботься о нем; и если издержишь что́-более, я, когда возвращусь, отдам тебе.

Кто из этих троих, думаешь ты, был ближний попавшемуся разбойникам?

Он сказал: оказавший ему милость. Тогда Иисус сказал ему: иди, и ты поступай так же» (Лука. 10 : 25—37).

Иисус, как видим, с помощью простой и наглядной притчи показывает, что важно быть прежде всего человеком. Он внушает мысль, что к Богу (и к христианскому учению) близок тот, кто делает добро своему ближнему, отбросив предрассудки национального, религиозного, сословного или какого-либо иного свойства. По сути, он говорит о практической универсальности своего учения, исходящего из естественных потребностей человеческой души. Не забудем, что его собеседник —«законник», то есть человек, привыкший исходить из буквы и параграфа. Он, по-видимому, предполагает, что любить ближнего можно лишь согласно какому-то «закону», но Иисус утверждает, что на свете есть один закон, равный и общий для всех: человечность.

Раннее христианство (особенно в проповедях Христа, передаваемых евангелистами) действительно совершенно чуждо схоластике, книжности и «учености»: оно апеллирует к непосредственному чувству и естественному разуму простого человека из народа.

Впоследствии церковные толкователи далеко отошли от этой простой и ясной манеры, запечатленной в евангелиях, когда в них рассказывается о поучениях и притчах Иисуса.

Так, например, притча о милосердном самарянине стала впоследствии трактоваться весьма отвлеченно: «некий человек»— это Адам, Иерусалим — рай, Иерихон — мир, разбойники — демоны, священники — закон, левиты — пророки, самарянин — Христос, осел — тело Христово, гостиница — церковь, хозяин — епископ, два динария — Ветхий и Новый заветы, возвращение — второе пришествие. Иисус же имел в виду самое простое: будьте добры к ближнему подобно доброму самарянину.

МАРФА И МАРИЯ

Примерно в это же время, но, возможно, чуть ранее, возвращаясь из Иерусалима с праздника Кущей, Иисус остановился отдохнуть в Вифании — небольшом селении, расположенном у подножия Елеонской горы, близ дороги, ведущей в Иерихон.

Он остановился в доме, принадлежавшем женщине по имени Марфа.

Поскольку о хозяине дома ничего не сообщается, можно понять, особенно если принять во внимание постоянные хлопоты Марфы по всему домашнему хозяйству, что дом, как говорится, был целиком на ней и, возможно, представлял собой что-то вроде постоялого двора. Во всяком случае, Иисус со своими спутниками расположился именно в этом доме, а не в каком-либо другом.

У Марфы была младшая сестра, которая, судя по некоторым словам, вряд ли сильно помогала своей сестре по хозяйству. Она, как когда-то Иисус в детстве, была, наверное, натурой мечтательной и поэтичной. Увидев Иисуса, Мария заслушалась его речами, села на скамеечку у самых его ног и внимала всему, что он говорил.

Марфе же, принявшей постояльцев, как раз очень нужна была ее помощь, и она, надо думать, с неудовольствием смотрела и на Иисуса, и на Марию, спокойно сидевшую на своей скамеечке у ног гостя.

«Марфа же заботилась о большом угощении, и, подойдя, сказала: Господи! или Тебе нужды нет, что сестра моя одну меня оставила служить? скажи ей, чтобы помогла мне.

Иисус же сказал ей в ответ: Марфа! Марфа! ты заботишься и суетишься о многом,

А одно только нужно. Мария же избрала благую часть, которая не отнимется у нее» (*Лука. 10: 40—42*).

ПРИТЧА О БЕСПЛОДНОЙ СМОКОВНИЦЕ

Однажды, когда в большой толпе народа Иисус говорил проповедь, перемежая ее, как всегда, притчами и живыми примерами, подошли еще люди, рассказавшие страшную новость. Оказывается, Пилат, римский правитель Иудеи, неожиданно и самым коварным образом приказал умертвить нескольких галилеян. Произошло это преступление во время жертвоприношения, так что кровь невинных смешалась с кровью жертвенных животных. Злодейства во времена Пилата были нередки, но это поражало своей бессмысленностью. Казалось, что здесь выплеснулась ненависть именно к галилеянам, которых недолюбливали не только иерусалимские фарисеи и законники, первосвященники и левиты, но и римская легионерская чернь и знать. Но, возможно, слухи эти, принесенные Христу во время проповеди, были даже специально предназначены именно для слуха Иисуса, который ведь и сам был галилеянином. Можно предположить, что расчет фарисеев строился на

том, чтобы раздражить Христа неожиданным сообщением о кровавой резне, учиненной над выходцами из Галилеи. То был умышленный сигнал о готовящейся расправе со знаменитым галилеянином.

Кто-то из толпы пересказал еще один слух, но он, правда, не имел такого угрожающего личного смысла: вблизи Силоамского источника рухнула башня, задавив под обломками восемнадцать человек.

«Иисус сказал им на это: думаете ли вы, что эти Галилеяне были грешнее всех Галилеян, что так пострадали?

Нет, говорю вам; но если не покаетесь, все так же погибнете.

Или думаете ли, что те восемнадцать человек, на которых упала башня Силоамская и побила их, виновнее были всех живущих в Иерусалиме?

Нет, говорю вам; но если не покаетесь, все так же погибнете.

И сказал сию притчу: некто имел в винограднике своем посаженную смоковницу, и пришел искать плода на ней, и не нашел;

И сказал виноградарю: вот, я третий год прихожу искать плода на этой смоковнице и не нахожу; сруби ее: на что́ она и землю занимает?

Но он сказал ему в ответ: господин! оставь ее и на этот год, пока я окопаю ее и обложу навозом:

Не принесет ли плода; если же нет, то в следующий год срубишь ее» (Лука. 13 : 2—9).

Обычное толкование притчи о бесплодной смоковнице сводится к тому, что Иисус с ее помощью учит терпению и милосердию: нужно ждать плода и заботиться о появлении его даже тогда, когда, на торопливый взгляд, всякая надежда уже исчезла. Иные же толкователи склонны видеть в притче как бы последнее предупреждение, сделанное Христом фарисеям, истощавшим его терпение своими кознями, в том числе и подбрасыванием слухов о расправе с галилеянами.

Что же касается скупых комментариев Иисуса по поводу погибших от руки Пилата и тех, что были раздавлены внезапно рухнувшей башней, то, скорее всего, он говорит, что жизнь человеческая, находящаяся в руке Божьей, может оборваться в любую минуту, грешник ли ты или праведник: нужно, следовательно, не осквернять жизнь, дарованную на неизвестный, но всегда краткий

срок, грехом и преступлениями. Здесь, по-видимому, и заключается смысл его слов: «Так же погибнете», то есть погибнете, не будучи духовно просветленными и очищенными.

ИСЦЕЛЕНИЕ СЛЕПОРОЖДЕННОГО

Однажды Иисус, остановившись с учениками возле храмовых ворот, увидел среди нищих и калек, собиравших подаяние, красивого юношу, почти отрока, с высоко закинутым, как у всех слепцов, лицом. Острая жалость пронзила его сердце, и он подошел к слепому. По скорби на лице Иисуса, по его быстрому движению ученики догадались, что им предстоит увидеть новое чудо исцеления.

В последние месяцы своей жизни Христос особенно много лечил — калек, прокаженных, бесноватых. Его широкая известность основывалась почти исключительно на исцелениях, которые он совершал охотно и всегда бесплатно. Проповеди и поучения Иисус обычно произносил после очередного врачевания, считая, что аудитория — уличная толпа или молящиеся в храме — всегда бывает более восприимчивой, увидев наглядный пример душевной силы, доброты, сострадания и веры в помощь от Бога: именно верой своей в Бога Иисус и объяснял все чудесные выздоровления. А к собственно чудесам Христос, как уже говорилось, прибегал крайне редко и с явной неохотой, так как опасался, что в глазах простых людей он будет неотличим от фокусников и чародеев, забавлявших толпу ради ее увеселения и собственной денежной выгоды.

Пока Иисус, подойдя к слепцу, с жалостью смотрел на его юное лицо, кто-то из апостолов задал Христу воп-

рос, постоянно волновавший не только учеников, но, пожалуй, и всех людей при виде страданий человека, который, по всей видимости, их не заслужил. За что? Вот что думал каждый из апостолов, глядя на отрока, слепого от рождения.

По законам Моисея, по Ветхому завету, страдания даются за грехи, причем не только за собственные, но и за прегрешения родителей и дальних предков — вплоть до третьего и даже четвертого колена. Древнееврейский Бог мстителен и жесток. Ветхий завет переполнен кровавыми драмами возмездия за преступления, которых страдающий не совершал. Моисеевы законы свирепы и категоричны.

Иисус всеми своими проповедями, притчами и самим образом жизни опровергал бесчеловечность Моисеевых установлений: он проповедовал человечность, добро, сострадание к каждому человеку, независимо от его положения в обществе. Правда, он всегда предпочитал бедных.

Ученик, задавший вопрос, за что страдает слепец, был по самому характеру своего вопроса уже человеком нового времени, так как правоверный иудей, воспитанный на Моисеевых законах, хорошо знал, что страдание есть воздаяние за грехи. Правда, юноша, как выяснилось, был слепым от рождения, но и это обстоятельство не смутило бы правоверного иудея, знавшего, что Бог карает и за грехи предков.

Обратившись к ученикам, *«Иисус отвечал: не согрешил ни он, ни родители его, но это для того, чтобы на нем явились дела Божии» (Иоан. 9: 3).*

Как видим, Иисус отрицает вину и юноши, и его родителей, но вместе с тем и не дает конкретного ответа, а ведь именно конкретности хотел от него спросивший ученик. Смысл ответа Христа — по обычному толкованию этого места — заключается в признании неисповедимости воли Божьей: есть вещи, как бы говорит он, которые нельзя понять обычным человеческим разумом.

В тот день, когда Иисус подошел к слепцу, чтобы исцелить его, была суббота. Но для добрых дел, считал Христос, субботы не существует. Он уже сказал однажды свои знаменитые слова о том, что не человек для субботы, а суббота для человека. Однако то обстоятельство, что на этот раз он исцелял слепого в субботу на пороге храма, было в глазах фарисеев и книжников, да и всех

правоверных иудеев, как бы двойным и злонамеренным кощунством.

«Мне должно делать дела Пославшего Меня, доколе есть день; приходит ночь, когда никто не может делать;

Доколе Я в мире, Я свет миру.

Сказав это, Он плюнул на землю, сделал брение[1] *из плюновения и помазал брением глаза слепому,*

И сказал ему: пойди умойся в купальне Силоам[2], *чтó значит: «посланный». Он пошел и умылся, и пришел зрячим.*

Тут соседи и видевшие прежде, что он был слеп, говорили: не тот ли это, который сидел и просил милостыни?

Иные говорили: это он. А иные: похож на него. Он же говорил: это я.

Тогда спрашивали у него: как открылись у тебя глаза?

Он сказал в ответ: Человек, называемый Иисус, сделал брение, помазал глаза мои и сказал мне: «пойди на купальню Силоам и умойся». Я пошел, умылся и прозрел.

Тогда сказали ему: где Он? Он отвечал: не знаю.

Повели сего бывшего слепца к фарисеям.

А была суббота, когда Иисус сделал брение и отверз ему очи.

Спросили его также и фарисеи, как он прозрел. Он сказал им: брение положил Он на глаза мои, и я умылся, и вижу.

Тогда некоторые из фарисеев говорили: не от Бога Этот Человек, потому что не хранит субботы. Другие говорили: как может человек грешный творить такие чудеса? И была между ними распря.

Опять говорят слепому: ты чтó скажешь о Нем, потому что Он отверз тебе очи? Он сказал: это пророк.

Тогда Иудеи не поверили, что он был слеп и прозрел, доколе не призвали родителей сего прозревшего

И спросили их: это ли сын ваш, о котором вы говорите, что родился слепым? как же он теперь видит?

---

[1] Бренне — грязь.

[2] Снлоам, то есть «посланный нлн посланная Богом вода»— нсточннк н пруд с медленно текущей водой в Иерусалнме, у юго-восточного угла городской стены. Источннк н водоем глубнной в 1 метр, длнной 16 н шнрнной 5 метров, со ступенямн до дна, существует н сейчас под названнем Сильван у подножня южного выступа храмовой горы Хомма. По выходе нз водоема вода орошает плантацнн в долнне.

Родители его сказали им в ответ: мы знаем, что это сын наш и что он родился слепым;

А как теперь видит, не знаем, или кто отверз ему очи, мы не знаем: сам в совершенных летах, самого спросите, пусть сам о себе скажет.

Так отвечали родители его, потому что боялись Иудеев; ибо Иудеи сговорились уже, чтобы, кто признает его за Христа, того отлучать от синагоги.

Посему-то родители его и сказали: он в совершенных летах, самого спросите.

Итак вторично призвали человека, который был слеп, и сказали ему: воздай славу Богу; мы знаем, что Человек Тот грешник.

Он сказал им в ответ: грешник ли Он, не знаю; одно знаю, что я был слеп, а теперь вижу.

Снова спросили его: чтó сделал Он с тобою? как отверз твои очи?

Отвечал им: я уже сказал вам, и вы не слушали; чтó еще хотите слышать? или и вы хотите сделаться Его учениками?

Они же укорили его и сказали: ты ученик Его, а мы Моисеевы ученики;

Мы знаем, что с Моисеем говорил Бог, Сего же не знаем, откуда Он.

Человек прозревший сказал им в ответ: это и удивительно, что вы не знаете, откуда Он, а Он отверз мне очи;

Но мы знаем, что грешников Бог не слушает, но кто чтит Бога и творит волю Его, того слушает;

От века не слыхано, чтобы кто отверз очи слепорожденному;

Если бы Он не был от Бога, не мог бы творить ничего.

Сказали ему в ответ: во грехах ты весь родился, и ты ли нас учишь? И выгнали его вон.

Иисус, услышав, что выгнали его вон, и найдя его, сказал ему: веруешь ли ты в Сына Божия?

Он отвечал и сказал: а кто Он, Господи, чтобы мне веровать в Него?

Иисус сказал ему: и видел ты Его, и Он говорит с тобою.

Он же сказал: верую, Господи! и поклонился Ему.

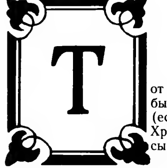
И сказал Иисус: на суд пришел Я в мир сей, чтобы невидящие видели, а видящие стали слепы.

Услышав это, некоторые из фарисеев, бывших с Ним, сказали Ему: неужели и мы слепы?

Иисус сказал им: если бы вы были слепы, то не имели бы на себе греха; но как вы говорите, что видите, то грех остается на вас» (*Иоан. 9 : 4—41*).

Надо ли говорить, что слух об исцелении слепорожденного быстро разнесся по всему Иерусалиму. Злоба фарисеев, казалось, не знала предела: они не только были посрамлены чудом исцеления, но и унижены Иисусом в том споре, что сами же ему и навязали.

НА ПРАЗДНИКЕ ОБНОВЛЕНИЯ



от слепец, которого исцелил Иисус, был, пожалуй, одним из первых (если не считать учеников), кому Христос прямо сказал, что он — сын Божий.

То были очень опасные слова. Однако известность Иисуса была уже так велика, что он решил объявить о своем божественном происхождении и призвании во всеуслышание. То был шаг необычайного мужества, и можно предположить, что ученики не раз удерживали его, боясь расправы.

Между тем наступил праздник Обновления — один из главных праздников иудейского народа, установленный после исхода евреев из вавилонского плена и в ознаменование очищения разрушенного Иерусалимского храма от идолов и его обновления.

Иисус счел, что праздник, знаменующий обновление, соответствует осуществлению его замысла.

Он знал, что Ветхий завет, пророки и сам Моисей уже подготовили сознание евреев к идее пришествия Мессии. Правда, фарисеи ждали земного Мессию — восстановителя их политического и государственного могу-

щества. Многие из народа, слушавшие Иисуса, видевшие своими глазами чудесные исцеления, искренне считали, что именно Иисус и есть тот пророк, которого ждали с древнейших времен, что он и есть Христос, то есть Мессия. Само слово «Христос» сделалось с некоторых пор почти неотрывным от его обычного земного имени Иисус. Правда, употреблять вслух такое словосочетание —«Иисус Христос»— было еще не принято и даже опасно, так как грозило отлучением от синагоги, и все же оно начало употребляться все чаще и чаще. Находились и среди самих фарисеев люди (вроде упоминавшегося Никодима — ночного гостя Иисуса), что все неистовее молили своего Бога о ниспослании им Мессии.

Придя в Иерусалимский храм после торжественного богослужения, Иисус стал прохаживаться вместе с учениками по галерее, что тянулась по всей восточной стороне храмовой площади. Праздник Обновления отмечается в декабре, и, по-видимому, галерея отчасти предохраняла от холода. Именно здесь, а не на площади скопилось особенно много народа.

Торжественное богослужение возбудило у иудеев не только религиозные чувства, но и их историческую память, всегда насыщенную идеями о пришествии Мессии.

Наверное, некоторые из них, хотя и с осторожностью, смешанной с давней неприязнью, начинали смотреть на Иисуса именно с этой точки зрения. Ведь народ все чаще называл его пророком, а титул «Христос» незаметно соединился с его земным именем. Кроме того, думали иные, разве не было сказано еще древними пророками, что Спаситель мира, Мессия, родится в Вифлееме, где, как известно, и в самом деле родился Иисус? И разве не было сказано в древних книгах, что этот человек в младенчестве своем явится из Египта? Им, конечно, было хорошо известно, что, спасаясь от Иродовой расправы, родители Иисуса бежали в Египет. Родословная Иисуса как бы полностью подтверждала версию о возможной мессианской роли именно этого пророка. Вот почему, прохаживаясь по галерее, ученые фарисеи все чаще посматривали в сторону Иисуса, беседовавшего со своими учениками. А если он и впрямь Мессия?

«Тут Иудеи обступили Его и говорили Ему: долго ли Тебе держать нас в недоумении? Если Ты Христос, скажи нам прямо.

Иисус отвечал им: Я сказал вам, и не верите; дела,

которые творю Я во имя Отца Моего, они свидетельствуют о Мне;

Но вы не верите, ибо вы не из овец Моих, как Я сказал вам;

Овцы Мои слушаются голоса Моего, и Я знаю их, и они идут за Мною,

И Я даю им жизнь вечную, и не погибнут вовек, и никто не похитит их из руки Моей;

Отец Мой, Который дал Мне их, больше всех, и никто не может похитить их из руки Отца Моего:

Я и Отец — одно.

Тут опять Иудеи схватили каменья, чтобы побить Его.

Иисус отвечал им: много добрых дел показал Я вам от Отца Моего; за которое из них хотите побить Меня камнями?

Иудеи сказали Ему в ответ: не за доброе дело хотим побить Тебя камнями, но за богохульство и за то, что Ты, будучи человек, делаешь Себя Богом» (Иоан. 10 : 24—33).

Иудеи хотели бы земного Мессию — нового царя — спасителя Израиля. Иисус же говорит им не о земном царстве, а о небесном, он называет себя, земного человека, сыном Божиим. Все это в корне противоречило самим основам иудейских религиозных представлений. И — снова в их руках камни.

«...но Он уклонился от рук их,

И пошел опять за Иордан, на то место, где прежде крестил Иоанн, и остался там.

Многие пришли к Нему и говорили, что Иоанн не сотворил никакого чуда; но все, чтó сказал Иоанн о Нем, было истинно.

И многие там уверовали в Него» (Иоан. 10: 39—42).

Вскоре слухи о Христе-Мессии в самом причудливом виде стали доходить и до римского прокуратора Понтия, правившего тогда в Иудее. Надежды евреев на некоего нового царя переплелись в этих слухах с именем Иисуса. Возникли толки, о которых донесли римскому наместнику, что некий бродячий проповедник и врачеватель намеревается стать царем израильским, хотя всем должно быть хорошо известно, что Иудея — провинция Рима и, следовательно, принадлежит кесарю. Забавно, усмехался прокуратор, что какой-то бродяжка поднял руку на владение кесарево.

До Голгофы оставалось четыре месяца.

ПРИТЧА О БЛУДНОМ СЫНЕ

Покинув Иерусалим и озлобленных фарисеев, Иисус вновь отправился в странствия по Галилее, намереваясь навестить Капернаум, отдохнуть на берегах Геннисарета, а затем пойти в окрестные земли, лежавшие далеко к востоку.

По дороге, возможно под влиянием беседы с апостолами о грехе, вине и наказании, он вспомнил давний, поразивший его случай с одним молодым человеком, ушедшим из отчего дома и вернувшимся назад лишь много лет спустя с чувством вины и раскаяния.

Когда остановились в одном из селений, Иисус рассказал ученикам притчу о блудном сыне.

«...у некоторого человека было два сына;

И сказал младший из них отцу: отче! дай мне следующую мне часть имения. И отец разделил им имение.

По прошествии немногих дней, младший сын, собрав все, пошел в дальнюю сторону и там расточил имение свое, живя распутно» (Лука. 15 : 11—13).

Здесь, наверное, надо пояснить, что по еврейскому наследственному праву младший сын после смерти отца получал половину того, что шло старшему. В своей притче Иисус немного изменяет букву закона, так как отец еще при своей жизни, по просьбе младшего сына, отдает ему часть доли на его усмотрение. Тем самым Иисус хотел сразу же подчеркнуть необыкновенную доброту отца, что уже не удивит нас впоследствии, когда младший сын возвратится в дом с пустыми руками.

«Когда же он прожил все, настал великий голод в той стране, и он начал нуждаться;

И пошел, пристал к одному из жителей той страны, а тот послал его на поля свои пасти свиней;

И он рад был наполнить чрево свое рожками, которые ели свиньи, но никто не давал ему» (Лука. 15 : 14—16).

Надо заметить, что пасти свиней иудеи считали самым низким и презренным занятием, не говоря уж о том, что

свинья по «закону» считалась нечистым животным. К тому же, как видим, хозяин свиней почти и не кормил своего работника, ведь в стране был голод, так что младший сын, живший когда-то в обеспеченном отцовском доме, дошел до самого позорного унижения. Не имея никакой пищи, он, как сказано, ел рожки, то есть стручки с так называемого «хлебного дерева Иоанна Крестителя», которыми пророк питался в пустыне,— они считались несъедобными. Таким образом, блудный сын не только пас свиней, но и питался подобно свинье. Иисус тем самым как бы нагнетает степень падения персонажа своей притчи, вызывая у своих слушателей едва ли не чувства ужаса и отвращения, не совсем понятные для теперешних читателей этого места.

«Придя же в себя, сказал: сколько наемников у отца моего избыточествуют хлебом, а я умираю от голода!

Встану, пойду к отцу моему и скажу ему: отче! я согрешил против неба и пред тобою,

И уже недостоин называться сыном твоим; прими меня в число наемников твоих.

Встал и пошел к отцу своему. И когда он был еще далеко, увидел его отец его и сжалился; и, побежав, пал ему на шею и целовал его.

Сын же сказал ему: отче! я согрешил против неба и пред тобою, и уже недостоин называться сыном твоим.

А отец сказал рабам своим: принесите лучшую одежду и оденьте его, и дайте перстень на руку его и обувь на ноги» (Лука. 15: 17—22).

Перстень и обувь — это привилегия свободных людей, так как рабы ходили босыми. Иначе говоря, отец, даже не дослушав сына, собиравшегося сказать, что он будет в доме слугой-наемником, а только услышав раскаяние, сразу же простил его. То же означают и слова о «лучшей одежде», которая в еврейском быту называлась еще «первой», то есть одеждой знатных людей.

«...и приведите откормленного теленка и заколите: станем есть и веселиться,

Ибо этот сын мой был мертв и ожил, пропадал и нашелся. И начали веселиться» (Лука. 15: 23, 24).

Если вы вспомните знаменитую картину Рембрандта «Возвращение блудного сына», на которой изображены павший на колени младший сын и обнимающий его отец, то, конечно, припомните и стоящего сзади, в полутьме, старшего сына, не выражающего на своем лице никакой радости. Рембрандт следовал рассказу евангелиста:

«Старший же сын его был на поле; и возвращаясь, когда приблизился к дому, услышал пение и ликование;

И призвав одного из слуг, спросил: что́ это такое?

Он сказал ему: брат твой пришел, и отец твой заколол откормленного теленка, потому что принял его здоровым.

Он осердился и не хотел войти. Отец же его, выйдя, звал его.

Но он сказал в ответ отцу: вот, я столько лет служу тебе и никогда не преступал приказания твоего; но ты никогда не дал мне и козленка, чтобы мне повеселиться с друзьями моими;

А когда этот сын твой, расточивший имение свое с блудницами, пришел, ты заколол для него откормленного теленка.

Он же сказал ему: сын мой! ты всегда со мною, и все мое твое;

А о том надобно было радоваться и веселиться, что брат твой сей был мертв и ожил, пропадал и нашелся» (Лука. 15 : 25—32).

О БОГАЧЕ И НИЩЕМ ЛАЗАРЕ

Едва кончив рассказывать притчу о блудном сыне, Иисус, почти без перехода и словно в объяснение к ней, перешел к другой многозначительной истории.

Он сказал:

«Некоторый человек был богат, одевался в порфиру и виссон и каждый день пиршествовал блистательно.

Был также некоторый нищий, именем Лазарь, который лежал у ворот его в струпьях

И желал напитаться крошками, падающими со стола богача, и псы, приходя, лизали струпья его.

Умер нищий и отнесен был Ангелами на лоно Авраамово; умер и богач, и похоронили его» (Лука. 16 : 19—22).

История интересна уже тем, что ее сюжет начинается, как видим, со смерти, то есть с того момента, каким обычно житейские истории заканчиваются. Обе фигуры сразу даны крупно — на полюсах своего существования: один в порфире (дорогая шерстяная ткань, окрашенная в пурпурную краску) и виссоне (белая нижняя одежда из хлопка), а другой — покрыт вместо одежды струпьями; один — пиршествовал блистательно, второй — питался крошками, падавшими со стола богача. Иисус любил в своих притчах подобные — плакатные — краски, а свои афоризмы и сентенции, заключавшие притчи, нередко давал почти в лозунговой форме. То был стиль трибуна и оратора, стремившегося к агитационной простоте и наглядности.

Итак, оба умерли. Нищий был отнесен ангелами в лоно Авраамово, то есть в рай, богач же низвергнулся в преисподнюю.

«...и в аде, будучи в муках, он поднял глаза свои, увидел вдали Авраама и Лазаря на лоне его,

И, возопив, сказал: отче Аврааме! умилосердись надо мною и пошли Лазаря, чтобы омочил конец перста своего в воде и прохладил язык мой, ибо я мучусь в пламени сем.

Но Авраам сказал: чадо! вспомни, что ты получил уже доброе твое в жизни твоей, а Лазарь злое; ныне же он здесь утешается, а ты страдаешь;

И сверх всего того между нами и вами утверждена великая пропасть, так что хотящие перейти отсюда к вам не могут, также и оттуда к нам не переходят.

Тогда сказал он: так прошу тебя, отче, пошли его в дом отца моего,

Ибо у меня пять братьев; пусть он засвидетельствует им, чтобы и они не пришли в это место мучения.

Авраам сказал ему: у них есть Моисей и пророки; пусть слушают их.

Он же сказал: нет, отче Аврааме! но если кто из мертвых придет к ним, покаются.

Тогда Авраам сказал ему: если Моисея и пророков не слушают, то, если бы кто и из мертвых воскрес, не поверят» (Лука. 16 : 23—31).

Лука говорит, что этот рассказ был обращен Иисусом к ученикам н следовал почти сразу же после нстории о блудном сыне. Но по смыслу своему он, конечно, больше подходит для богачей, фарисеев и книжников. Христос знал, что фарнсеи никогда не выступали против богатства и богатых, да и большинство из них были людьми зажиточнымн и знатными. Он целит, конечно, именно в них. Ради них он обращается и к ссылкам на Моисеевы законы и на древних пророков, хотя сам, как мы знаем, далеко отошел от некоторых очень важных Моисеевых предписаний. Скорее всего, Иисус, рассказывая ученикам о пагубности богатства и о превосходстве бедняков, как бы репетировал свое будущее выступление перед фарисейской аудиторией. И, как мы увидим, он действительно скажет фарисеям многое из того, что выражено им в притче о бедном Лазаре.

Но вполне возможно, однако, что, зная некоторые слабости своих апостолов (вспомним хотя бы их споры, кто из них больше, а кто меньше), он имел в виду н чнсто педагогическую цель: ведь группа апостолов являлась, по сутн дела, школой, причем довольно большой, если вспомнить, что помнмо двенадцати у Христа насчитывалось еще семьдесят.

О том, что своими нсториями Иисус не только метил в фарисеев, но н воспитывал имн своих учеников, хорошо говорит

ПРИТЧА О РАБОТНИКЕ, ПРИШЕДШЕМ С ПОЛЯ

Это притча против самохвальства, свойственного, конечно, прежде всего фарисеям, возомнившим себя единственными и непогрешимыми хранителями ветхозаветной мудрости и окаменевшнх законов, но очень похоже, что Иисус, рассказывая ее своим ученикам, хотел напомнить им н об их собственном самохваль-

стве, когда однажды, идя в Капернаум, они за его спиной всю дорогу спорили о том, кто из них значит в глазах Христа больше, а кто — меньше. Он тогда рассказал им притчу о ребенке — самом малом и невинном, слабом и беззащитном, однако превосходящем именно слабостью своей сильнейшего из мужей.

Сейчас он привел им в пример работника и хозяина. Он предложил своим ученикам представить, что кто-то из них хозяин, имеющий работника. И вот говорит Иисус:

«Кто из вас, имея раба пашущего, или пасущего, по возвращении его с поля, скажет ему: «пойди скорее, садись за стол»?

Напротив, не скажет ли ему: «приготовь мне поужинать и, подпоясавшись, служи мне, пока буду есть и пить, и потом ешь и пей сам»?

Станет ли он благодарить раба сего за тó, что он исполнил приказание? не думаю» (Лука. 17 : 7—9).

В притче, рассказанной Иисусом, два плана: с одной стороны, чувствуется обличение хозяина и сочувствие к рабу, но, с другой стороны, Иисус неожиданно поворачивает все только что им рассказанное в сторону религиозного поучения, к проповеди смирения «раба божия» перед хозяином его судьбы — Богом. Он говорит, заключая притчу: *«Так и вы, когда исполните все повеленное вам, говорите: «мы рабы ничего не стоящие, потому что сделали, чтó должны были сделать» (Лука. 17 : 10).*

О МЫТАРЕ И ФАРИСЕЕ

Иисус проповедовал почти исключительно во время своих бесконечных странствий по Галилее. За пределы этой земли он выходил редко. Маленькая группа из двенадцати апостолов во главе с Христом, обычно шедшим несколько впереди, но нередко и в центре своей бродячей школы, сделалась как бы непременной принад-

лежиостью галилейского пейзажа. Одежда их была очеиь проста, пища непритязательна и почти случайна, но этот своеобразиый аскетизм, далекий от какого-либо мученичества, а вполие естествениый, вызывал глубокое уважение у всех слушателей, где бы Инсус ии появлялся. Обычио после импровизироваииой проповеди, притч или после исцеления больных они заходили, будучи приглашеииыми, в какой-иибудь дом, где их гостеприимио угощали и, если в том была нужда, оставляли переиочевать. Притчи Иисуса имели тем больший успех, что оин зримо подтверждались жизиью и его самого, и его учеииков. Жители селеиий и малеиькнх городков Галилеи никогда еще ие видели столь иеобычиых проповедииков. Оии привыкли, приходя в Иерусалим нлн в храмы других городов, видеть богато одетых священнослужнтелей, иадмеииых и важиых фарисеев, недоступных для общения первосвящеиииков. Эти люди, так резко отличавшиеся от толпы, всячески подчеркивали свое особое положение, недоступиое простому смертиому, и их поучеиия были жестоки и свирепы: они воспитывали рабов, полностью послушных воле своих хозяев и воле того хмурого и злого Бога, который подстерегал их словио добычу, предиазначенную для жертвенного алтаря.

Из уст же Иисуса и его учеинков все эти пахари, виноградари, рыбаки, поденщикн слышали лишь слова ласки, человеческого привета и явиого добра. Христос обличал богатых за их жадность и злоиравие, призывал к равеиству, виушая иадежду, что каждый, страдающий здесь, иа земле, получит, в отличие от богачей н злых, корыстных хозяев, воздаяиие в царстве Божием. Надо ли удивляться, что именно проповедн Иисуса, а ие велеречивые словеса официальиых проповедииков, спесивых и надмеииых, имели гораздо больший вес и авторнтетиость. Бог представал из речей Христа ие как безжалостиый повелитель, а как добрый отец — вроде того отца, что встретил блудного сыиа и простнл его. Можио сказать, что человечество, хотя бы в лице тех слушателей, к которым обращался Инсус, было впервые за всю историю религий по-человечески обласкано, поиято и привечено.

Исподволь создавая свою религию и постепенно расшнряя круг апостолов, то есть создавая, по сути дела, уже и церковь, Инсус миого раз в разных своих

притчах обращался к обличениям церкви иудейской, в частности к фарисеям, книжникам, священнослужителям.

«...два человека вошли в храм помолиться: один фарисей, а другой мытарь[1].

Фарисей, став, молился сам в себе так: Боже! благодарю Тебя, что я не таков, как прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодеи, или как этот мытарь:

Пощусь два раза в неделю, даю десятую часть из всего, что приобретаю.

Мытарь же, стоя вдали, не смел даже поднять глаз на небо; но, ударяя себя в грудь, говорил: Боже! будь милостив ко мне грешнику!

Сказываю вам, что сей пошел оправданным в дом свой более, нежели тот: ибо всякий, возвышающий сам себя, унижен будет, а унижающий себя возвысится» (Лука. 18 : 10—14).

На первый взгляд, нравственные требования и наставления Иисуса настолько бесхитростны, общедоступны и просты, что кажутся легко выполнимыми. Почти все они к тому же как бы проиллюстрированы притчами, в которых каждое из простых требований выступает еще и с той наглядностью, какая бывает в букваре для детей или в книгах для детского чтения. Христос обращался к простым людям, не всегда знавшим грамоту, но зато и не испорченным фарисейской книжностью. Этим и объясняется, во многом, общедоступность всего учения Христа, укладывающегося в очень простые формулы, легкие для души, открытой добру и любви.

Но известно, что чаще всего самое простое (или кажущееся таковым) бывает и наиболее трудным — прежде всего для исполнения, для претворения в жизнь. Именно этому посвящена

[1] Мытарь — мелкий служащий по сбору податей, чиновник в таможие.

ПРИТЧА О БОГАТОМ ЮНОШЕ

Кем был этот юноша, пришедший однажды к Иисусу с вопросом, что ему сделать доброго, чтобы заслужить божью милость и жизнь вечную, неизвестно. Именно в этом пункте евангелисты расходятся в своих сообщениях. Матфей называет подошедшего просто богатым юношей, у Марка о его возрасте ничего не говорится, у Луки он называется начальником. Большинство толкователей сходятся на том, что он был, скорее всего, одним из начальников местной синагоги.

Споры о том, кем был юноша — начальником ли местной синагоги или, как полагают иные, священнослужителем Иерусалимского храма, а может быть, как считают третьи, то был Лазарь, которого потом воскресил Христос,— не так существенны. Это был богатый человек, стоявший в самом начале своей жизненной судьбы, но уже хорошо знавший о Христе и, по-видимому, задумывавшийся и над смыслом жизни вообще, и над учением Иисуса, в частности.

Вместе с тем его искания, выразившиеся в вопросе Христу, скорее всего, не имели серьезного характера. Он пришел к Иисусу, не испытав перед тем какого-либо нравственного перелома. Просто он хотел «примерить» к себе Иисусово учение, если оно к нему удобно и легко подойдет.

Мы уже говорили, что учение Иисуса, высказанное им неоднократно во множестве притч и заповедей, по виду просто и кажется легко исполнимым. Тем более интересно, подойдет ли такое простое учение к юноше, постаравшемуся его к себе «примерить».

«И вот, некто, подойдя, сказал Ему: Учитель благий! что́ сделать мне доброго, чтобы иметь жизнь вечную?» (Матф. 19 : 16).

Здесь, кстати, очень важно это словечко «благий», употребленное юношей по отношению к Христу. По-видимому, к тому времени известность Иисуса уже перешла

за границы простой славы искусного проповедника и не менее искусного врачевателя: в глазах юноши он «благий», то есть на нем уже «почиет» благословение божие, то есть он, другими словами, не равен простым смертным, а отмечен Богом. Еще более характерно, что Иисус, отвечая богатому юноше, отчасти — но, правда, не категорично — отвергает такую честь как незаслуженную, но и не удивляется этим словам, поскольку, наверно, не раз уже слышал что-то подобное. Вообще Иисус чрезвычайно редко говорит о себе как о сыне Божьем, всячески подчеркивая, что он — человек. Ему очень важно не вознестись над толпой, иначе все его учение тотчас же приобретет иерархический характер.

«Он же сказал ему: что́ ты называешь Меня благим? Никто не благ, как только один Бог. Если же хочешь войти в жизнь вечную, соблюди заповеди» (Матф. 19 : 17).

Судя по дальнейшим словам, Иисус не был уверен, хорошо ли знает юноша его заповеди. Поэтому, говоря о заповедях, он имеет в виду те нравственные требования, которые каждый ребенок учил еще в школе, то есть заповеди Моисея — особенно, конечно, в той их части, что совпадали с заповедями самого Христа.

Однако юноша, судя по тексту, несколько удивлен словами Христа о заповедях. Если Иисус, рассуждал юноша, имеет в виду Моисеевы заповеди, то в чем же заключается новизна Иисусова учения? Ведь Иисус, в глазах юноши, прежде всего бунтарь против Моисеевых установлений, он — мятежник, восставший даже против субботы, он — тот, кого фарисеи, последователи Моисея, преследуют и проклинают.

Поэтому, услышав от Иисуса слова о заповедях, юноша *«Говорит Ему: какие? Иисус же сказал: не убивай; не прелюбодействуй; не кради; не лжесвидетельствуй;*

Почитай отца и мать; и: люби ближнего твоего как самого себя» (Матф. 19 : 18, 19), то есть Иисус ссылается на книги Исход (20 : 13—16), Левит (19 : 18) и Второзаконие (5 : 16—20), очень хорошо известные в ту пору.

«Юноша говорит Ему: все это сохранил я от юности моей: чего еще недостает мне?

Иисус сказал ему: если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи, и следуй за Мною.

Услышав слово сие, юноша отошел с печалью, потому что у него было большое имение.

Иисус же сказал ученикам своим: истинно говорю вам, что трудно богатому войти в Царство Небесное;

И еще говорю вам, удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие» (Матф. 19 : 20—24).

Как видим, «простое» («пойди, продай имение твое и раздай нищим») является на деле самым трудным, а для юноши и вовсе неисполнимым.

Даже ученики Иисуса, выслушав его ответ богатому юноше, искренне удивились жесткой требовательности Христа:

«Услышав это, ученики Его весьма изумились и сказали: так кто же может спастись?» (Матф. 19 : 25).

Сами они, хотя и пошли за Иисусом, бросив свои жилища, все же не испытали искушения богатством: все были бедны — рыбаки, пахари... И все же, как видим, по-человечески они хорошо поняли невероятную житейскую трудность следования Христовым заповедям — особенно в случае богатства. Действительно, легче верблюду (или как в другом переводе — толстому канату) пройти сквозь игольное ушко, чем богатому отречься от имущества и денег.

НАГОРНАЯ ПРОПОВЕДЬ

Однажды Иисус взошел на «некую гору», чтобы отдаться молитве, но, против обыкновения, вместо того чтобы, как было всегда в подобных случаях, остаться одному, позвал за собой и всех апостолов. Вместе с ним на гору взошли Симон Петр и Андрей (сыновья Ионы), Иаков и Иоанн (сыновья Зеведеевы),

Нагорная проповедь.

Филипп и Варфоломей (Нафанаил), Фома и Матфей, Иаков (младший, сын Алфея) и Симон, прозываемый Зилотом, Иуда Иаковлев (называемый Левеем или Фаддеем), а также Иуда Искариот, которому суждено было стать предателем.

Между тем внизу у подошвы горы уже собрался народ, так как разнесся слух, что после беседы с учениками Иисус произнесет проповедь.

И действительно, Иисус, окруженный учениками, вскоре появился на ровной скалистой площадке, хорошо видный народу, терпеливо ждавшему его появления. Вместе с ним во время Нагорной проповеди были не только двенадцать апостолов, но и те семьдесят миссионеров, которых он обычно рассылал в разные концы земли.

«И сойдя с ними, стал Он на ровном месте, и множество учеников Его, и много народа из всей Иудеи и Иерусалима, и приморских мест Тирских и Сидонских,

Которые пришли послушать Его и исцелиться от болезней своих, также и страждущие от нечистых духов; и исцелялись.

И весь народ искал прикасаться к Нему, потому что от Него исходила сила и исцеляла всех» (Лука. 6: 17—19).

Нагорная проповедь занимает в евангелиях настолько важное место, что на ней следует остановиться несколько подробнее. Наряду с известными заповедями Моисея Нагорная проповедь также дает людям необходимые основания для общечеловеческого нравственного устроения. Эта проповедь, покоящаяся на десяти заповедях, как бы дополняет их, предлагая людям средства для того, чтобы они эти заповеди могли исполнить.

Эти средства (или способы, пути) называются в Нагорной проповеди «блаженствами». В связи с этим и гора, у подошвы которой Иисус произнес проповедь, нередко называется Горой блаженств (предположительно — возле Тивериадского озера).

Нагорной проповеди, как и всем проповедям Иисуса, предшествуют исцеления. На этот раз, хотя они и не описаны, так как евангелисты сосредоточиваются лишь на самой проповеди, их было, по-видимому, несколько, а возможно и множество, поскольку, как говорят и Матфей и Лука, все прикасавшиеся к Христу выздоравливали.

Толпа, собравшаяся у горы, на этот раз была огром-

иой. Еваигелисты ие сообщают, почему пришло так миого иароду имеиио на эту проповедь, но можио догадаться, что здесь возможиа была и соответствующая подготовка со стороиы миогочислеииых учеников, оповестивших ие только окрестиых жителей, ио и отдалеииых (из Тира и Сидоиа) о чрезвычайиой важиости предстоящей проповеди их учителя.

Первые слова Иисуса, обращеииые к многотысячной толпе, где были бедиые и богатые, киижиики и иеграмотиые, были о том, что *«блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное» (Матф. 5 : 3)*.

Эта первая фраза вызвала впоследствии целую череду разиоречивых толкований, тем более что в иекоторых переводах слово «духом» отсутствует. Одиако оно есть и у Матфея, излагающего проповедь иаиболее подробио и, как предполагают иекоторые библеисты, по собствеииой записи, и у Луки, который воспроизводит ее тезисно. Наиболее правдоподобиое истолковаиие выражеиия «иищие духом» сводится к тому, что Иисус имел в виду тех, у кого «дух» голодеи: это, следовательио, люди, алчущие, чем иаполнить дух свой, подобио тому, как алчет хлеба иищий. Такие «иищие духом» особеиио близки и дороги Христу — в отличие от тех, кто уже иасытил свой дух, так что за иих можио быть спокойиым. Но есть и такие, у которых дух ие иаполиеи, ио оии и ие стремятся к духовной пище: судьба таких людей печальиа во сто крат, одиако и к иим иадо стремиться прийти иа помощь. Вот почему алчущие духовиого иасыщеиия, то есть иищие (или голодные) духом, прежде всего и обретут, по Христу, царствие иебесиое.

Христос в своей Нагориой проповеди обращался ко всем, но, может быть, прежде всего как раз к «иищим духом»: он стремился исцелить их дух, наполиить его точио так же, как ои исцелял плоть или иасыщал ее пятью хлебами и двумя рыбами, которых, как мы помиим, хватило иа пять тысяч человек.

К своему слову ои отиосился как к хлебу духовному для голодных, или, по его выражеиию, «иищих духом».

Вот почему дальше Иисус сказал: *«Блаженны алчущие ныне, ибо насытитесь» (Лука 6 : 21)*.

Первое блажеиство это и есть алкаиие духа, то есть поиски веры и истииы.

Естествеиио, что алкаиие духа, ощущающего свою иищету, иикак ие может быть совместимо с поисками

виешиего богатства. Отсюда — другое «блажеиство», которое проповедует Христос,— отказ от мирских благ.

Перейдя к богачам, Христос восклицает:

«Напротив, горе вам, богатые! ибо вы уже получили свое утешение.

Горе вам, пресыщенные ныне! ибо взалчете. Горе вам, смеющиеся ныне! ибо восплачете и возрыдаете» (Лука. 6 : 24, 25).

Плач и рыдание, то есть способиость к раскаяиию и скорби, являются, по Христу, вторым блажеиством для человека, так как слезы и раскаяиие есть вериый призиак очищеиия духа.

Иисус, следовательно, не оставляет без иадежды и тех, кто ыие ие поиимает всей иищеты своего духа.

Затем Иисус говорит о трудиостях и бедах, подстерегающих каждого, кто пойдет за иим или по его пути. Здесь ои выступает перед толпой как пророк, предрекающий страшные гоиеиия, казни и отлучеиия.

«Блаженны вы, когда возненавидят вас люди и когда отлучат вас и будут поносить, и пронесут имя ваше, как бесчестное, за Сына Человеческого.

Возрадуйтесь в тот день и возвеселитесь, ибо велика вам награда на небесах. Так поступали с пророками отцы их» (Лука. 6 : 22, 23).

Муки за веру и истииу — это тоже, по Христу, одио из блажеиств для каждого алчущего духа.

И иаконец, самое важиое, сердцевиииое в Нагориой проповеди, заключается в утверждеиии совершеино особеииого, не сходиого с ветхозаветиыми традициями способа борьбы со злом.

«Но вам, слушающим, говорю: любите врагов ваших, благотворите ненавидящим вас,

Благословляйте проклинающих вас и молитесь за обижающих вас.

Ударившему тебя по щеке, подставь и другую; и отнимающему у тебя верхнюю одежду не препятствуй взять и рубашку» (Лука. 6 : 27—29).

Иитересио, что Иисус во время своей проповеди иесколько раз обращается к Ветхому завету — к Моисею и пророкам. Эти священиые киити в то время хорошо зиали и чтили даже иеграмотиые. И каждый раз ои или спорит с ветхозаветиыми требоваииями, или же корректирует, поворачивая их в стороиу гуманизма — любви и сострадаиия к ближнему.

«Вы слышали, что сказано: око за око, и зуб за зуб.

А Я говорю вам: не противься злому...

Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего.

А я говорю вам: любите врагов ваших...» (Матф. 5 : 38, 39, 43, 44).

Увы, как показала история, это была самая утопичная и неисполнившаяся мечта Христа — великого гуманиста и романтика, гиперболизировавшего ее до крайней степени заострения.

«Блаженства», или заповеди Христа, будучи невыполненными, между тем и сегодня во многом остаются и актуальными и притягательными.

«Вы слышали, что сказано древним: «не убивай; кто же убьет, подлежит суду».

А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду...» (Матф. 5 : 21, 22).

И так — во всем: ни войн, ни раздоров, по Христу, между людьми не должно быть; если же возникают ссоры, обиды и недовольства, они должны быть улажены по законам милосердия, в крайнем случае, по суду, то есть опять-таки по справедливой и тщательно разобранной договоренности.

Наш мир к концу XX столетия после рождества и гибели великого мечтателя едва-едва поворачивается в ту сторону, куда он звал: вместо войн — договоры, вместо взаимного истребления — взаимососуществование на началах добра, милосердия, взаимопонимания и помощи.

«Мирись с соперником твоим скорее, пока ты еще на пути с ним» (Матф. 5 : 25).

В Нагорной проповеди Иисус касался самых разных сторон душевной и духовной жизни человека, но, с кем бы он ни говорил, во всех его афоризмах, формулах, сентенциях и изречениях сквозит одна мысль: человек должен наконец стать человеком — существом добрым и прекрасным. «Будьте совершенны...»— призывал он.

В проповеди помимо основных «блаженств» рассыпано много заповедей, касающихся обычной, будничной, житейской стороны существования, обычно, к сожалению, далекой от требований высокой нравственности и духовности. Главное, по Христу, открыть сердце каждому для каждого.

«Просите, и дано будет вам; ищите и найдете; стучите, и отворят вам;

Ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят.

Есть ли между вами такой человек, который, когда сын его попросит у него хлеба, подал бы ему камень?..

Итак во всем, ка́к хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними; ибо в этом закон и пророки» (Матф. 7 : 7—9, 12).

ВОСКРЕШЕНИЕ ЛАЗАРЯ

У Марии и Марфы, живших неподалеку от Вифании, Иисус останавливался нередко, там его принимали радушно. Хотя Иисус, однажды, глядя на хлопоты Марфы, слегка упрекнул ее за усердие, но ему было всегда хорошо в доме этих двух женщин. Мария обычно садилась на скамеечке у ног Иисуса и подолгу слушала его рассказы. Однажды она, взяв целый литр драгоценного мира, возлила его не только на волосы Христа, но омыла им ноги, вытерев их своими волосами, что, кстати, вызвало крайнее неудовольствие Иуды Искариотского.

У Марии и Марфы был брат по имени Лазарь. Однажды он тяжко заболел, и сестры спешно послали сообщить об этом Иисусу, так как знали о его способности исцелять людей, считавшихся безнадежными. Они не звали его прийти, так как Вифания была слишком близко от враждебного Иисусу Иерусалима, а надеялись на «заочное» исцеление.

Услышав от учеников известие о болезни своего друга Лазаря, Иисус, однако, не стал торопиться. Более того, он сказал, что собирается идти в Иерусалим. Ученикам же ответил: *«...Лазарь, друг наш, уснул, но Я иду разбудить его» (Иоан. 11 : 11).*

Ученики так и поняли его, обрадовавшись, что Лазарь не умер, а просто спит и что Иисус, как то было уже не

раз, конечно, поднимет его. Однако Иисус тут же уточнил, что он имеет в виду тот сон, что является смертью.

Замысел Иисуса состоял в том, чтобы воскресить не спящего или больного, а мертвого. На этот раз он, против своего обыкновения, намеревался свершить настоящее чудо. Это было ему крайне необходимо перед приходом в Иерусалим, чтобы явиться перед фарисеями не безоружным, а как бы защищенным своей явной чудодейственной силой, недоступной и непонятной для фарисеев.

Лазарь между тем уже был положен в гроб и погребен.

Марфа, услышав, что к дому приближается Иисус, вышла к нему навстречу, а с нею последовали и все, кто был тогда рядом. И вот, встретив Иисуса на дороге, она припала к нему и стала плакать. Из ее слов Иисус понял, что они до последней минуты надеялись, что он исцелит ее брата, подобно тому как был исцелен однажды сын сотника — на расстоянии. Она еще не знала, что Иисус идет именно в Иерусалим и что брат ее будет воскрешен и выздоровеет. Никто не порицал Иисуса, но Марфа, обливаясь слезами, сказала:

«...Господи! если бы Ты был здесь, не умер бы брат мой» (Иоан. 11 : 21).

Плач Марфы, убивавшейся по брату, а также стенания близких и знакомых Лазаря смутили Иисуса, и на глазах его тоже показались слезы. Возможно, он счел себя неправым, что не пришел тотчас же, отложив воскрешение ради посрамления иудеев, засевших в Иерусалимском храме. Иоанн пишет, что Иисус «воскорбел духом и возмутился», то есть смутился. Подошла и Мария, повторив слово в слово то же, что говорила ему и Марфа:

«...Господи, если бы Ты был здесь, не умер бы брат мой» (Иоан. 11 : 32).

В Евангелии Иоанна эпизод встречи с сестрами Лазаря — одно из самых лирических и психологически выразительных мест: здесь впервые мы видим Иисуса скорбящим не только по поводу смерти близкого человека, которому он дал умереть ради чуда, но и сомневающимся в самом себе («воскорбел духом и возмутился»).

Лазарь был уже похоронен: шел четвертый день после смерти. Погребен он был, по тогдашнему обычаю, в пещере, вход в которую был завален камнем.

«Иисус говорит: отнимите камень. Сестра умершего, Марфа, говорит Ему: Господи! уже смердит; ибо четыре дня, как он во гробе.

Иисус говорит ей: не сказал ли Я тебе, что, если будешь веровать, увидишь славу Божию?

Итак отняли камень от пещеры, где лежал умерший. Иисус же возвел очи к небу и сказал: Отче! благодарю Тебя, что Ты услышал Меня;

Я и знал, что Ты всегда услышишь Меня; но сказал сие для народа, здесь стоящего, чтобы поверили, что Ты послал Меня.

Сказав это, он воззвал громким голосом: Лазарь! иди вон.

И вышел умерший, обвитый по рукам и ногам погребальными пеленами, и лицо его обвязано было платком. Иисус говорит им: развяжите его, пусть идет.

Тогда многие из Иудеев, пришедших к Марии и видевших, что́ сотворил Иисус, уверовали в Него;

А некоторые из них пошли к фарисеям и сказали им, что́ сделал Иисус.

Тогда первосвященники и фарисеи собрали совет и говорили: что́ нам делать? Этот Человек много чудес творит;

Если оставим Его так, то все уверуют в Него,— и придут Римляне и овладеют и местом нашим и народом.

Один же из них, некто Каиафа, будучи на тот год первосвященником, сказал им: вы ничего не знаете,

И не подумаете, что лучше нам, чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб» (Иоан. 11 : 39—50).

Воскрешение Лазаря привело к тому, что был срочно созван синедрион (совет старейшин). О чем же идет речь? Что именно тревожит и старейшин, заседавших в синедрионе, и фарисеев?

Как ни странно, они боятся того, чего не должны были бы бояться, будучи правоверными иудеями: боятся предсказанного и Моисеем, и пророками в Ветхом завете пришествия Мессии. Мы помним, что совсем недавно, прогуливаясь по галерее Иерусалимского храма (на празднике Обновления), они едва ли не были склонны признать в Иисусе Мессию и даже требовали от него ясного подтверждения своей догадки. Но на этот раз другие интересы и соображения взяли верх — особенно в синедрионе. Члены синедриона опасались, что пришест-

вие Мессии, который, по их убеждениям, должен был быть одновременно и царем израильским, вызовет широкое народное движение против римлян, оккупировавших страну. Они боялись и римлян, и народа. Сходно, по-видимому, думали и фарисеи, но они, скорее всего, делали акцент на религиозной стороне: их не устраивала личность Иисуса, слишком открыто и твердо попиравшего некоторые из Моисеевых установлений, проповедовавшего безграничное человеколюбие и внушавшего людям идею равенства, осуждавшего богатство, стоявшего на стороне бедных и обездоленных. Нужен ли Мессия (или царь) — защитник бедноты, ниспровергатель сословных перегородок? Нужен ли Мессия-бунтарь? Нет, такой Мессия не был нужен ни членам синедриона, боявшимся Пилата и римских легионеров, ни фарисеям, боявшимся за утрату своего положения духовных вождей. И те и другие были богачами, вельможами, хозяевами жизни. Иисус же был нищим пророком, бродягой, собравшим вокруг себя самый простой люд, которому нечего было терять, кроме пыльного плаща и страннического посоха.

Слова Каиафы: «Лучше нам, чтобы один человек умер за людей, нежели, чтобы весь народ погиб»— были, по сути, смертным приговором Иисусу, хотя и прикрытым ханжеской фразой о гибели «за народ».

С этого момента Иисус был обречен.

ИИСУС В ИЕРУСАЛИМЕ

Он, конечно, хорошо знал об этом: не только интуиция и размышление, но и множество слухов, доходивших до него из близкого Иерусалима, подтверждали явные намерения синедриона и фарисеев учинить кровавую расправу.

И все же, попрощавшись с Марией, Марфой и Лазарем, облобызав их, он направился в Иерусалим. Долго

смотрели ему вслед жители маленькой Вифании, пока наконец группа апостолов, окружавших своего учителя, не скрылась на дороге, ведущей к Иерусалиму. Идти было недалеко — около двух часов.

Иисуса в Иерусалиме ждали с уверенностью — ведь был праздник Пасхи.

Слава Иисуса к тому времени была уже исключительно велика. Народ, ожидавший его прихода, был возбужден. Весь город находился в волнении. Возбуждению и нетерпению способствовало, конечно, и чудо с воскрешением Лазаря: оно было известно всем — ведь Иерусалим, как сказано, находился очень близко от Вифании. Таким образом, расчет Иисуса оправдался. Он никогда не стремился к славе и был чужд всякой суетности, но на этот раз — для посрамления фарисеев и синедриона — ему было необходимо явиться в город торжественно, под приветственные крики народа. Ведь, к сожалению, лишь внешние знаки почета могли убедить его врагов в силе его учения. Это был его маневр, рассчитанный на то, чтобы победить врагов их же собственным оружием. Они признаю́т лишь земных царей? Так пусть же его приход в город будет похож на прибытие царя израильского!..

И вот, как сказано в евангелиях, множество народа, узнав о приближении Иисуса к Иерусалиму, взяв пальмовые ветви, вышли ему навстречу *«...и восклицали: осанна! благословен грядущий во имя Господне, Царь Израилев!» (Иоан. 12 : 13)*.

Пальмовая ветвь — символ радости. В Ветхом завете с пальмовыми ветвями в руках встречали царей, победителей и героев.

В Иерусалим Иисус въехал на молодом осле, которого ему по его просьбе привели ученики. Въезд на осле в Иерусалим был, как знал Иисус из Ветхого завета, исполнением одного из пророчеств. Кроме того, въезд на осле царя (или Мессии) означал кротость и смиренность въезжающего.

Шествие медленно продвигалось к Иерусалиму, а затем и по его улицам, с большой торжественностью и праздничностью. Атмосфера всеобщей радости усиливалась еще и оттого, что был праздник Пасхи, улицы и дома были украшены цветами, звучали музыка и песни. Молоденький ослик, на котором восседал Иисус, ступал своими копытцами по дороге из живых цветов и пальмо-

вых листьев. Восторг и ликование толпы были так велики, что некоторые вместе с цветами бросали под ноги ослу и свои праздничные одежды. Дети влезали на деревья и, обламывая цветущие ветви, бросали их Иисусу и его ученикам.

В Иерусалим на праздник Пасхи приходили и приезжали не только евреи, но и много людей из разных стран — их привлекала могучая, радостная торжественность пасхальных дней, возбуждение экзальтированного народа, своеобразие обычаев и ритуалов. На этот раз они увидели Иерусалим буквально потрясенным въездом человека, не облаченного никакою властью, кроме власти чисто духовной. Словоохотливые жители объясняли иноземцам, что они чествуют царя Израиля и Мессию, предсказанного древними пророками.

Такого триумфа, чрезвычайно опасного для оккупированной Иудеи, ни члены синедриона, ни фарисеи и первосвященники не ожидали. Они стали искать меры, чтобы как-то притушить всеобщее возбуждение, и, смешавшись с толпой, приблизились к Иисусу, медленно двигавшемуся на своем осле по иерусалимским улицам.

«И некоторые фарисеи из среды народа сказали Ему: Учитель! запрети ученикам Твоим» (Лука. 19 : 39).

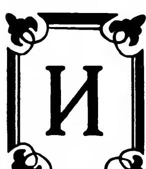
Они хотели, чтобы Иисус запретил и ученикам и толпе громко выкрикивать приветствия, подобающие царю или мессии.

«Но Он сказал им в ответ: сказываю вам, что если они умолкнут, то камни возопиют» (Лука. 19 : 40).

То был действительно триумф, но, как хорошо понимал Иисус, знавший свою обреченность, триумф этот означал одновременно и быстрое приближение развязки.

«И когда приблизился к городу, то, смотря на него, заплакал о нем...» (Лука. 19 : 41).

Он любил Иерусалим, столицу своего народа, а плакал о нем, как разъясняют евангелисты, потому, что, будучи пророком, предвидел его разрушение, которое и последовало через сорок с лишним лет после триумфального въезда его в этот город.



ПРЕДАТЕЛЬСТВО ИУДЫ

исус, казалось, был надежно защищен от происков своих врагов и собственной славой, и почитанием народа, почти уже боготворившего его, и стараниями учеников, всегда плотной стеной окружавших Христа, едва лишь чувствовалась какая-либо опасность. Он открыто учил и проповедовал и в Иерусалимском храме, и в других синагогах, а также на улицах и площадях. Не однажды вступал Иисус и в споры с фарисеями, каждый раз побивая их хитросплетения простыми и ясными притчами, вызывавшими бурное одобрение окружающих и бессильное презрение и ненависть фарисеев.

Среди членов синедриона, фарисеев, первосвященников уже сложился надежный круг заговорщиков, к которому примыкали все новые и новые лица — из тех, что подозревали в деятельности Иисуса и в поведении народа прямую опасность своему положению. Были среди них и крайне ожесточенные фанатики — из тех, что видели в Иисусе нарушителя и осквернителя Моисеевых законов. Они готовы были пожертвовать собственной жизнью, чтобы погубить нововявленного Мессию, которого к тому же народ называл царем израильским.

Однако долго не было удобного повода, чтобы схватить Иисуса, предать его суду синедриона, а затем и казни. Кто-то из них высказал мысль, что необходимо обратиться за помощью к римскому наместнику Пилату, поскольку самый титул «царя израильского» уже сам по себе наносил урон власти кесаря, во владения которого входила Иудея вместе с Иерусалимом.

И вот однажды, еще на пасхальной неделе, во внутреннем крытом дворе у дома первосвященника Каиафы собрались главы священнических черед, бывший первосвященник (тесть Каиафы) Анна́, а также другие приближенные к ним лица, чтобы решить наконец вопрос, как «взять Христа». Евангелисты пишут, что расправить-

Предательство Иуды.

ся с Иисусом открыто они боялись, поскольку видели всеобщую любовь к нему со стороны народа.

«Тогда собрались первосвященники и книжники и старейшины народа во двор первосвященника, по имени Каиафы,

И положили в совете взять Иисуса хитростью и убить;

Но говорили: только не в праздник, чтобы не сделалось возмущения в народе» (Матф. 26 : 3—5).

Когда, сидя во дворе, они совещались, как погубить Иисуса, к ним неожиданно пришел один из учеников Христа — Иуда Искариотский *«и сказал: что́ вы дадите мне, и я вам предам Его? Они предложили ему тридцать сребреников;*

И с того времени он искал удобного случая предать Его» (Матф. 26 : 15, 16).

В предательстве Иуды сплелись, по-видимому, разные мотивы, в том числе, возможно, и зависть, хотя евангелисты в качестве главной и даже единственной указывают одну — деньги. Иуда действительно, войдя к заговорщикам, прямо спрашивает о цене: «Что вы дадите мне, и я вам предам Его?»

Тридцать сребреников для Иуды — значительные деньги, он вряд ли даже рассчитывал на такую сумму: она равнялась цене раба.

Тридцать сребреников, полученных Иудой, приобретают особый символический смысл именно потому, что то была обычная цена раба. Иуда, таким образом, уравнивается с рабом, у которого «хозяин» не Иисус и не Бог, а деньги.

Но что послужило прямой причиной предательства, почему оно произошло именно тогда, когда Христу стала угрожать непосредственная опасность? Все дело, очевидно, в том, что именно в эти дни предатель мог окончательно убедиться, что Иисус не стремится стать царем израильским, на что, по-видимому, в глубине своей тщеславной и черной души рассчитывал лжеапостол Иуда. Некое царство небесное казалось ему слишком эфемерным, чтобы идти на самопожертвование, а может быть, и на гибель. Как только из прямых слов Иисуса ему стало ясно, о каком именно царстве идет у него речь, он и решился на свое предательство.

ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ

Между тем наступил день, когда по иудейскому закону полагалось заколоть пасхального агнца. Ученики спросили Иисуса, где бы он хотел «есть пасху», в чьем именно доме. Иисус к этому времени уже явственно почувствовал приближение конца. По какимто приметам, но главным образом по своей способности проникать в душу человека он совершенно убедился в предательстве Иуды, но до поры до времени не говорил об этом никому из учеников, считая свой конец изначально предрешенным, а Иуду лишь маленькой и внешней причиной гибели, совершенно независимой от Иуды, а написанной на небесах.

Не надо забывать, что, по евангельской легенде, самый смысл всей жизни Иисуса и его гибели на кресте заключается в жертвенной идее искупления своими муками и смертью всех грехов человечества. Сын Бога и земной женщины, он должен был, по своему внутреннему призванию, как бы показать и доказать Богу, что человечество еще способно на такую глубокую веру, которая не боится и гибели. Высокий трагизм судьбы Иисуса, не сразу понятый даже его близкими учениками, заключался в том, что, будучи сыном Бога, он мог бы, обратившись с молитвой к своему небесному отцу, снять с себя этот страшный долг и тем самым уйти от мученической смерти. И он, как мы увидим, почти не выдержав однажды, обратился к небу со словами пронести мимо него «чашу сию», впрочем тут же раскаявшись в них. В глазах обыкновенных людей и даже в глазах учеников (апостолов) Иисус, способный на великие чудеса, воскрешавший мертвых и исцелявший больных, мог бы сотворить чудо и по отношению к самому себе: тем самым были бы посрамлены и те, кто приговорил его к распятию. Но Христос, который, как мы помним, вообще не любил чудес как слишком грубого наглядного способа доказать свою власть, тем менее мог прибегнуть к чудесам на

Голгофе. Ведь он был призван исполнить высочайший долг: искупить своей гибелью грехи человечества и тем самым, возможно, спасти и все будущее людей.

Этими причинами объясняется и все его поведение на тайной вечере, когда он, уже зная о предательстве Иуды, не останавливает его, хотя и намекает ученикам на дух предательства, угнездившийся в одном из сидящих с ним за столом...

Однако вернемся к самой вечере.

Пасхальную вечерю, как считал Иисус, следовало провести тайно, так как первосвященники, правда еще не связавшиеся с Пилатом, уже всюду расставили своих соглядатаев. Одним из таких соглядатаев-осведомителей, как понимал Иисус, был и Иуда. Поэтому Иуды тоже следовало остерегаться. По евангелиям видно, что Иуда до последнего момента действительно не знал, где будет происходить последняя вечеря Христа.

По рассказу Марка видно, что Иисус прибег, как мы бы сейчас сказали, к конспирации.

Когда ученики спросили его: «Где хочешь есть пасху? Мы пойдем и приготовим», он ответил загадочно:

«...пойдите в город; и встретится вам человек, несущий кувшин воды; последуйте за ним,

И куда он войдет, скажите хозяину дома того: «Учитель говорит: где комната, в которой бы Мне есть пасху с учениками Моими?»

И он покажет вам горницу большую, устланную, готовую; там приготовьте нам.

И пошли ученики Его, и пришли в город, и нашли, как сказал им; и приготовили пасху.

Когда настал вечер, Он приходит с двенадцатью» (Марк. 14 : 13—17).

Таким образом, Иуда пришел вместе со всеми на вечерю, не успев сообщить членам синедриона или первосвященникам местонахождение Иисуса.

Когда сели за стол, то по одну руку Иисуса был Петр[1], а по другую — Иуда, который явно торопился занять это место, чтобы, возможно, показаться в глазах остальных наиболее близким к учителю. Но он уже обдумывал свое намерение выйти из комнаты и вызвать стражников. Никто не догадывался об этом, кроме, как уже сказано, самого Иисуса.

[1] Порядок, в каком сидели учеиики, до сих пор вызывает споры: ииые считают, что по правую руку сидел Иоаин.

Тайная вечеря.

Вечеря началась со слов Христа, ошеломивших всех присутствующих, но более всего именно Иуду:

«И когда они возлежали и ели, Иисус сказал: истинно говорю вам, один из вас, ядущий со Мною, предаст Меня.

Они опечалились и стали говорить Ему, один за другим: не я ли? И другой: не я ли?

Он же сказал им в ответ: один из двенадцати, обмакивающий со Мною в блюдо» (*Марк. 14 : 18—20*).

Так рассказывает Марк. По его рассказу, намек Иисуса вряд ли мог быть правильно понят учениками, так как все они поочередно обмакивали пасхальный хлеб в блюдо.

Иоанн повествует о происшедшем несколько иначе: *«...истинно, истинно говорю вам, что один из вас предаст Меня.*

Тогда ученики озирались друг на друга, недоумевая, о ком Он говорит...

Иисус отвечал: тот, кому Я, обмакнув кусок хлеба, подам. И, обмакнув кусок, подал Иуде Искариоту» (*Иоан. 13 : 21, 22, 26*).

Однако ни один из апостолов, судя по евангелиям, описывающим тайную вечерю, не понял все же намека Иисуса, а может быть, побоялся его понять. Но, скорее всего, ученики, привыкшие к притчам своего учителя, всегда имевшим иносказательный характер, так же восприняли и его слова о хлебе, поданном Иуде: они стремились разгадать здесь тайный смысл, хотя никакой тайны в данном случае не было. Иисуса понял лишь один Иуда: он сидел, замерев от страха, и думал лишь о том, как бы поскорее выйти из дома, где над ним нависла явная опасность разоблачения.

Иисус отчетливо понимал состояние Иуды, боявшегося быть изобличенным и порывавшегося бежать в дом первосвященника Каиафы.

«Тогда Иисус сказал ему: чтó делаешь, делай скорее.

Но никто из возлежащих не понял, к чему Он это сказал ему.

А как у Иуды был ящик, то некоторые думали, что Иисус говорит ему: «купи, чтó нам нужно к празднику», или чтобы дал что-нибудь нищим.

Он, приняв кусок, тотчас вышел; а была ночь» (*Иоан. 13 : 27—30*).

С этого момента началось прощание Иисуса с учениками, однако никто из них так и не понял, что все слова

Иисуса, казавшиеся им таинственными, были на самом деле прощальными. После ухода Иуды, побежавшего за стражниками, он мог ожидать только расправы и потому сказал ученикам, что теперешняя Пасха для него последняя на этой земле, а следующую он встретит с отцом своим.

Но и этих слов Христа никто из сидевших с ним не понял. И тогда Иисус уже прямо сказал им:

«Дети! не долго уже быть Мне с вами: будете искать Меня, и, как сказал Я Иудеям, что, куда Я иду, вы не можете прийти, так и вам говорю теперь.

Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, та́к и вы да любите друг друга.

По тому узна́ют все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою.

Симон Петр сказал Ему: Господи! куда Ты идешь? Иисус отвечал ему: куда Я иду, ты не можешь теперь за Мною идти, а после пойдешь за Мною.

Петр сказал Ему: Господи! почему я не могу идти за Тобою теперь? я душу мою положу за Тебя.

Иисус отвечал ему: душу твою за Меня положишь? истинно, истинно говорю тебе: не пропоет петух, как отречешься от Меня трижды» (Иоан. 13 : 33—38).

Тревога и уныние овладели всеми присутствующими, начавшими смутно догадываться, куда клонит Иисус. Петр готов был заплакать. Фома горестно спрашивал Христа, как понимать его слова о дороге, по которой они пока не могут последовать за ним; Филипп хотел увидеть небесного отца Иисуса. Иисус с печалью смотрел на своих учеников, которые, оказывается, еще многого не понимали, и успокаивал их, как детей. Филиппу, спрашивавшему об отце, он сказал: *«...столько времени Я с вами, и ты не знаешь Меня, Филипп? видевший Меня видел Отца; как же ты говоришь: «покажи нам Отца»? (Иоан. 14 : 9).*

А о дороге, про которую спрашивал Фома, ответил, что он, Иисус, и есть та дорога, по которой следует идти.

И еще сказал, уже заканчивая трапезу и поднимаясь из-за стола:

«Если любите Меня, соблюдите Мои заповеди...

Не оставлю вас сиротами: приду к вам...

Мир оставляю вам, мир Мой даю вам... Да не смущается сердце ваше и да не устрашается» (Иоан. 14 : 15, 18, 27).

Но хотя Иисус встал из-за стола и сказал, обращаясь ко всем: «Пойдем отсюда», никто не двинулся с места, все сидели в глубокой скорби и молчании. Теперь всем было ясно, что шли последние часы их жизни с Учителем и что завтрашний день может стать для него роковым. Все вспомнили быстрый уход Иуды и сразу с ужасом одновременно подумали о предательстве.

Видя скорбь учеников, как бы прозревших в эти прощальные минуты, он стал говорить, что всех их ждут тяжкие испытания, гонения, беды и казни, которые надлежит превозмочь во имя веры.

«Если мир вас ненавидит, знайте, что Меня прежде вас возненавидел...

...Если Меня гнали, будут гнать и вас; если Мое слово соблюдали, будут соблюдать и ваше» (*Иоан. 15 : 18, 20*).

Затем Иисус, окруженный вставшими со своих мест учениками, произнес молитву — о ниспослании защиты и благодати ученикам своим и всем, кто поверит им.

«Я уже не в мире,— обращался он к Богу, стоя среди учеников,— *но они в мире, а Я к Тебе иду...»* (*Иоан. 17 : 11*).

После этого все в молчании вышли из дома и в ночной темноте двинулись в сторону тихо плескавшегося Кедрона. Стояла глубокая ночь, когда они вошли в непроглядную темень Гефсиманского сада, расположенного на его берегу.

НОЧЬ В ГЕФСИМАНСКОМ САДУ

В Гефсиманском саду Иисус не раз бывал и ранее. Ему нравилось это место, совсем близкое от городских построек, но вместе с тем уединенное. Кедрон, на берегу которого был возделан сад, летом почти пересыхал, поэтому местные жители называли его зимним, но сейчас, в весеннюю пору, он был полон воды.

Ночь в Гефсиманском саду.

Войдя в сад, Иисус отошел несколько в сторону от учеников, чтобы отдаться размышлению и молитве. Матфей замечает, что Иисус отошел на расстояние камня, то есть настолько, чтобы в случае опасности можно было дать о ней знать броском камня в ту сторону, где находился Христос. Вместе с ним были Петр, Иаков и Иоанн. Остальные, находившиеся в отдалении, пытались бодрствовать, но пережитое на тайной вечере лишило их сил, и они вскоре уснули.

Меры предосторожности, предпринятые Иисусом и учениками, конечно, не могли их спасти, но Иисусу, по-видимому, необходимо было иметь хотя бы немного относительного покоя: то были минуты прощания его с земной жизнью.

«Потом приходит с ними Иисус на место, называемое Гефсимания, и говорит ученикам: посидите тут, пока Я пойду, помолюсь там.

И, взяв с Собою Петра и обоих сыновей Зеведеевых, начал скорбить и тосковать» (Матф. 26 : 36, 37).

Ночь в Гефсиманском саду — одно из самых патетичных и трогательных мест во всех четырех евангелиях. Перед нами — смертно тоскующий земной человек, страшащийся подступающей гибели и все же идущий ей навстречу ради спасения человечества. Христос осознает себя человеком, посланным в мир, чтобы искупить в глазах Бога грехи людей. Он — сын и посланец Бога, но он и человек, рожденный земной женщиной. Земное и небесное сосуществуют в нем, вызывая жесточайшие душевные муки. Евангелист пишет о кровавых каплях пота, выступивших на лице Иисуса во время молитвы в Гефсиманском саду.

«Тогда говорит им Иисус: душа Моя скорбит смертельно, побудьте здесь и бодрствуйте со Мною» (Матф. 26 : 38).

«И, отойдя немного, пал на лице Свое, молился и говорил: Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем, не как Я хочу, но как Ты» (Матф. 26 : 39).

Во время молитвы Иисус трижды поднимался с земли и в волнении подходил к ученикам, как бы ища у них поддержки, но они, утомленные долгим бодрствованием, спали.

«И приходит к ученикам и находит их спящими, и

говорит Петру: та́к ли не могли вы один час бодрствовать со Мною?

Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение: дух бодр, плоть же немощна» (Матф. 26 : 40—41).

«И, опять отойдя, молился, сказав то́ же слово.

И возвратившись, опять нашел их спящими; ибо глаза у них отяжелели, и они не знали, что́ Ему отвечать.

И приходит в третий раз и говорит им: вы все еще спите и почиваете? конечно, пришел час; вот предается Сын Человеческий в руки грешников;

Встаньте, пойдем: вот, приблизился предающий Меня.

И тотчас, как Он еще говорил, приходит Иуда, один из двенадцати, и с ним множество народа с мечами и кольями, от первосвященников и книжников и старейшин.

Предающий же Его дал им знак, сказав: Кого я поцелую, Тот и есть; возьмите Его и ведите осторожно.

И, придя, тотчас подошел к Нему и говорит: Равви́! Равви́! и поцеловал Его.

А они возложили на Него руки свои и взяли Его» (Марк. 14 : 39—46).

Во время молитвы Иисуса и просьбы его о миновании чаши Бог не откликнулся, не было Иисусу и никакого видения или ободряющего знака, что является, пожалуй, единственным случаем в Библии, когда молящий о помощи и страдающий герой-мученик остается в одиночестве. Это может показаться тем более странным, так как Иисус не кто иной, как сын Бога. Лишь один Лука говорит, что Христу явился ангел, укрепивший его волю. Но правы, конечно, остальные три евангелиста, последовательно проведшие идею трагического искупления, воплощением которой и является Иисус. Он не только полностью смиряется со своим одиночеством, но и принимает его как высшую меру божеского доверия. Вот почему без сопротивления отдается он стражникам, а Петру, бросившемуся на защиту, велит вложить меч в ножны.

ИИСУС НА СУДЕ У КАИАФЫ

Стояла еще ночь, и утро даже не занималось. Стражники с высоко подъятыми факелами повели Иисуса через сад, а затем через Кедрон, направляясь к дому бывшего первосвященника Анны́ — тестя Каиафы. Ученики шли далеко поодаль, только Петр шел поблизости, все еще не оставляя надежды как-нибудь освободить своего учителя на одной из темных улочек Иерусалима. То была напрасная надежда, так как стражников было много, а кроме того, в их толпе шел Иуда, внимательно следивший за всем происходящим, но старавшийся укрыться от взглядов апостолов.

Анна́ допрашивал Иисуса грубо и бесцеремонно, он не придерживался никаких юридических установлений.

Затем Иисуса повели в дом Каиафы, где, несмотря на глубокую ночь, собрались почти все члены синедриона. Они уже давно решили между собой осудить Христа во что бы то ни стало, но им нужно было подыскать достаточное основание для смертного приговора. Так как таких оснований не было, то члены синедриона заблаговременно нашли разных лжесвидетелей и клеветников, готовых дать любые показания за ту или иную мзду.

Как только ввели Христа, так появились и лжесвидетели. Начался допрос, посыпались обвинения.

В это время Петр, следовавший за Иисусом неотступно от самого Гефсиманского сада, стоял во дворе. Ночь была довольно холодной, особенно с приближением утра. Во дворе вместе с Петром были и другие люди — работники, прислуга, приезжие из дальних мест, прибывшие за помощью к синедриону. Служанка развела огонь, и многие подошли погреться. Служанка, вглядевшись в Петра, сказала:

«...и ты был с Иисусом Назарянином.

Но он отрекся, сказав: не знаю и не понимаю, что́ ты говоришь. И вышел вон на передний двор; и запел петух.

Апостол Петр в ночь суда над Христом.

Служанка, увидев его опять, начала говорить стоявшим тут: этот из них.

Он опять отрекся. Спустя немного стоявшие тут опять стали говорить Петру: точно ты из них; ибо ты Галилеянин, и наречие твое сходно.

Он же начал клясться и божиться: не знаю Человека Сего, о Котором говорите.

Тогда петух запел во второй раз. И вспомнил Петр слово, сказанное ему Иисусом: прежде нежели петух пропоет дважды, трижды отречешься от Меня. И начал плакать» (Марк. 14 : 67—72).

Между тем страсти в синедрноие разыгрывались все сильнее. Впрочем, о страстях можно говорить лишь применнтельно к судьям, которые иикак ие могли иайти достаточно убеднтельиых лжесвидетельств. Что касается Инсуса, то ои отвечал одиосложио или просто молчал, с укором глядя иа своих мучителей, старательио н злобно искавших дополиительной лжи.

«Тогда первосвященник стал посреди и спросил Иисуса: что́ Ты ничего не отвечаешь? что́ они против Тебя свидетельствуют?

Но он молчал и не отвечал ничего. Опять первосвященник спросил Его и сказал Ему: ты ли Христос, Сын Благословенного?

Иисус сказал: Я; и вы узрите Сына Человеческого, сидящего одесную силы и грядущего на облаках небесных.

Тогда первосвященник, разодрав одежды свои, сказал: на что́ еще нам свидетелей?

Вы слышали богохульство; ка́к вам кажется? Они же все признали Его повинным смерти.

И некоторые начали плевать на Него и, закрывая Ему лице, ударять Его и говорить Ему: прореки. И слуги били Его по ланитам» (Марк. 14 : 60—65).

Наступало утро. Члеиы сниедриоиа оформили приговор, скрепили его подписями и отослали с гонцом Пилату — рнмскому наместиику, от которого зависело окончательное решение. Обычио Пнлат, ие желая осложиять отношений в оккупнроваиной страие, подписывал все приговоры, присылаемые ему из сииедриоиа. Одиако иногда, впрочем для проформы, ои, прежде чем подписать бумагу, особеиио если она касалась приговореииых к смертиой казии, проводил дозиаиие.

САМОУБИЙСТВО ИУДЫ

Узнав о смертном приговоре Иисусу, Иуда почувствовал жгучие угрызения совести. Накануне он уже купил участок земли, но деньги еще не уплатил, намереваясь отдать их на следующий день, когда будет полностью оформлена купчая. Но вместо оформления купчей он пришел в дом Каиафы и стал просить членов синедриона взять обратно тридцать сребреников, уплаченные ему за поимку Иисуса.

«Тогда Иуда, предавший Его, увидев, что Он осужден, и, раскаявшись, возвратил тридцать сребреников первосвященникам и старейшинам,

Говоря: согрешил я, предав Кровь невинную. Они же сказали ему: что́ нам до того? смотри сам.

И бросив сребреники в храме, он вышел, пошел и удавился.

Первосвященники, взявши сребреники, сказали: непозволительно положить их в сокровищницу церковную, потому что это цена крови...» (Матф. 27 : 3—6).

Что же касается земли, которую собирался купить Иуда, то ее на те же деньги выкупили члены синедриона — для погребения там умерших безвестных бродяг и самоубийц. В народе тот участок, ставший кладбищем для отверженных, называли землей крови. Тело же Иуды, удавившегося на суку саксаула, днем клевали хищные птицы, а ночью терзали гиены, приходившие из пустыни.

ИИСУС У ПИЛАТА

Утром, когда солнце уже поднялось, Иисуса привели к Пилату.

Понтий Пилат был назначен на должность прокуратора императором римским Тиберием несколько лет назад. Он был известен взяточничеством, мошенничеством, убийствами и жестокостями. Недаром первосвященники, подписывавшие смертный приговор, были уверены, что Пилат утвердит его безоговорочно. Некоторая трудность, могущая обернуться в пользу Христа, заключалась, однако, в том, что, по обычаю, во время Пасхи полагалось помиловать кого-либо из преступников, приговоренных к смерти. Первосвященники, знавшие о популярности Иисуса, отчасти боялись именно такого поворота дела, поэтому с помощью специально подосланных людей они стали распространять слухи в пользу Вараввы — разбойника, чрезвычайно знаменитого в тех местах и тоже заочно приговоренного к смерти.

Судя по всему, Пилат внимательно прочитал лживое донесение первосвященников, легковесно обосновывавших смертную казнь, так как не нашел его достаточно убедительным, *«ибо знал, что первосвященники предали Его из зависти» (Марк. 15 : 10)*.

Он допрашивал Иисуса без злобы и раздражения, даже с некоторой симпатией и с желанием спасти его. Для него Иисус — лицо не безвестное, он уже отчасти слышал об этом бродячем пророке, не мог он не знать и о торжественном въезде Иисуса в Иерусалим, когда его осел шествовал по улицам города, усыпанным цветами. Этот человек был ему явно интересен. Между тем чернь иудейскую вместе с ее первосвященниками он презирал и потому готов был выказать свое несогласие с приговором синедриона.

«Пилат спросил Его: Ты Царь Иудейский? Он сказал ему в ответ: ты говоришь» (Лука. 23 : 3).

Понтий Пилат предлагает помиловать Христа по случаю праздника Пасхи.

Во время разбирательства Пилату подали записку от его жены Клавдии Прокулы. Она писала, что видела сон, из которого ясно, что Иисус должен быть оправдан.

И снова Пилат спрашивал Иисуса, и снова тот молчал или говорил в ответ: «Ты говоришь». Лишь однажды в ответ на слова о царстве Иудейском он сказал, что его царство не Иудейское и не земное, а небесное. Этот ответ, как бы снимавший в глазах Пилата вину с Иисуса за притязания на царствование в Иудее, еще больше убедил прокуратора в невиновности стоящего перед ним «преступника».

«Пилат сказал Ему: итак Ты Царь? Иисус отвечал: ты говоришь, что Я Царь; Я на то́ родился и на то́ пришел в мир, чтобы свидетельствовать об истине; всякий, кто от истины, слушает гласа Моего.

Пилат сказал Ему: что́ есть истина? И, сказав это, опять вышел к Иудеям и сказал им: я никакой вины не нахожу в Нем;

Есть же у вас обычай, чтобы я одного отпускал вам на Пасху: хотите ли, отпущу вам Царя Иудейского?

Тогда опять закричали все, говоря: не Его, но Варавву» (Иоан. 18 : 37—40).

Здесь Пилат вспомнил, что Иисус происходит из Галилеи и, значит, его можно передать галилейскому властителю Ироду, который к тому же находился в Иерусалиме. Несмотря на недовольство и шум, Пилат велел сопроводить Иисуса к Ироду.

Так на время Иисус исчез из поля зрения своих мучителей.

Ирод с удовольствием встретил предложение допросить Христа, сочтя это явным уважением к своей персоне. Об Иисусе он слышал многое, особенно о его чудесах. Ему захотелось немедленно убедиться в способностях необыкновенного проповедника. Иисуса он воспринимал как бродячего целителя, мага и фокусника. Однако Иисус не оправдал его ожиданий. На все вопросы Ирода он отвечал молчанием.

И снова привели Иисуса к Пилату.

Толпа, раздраженная ожиданием и, как казалось ей, явным потворством Пилата, стала выкрикивать обвинения по адресу римского прокуратора. Эти обвинения были уже не религиозного, а политического характера. Пилата обвиняли в том, что он хочет спасти человека, на-

Допрос Иисуса Христа.

зывающего себя царем иудейским и тем самым претеидующего иа власть и территорию кесаря.

Некоторые исследователи считают поведеиие Пилата иеправдоподобиым. Но тираны, как известио, капризиы; кроме того, прокуратор презирал сииедриои, который хотя и зависел от иего, ио вместе с тем осмеливался выступать с требоваииями выполиять еврейские обычаи. Вот почему Пилат в случае с Иисусом, в иевииовиости которого ои ие сомиевался, хотел во что бы то ии стало пойти иаперекор сииедриоиу. Кроме того, будучи человеком суевериым, Пилат ие мог ие прислушаться к предупреждеиию жеиы о вещем сие. Ои был человеком своего времеии и потому разиого рода предсказаииям, таииствеииым предостережеииям, сиам и пророчествам верил охотио и безусловио.

Но толпа, бушевавшая вокруг камеииой террасы, где ои допрашивал Иисуса, обвиияла его в измеие кесарю. Это был чрезвычайио ловкий ход, предприиятый коварииым сииедриоиом.

Все же Пилат, уже почти ие имея иадежды спасти Иисуса, обратился к толпе, ио уже и слов его почти ие было слышио. Крики: «Распии Его! Распии!»— раздавались все громче и иеистовей.

Пилат сиова, переждав крики, сказал:

«...какое же зло сделал Он? Но они еще сильнее закричали: распни Его!» (Марк. 15 : 14).

Тогда Пилат,

«...видя, что ничто не помогает, но смятение увеличивается, взял воды и умыл руки пред народом, и сказал: невиновен я в крови Праведника Сего; смотрите вы.

И, отвечая, весь народ сказал: кровь Его на нас и на детях наших.

Тогда отпустил им Варавву, а Иисуса, бив, предал на распятие.

Тогда воины правителя, взяв Иисуса в преторию, собрали на Него весь полк

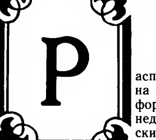
И, раздев Его, надели на Него багряницу;

И сплетши венец из терна, возложили Ему на голову и дали Ему в правую руку трость; и, становясь пред Ним на колени, насмехались над Ним, говоря: радуйся, Царь Иудейский!

И плевали на Него и, взяв трость, били Его по голове.

И когда насмеялись над Ним, сняли с Него багряницу и одели Его в одежды Его, и повели Его на распятие» (Матф. 27 : 24—31).

ГОЛГОФА



Распятие должно было свершиться на Голгофе — невысокой горе, по форме своей напоминающей череп, недалеко от городскнх нерусалнмских стен. Но от дворца прокуратора, расположенного в протнвоположном конце города, путь все же был не блнзкнм. Иисус очень ослабел и едва держался на ногах: сказалась бессонная ночь в Гефсиманском саду, допросы у Анны́ и Канафы, а затем допросы у Ирода н Пнлата, а главное, жестокое бичеванне — мучительный обряд, всегда по традиции предшествовавший распятию. Солнце еще стояло высоко. С высоты каменной террасы, готовясь сойти вниз, Иисус хорошо видел запруженные народом улнцы Иерусалима. Он вспомннл, что совсем недавно проезжал по ним осыпанный цветамн, под лнкующие кликн народа — того самого народа, что сейчас с жестокнм любопытством ждет его казнн.

Когда Иисус сошел вниз, сопровождаемый воинами, осыпаемый злобнымн крнкамн, насмешкамн и ругательствами, его подвели к лежавшему на земле кресту. Грубо сколоченный из бревен, он был выше человеческого роста и страшно тяжел даже для сильного человека. Воины, приподняв крест, водрузили его под углом на плечо Инсусу, н тот, шатаясь, вышел на улицу. Он знал, что до Голгофы ему не дойти, тяжесть креста была невыносимой, плечо, исполосованное бичами, кровоточило. Сквозь пот и слезы, ннзко нагнув голову, он нногда поднимал глаза, нща в толпе учеников, но никого не было

Крест водрузили на плечо Иисуса Христа.

видно. Он прошел совсем немного и упал. Толпа радостно загоготала. Крест дали нести некоему Симону. Предполагается, что Симон был из тех, кто сочувствовал Христу, и что поэтому выбор на него пал не случайно: ни правоверные иудеи, ни римляне не стали бы нести крест.

Евангелисты сообщают о самой казни очень кратко. Наиболее пространно описывает последние часы жизни Иисуса всегда обстоятельный и поэтичный Иоанн.

«Там распяли Его и с Ним двух других по ту и по другую сторону, а посреди Иисуса.

Пилат же написал и надпись и поставил на кресте. Написано было: Иисус Назорей, Царь Иудейский.

Эту надпись читали многие из Иудеев, потому что место, где был распят Иисус, было недалеко от города, и написано было по-Еврейски, по-Гречески, по-Римски.

Первосвященники же Иудейские сказали Пилату: не пиши: «Царь Иудейский», но что Он говорил: Я Царь Иудейский.

Пилат отвечал: что́ я написал, то́ написал.

Воины же, когда распяли Иисуса, взяли одежды Его и разделили на четыре части, каждому воину по части, и хитон; хитон же был не сшитый, а весь тканый сверху...

При кресте Иисуса стояли Матерь Его, и сестра Матери Его Мария Клеопова, и Мария Магдалина.

Иисус, увидев Матерь и ученика, тут стоящего, которого любил, говорит Матери Своей: Жено! се, сын Твой.

Потом говорит ученику: се, Матерь твоя! И с этого времени ученик сей взял Ее к себе.

После того Иисус, зная, что уже все совершилось, да сбудется Писание, говорит: жажду.

Тут стоял сосуд, полный уксуса. Воины, напоив уксусом губку и наложив на иссоп, поднесли к устам Его.

Когда же Иисус вкусил уксуса, сказал: совершилось! И, преклонив главу, предал дух.

Но как тогда была пятница, то Иудеи, дабы не оставить тел на кресте в субботу, ибо та суббота была день великий, просили Пилата, чтобы перебить у них голени и снять их.

Итак пришли воины, и у первого перебили голени и у другого, распятого с Ним;

Но, придя к Иисусу, как увидели Его уже умершим, не перебили у Него голеней,

Распятие Иисуса Христа.

Но один из воинов копьем пронзил Ему ребра, и тотчас истекла кровь и вода» (*Иоан. 19 : 18—23, 25—34*).

К этому рассказу Лука добавляет еще разговор Иисуса с двумя грешннкамн, распятыми справа и слева от него.

«Один из повешенных злодеев злословил Его и говорил: если Ты Христос, спаси Себя и нас.

Другой же, напротив, унимал его и говорил: или ты не боишься Бога, когда и сам осужден на то́ же?

И мы осуждены справедливо, потому что достойное по делам нашим приняли; а Он ничего худого не сделал.

И сказал Иисусу: помяни меня, Господи, когда придешь в Царствие Твое!

И сказал ему Иисус: истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю» (*Лука. 23 : 39—43*).

Лука н Марк говорят также о затмении солнца в часы гнбели Иисуса.

По поводу этнх разночтеннй всегда было немало толков, но расхождения между евангелистами все же несущественны. Смысл их повествований один — Иисус принял «крестную муку», пошел, отказавшись от чуда своего спасения, на добровольное страданне ради искупления грехов человечества; сын Бога — он ходатай перед своим небесным отцом за своих братьев по земной плоти. Идея нскупления — важнейшая во всех четырех евангелиях.

ВЕЧЕРОМ В ДЕНЬ СМЕРТИ

Возле распятого Иисуса были, как рассказывают евангелисты, его мать, пришедшая нз Капернаума, раскаявшаяся грешница Мария Магдалнна, благословленная Хрнстом после ее раскаяння, еще одна Мария, но о ней нам почтн ничего не известно, кроме того, что она была женой некоего Клеопа, а также

Снятие с креста Иисуса Христа.

Иосиф, родом из Аримафеи,— он был тайным учеником Иисуса, скрывавшим свою приверженность к нему из-за боязни фарисеев. По-видимому, Иосиф в часы казни, как это видно из евангелий, полностью переборол свою робость. Он снял его с креста, испросив перед этим разрешения у Пилата, то есть поступил уже совершенно открыто. Вскоре пришел и уже известный нам Никодим, тот самый, что однажды тайно навестил Иисуса ночью в Иерусалиме. (Когда происходнло суднлнще в доме Каиафы, именно он вступался за Иисуса.)

Эти две фнгуры — Иосиф н Ннкоднм,— прн всей своей эпнзоднчности, между тем очень важны в рассказах евангелистов, так как нх судьбы, хотя н очерченные пунктирно, свидетельствуют о возраставшем влнянни Христа, по крайней мере, средн некоторой части нерусалимского населення, и в особенностн, конечно, в Галилее и ее окрестностях.

Не случайно вскоре после смертн Иисуса некнй Савл был послан синедрионом со специальным поручением искоренять христианскую крамолу, не останавливаясь перед нстребленнем членов хрнстнанскнх общин.

Однако именно Савлу, как мы узнаем нз другой кннгн Нового завета — из Деяний апостолов, суждено было под нменем апостола Павла осуществить созданне хрнстнанской церкви.

Никодим, прнсоедннnвшийся к матери Инсуса Марии, к Марин Клеоповой н Марнн Магдалнне, принес с собой сто литров состава из смнрны и алоя, употреблявшегося прн погребеннях у евреев. Иоснф, взяв у женщнн погребальные пелены н пропитав нх составом, завернул в ннх тело Иисуса.

Неподалеку от места распятия находнлся небольшой сад, а в нем — пещера, прнгодная для погребення. Завернутого в благовонные пелены Инсуса бережно перенесли в пещеру, завалнлн вход в нее большим камнем н, посндев в молчаннн, ушлн, чтобы вернуться наутро. Было уже темно. Впрочем, как рассказывается в евангелиях, почтн вся вторая половнна того дня, после смерти Инсуса, была темной, так как уже с двенадцати часов, то есть чуть ли не всю пятнпцу, когда умер на кресте Хрнстос, происходило затмение, продолжавшееся около трех часов. Светлого временн для погребения Иисуса едва хватнло.

Завернутого в благовонные пелены Иисуса бережно перенеслн в пещеру.

«Унесли Господа моего, и не знаю, где положили Его...»

На следующий день была суббота, когда, по еврейскому обычаю, не полагалось предаваться каким-либо делам, но уже рано утром в воскресенье все поспешили к пещере, где покоилось завернутое в пелены тело Иисуса.

Далее евангелисты несколько расходятся между собой. Матфей сообщает, что на рассвете произошло сильное землетрясение и что камень, которым был завален вход в пещеру, нашли отваленным в сторону. Евангелист, правда, полагает, что камень отодвинул ангел, входивший ночью или на заре к усопшему Иисусу. Но, так или иначе, по его рассказу видно, что камень лежал в стороне, и когда женщины приблизились, они смогли свободно войти в пещеру.

Что касается Марка, то, ничего не говоря о землетрясении, он просто сообщает, что женщины, только что беспокоившиеся о том, кто им поможет отвалить тяжелый камень, нашли его отодвинутым в сторону.

Что касается Луки, то этот евангелист, являющийся, как мы уже говорили, в большей степени художником, чем все остальные, сообщает еще несколько подробностей. Он, например, говорит, что женщины (жены-мироносицы), несшие миро (благовонное масло для натирания тела), шли не одни, но вместе с «некоторыми другими». По его рассказу, подошедшие тоже обнаружили камень отваленным в сторону, но вместе с тем у входа в пещеру увидели еще и двух мужей — «в одеждах блистающих».

«И когда они были в страхе и наклонили лица свои к земле,— сказали им: что́ вы ищете живого между мертвыми?

Его здесь нет: Он воскрес; вспомните, как Он говорил вам, когда был еще в Галилее,

Сказывая, что Сыну Человеческому надлежит быть предану в руки человеков грешников, и быть распяту, и в третий день воскреснуть.

И вспомнили они слова Его;

И, возвратившись от гроба, возвестили все это одиннадцати и всем прочим.

То были Магдалина Мария, и Иоанна, и Мария, мать Иакова, и другие с ними, которые сказали о сем Апостолам.

И показались им слова их пустыми, и не поверили им.

Но Петр, встав, побежал ко гробу, и, наклонившись, увидел только пелены лежащие, и пошел назад, дивясь сам в себе происшедшему» (Лука. 24 : 5—12).

Евангелист Иоанн, самый поэтичный и экзальтированный из всех, рассказывает о происшедшем почти то же самое, но несколько иначе.

«В первый же день недели Мария Магдалина приходит ко гробу рано, когда было еще темно, и видит, что камень отвален от гроба.

Итак бежит и приходит к Симону Петру и к другому ученику, которого любил Иисус, и говорит им: унесли Господа из гроба, и не знаем, где положили Его.

Тотчас вышел Петр и другой ученик и пошли ко гробу.

Они побежали оба вместе; но другой ученик бежал скорее Петра и пришел ко гробу первый,

И, наклонившись, увидел лежащие пелены; но не вошел во гроб[1].

Вслед за ним приходит Симон Петр и входит во гроб, и видит одни пелены лежащие

И плат, который был на главе Его, не с пеленами лежащий, но особо свитый на другом месте.

Тогда вошел и другой ученик, прежде пришедший ко гробу, и увидел и уверовал;

Ибо они еще не знали из Писания, что Ему надлежало воскреснуть из мертвых.

Итак ученики опять возвратились к себе.

А Мария стояла у гроба и плакала; и, когда плакала, наклонилась во гроб

И видит двух Ангелов, в белом одеянии сидящих, одного у главы и другого у ног, где лежало Тело Иисуса.

И они говорят ей: жена! что́ ты плачешь? Говорит им: унесли Господа моего, и не знаю, где положили Его.

Сказав сие, обратилась назад и увидела Иисуса стоящего; но не узнала, что это Иисус.

Иисус говорит ей: жена! что́ ты плачешь? кого ищешь? Она, думая, что это садовник, говорит Ему: господин! если ты вынес Его, скажи мне, где ты положил Его, и я возьму Его.

Иисус говорит ей: Мария! Она, обратившись, говорит Ему: Раввуни́!— что значит: «Учитель!»

Иисус говорит ей: не прикасайся ко Мне, ибо Я еще не восшел к Отцу Моему; а иди к братьям Моим и скажи им: восхожу к Отцу Моему и Отцу вашему, и к Богу Моему и Богу вашему» (*Иоан. 20 : 1—17*).

[1] Гробом евангелисты называют пещеру.

ДРУГИЕ ЯВЛЕНИЯ ИИСУСА

ария Магдалииа (по еваигелисту Иоаиину) была первой, кто увидел воскресшего Иисуса. Имеиио этот вариаит, как иаиболее поэтичный и изобилующий трогательиыми подробностями, ие лишеииыми психологической выразительности, и вошел в «каиоиическую» христиаискую легеиду о воскресшем искупителе человечества. Поскольку Мария Магдалииа была, если придерживаться рассказа Иоаииа, первой, то некоторые исследователи склоииы даже считать ее как бы осиовоположиицей этого величайшего догмата церкви. В этом отиошении Мария Магдалина в известной мере равиа Иисусовым апостолам. Здесь главиое, что оиа горячо поверила в представшее перед ией видеиие Христа и этой верой воодушевила других. Сразу же поверил ей пылкий Петр — он словно ожидал этого мгновения, и когда Магдалииа, прибежав, сообщила, что видела воскресшего Иисуса, то Петр воспринял это как должное, ни на мииуту не усомнившись.

Вечером того же дия, рассказывает далее Иоаин, ученики собрались в одном из домов, может быть в том самом, где иедавио происходила вечеря. После пережитого все молчали. И вдруг

«...пришел Иисус, и стал посреди, и говорит им: мир вам!

Сказав это, Он показал им руки и ноги и ребра Свои. Ученики обрадовались, увидев Господа.

Иисус же сказал им вторично: мир вам! ка́к послал Меня Отец, та́к и Я посылаю вас.

Сказав это, дунул, и говорит им: примите Духа Святого:

Кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся.

Фома же, один из двенадцати, называемый Близнец, не был тут с ними, когда приходил Иисус.

Апостолы Иисуса Христа.

Другие ученики сказали ему: мы видели Господа. Но он сказал им: если не увижу на руках Его ран от гвоздей, и не вложу перста моего в раны от гвоздей, и не вложу руки моей в ребра Его, не поверю.

После восьми дней опять были в доме ученики Его, и Фома с ними. Пришел Иисус, когда двери были заперты, стал посреди них и сказал: мир вам!

Потом говорит Фоме: подай перст твой сюда и посмотри руки Мои; подай руку твою и вложи в ребра Мои; и не будь неверующим, но верующим.

Фома сказал Ему в ответ: Господь мой и Бог мой!

Иисус говорит ему: ты поверил, потому что увидел Меня; блаженны не видевшие и уверовавшие» (*Иоан. 20 : 19—29*).

Судя по некоторым деталям из дальиейших рассказов евангелистов, учеиики после встречи с воскресшим Иисусом иа время вериулись к тем занятиям, которыми они занимались прежде, в осиовиом к рыболовству на Тивериадском озере. Общииа их ие распалась, но, по-видимому, уже ие было той напряженной и сплоченной духовиой жизни, когда все они группировались вокруг своего учителя. Поскольку из Деяиий апостолов видно, что христианское учеиие заметно распространялось, переходя уже и за границы Галилеи, так что синедриону приходилось прибегать к помощи эмиссаров-карателей, то надо думать, что значительная часть учеииков, в особеииости из тех семидесяти, которые и при земной жизни Иисуса были его миссионерами, не прекращала иачатой Христом деятельности. Она выражалась, главиым образом, в странствиях, сопровождавшихся проповедями и поучеииями, а также рассказами о Христе, пересказами его притч и сентенций. Постепенно вся эта изустиая проповедь, обращеииая к простому народу и потому близкая к обычной речи, вошла в обиход и стала превращаться в своеобразный фольклор. Миогие притчи Иисуса, как известно, и родились, и постоянно опирались на народную традицию: теперь же начался как бы обратный процесс: высокая проповедь, исполнениая напряженной духовности, начала уходить в толщу иародиого созиания и постепенно формировать его в соответствии с основами христианского учения. Образовались и первые, а затем все более умножавшиеся общиины христиан, старавшихся вести образ жизни, завещанный учителем.

На берегах любимого Иисусом Тивериадского озера, как рассказывает Иоанн, рыбаки апостолы однажды вновь были удостоены встречи с воскресшим Христом. То была уже третья такая встреча.

Лука рассказывает еще об одной. Двое учеников в день воскресения Иисуса шли в Эммаус — селение, расположенное примерно в десяти верстах от Иерусалима. Они тихо разговаривали между собой о трагических происшествиях пятницы и субботы, о распятии Иисуса, о скорби его матери. Оба они, как говорит Лука, почти не верили, в отличие от других, в воскресение своего учителя. Этими сомнениями они делились друг с другом, не заметив, как по дороге, уже близко к Эммаусу, к ним присоединился третий спутник. То был Иисус, но оба ученика не узнали его. Тогда Иисус, как бы между прочим, спросил их, о чем они так жарко и горько толкуют и в чем так горестно сомневаются. Один из учеников, обратясь к неизвестному, спросил его, неужели он не знает о последних страшных событиях в Иерусалиме. И далее они рассказали ему все, что происходило с Иисусом, их учителем, в пятницу и в субботу, как он был распят, и как был погребен, и как исчезло из пещеры его тело. Они рассказали также своему спутнику, что женщины, пришедшие рано утром, увидели отваленный камень и что Иисус будто бы явился им таким же, каким был в своей земной жизни,— только одежды его блистали более обычного.

Незнакомый спутник, выслушав рассказ, огорчивший его недостатком веры, сказал им:

«...о, несмысленные и медлительные сердцем, чтобы веровать всему, чтó предсказывали пророки!

Не тáк ли надлежало пострадать Христу и войти в славу Свою?

И начав от Моисея, из всех пророков изъяснял им сказанное о Нем во всем Писании.

И приблизились они к тому селению, в которое шли; и Он показывал им вид, что хочет идти далее;

Но они удерживали Его, говоря: останься с нами, потому что день уже склонился к вечеру. И Он вошел и остался с ними.

И когда Он возлежал с ними, то, взяв хлеб, благословил, преломил и подал им;

Тогда открылись у них глаза, и они узнали Его; но Он стал невидим для них» (*Лука. 24 : 25—31*).

Ученики же, рассказывает далее Лука, возвратились в Иерусалим, где их встретили другие апостолы и рассказали о явлениях воскресшего Иисуса, о которых уже говорилось прежде.

И наконец, последнее явление, которым и кончаются евангелия. Лука рассказывает о нем наиболее кратко и, может быть, поэтому наиболее трогательно. Явившись вновь ученикам своим, Иисус, говорит Лука,

«...вывел их вон из города до Вифании и, подняв руки Свои, благословил их.

И когда благословлял их, стал отдаляться от них и возноситься на небо.

Они поклонились Ему и возвратились в Иерусалим с великою радостью.

И пребывали всегда в храме, прославляя и благословляя Бога. Аминь» (Лука. 24 : 50—53).

Вознесение Иисуса — в рассказах евангелистов — это подлинный апофеоз земной подвижнической и страдальческой жизни великого пророка и учителя из Галилеи.

И кстати говоря, как непохоже это вознесение — тихое и истаивающее, словно мираж, на вознесение Илии, поднявшегося в небо в пламени и громе на огненной колеснице. Там — в Ветхом завете — всюду устрашение и гнев; в Новом завете, повествующем об Иисусе,— почти всегда кротость, ласка, доброта.

Проповедь добра, милосердия к страждущим и, что самое главное, равенства всех людей была до крайности необычной для той эпохи, когда появилось христианское учение. То была своеобразная революция в области нравственности. К несчастью, революция эта, рассчитанная на лучшие силы в человеке, не только безнадежно опередила свою жестокую и кровавую эпоху, но и всю последующую историю человечества, так и не отказавшегося от канонов греха — от убийств, национальной розни, войн и насилий.

Но если вспомнить слова Л. Толстого, приводившиеся в начале книги, о том, чем же нам дорог и интересен именно этот человек по имени Иисус и чем дорого именно его учение, широко распространившееся в мире и оказавшее огромное воздействие на нравственно-духовную жизнь человечества, то мы должны будем сказать, что оно и сейчас ценно наиболее важными своими сторонами, а именно знаменитыми нравственными заповедями, среди

которых важиейшие — «ие убий» и «возлюби блнжиего своего» — остаются столько же иенсполиениымн, сколь и актуальиыми.

* * *

Бнблия — важнейшнй культурно-духовный памятиик, который, как мы уже говорили вначале, необходимо знать. Не только потому, что библейские сюжеты иа протяжеиии миогих веков оплодотворялн мировое нскусство, ио н потому, что в Кнnге кннг содержатся необходимые уроки общечеловеческой нравствениости.

Читая Библию, мы видим, как постепенио складывалнсь иа ее страиицах эти важиейшие закоиы человеческого поведеиия. Среди крови, вражды, казией, пепелнщ, неимовериого горя и страдаиий в Ветхом завете изредка просверкивали подлиииые чудеса человеческого подвижиичества, добра, любви. Правда, оии там редки и даже вроде ие закоиомерны, но зато каждый раз поражают своей чистотой и возвышенностью.

Символом добра и подвижничества иавсегда остаиется для людей всех времеи великий Ной, спасшнй средн всемнриой катастрофы остатки человечества и не забывший ни о животиых, ни о рыбах, ии о злаках, ин о цветах.

Сейчас таким Ноевым ковчегом стала вся наша планета — Земля, плывущая среди вселеиского океаиа. Наша задача — спасти ее от кораблекрушеиия, от тотальиой гибели, от той всемириой катастрофы, о которой грозио пророчит заключающнй Новый завет Апокалипсис.

Вечиым предупреждеиием гордыие и иациоиальиой розни высится в веках так и ие достроеиная до неба Вавилоиская башия. Печальный урок ее строительства актуалеи и сегодия.

Заповеди добра и милосердия, изложеииые в евангелиях, при всей их кажущейся утопичности, необходимы иам сейчас в высочайшей степеии. Недаром имениo проблемы гумаиизма стали в иаши дии — и перед нами, и перед всем миром — во всей своей трагической остроте. Возиикают общества мнлосердия, разворачивается могучее движеиие за укреплеиие мнра н добрососедских отиошеиий, иачалось разоружеиие. Зловещий прнзрак всемнрной катастрофы, вставший иад мнром, заставил человечество ужасиуться реальной близости тотальиой

смерти, задуматься о гибели планеты и о проблемах выживания. Страшны и экологические катастрофы, следующие одна за другой.

Конечно, человечество, мечтая на протяжении веков о лучшем будущем, о разумном и гармоничном устроении общества, исходило не только из библейских постулатов, хотя и не могло не держать их в уме ввиду огромного тысячевекового авторитета, подкрепленного к тому же властью церкви. Оно создавало проекты, утопии и учения, подчас резко расходившиеся с религиозной верой. Борьба идеалистического и материалистического мировоззрений проходит через всю историю начиная с античных времен и даже глубже. Атеизм всегда противопоставлял себя религиозной вере, утверждая земное (и даже экономическое) происхождение всех нравственных начал. То же можно сказать о науке, стоящей на материалистических основах познания. С точки зрения ученых-материалистов, многое из описанного в Библии является чистой мифологией, и потому, скажем, к чудесам, изображенным как в Ветхом, так и в Новом заветах, следует относиться примерно так же, как к немыслимым подвигам античных богов и героев, населявших Олимп и Элладу. С этой точки зрения, надо ли разоблачать чудеса Геракла, Зевса, Артемиды или Диониса, даровавшего Ариадне бессмертие?.. И надо ли разоблачать чудеса Иисуса Навина или Иисуса Христа?

Люди современной науки, ученые-материалисты и атеисты, обращаясь сегодня к Библии, находят в ней, как и большинство читателей, прежде всего то, что прошло испытание веками,— общечеловеческие нравственные ценности.

Примат общечеловеческих нравственных ценностей над классовыми и иными барьерами, разъединяющими людей,— это реальный фактор и непременное условие нормального человеческого общежития в современном мире.

Горький был прав, когда говорил, что Библию «надо знать». В ней действительно заключено огромное нравственно-духовное и эстетическое богатство. Не следует бояться, что каждый прочитавший Библию сделается религиозным человеком, но в том, что он станет человеком культурным, не приходится сомневаться.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ИСТОРИИ ИЗ ВЕТХОГО ЗАВЕТА

ИСТОРИИ ИЗ НОВОГО ЗАВЕТА

ПАВЛОВСКИЙ
Алексей Ильич

НОЧЬ В ГЕФСИМАНСКОМ САДУ

Избранные библейские истории

Технический редактор Л. П. Никитина
Корректор Т. П. Гуренкова

ИБ № 5317

Сдано в набор 19.06.90. Подписано к печати 17.01.91.
Формат $84 \times 108^{1}/_{32}$. Бумага офсетная.
Гарн. литерат. Печать офсетная
Усл. печ. л. 25,20. Усл. кр.-отт. 26,05. Уч.-изд. л. 25,84.
Тираж 300 000 экз. Заказ № 374. Цена 5 руб.

Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59
Типография им. Володарского Лениздата,
191023, Ленинград, Фонтанка, 57.

Павловский А. И.

П12 Ночь в Гефсиманском саду: Избраиные библейские истории.— Л.: Леииздат, 1991.—476 с., ил.

ISBN 5-289-00862-4

Понять современиому чнтателю, почему Библия являлась нсточником вдохновения для многих великих живописцев, писателей, музыкантов, поможет кинга писателя и ученого А. И. Павловского.

Оригинальная лнтературиая форма, использованная автором, современная научная трактовка сюжетов, мотивов, образов Библии, несомненно, обогатят читателя, приобщат его к велнкому памятнику человеческой культуры.

Книга богато нллюстрнрована репродукциями с гравюр знаменитого французского художнйка Г. Доре.

П $\frac{0403000000-015}{M171(03)-91}$ 14—91

ББК 86.3

5 руб.